

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации  
Санкт-Петербургский государственный университет  
Дагестанский гуманитарный институт



Санкт-Петербургский  
государственный  
университет



2004–2019  
Дагестанский гуманитарный институт



1818–2018  
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ  
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

# КАЗЕМБЕКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

КАЗЕМБЕКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ



Материалы Международной  
научно-образовательной конференции  
г. Махачкала, 26–27 февраля 2019 г.



Министерство науки и высшего образования Российской Федерации  
Санкт-Петербургский государственный университет  
Дагестанский гуманитарный институт

---



Санкт-Петербургский  
государственный  
университет



2004–2019  
Дагестанский гуманитарный институт



1818-2018  
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ  
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК



## Казембековские чтения

*Материалы Международной  
научно-образовательной конференции  
г. Махачкала, 26–27 февраля 2019 г.*

**Махачкала 2019**

**Международная научно-образовательная конференция**  
**«КАЗЕМБЕКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**  
*26-27 февраля 2019 г.*

---

УДК 297  
ББК 86.38  
Т 337

Конференция проведена в рамках реализации плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2017-2020 годах, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации

Ответственный редактор: *А.М. Абдулатипова*  
Редакторы: *С. С. Никифорова, М. П. Крыжановская*

Научный рецензент: заведующий кафедрой иранской и тюркской филологии, Дагестанского государственного университета, д-р филол. наук, профессор *Кадыров Р.С.*

Т 337

Казембековские чтения: материалы Междунар. науч.-образ. конф. Махачкала, 26–27 февраля 2019 г. / отв. ред. А.М. Абдулатипова; ДГИ; СПбГУ. – Махачкала: Дагест. гуманитар. ин-т, 2019.

**ISBN 978-5-6042638-1-5**

В сборнике представлены материалы Международной научно-образовательной конференции «Казембековские чтения», прошедшей 26–27 февраля 2019 г. в г. Махачкале. Основные организаторы конференции: Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Дагестанский гуманитарный институт (ДГИ), Институт востоковедения РАН

При организации и проведении мероприятия использовались средства бюджетного учреждения по результатам открытого аукциона в электронной форме № ОАЭ/44/469/18 «Оказание услуг по организации и проведению всероссийской научно-образовательной конференции «Теологическое образование: проблемы и перспективы развития»» от 26 ноября 2018 г.

Авторами статей являются богословы, педагоги, психологи и религиозные деятели, ученые и практики. Данное издание будет полезно теологам, психологам, педагогам, студентам и аспирантам, руководителям образовательных учреждений различных типов, всем тем, кто реализует теологическое направление образования и тем, кто неравнодушен к проблемам духовно-нравственного развития современного общества. Все статьи изданы в авторской редакции.

УДК 297

**ISBN 978-5-6042638-1-5**

© Коллектив авторов, 2019  
© СПбГУ, 2019  
© ДГИ, 2019

Международная научно-образовательная конференция  
«КАЗЕМБЕКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»  
26-27 февраля 2019 г.

---

**ОРГАНИЗАТОРЫ:**



Дагестанский  
гуманитарный  
институт



Санкт-Петербургский  
государственный универси-  
тет



Институт востоковедения  
РАН

**ПРИ ПОДДЕРЖКЕ:**



Муфтият Республики  
Дагестан



МИНИСТЕРСТВО НАУКИ  
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ



**ФАДН РОССИИ**  
Федеральное агентство  
по делам национальностей

Международная научно-образовательная конференция  
«КАЗЕМБЕКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»  
26-27 февраля 2019 г.

---

**ПАРТНЕРЫ КОНФЕРЕНЦИИ:**



**Дагестанский  
государственный  
университет**



**Министерство  
по национальной  
политике и делам  
религий РД**



**Дагестанский науч-  
ный центр Россий-  
ской академии наук**



**Институт  
востоковедения  
им. З. М. Бунятова**

## Открытие конференции и приветствия

Уважаемые участники и гости нашей сегодняшней международной конференции «Казембековские чтения», дорогие друзья!

От лица организаторов и от себя лично приветствую всех участников и гостей на гостеприимной дагестанской земле!

Тот факт, что на наше приглашение откликнулись видные ученые и общественные деятели со всех уголков нашей России (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Крым, Нижний Новгород), и с государств Ближнего и Дальнего Зарубежья (Республика Азербайджан, Турецкая Республика, Республика Йемен, Республика Узбекистан, Великобритания) говорит о том, что личность патриарха отечественного востоковедения Мирзы (Александра) Казем-Бека и научное наследие, оставшееся после него имеют непреходящую ценность и актуальность сегодня.

М. Казем-Бек впервые в истории высшего образования в России научно и теоретически обосновал профиль, основные качества и черты специалиста - востоковеда. Он был страстным поборником изучения языков, призывал преподавателей и студентов глубже изучать народы мира.

Организаторами Конференции являются Дагестанский гуманитарный институт, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт востоковедения Российской академии наук при поддержке Федерального агентства по делам национальностей, Муфтията Республики Дагестан.

Партнеры Конференции – Министерство образования и науки Российской Федерации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Дагестанский государственный университет, Дагестанский научный центр РАН.

Проведение конференции осуществляется в рамках реализации Плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углублённым знанием истории и культуры ислама в 2017–2020 годах.

Сегодня на площадках нашей конференции предстоит обсудить вопросы:

- Рассмотрение наследия Мирзы Казем-Бека в свете современного интереса к Востоку и роли востоковедения и классического исламоведения в системе науки и высшего образования.

**Международная научно-образовательная конференция**  
**«КАЗЕМБЕКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**  
*26-27 февраля 2019 г.*

---

- Феномен М. Казем-Бека – восточная, мусульманская образованность в соединении с традициями русской и западноевропейской науки.

- Коллекции М. Казем-Бека в рукописных фондах ведущих университетов и научных центров мира. Изучение рукописных памятников и архивных первоисточников в системе современного исламского и исламоведческого образования.

- «Единственный путь к сокровищницам знаний, сокрытых в лабиринте невежества»: практическое значение прогрессивных идей М. Казем-Бека в изучении восточных языков для современного обучения исламским дисциплинам.

- Идеи М. Казем-Бека и современный взгляд на взаимодействие различных народов, культур и религий, объединенных государственным единством».

- Арабо-мусульманский Восток и тюркский мир в трудах современных историков, филологов, философов, культурологов, источниковедов: традиции и инновации.

- Нумизматическая деятельность М. Казем-Бека и восточная нумизматика в современном образовательном процессе.

Бесспорно, что сегодняшний диалог научной интеллигенции, общественности и работников образования позволит определить ближайшие ориентиры развития современного востоковедения, перспективы на будущее.

Удачной и плодотворной работы, друзья!

**П.А. Магомедова,**  
*ректор Дагестанского гуманитарного института,*  
*доктор филологических наук, профессор*

Ассаламу алейкум, уважаемые участники Международной конференции «Казембековские чтения»!

Искренне рад тому, что в Дагестане, в Махачкале проходит такой серьезный научный форум, объединивший ученых-востоковедов из разных городов России, Ближнего и Дальнего зарубежья.

Очень важен позитивный консолидированный диалог ученых и практиков: лингвистов, философов, историков, культурологов востоковедческой направленности, обсуждение традиций изучения истории

и языков восточных народов, заложенные еще Мирзой Казем-Бекком и современный взгляд на взаимодействие различных культур и религий.

В работе «Мюридизм и Шамиль» Казем-Бек обращаясь к личности Шамиля с большим чувством симпатии говорит: «Шамиль очень интересный и выдающийся человек, он в одно и то же время был великим вождем, героем и имамом. Он был очень сведущим в вопросах мусульманских законов и традиций, так же как и во всех отраслях арабских наук. Он был спокойным и солидным, торжественным и величественным и в тоже время он был прост и полон доброты». Положительная оценка мюридизма как закономерного явления в исламе. Объективный взгляд на различные исторические явления, факты, личности – вот чему должны следовать современные ученые, основываясь на достоверных аргументах.

Уверен, что состоится плодотворный позитивный диалог ученых, желаю удачной работы!

**Ахмад Афанди Абдулаев,**  
*муфтий Республики Дагестан*

Добрый день, дорогие друзья!

От имени руководства СПбГУ и от себя лично, приветствую всех участников, организаторов и гостей международной научно-образовательной конференции "Казбековские чтения", которая в эти дни проводится в ДГИ.

Как известно, религия Ислам внесла неоценимый вклад в духовное и культурное развитие нашего народа и во многом сформировала облик современной России. Представители мусульманской религии оказали огромное влияние на российскую культуру и историю. Во многом и в связи с этим по инициативе Президента России была принята государственная программа "Организация государственной и национальной политики", которая предполагает большой объем работы до 2025 года. Являясь участником этой программы, Санкт-Петербургский университет вместе с ВУЗами-партнерами, одним из которых является Дагестанский гуманитарный институт, проводит большую работу по обеспечению и подготовке специалистов с углубленным знанием истории и культуры Ислама. И конференции являются одними из мероприятий в ходе этой работы.

Для нас отрадно, что Дагестанский гуманитарный институт является не только активным участником этой программы (ред. – Программа по подготовке специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама), но и по праву стал одной из ведущих школ по подготовке высококвалифицированных кадров в области исламоведения и исламской теологии на Северном Кавказе. Инновационный характер обучения, который присущ для Дагестанского гуманитарного института, обеспечивает высокое качество подготовки таких кадров.

Санкт-Петербургский университет уже второй год вместе с Дагестанским гуманитарным институтом проводит серию мероприятий, в том числе научно-образовательных, одним из которых является сегодняшняя конференция. Желаю всем участникам активной работы, а руководству и коллективу института благополучия и успехов!

**М. Ю. Лаврикова,**  
*первый проректор по учебной и методической работе*  
*Санкт-Петербургского государственного университета*

Уважаемые коллеги, друзья! Салам алейкум!

Я от лица руководства Дагестанского государственного университета хотел бы пожелать успешной работы этому научно-образовательному форуму. Вы знаете, очень важно сегодня в настоящих условиях проводить именно мероприятие такого уровня и такого формата как "Казбековские чтения". Это не только возвращение к истокам формирования востоковедной науки России, но и поддержка развитию этих направлений по всей стране.

Здесь было очень приятно слушать и представителей Санкт-Петербургского университета, где первый восточный факультет был сформирован, Казанского университета, где были заложены истоки деятельности Казем-Бека, но и я хотел бы сказать, что в Дагестанском государственном университете впервые на Северном Кавказе был открыт факультет востоковедения, в формировании факультета востоковедения огромную помощь нам оказывал и Московский госуниверситет (Институт стран Азии и Африки) и СПбГУ, где сегодня успешно работает целая плеяда специалистов-востоковедов, хорошо подготовленных во главе с Пиотровским. Конечно, мы, я думаю, должны очень

**Международная научно-образовательная конференция**  
**«КАЗЕМБЕКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**  
*26-27 февраля 2019 г.*

---

тесно сотрудничать и с Дагестанским гуманитарным институтом, который я считаю будучи молодым достаточно вузом Республики Дагестан, тем не менее делает очень важные шаги в консолидации научной и образовательной общественности по изучению и по возвращению в Дагестан, на Северный Кавказ, именно основ изучения восточных рукописей и восточной культуры, исламской культуры. Сегодня очень важно именно идти в науке и образовании, консолидируя наше дагестанское общество. Это тоже большой плюс сегодняшнего мероприятия.

Поэтому я с большим удовольствием решил лично принять участие в этом мероприятии. Ещё раз приветствую всех участников. Желаю успешной работы данному форуму. Спасибо большое.

**М.М. Гасанов,**  
*проректор по учебной работе Дагестанского государственного университета, доктор исторических наук, профессор*

Уважаемы организаторы и участники международных «Казембековских чтений»! От имени Духовного управления мусульман Российской Федерации, Совета муфтиев России и себя лично сердечно приветствую вас братскими пожеланиями мира, милости Всевышнего и Его благословения! Молитвенно желаю вашей научно-образовательной конференции содержательного научного обмена, плодотворной работы.

Мирза Александр Казем-Бек - личность неординарная, столь же одаренная, сколь и противоречивая. Бесспорно, однако, что он был настоящим подвижником науки, благодаря которому востоковедение, тюркология, исламоведение в России сделали гигантский шаг вперед, к более глубокому, объективному, полному пониманию исламского мира, в том числе и российского мусульманства. В его судьбе соединены Дербент, Казань, Санкт-Петербург, а сама линия жизни Мирзы Александра Казем-Бека повторяет линии развития российского востоковедения, пересекаясь с судьбами крупнейших мусульманских богословов и мыслителей своего времени, в числе которых Шихабутдин Марджани и Хусаин Фаизхан.

Сегодня, когда взаимопольное сотрудничество между мусульманскими теологами и академическими исламооведами весьма активно

**Международная научно-образовательная конференция**  
**«КАЗЕМБЕКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**  
*26-27 февраля 2019 г.*

---

развивается, принципы и подходы взаимодействия с мусульманским духовенством, заложенные еще Казем-Бекем и ставшие отличительной чертой российского академического востоковедения, востребованы и нуждаются в изучении.

Желаю участникам конференции новых научных достижений, здоровья и благополучия!

**Муфтий шейх Равиль Гайнутдин,**  
*Председатель Духовного управления мусульман*  
*Российской Федерации,*  
*Председатель Совета муфтиев России,*  
*Член Совета по взаимодействию с религиозными объединениями*  
*при президенте Российской Федерации,*  
*член Президиума и Сопредседатель Межрелигиозного совета России*

От имени Духовного собрания мусульман России и себя лично сердечно приветствую участников и организаторов международной научно-образовательной конференции «Казембековские чтения», выражаю всем свое искреннее уважение и глубокое почтение, желаю Вам и Вашим близким мира, благоденствия и милости Всевышнего.

Примите самые искренние слова благодарности за приглашение посетить столь важную и значимую конференцию, проведение которой повышает интерес к изучению наследия выдающегося ученого-востоковеда и исламоведа Мирзы Казем-Бека. Идеи его и по сей день являются актуальными для нашего общества, особенно в области межнационального и межрелигиозного диалога.

Отрадно, что «Казембековские чтения» стали хорошей традицией и обретают особую актуальность для представителей всех традиционных религий, ибо все мы объединены одной благой целью : привить молодежи правильные духовно – нравственные ориентиры.

Во многом именно от молодежи зависит вектор духовно-нравственного развития наших народов. Здесь собралась активная, открытая, готовая к большим свершениям публика, которая желает идти в ногу со временем и при этом считают необходимым для себя внести личный вклад в сохранение нашего исторического, культурного, духовного наследия, морально – нравственных ценностей, которые лежат в основе всех традиционных религий нашей Родины.

Убежден, что нынешняя конференция станет свидетельством готовности всех участников к созидательному взаимодействию и послужит эффективному диалогу и работе в деле укрепления общих для всех нас нравственных ценностей.

Всем организаторам и участникам международной конференции желаю успешной и плодотворной работы и новых достижений на благо народов Российской Федерации!

**Альбир Крганов,**  
*муфтий Духовного собрания мусульман России,  
член Общественной палаты Российской Федерации*

С именем Аллагья милостивого и милосердного. Именем Всевышнего Аллагья, который милостив для всего сотворенного на Земле. Всевышний Аллагь, который сотворил человека, научил его изъясняться.

Приветствие и благословение Всевышнего Аллагья господину Пророку Мухаммаду (мир ему и благословение), его семье и всем его сподвижникам. У меня для вас два послания:

1. Послание для братьев-мусульман, чтобы они больше совершенствовались, работая над собой, понимали сути мироздания.
2. Это послание для моих братьев, не являющихся мусульманами для познания.

Дорогие братья и сестры!

Человеку нет цены без знаний! Еще раз хочу прочесть для вас эти аяты красивым образом.

Всевышний Аллагь, наш Господь начал эти священные аяты в начале объясняя, что Всевышний милостив, так как обучил людей науке, научил их разъясняться, предпочтение отдал сначала этому, а далее говорит: «Я его сотворил...». И здесь мы под текстом понимаем, что человеку нет цены без знаний, без науки, без разъяснений и на это указывается именно в этом аяте. В Коране особое место и особый смысл имеют предпочтения или перенос слов или же предпочтение каким-то словам, предложениям в священном Коране.

Слово «знание, наука» в Коране приводится более 484 раза. И достаточно это, чтобы своей целью мусульманин взял науку и стремление к знаниям и даже не только мусульманин, для любого человека, так как Всевышний Аллагь в Коране говорит, что сотворил человека и наделил его знаниями, и они должны стать для него самыми главными

в его жизни. Если поразмышлять о том, что же говорит Коран о понимании, если открыть дверь к знаниям и познаниям, то, что мы там найдем?! И что мы найдем если будем говорить о том, к чему призывает Коран нас, чтобы мы путешествовали и размышляли обо всем, что есть на этом свете.

Сегодня данное высокое мероприятие посвящено ученому восточных языков, специалисту по истории и культуре Востока, в честь кого мы здесь собрались – Мирзе Мухаммеду Казем-Беку. За какие заслуги потомки помнят и чтят его через два столетия? Он ученый, человек, посвятивший свою жизнь науке и знаниям, познанию новых неизведанных областей востоковедческой науки. Этим он принес много пользы своему обществу, этим он прославился.

Ислам нас призывает, чтобы мы были в поиске, размышляли и проникали сквозь небеса и земли, чтобы мы углублялись в пучину морей и глубь земель. Ученые отдают свои жизни работе над собой, приобретению знаний, постоянному самосовершенствованию. Это приветствуется и в исламе.

Мы всегда говорим, что наша религия Ислам, что наша религия любви, религия справедливости, религия красивых нравов, но мы все же этого тоже не сможем достичь, кроме как каждодневными занятиями и через науку. И наоборот, без науки и знаний все будет регрессировать. Мы сейчас находимся в минбаре (кладезь, храм) знаний, это как минбар для намаза. И я призываю вас, чтобы вы еще больше уделяли внимание знаниям, науке, этому минбару знаний, чтобы ваша жизнь была счастливой и благополучной. Всего вам хорошего!

**Аз-Забажий Ибрагим Ахмад**  
*корановед, специалист по шариатским наукам (Йемен)*

Добрый день, уважаемые друзья! Приветствуем Вас, на нашей дагестанской земле, давшей миру Мирзу Казем-Бека.

Хочу выразить слова благодарности организаторам и участникам Международной научно-образовательной конференции «Казембековские чтения», которым не безразлично имя величайшего ученого востоковеда, не заслуживающего забвенья.

Наша семья ныне живущая в Дербенте, гордится, что является потомками Мухаммеда Али Мирзы Казем-Бека. Моя прабабушка Казембекова Зумрут – дочь Шахмардан Бека, брата Мухаммеда Али Мирзы Али Казем-Бека.

Мне не довелось ее увидеть, но хочу рассказать, что слышала от ее старшей сестры Кафья ханум Казембековой, которая дожила до 1975 года и умерла в возрасте 100 лет. Она собирала нас, детей, вокруг себя и рассказывала:

У них была Царская грамота о неприкосновенности Беков их семьи, которая по известным причинам скрывалась тогда, а потом, к сожалению, пропала; у них был свой герб, что она внучка семьи Беков, что отец забрал ее ребенком на пароходе из Астрахани в Казань, к Мирзе Казем-Беку. И мы с детства знаем своего знаменитого предка.

Моя мама, Алиева – Гусейнова хафиза Мирза Али Ахмедовна, его родственница по линии двоюродных сестер, она долгие годы (с 1971 года) переписывалась с внучкой Казем-Бека, Щетининой Марьей Николаевной и ее дочерью Людмилой, гостила во Львове у Александра, сына Щетининой М.Н., позже уехавшего в США, к сожалению, переписка не сохранилась, только фото Людмилы и двух братьев Николая и Михаила Щетининых. Моя мама, по лично ею собранным материалам составила нашу родословную, чтобы мы могли знать, передавать своим потомкам и гордиться своим предком.

От своего имени, от имени своей семьи лично и от имени своей мамы, хочу сказать большое спасибо за предоставленное слово, за приглашение на эту конференцию.

Большое спасибо за внимание!

**Н.А. Аскерова,**  
*потомок Мирзы Казем-Бека (Дербент)*

Уважаемые участники Казембековских чтений!

Сегодня Махачкала принимает представителей научной интеллигенции, приехавших в столицу Дагестана из многих городов России, городов зарубежья, чтобы отдать дань уважения творчеству одного из выдающихся ученых России Александру Мирзе Казембеку, оставившему глубокий след в сфере науки образования культуры своей эпохи. С именем Казембека связана основа российского академического востоковедения, научные труды, научно-организационная и преподавательская деятельность выдвинули его в число ученых, обеспечивших отечественному востоковедению мировую славу.

Нам, представителям науки в Дагестане, отрадно сознавать, что в сферу интересов Казембека входила письменная культура раннесредневекового Дагестана. Он впервые историографии осуществил строго академического издание (тюркские тексты, перевод на английский язык научные текстовые и исторические комментарии) дагестанской исторической хроники Дербент-наме. Издание получила престижную Демидовскую премию. Он впервые издал арабский текст другой дагестанской исторической хроники «Тарих Дагестан» о событиях в регионе X-XIV вв. Тема «Мюридизм и Шамиль» была посвящена специальная монография ученого.

Я хочу приветствовать участников первых Казембековских чтений. Надеюсь, что Казембековские чтения будут перманентными, продолжающимися. Они станут площадкой постоянного общения участников конференции, обмена опытом работы над совместными проектами. К сожалению состояние здоровья не позволяет мне принять участие в чтениях. Всем вам желаю здоровья, мира и благополучия, успешной работы в пределах этих и будущих чтений.

Выпускники восточного факультета (1951г), первым руководителем которого был Казембек (середина XIX в.)

**А.Р. Шихсаидов,**  
*Главный научный сотрудник ИИАЭ ДНЦ РАН,  
заслуженный деятель науки РФ и РД,  
доктор исторических наук, профессор*

Добрый день, уважаемые участники конференции, посвященной  
Александру Казем-Беку!

К моему большому сожалению, мне не удалось приехать и быть сегодня с вами. Но я бы хотела воспользоваться случаем и поприветствовать, и искренне поздравить организаторов такой потрясающей идеи – Дагестанский гуманитарный институт и Санкт-Петербургский государственный университет. Я вас приветствую из Кембриджа, где я являюсь директором центра иранистики. На сегодняшний день этот Центр представляет собой ведущее востоковедческое учреждение не только Кембриджа, но и во всей Англии.

Темой Казем-Бека и его творчества я занималась сама довольно долго и довольно плотно, в основном в связи с историей сложения кол-

**Международная научно-образовательная конференция**  
**«КАЗЕМБЕКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**  
*26-27 февраля 2019 г.*

---

лекции персидских рукописей на восточном факультете Санкт-Петербургского государственного университета, первым деканом, которого как вы все знаете был Александр Казем-Бек. Как известно, факультет восточных языков был создан благодаря его инициативе. Мой интерес связан с личностью этого ученого в самых разных аспектах, начиная с его рукописной коллекции, часть которой оказалась в Петербурге, где я преподавала довольно долго.

На конференции в Санкт-Петербурге, посвященной 100-летию моего учителя академика М.Н. Боголюбова в ноябре прошлого года, я делала доклад с акцентом на его членстве в Королевском Азиатском Обществе, где я теперь состою в Совете попечителей и в Научном совете.

Мне кажется, было бы хорошо установить связи между нашим Обществом и всеми, кто занимается личностью и наследием Казембека в современном мире. Может быть, провести отдельную конференцию или круглый стол.

Я очень хотела приехать к вам и обсудить планы возможного сотрудничества, тем более, что я никогда не была в Дагестане, хотя среди моих одноклассников по университету была Патимат Алибекова, которая вернулась в Дагестан и продолжает достойно представлять востоковедение в ДНЦ РАН.

Большое спасибо и ещё раз выражаю свое сожаление, что я не могу быть сегодня с вами. До свидания!

**Мелвилл Фируза,**  
*директор Центра иранистики Кембриджского университета*  
*(Англия)*

## ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

### МЮРИДИЗМ И ГАЗАВАТ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ МИРЗЫ КАЗЕМБЕКА И ИМАМА ШАМИЛЯ

**В.Х. Акаев**

*Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, г. Грозный, Чеченская Республика;  
Грозненский государственный нефтяной технический университет  
им. М.Д. Миллионщикова, г. Грозный, Чеченская Республика*

**Аннотация.** История общественной, религиозно-политической мысли XIX века отражена в идеях, которые высказывали Мирза Казембек и Шамиль, которые по-разному интерпретировали освободительное движение кавказских горцев, направленное против завоевательной политики царизма. Ими выявлены разные истоки возникновения мюридизма на Востоке и на Кавказе, установлены его структурные компоненты, рассмотрены две его ветви, сопряженные с политическими процессами (джихадом) и мистицизмом, нацеленным на духовное совершенство верующего.

**Ключевые слова:** М. Казембек, имам Шамиль, мюридизм, тарикат, газават, духовная культура народов Кавказа.

### MURIDISM AND GAZAVAT IN INTERPRETATION OF MIRZA KAZEMBЕК AND IMAM SHAMIL

**Annotation.** The history of social, religious and political thought of the nineteenth century is reflected in the ideas expressed by Mirza Kazembek and Shamil, who differently interpreted the liberation movement of the Caucasian highlanders, directed against the aggressive policy of tsarism. They identified different origins of Muridism in the East and in the Caucasus, established its structural components, considered its two branches, coupled with political processes (jihad) and mysticism, aimed at the spiritual perfection of the believer.

**Keywords:** M. Kazbekek, Imam Shamil, muridism, tariqat, ghazavat, spiritual culture of the peoples of the Caucasus.

М. Казем-Бека (1802-1870) был первым деканом факультета востоковедения в Санкт-Петербургском университете, основателем российского востоковедения. В его научном творчестве особое внимание уделено изучению народно-освободительному движению народов Кавказа 20-50-е годы XIX в., возглавленное имамом Шамилем. В 1859 г. в газете «Русское слово» была опубликована работа «Мюридизм и Шамиль» М. Казем-Бека.

Эта работа посвящена анализу истории появления, мюридизма, газавата в XIX в. в Дагестане, а для основательного осмысления самого явления мюридизма он обращается к истории возникновения и становления суфийских учений на Востоке. В связи с этим во введении своей работы он пишет: «Я хочу рассказать повесть о мюридизме. Шамиль и мюридизм тесно связаны между собою в русской военной литературе, но ни тот, ни другой не вошли еще в словари, ни в лексическом, ни в историческом смысле. Поэтому, исполняя мое желание, я излагаю свое повествование так, чтобы оно и в том и в другом отношении могло представить верный материал для русской литературы и науки» [1, с.3]. То есть он свою работу написал с целью представить русской литературе и науке второй половины XIX в. объективный, точный материал о мюридизме и Шамиле. Реализовывает он этот проект, раскрывая историю мюридизма на мусульманском Востоке, развитие мюридизма на Кавказе, описывая религиозно-политическую деятельность Шамиля.

Начинает он свою работу, ссылаясь на предание о том, что, по предсказанию пророка, ислам должен распасться на семьдесят три секты, пишет об образовании сектов, отделившихся от ислама и ставших впоследствии враждебными для мусульман. С его точки зрения, таковыми являются, равендиты с их подразделениями, херамиды, или бабекиды, кырмитиды с подразделениями, и, наконец, разные ветви исмаилов, из коих ассасины составляли историческую династию, столь страшную для человечества на Востоке, продолжавшуюся около 200 лет (1088-1272).

Далее он утверждает, что независимо от них на Востоке образовались, еще в самом начале появления ислама, особое учение именем тарикат, т. е. «путь» к богу, или суфизм [2, с.6]. Но Казем-Бек, как я

понял, не относит это особое учение к категории враждебных для мусульман, хотя пишет, что он принадлежал всем сектам без исключения. И в этой связи его мысль такова: все искатели счастья, под прикрытием нового какого-нибудь исповедания, придуманного ими, более или менее употребляли тарикат духовным орудием для покорения *ума и воли* будущих приверженцев и с помощью влияния фанатизма достигали желаемого.

Казем-Бек утверждает, что в истории развития ислама, а также в ряду систем религиозных революций между мусульманами играет главную роль мюридизм, который, по его мнению, основан на трех началах, называемых джихад, тарикат и да'ват. Джихад он интерпретирует как войну за веру, второе, то есть тарикат, как путь к истинному богу, то есть это - учение мистиков, а третье, даваат основание мюридизма – это приглашение людей к восстанию против ненавистной власти и к защите законных или религиозных прав.

Слово мюрид он переводит как ищущий, желающий [истины]. Этим именем впервые назвались прозелиты первых учредителей учения тариката. Все эти основания мюридизма он рассматривает по порядку, разъясняя их особенности.

Мирза Казем-Бек обнаруживает следы мюридизма в Дагестане еще в начале VIII столетия хиджры, что соответствует исходу XV века н.э. В истории мистиков, пишет он, мы имеем два-три имени известных суфиев, принадлежавших Дагестану в минувших столетиях, тут же он отмечает, что, с другой стороны, схоластическое учение вошло в Дагестан вместе с первыми миссионерами ислама, которое развивалось здесь хоть и медленно. В номенклатуре ученых Востока, считает Казем-Бек, более пятидесяти громких имен принадлежат Дагестану, где были, как есть и ныне, отличные (по мусульманской оценке) филологи, философы и правоведы. Все эти ученые и мистики имели связи с Малой Азией, Турцией, Персией и даже Туркестаном.

Далее он пишет, что из оренбургских татар некто Мансур, окончив свое духовное воспитание в Бухаре, вернулся в отечество в 1742 году; не находя здесь удобства для своих происков, тогда же пробрался он через Астрахань, в Юго-Восточный Дагестан, где стал известен под именем Шейх-Алауд-Дина Мансура; он бы сделал много зла там-начало уже было положено — если бы покорение этой части Дагестана

и утверждение там русского оружия не положили конец успехам злоумышленника. Думается, Казем-бек ошибся, считая шейха Мансура оренбургским татаринном. О жизни, деятельности шейха Мансура приведены ряд исследований как советскими, так и зарубежными исследователями с опорой на архивные документы, а также на турецкие архивы, указывающие на его происхождение. На это уже указывал Гасан-эфенди Алкадари, который в своей книге «Асари-Дагестан», приводит ряд сведений [3, с.114-115], но некоторые из них не бесспорны, так, например, утверждается, что шейх Мансур, был послан султаном Абдул-Гамидом II в Чечню и Дагестан, чтобы склонить народы к участию в русско-турецкой войне (1787-1791) на стороне Турции [4, с.114]. Но Абдул Гамид II (1842 -1918) жил значительно позже, чем шейх Мансур.

Извлеченные архивные документы извлеченные Ш.Б. Ахмадовым, защитившим докторскую диссертацию по движению шейха Мансура, написавшим две книги [5] о нем, а также Александром Беннигсеном [6], работавшим в турецких архивах, не подтверждает данную версию.

Казем-Бек утверждает, что после Мансура нам известны «имена Мохаммеда Хасс-Мохаммеда, Хаддисов и Джемалуддина, которые в Куринском и Аварском ханствах приготавливали поприще нынешнего мюридизма. Хаддисы, отец и сын, были муршидами и имели много мюридов». Но, то такие мюршиды Хаддисов, нам не удалось выяснить, полагаю, что это Мухаммад Ярагский и его сын.

Джемалуддин Казикумухский, по его мнению, был сильным муршидом, имевший в числе своих многочисленных мюридов самого Казы-Муллу. Но сила его состояла не том, что его мюридом был Газимухаммад, а в том, что он был суфий-мистик, противник политизации тариката накшбандийа-халийдийа, противник газавата. Он был арифом, то есть обладателем мистического знания и ученый [7, с.7]. Казем-Бек пишет, что мюридизм получает политический характера тогда, когда нужен человек, умеющий соединить все условия духовного звания, т. е. и шариат, и тарикат, открыто действовать орудием фанатизма на мюридов, начать да'ват, или приглашение на джихад, и успешно, дерзко открыть кровавое поприще. И это досталось на долю Казы-Муллы и его преемника Шамилю. Говоря о Шамиле, он мимоходом упоминает его *муршида* Казы-Муллу. Но последний всё-таки не был мюршидом Шамиля, как не был мюршидом и сам Шамиль [8, с.5].

Об этом Шамиль, находясь в Калуге, сообщил своему переводчику и другу А. Руновскому. Со слов Шамиля известно, как они вместе с Газимухаммадом стали мюридами тариката, наставниками которого были Джамалутдин и Мухаммад Ярагский (или Курали Магома). Но Газимухаммед отходит от тариката, причину этому Шамиль видел в том, что он был уж слишком ученый и слишком смелый человек для тариката» [9, с. 64].

Начала газавата, стало быть политического мюридизма в Дагестане рассказу Шамиля, зафиксированного А. Руновским состоит в следующем: занимаясь с Шамилем чтением книг, Газимухаммед повел в друг такую речь: «Чтобы там не говорил Курали-Магома с Джамалэдином о тарикате, как бы уссердно мы с тобою ни молились, и каких бы чудес ни делали, а одним тарикаотом не угодим Богу; без газавата не будет нам спасения... Давай, Шамиль газават делать!» [10, с.65]

Сказанное позволяет признать, что тарикат накшбандийа-халидийа, как его распространяли в Дагестане, не был политизированным, воинственным, в нем отсутствовал призыв к джихаду. Абдрахман из Газикумухи, сын Джамалэдина, пишет, что его отец не согласился с решением Газимухаммада об объявлении газавата по двум причинам: он точно знал, что джихад с русскими долго не продлится, его конец рано или поздно придет и второе, тарикат, который принял Газимухаммад от его отца, не велел вести джихад, т.к. джихад – это не война, а зикр, постоянное упоминание имени Аллаха [11, с.31-32].

Но Газимухаммад и Шамиль разжигали газават в Дагестане, они собрали до 6 тыс. войска и двинулись в разные стороны Дагестана, а именно в Аварию [12, с.65]. Их газаватская деятельность не была одобрена их духовным наставником накшбандийским шейхом Джамалэдином Казикумухским, запрещавшим объявлять газават, мотивируя тем, что мюридам в тарикате это запрещено.

Третья глава работы М. Казем-Бека называется «Имам Шамиль», в ней он кавказские общества рассматривает как полудикие, смелые в разбойничестве, набегах лезгинцев, внутренне конфликтными, враждебными к русским. Описывается деятельность Ермолова, политика которого состояла в том, чтобы привязать к себе духовное сословие горцев, действуя в то же время на князей мерами строгости и щедрости. Он наказывал и своих подчиненных, наносящих урон бедным поселянинам из покорных горцев. Такая система управления, как считает

Мирза Казембек, долго удерживала порядок и доставила русскому герою славное имя. При Ермолове, по его мнению, фанатики мюридизма внутри Кавказа не могли иметь успеха, поскольку покорные горцы были более или менее довольны им и боялись его.

В биографическом очерке «Шамиль», опубликованном в «Кавказском Календаре», Шамиль назван «альфой и омегой дагестанского газавата» [13, с.3].

Но на самом деле не Шамиль был зачинателем газавата в Дагестане, эта роль всё-таки принадлежит Гази-Мухаммаду, хотя первый четверть века сражался с царизмом под знаменем газавата. А. Руновский писал, что Шамиль устанавливает различие между мюрдами – последователями учения тариката. И мюридами, составляющими учреждение собственно Шамиля [14, с.15]. Это мюриды газавата, как сам Шамиль говорил, наибские мюриды.

Труд М. Казем-Бека является ценным источником по истории духовной культуры народов Кавказа, явился весомым вкладом не только в изучении стран Ближнего и Среднего Востока, но и также в изучении перспектив исторического развития этих стран. Ценность этого религиозно-политического трактата в том, что он появился именно в тот период, когда в России повысилась общественная роль политических теорий, значительно возрос интерес русской общественности к Востоку, особенно к Кавказу.

М. Казем-Бек в отличие от других исследователей достаточно корректно определил соотношение религии и политики в освободительном движении кавказских горцев под руководством Шамиля. Он дал не только изложение фактического материала в хронологической последовательности, но и установил политический характер мюридизма как освободительного движения горцев. Он справедливо отмечал: «Шамиль и мюридизм тесно связаны между собою в русской военной литературе, но ни тот, ни другой не вошли ещё в словари, ни в лексическом, ни в историческом смысле. Поэтому, исполняя мое желание, я излагаю свое повествование так, чтобы оно и в том и другом отношении могло представить верный материал для русской литературы и науки».

Исследование «Мюридизм и Шамиль» М. Казем-Бека получил признание российской общественности XIX века и в дальнейшем широко применялся в работах различных ученых. Видным исследователем

проблемы мюридизма как освободительного движения, например, в Азербайджане был знаменитый азербайджанский философ, академик АН Азербайджанской ССР, лауреат Государственной Премии СССР Гейдар Наджаф оглы Гусейнов (1908-1950). В своей книге «Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века» (1949) он высоко оценил значение труда М. Казем-Бека. В Дагестане его труды нашли отражение в исследованиях М.А. Абдуллаева[16], в Чечне в работах А.Д. Яндарова[17], В.Х. Акаева[18] и др.

Мирза Александр Казем-Бек – один из выдающихся российских востоковедов, организовавший научную школу, которая в конце XIX-XX вв. заняла ведущее место в мировой науке, изучавшей Восток. Несмотря на противоречивость его мировоззрения, он уникален тем, что синтезировал в себе восточную, мусульманскую образованность с традициями русской и западноевропейской науки.

### **Список литературы**

1. Казем-Бек Мирза. Мюридизм и Шамиль. – Махачкала, 1990. – С. 3.
2. Казем-Бек Мирза. Мюридизм и Шамиль. – Махачкала, 1990. – С. 3
3. Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. – Махачкала, 1994. – С. 114-115.
4. Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. – Махачкала, 1994. – С. 114-115.
5. Ахмадов Ш.Б. Имама Мансур. – Грозный: Книга, 1991. – 288 с.;
6. Ахмадов Ш.Б. Имама Мансур. 2-е изд., перераб. и доп. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2010. – 372 с.
7. Беннигсен Александр. Шейх Мансур. – Махачкала.
8. Беннигсен Александр. Шейх Мансур. – Махачкала.
9. Руновский А. Мюридизм и газават. – Махачкала: Издат.-полиграфич. объединение «Юпитер», 1996. - С. 5.
10. Руновский А. Мюридизм и газават. – Махачкала: Издат.-полиграфич. объединение «Юпитер», 1996. - С. 5.
11. Руновский А. Мюридизм и газават. – Махачкала: Издат.-полиграфич. объединение «Юпитер», 1996. - С. 5.
12. Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. – Махачкала: Даг. книж. изд., 1997. - С. 31-32.
13. Руновский А. Мюридизм и газават. – С. 65.
14. Руновский А. Мюридизм и газават. – С. 65.

15. Руновский А. Мюридизм и газават. - Махачкала: Издательско-полиграфическое объединение «Юпитер», 1996. - С. 15.

16. Абдуллаев М.А. Из истории философской и общественно-политической мысли Дагестана. \_ Махачкала, 1993.

17. Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. – Алма-Ата: Изд-во Наука, 1975.

18. Акаев В.Х. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение / НИИ Гуманитарных наук Чеченской Республики – Грозный, 1994; Он же. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004.

### **Информация об авторе**

**Акаев Вахит Хумидович**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН, профессор ГГНТУ им. акад. Миллионщикова, академик АН ЧР, г. Грозный, Российская Федерация.

## **КАЗАНСКОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И МИРЗА А. К. КАЗЕМ-БЕК (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)<sup>1</sup>**

**Р.М. Валеев**

*Институт международных отношений, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,  
г. Казань, Российская Федерация*

**Р.З. Валеева**

*Казанский инновационный университет,  
г. Казань, Российская Федерация*

**Аннотация.** В докладе освещены направления и особенности институционализации казанского университетского востоковедения, основные этапы формирования и развития отечественной университет-

---

<sup>1</sup> Исследование проведено в рамках гранта *Российского фонда фундаментальных исследований* (РФФИ) № 18-09-00331 и *Российского научного фонда* (РНФ) № 19-18-00160.

ской модели образования и науки о Востоке в XIX – начале XX вв. Основное внимание уделяется современному обзору вклада и научной оценке деятельности профессора Мирзы А. К. Казем-Бека.

Прослеживаются взаимодействие и взаимовлияние основных отечественных востоковедческих центров и роль университета в Казани в XIX в., выделяются геополитические, социокультурные и этноконфессиональные факторы институционализации основных арабо-мусульманских дисциплин и роль Мирзы Казем-Бека.

**Ключевые слова:** Россия, Восток, Центры востоковедения в России, Востоковедение в Казанском университете, Мирза А. К. Казем-Бек.

## THE UNIVERSITY ORIENTAL STUDIES IN KAZAN AND MIRZA A.K. KAZEM-BEK

**Annotation.** The report highlights the directions and features of the institutionalization of Kazan University oriental studies, the main stages of the formation and development of the domestic university model of education and the science of the East in the nineteenth and early twentieth centuries. The focus is on a modern review of the contribution and scientific assessment of the work of Professor Mirza A. K. Kazem-Bek.

The interaction and mutual influence of the main Russian oriental centers and the role of the university in Kazan in the 19th century are traced, geopolitical, sociocultural and ethno-confessional factors of the institutionalization of the main Arab-Muslim disciplines and the role of Mirza Kazem-Bek are highlighted.

**Keywords:** Russia, East, Centers of Oriental Studies in Russia, Oriental Studies at the University of Kazan, Mirza A. K. Kazem-Bek.

В 2017 г. исполнилось 210 лет со дня образования кафедры восточной словесности императорского Казанского университета. У истоков данного центра стояли Х. Д. Френ, Ибрагим Хальфин, Ф. И. Эрдман и Мирза А. К. Казем-Бек и многие профессора и преподаватели.

В 2018 г. отмечалось 200 летие российского востоковедения. Юбилейная дата связана с Институтом востоковедения РАН и Ин-

ституте восточных рукописей РАН. Эти известные научные учреждения ведут свою историю с 1818 г., когда в рамках Императорской академии наук был организован Азиатский музей. В 2019 г. исполнится 120-лет со дня создания Восточного института во Владивостоке и 165 лет со дня образования Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, созданного в основном на базе разряда восточной словесности императорского Казанского университета (1807 – 1854 гг.).

Важную роль в генезисе и развитии российского востоковедения сыграли Петербургская академия наук и университеты. На протяжении всего XIX в. в Академии наук блестящая группа ученых представляла Казанскую школу востоковедов. Прежде всего, это арабист и нумизмат Х.Д.Френ и его ученик А.О.Ярцов, тюрколог и иранист А.К.Казем-Бек, монголовед и буддолог О.М.Ковалевский, китаевед и буддолог В.П.Васильев. С 1870 г. в Петербургской академии наук были представлены известные казанские ориенталисты: арабист, иранист И.Ф.Готвальд, тюрколог и миссионер Н.И.Ильминский и тюрколог, языковед, этнограф В.В.Радлов. Они были яркими представителями Казанского университета XIX в.

Таковы лишь некоторые славные имена и значимые рубежи, которые позволяют объективно оценить роль и значение казанских востоковедов в летописи истории российской академической ориенталистики XIX в.

Исследования отечественных ориенталистов имели широкий региональный, хронологический и проблемный диапазон. Во многом истоки современного отечественного и международного авторитета российской школы и центров востоковедения были связаны с исследованиями классического и современного циклов. Отечественное востоковедение и востоковедная мысль объективно способствовали осмысливать и раскрывать величие и трагедию истории и культуры народов, полиэтнической и поликонфессиональной России – взаимодействия европейских и азиатских исторических и идейных символов; географического и историко-культурного взаимодействия; все еще не раскрытого феномена своеобразного моста между Востоком и Западом и того, что «Россия должна сознавать себя... Востоко-Западом, соединителем двух миров, а не разделителем»[1].

Историко-культурное пространство Волго-Уральского региона с его ведущими политическими и культурными центрами – Казанью и

Казанским университетом сыграло важную роль в цивилизационном взаимодействии и трансформации этносов и народов России.

История отечественного академического и университетского востоковедения, в том числе оригинальной системы образования и науки о Востоке в России и Европе, основные центры, закономерности, тенденции и ключевые социальные и академические итоги формирования и развития – важнейшие проблемы современных гуманитарных исследований.

Большой академический и прикладной интерес вызывают теоретические, социокультурные, историко-научные и науковедческие аспекты формирования и развития практического, академического и университетского востоковедения в России в XVIII - XX вв. Эти эпохи характеризовались развитием нового научного знания о Востоке, разнообразием, богатством, преемственностью и порой трагедией российской ориенталистики, созданием уникальной институциональной системы востоковедческого образования и научных исследований, объединявшей деятельность официальных органов власти, Академии наук, университетов, лицеев, гимназий, духовных академий и научных обществ.

Генезис российского востоковедения, в том числе и европейского, в новое и новейшее время был связан с развитием научных знаний о восточных народах и странах, его эмпирическим и теоретическим уровнями и их трансформациями. Профессиональное образование и наука о Востоке в России – коллективное и индивидуальное творчество практиков и ученых, система социальных и научных отношений и связей – отличается органичным влиянием на общество и государство. Академическое и университетское востоковедение в России ярко продемонстрировало феномен исследовательских открытий и уникальной психологии научного творчества. Традиции и новации центров российского востоковедения XVIII – XX вв. позволяют провести сравнительный анализ моделей педагогической, научной, просветительской и гуманистической деятельности преподавателей и ученых и особенно их научных образов Востока с современными процессами в данной гуманитарной сфере.

Казань – столица современного Татарстана остается одним из исторических городов евразийской ойкумены и уникальным научным и культурным центром цивилизаций Востока и Запада. Этот историко-

географический и геополитический город и регион между Волгой и Уралом стал олицетворением исторической Родины тюркских, финно-угорских, славянских этносов и других современных народов Евразии. Также известные средневековые государства и общества Волжская Булгария, Джучиев улус и Казанское ханство представляются историческими символами евразийского мира.

Университеты России, в том числе Казанский университет в XIX – нач. XX вв. играли важную роль в реализации классической модели «идеала университета» и «университетской идеи» в своих социально-политических, научных и культурных миссиях.

Востоковедение и ориентализм как новые гуманитарные направления российской университетской корпорации нового времени становились органичным в реализации идеалов европейского классического университета в «возвышении и распространении науки», «приращении научного знания», в развитии интеллекта и личности студента и т.д. Особенно университетские уставы 1804 г., 1835 г., 1863 г., 1884 г. развивали институциональные основы моделей классического и прикладного востоковедения высшей школе России. Тенденция усиления специализации университетского востоковедения на протяжении XIX в. связана как с требованиями «чистой науки» о Востоке, а также подготовки кадров для государственной службы в империи.

Мирза А. К. Казем-Бек сыграл исключительную роль в этих институциональных и академических процессах в России и Европе. Его период деятельности в истории академического и университетского востоковедения был связан с эпохой, когда в «Востоковедении» (термин Мирзы А. К. Казем-Бека) формировались самостоятельные дисциплины, предметы, курсы и направления. Это произошло благодаря развитию специальных методов и подходов – знание восточных языков, сбор и изучение восточных рукописей, грамматическое и лексикографическое изучение языков народов Азии, сравнительное языковедение, научные путешествия, комплекс филологических и культуроведческих методик, создание каталогов восточных рукописей и книг и т.д.

Казань и Казанский университет – колыбель евразийской науки и образования. В XIX-XX вв. здесь сформировались и развивались научные и образовательные школы и направления, получившие международное признание. Особенно в XIX – нач. XX вв. Казань как место встречи и свидания двух миров – западного и восточного (А.Герцен)

стал центром российского и мирового востоковедения. Знания и наука о Востоке являлись органической частью евразийских гуманитарных исследований в России и Европе.

В первой половине XIX в. «восточная словесность и древность» олицетворяли понятие востоковедения в России. В последней четверти XIX в. ведущими учеными-ориенталистами была сформулирована основная задача отечественного университетского востоковедения - передавать студентам и обобщать «все знания относительно Востока, добываемые наукой, а не одни только языки его» [2, С.176].

Университетское востоковедение в Казани занимает особое место в истории отечественной и мировой ориенталистики XIX-XX вв. Преподавание восточных языков и научные востоковедные исследования в университете и в других образовательных и научных центрах представляются феноменом отечественной культуры и науки. Научная и педагогическая деятельность востоковедов значительно способствовали дальнейшему становлению и развитию востоковедения как гуманитарного образования и науки. Их труды до сих пор представляют собой ценнейшие источники научных исследований и истории российского востоковедения. Разряд восточной словесности университета в Казани положил начало систематическому и комплексному востоковедному образованию в России. Университетское востоковедное образование и наука о Востоке в России в XIX- начале XX вв. становится основой и формой развития науки о Востоке и в целом социально-политической и общекультурной деятельности во всех сферах общества и государства.

На протяжении XIX – начала XX вв. в казанском университетском востоковедении произошли организационные, научно-исследовательские и социокультурные изменения. Этот период, несмотря на переломные вехи истории востоковедения в Казанском университете характеризуется поступательностью и непрерывностью развития образования и науки.

Основой разряда восточной словесности Казанского университета в 1828-1854 гг. стали арабо-персидская (1828), турецко-татарская (1828), монгольская (1833), китайская (1837), санскритская (1842), армянская (1842) и калмыцкая (1846) кафедры. В 40-х гг. XIX в. планировалось открытие трех новых восточных кафедр - индустанского, тибетского и еврейского языков.

Мирза А.К.Казем-Бек (1802 – 1870 гг.) – основоположник и патриарх российского востоковедения XIX в., крупнейший отечественный тюрколог, иранист, арабист и исламовед был признан в научных кругах России, Европы и Востока. Человек поистине энциклопедических знаний, Казем-Бек оставил неизгладимый след в истории российского и мирового востоковедения. Он стал основоположником ряда национальных школ гуманитарных исследований.

Первые отечественные публикации о Казем-Беке ограничивались изложением его биографии. Позднее появились работы о его востоковедческих, исторических и педагогических взглядах и наследии.

Жизнь и творчество Казем-Бека занимают достойное место в трудах И.Ю. Крачковского, М. С. Иванова, В.В. Бартольда и в разнообразных исследованиях второй половины XX в. и первых десятилетий XXI в.

В историографии истории отечественного востоковедения известны объективные оценки выдающихся российских ориенталистов. Академик В.В.Бартольда писал: «Сенковский и Казембек своими лекциями создали русское востоковедение: почти все русские ориенталисты следующих поколений были учениками одного из этих двух ученых или учениками их учеников...»[3, С.467]. И.Ю.Крачковский также выделял: «Не иностранцы привили у нас изучение Востока, и если изучение это пустило, наконец, глубокие корни, то тем обязаны мы, прежде всего Сенковскому в Петербурге и Казембеку в Казани, которые дали целый ряд замечательных ориенталистов из своих учеников...»[4, С.103].

Изучение жизни и наследия Мирзы А.К. Казем-Бека не потеряло актуальности и на современном этапе.

В дань памяти выдающегося профессора Казанского университета Мирза А.К. Казем-Бека хотелось напомнить поворотные вехи его биографии, научного наследия в области востоковедения, а также роли преподавателя и ученого в истории казанского востоковедения.

Его детство и юность прошли в Дербенте (Республика Дагестан). Этот прекрасный город в разные исторические эпохи принадлежал персам, хазарам, арабам, монголам, тюркам.

Когда закончились междоусобицы и русские войска, овладевшие Дербентом, установили там мир, отец Мухаммеда Али Хаджи Касим вернулся на родину в Дербент. Много лет спустя в автобиографической

записке Мирза А.К.Казем-Бек пишет: «Успехи Российского оружия между тем постепенно усмирили смуты моего края, ханства Дербентское и Кубинское обратились в часть пограничных владений России. Молва, распространившаяся о водворении тишины и спокойствия на родине моего отца, равномерно любовь его к месту своего рождения и остаткам своего семейства возбудили в нём сильное желание посетить Дербент», куда он и отправился в 1808 г. «...как весьма учёный и религиозный человек, получивший благословение первого муджтехеда на степень Шейх – уль – Ислама, которая предоставляет лицам, имеющим её, право разбирать всякое дело, гражданское или уголовное, он был приглашён Российским правительством занять эту должность. Отец мой принял сие предложение, поселился в Дербенте и в 1810 г. вызвал нас из Гиляна».

Отец Мухаммеда Али Хаджи Касим был назначен шейх-уль-исламом. Хаджи Касим дал разностороннее образование Мирзе Мухаммед Али, определив будущего учёного к лучшим учителям города Дербента. Казем-Бек в Дербенте получает классическое мусульманское образование. К юноше были приставлены приглашённые из-за границы муалимы, которые помогли ему в совершенстве овладеть несколькими восточными языками, изучить историю, литературу, религию народов Востока. Отец Казем-Бека в целях усовершенствования в мусульманских науках предполагал отправить Мухаммед Али в Персию и Аравию.

Профессор И.Н. Березин, ученик, первый биограф Казем-Бека писал о нём: «Блестящие способности, которыми был одарён от природы Мирза Мухаммед Али, дали ему возможность окончить довольно рано полный курс мусульманского учения. В семействе своём он изучил, как родные языки – турецкий (азербайджанский), персидский, равной степени господствовавший на Севере Персии; от сведущих же наставников своих он приобрел обширные и глубокие познания в арабском языке, т.е. в целом круге наук, составляющих мусульманскую учёность, преимущественно же в законоведении с целью со временем занятия места отца» [5, Л. 1] . Дочь О.А. Баратынская в биографии А.К.Казем-Бека писала: «Без всякого сомнения, эта мусульманская подготовка, несмотря на схоластический метод преподавания, послужила основанием последующего развития даровитого юноши и даже

доставила ему блестящую карьеру и большую известность в Европейском учёном мире...».

Однако спокойная жизнь семейства Казем-Бека была нарушена. В 1820г. царское правительство по подозрению в связи с изгнанным из Дербента Ших-Али-Ханом приговорило отца Мирзы А.К. Казем-Бека и ещё 14 дербентцев к высылке в отдаленные места. Они были обвинены в связях с бывшим правителем Дербента Ших-Али-Ханом и Персией. Специальная военная комиссия приговорила 15 человек, в том числе Шейх-уль-Ислама Дербента Хаджи Касима к высылке в отдалённые места. Этим местом по указанию наместника Кавказа А.П. Ермолова был избран г.Астрахань.

Мирза А.К. Казем-Бек впоследствии писал об этом событии: «Отец мой, всегдашний доброжелатель России, но по своему званию защитник народного права, имел сильного врага в лице одного дербентского коренного Бека, который своими интригами успел помрачить в глазах правительства первое его достоинство вторым; отсюда и происходило много неудовольствий, которые с каждым днём увеличивались, при усердном содействии интригана, и кончились тем, что правительство нарядило военный суд, который приговорил моего отца с четырнадцатью его друзьями к лишению его имения и ссылке в Астрахань». «В 1820г. мой отец со всеми приговорёнными был отправлен в Астрахань на военных судах, - писал Казем-Бек, - и в конце следующего года я прибыл туда же»[6, С.222]. С 1821 по 1826 гг. связан с Астраханским периодом жизни Мирзы А.К.Казем-Бека.

В октябре 1821 г. Казем-Бек прибыл в Астрахань на свидание с отцом, по его же приглашению и, предполагая оттуда отправиться в Персию для продолжения образования. Но «судьба, - пишет Казем-Бек в автобиографии, - распорядилась иначе... Здесь предстояло возобновить знакомство с миссионерами, которые, пользуясь расположением старика (т.е. отца), еще до приезда моего в Астрахань, часто беседовали с ним о предметах учёных и религиозных... Я, - писал Казем-Бек, - должен был пуститься вновь в состязания с ними и взяться опять за перо против христиан».

По словам самого Казем-Бека, он ещё в Дербенте неоднократно беседовал с шотландскими миссионерами «об их цели и стремлениях» и как мусульманин вёл с ними многословные споры, пытаясь внушить им «истину ислама и вывести их из заблуждения».

Стремясь понять сущность христианства в целях его ниспровержения, Казем-Бек изучает европейские языки. Вместе с тем после продолжительной внутренней борьбы Казем-Бек отходит от ислама и принимает христианство, что повлекло за собой разрыв с родителями и презрение единоверцев.

Мирза А.К. Казем-Бек, живя в Астрахани, часто посещал дом шотландской миссии, где были его знакомые ещё по Дербенту, миссионеры Глен и Макферсон. Казем-Бек обучал миссионеров турецкому и арабскому языкам. В свою очередь он обучался у них английскому и немецкому языкам, с большим интересом слушал их рассказы о европейских странах, их культуре, с увлечением читал европейскую литературу.

11 июля 1823 г. он в присутствии персиян, татар, русских, армян, индийцев и при деятельном участии шотландских миссионеров крестился: Мирза Мухаммед Али был наречён Александром.

Живя с миссионерами, пользуясь богатой библиотекой, изучая английский, французский и немецкий языки, Казем-Бек настойчиво углублял свои знания. В мае 1825 г. Казем-Бек был приглашён посетить Англию «для усовершенствования в науках европейских». В 1825 г. Хаджи Касиму было разрешено вернуться в Дербент.

С первых дней своего появления в Астрахани Мирзу А.К. Казем-Бека не оставляли без внимания местные власти, обеспокоенные тем, что знаток восточных языков, мусульманского законовещения и юриспруденции может быть использован в миссионерских целях.

Период с 1826 по 1849 гг. связан с казанским периодом научно-педагогической и общественной деятельности Мирзы А. К. Казем-Бека.

В сентябре 1825 г. Министерство иностранных дел назначило Казем-Бека учителем татарского языка в Омское азиатское училище и переводчиком с жалованием 800 руб. в год, выдав ему 1000 руб. на проезд к месту назначения. Мирза А.К. Казем-Бек в ноябре 1825 г. отправился из Астрахани и в 1826 г. прибыл в Казань. «...На пути от Астрахани до Казани много потерпел от непогоды..., к которой ещё не привык...», - писал он в автобиографии.

С января 1826 г. начинается казанский период жизнедеятельности Мирзы А.К.Казем-Бека. Официально приказом министра народного просвещения А.С.Шишкова от 31 октября 1826 г. он был назначен на

должность лектора восточных языков университета. 10 апреля 1831 г. А. Казем-Бек назначен адъюнктом восточных языков, 7 ноября 1836 г. – экстраординарным профессором и 1 августа 1837 г. утвержден в должности ординарного профессора императорского Казанского университета [7, С.218-219].

В своем втором письме из Казани (25 апреля 1835 г.) Мирза Казем-Бек, вспоминая прошедшие годы, писал академику Х. Д. Френу: «Когда мне было почти 10 лет, меня привезли в *دربند*<sup>1</sup>, где я был в *بند*<sup>2</sup>; когда мне было 24, я прибыл в Казань и до сих пор (более 9 лет) «томлюсь» в этом котле<sup>3</sup>. Вскоре я смогу петь:

ده سال بدربند مشدم بند عشری بقزان همی خورم جوشن<sup>4</sup> لمحرره  
ففعی مزسدوکر بنالم آن به که شوم صبور رخاموش<sup>5</sup>

Появление Казем-Бека в Казанском университете имело исключительное значение для развития казанского университетского центра востоковедения в России и Европе.

В Казани Казем-Бек свою научную и педагогическую деятельность начал в первой Казанской гимназии. В «Исторической записке первой Казанской гимназии» за 1867 г. справедливо отмечалось, что «после природных учителей из татар Хальфиных никому не суждено было принести столько пользы изучению восточных языков в Казанской гимназии, как Александру Касимовичу Казем –Беку» [8, С.52].

О первых годах своей педагогической деятельности в Казанском университете Казем-Бек в отчете от 12 мая 1828 г. писал: «1) Я читал Персидскую Хрестоматию..., - обучал произношению. 2) Разбирал рукописи, показывал через оные различные способы писания. 3) Занимался переводом Тезкиретолшуара, сочиненного Довлет-Шахом; изъяснял грамматические правила. 4) Занимался переводом Алькорана, объяснял коренные слова, значения производных и грамматических правил, с применением толкования на некоторые трудные места онога, сделанного самыми лучшими писателями. 5) Читал и переводил из Вофиятюльблиян сочинения Ибну-Халькана на Арабском языке. 6)

---

<sup>1</sup> *derbend* (перс.) — Дербент, город в Дагестане, где Казем-Бек жил в 1811 – 1821 гг.

<sup>2</sup> *bend* (перс.) — оковы. Идет игра слов *derbend* и *der bend* — «в оковах» (перс.).

<sup>3</sup> Игра слов — *qazān* на персидском означает «котел».

<sup>4</sup> *limuḥarririhi* (араб.) — к его автору.

<sup>5</sup> Десять лет я привязан был к Дербенту \* десять лет в Казани (казане) пью кипяток.

Пользы не будет, даже если буду стонать \* Потому буду смиренным и спокойным (перс.).

Переводил с Русского на Персидский язык из Истории Карамзина» [9, Л.30]. Большое внимание он уделял самостоятельной работе студентов и их разговорной практике с носителями живого восточного языка.

В 1831 г. попечитель казанского учебного округа Н.М.Мусин-Пушкин писал: «Казанскому университету посчастливилось в Казем-Беке приобрести знатока арабского, персидского, турецкого, татарского языков, на последних трёх изъясняется свободно, преподает оные по правилам грамматическим, синтаксическим, знаком не только с литературой арабскою и персидскою, но и сочинениями о сем предмете новейших европейских писателей, особенно английских, говорит и пишет на оном, знает российский язык, изъясняется и преподает на оном свободно» [10, Л.1].

В Казанском университете сформировались и получили дальнейшее развитие исследовательская работа А.К.Казем-Бека с такими рукописями, как история крымских ханов «Ас-саб ас-сайяр фи ахбари мулюки татар» («Семь планет в известиях о правителях татар») Сейида Мухаммеда Риза, исторический труд «Танкиху таварих аль-мулюк» («Дополнение к истории царей») Хюссейна Хезарфенна, Дербент-намэ и др. Актуальная проблема поиска и приобретения восточных манускриптов и книг и роль Мирзы Казем-Бека исключительно важна для всех интересующихся историей формирования и исследования отечественных и европейских фондов мусульманских рукописей.

Главной темой наследия ученого и мыслителя в Казани и Санкт-Петербурге, представляющей наибольший интерес для истории российского и европейского востоковедения и особенно заметный в письмах Х. Д. Френу (1831-1846), являются основные направления научных исследований А.К.Казем-Бека — изучение, переводы и издание арабомусульманских источников, составление оригинальных грамматик и словарей, расшифровка текстов письменных памятников и др.

В июне 1831 г. Мирза Казем-Бек писал Х. Д. Френу: «Ценя Ваше превосходительство, как науученейшего <sup>1</sup>مجتهد<sup>1</sup>, по отношению к которому я являюсь <sup>2</sup>مقلد<sup>2</sup>, считаю необходимым известить Вас о своих занятиях. Помимо Крымской истории Саид-Мохамеда Ризы и других моих

---

<sup>1</sup> muğtahad (араб.) — ученый, обладающий правом толкования. Употреблено в переносном значении, чтобы подчеркнуть авторитет Френа для Казем-Бека.

<sup>2</sup> muqallid (араб.): — 1) мусульманин, который не является муджтахидом, т.е. не может самостоятельно выносить для себя религиозные предписания; 2) подражатель.

частных дел, я отдался переводу گلستان<sup>1</sup> Саади на русский. Этот перевод был начат три года назад, однако мое ограниченное знание русского языка задерживало его продвижение так долго. Ныне он завершён, но не так, как я бы хотел: поскольку я попытался сделать его как можно более близким к оригинальному тексту, там можно найти много грубых и даже смешных выражений. Однако главное мое намерение состоит в том, чтобы опубликовать его, если возможно, вместе с персидским текстом в отдельных томах; просто для того, чтобы помочь студентам этого языка, потому мне и не важно, если русские читатели работ подобного рода взыщут с меня за неизящество языка: я разрешаю, даже прошу, одеть представшую перед ними невесту воображения Саади в лучшие и более нарядные одежды русского красноречия» [11, С. 76-77].

Блестящее образование, природная одаренность, широкий кругозор позволили ученому с равным успехом заниматься и переводами памятников, и исследованиями, лингвистическими и поэтическими сюжетами, описанием рукописей и мусульманским законоведением. Научное наследие Казем-Бека огромно и разнообразно. До сих пор сохраняют свое значение для науки труды ученого в области тюркологии и иранистики, истории, культуры и религиоведения народов арабому-сульманского мира. Велики заслуги Казем-Бека, который «обладал темпераментом инициатора и руководителя» (В. В. Бартольд), в становлении университетского востоковедения в Казани и Петербурге, в поощрении талантливых студентов и молодых ученых.

Связанный тесными узами сотрудничества и дружбы с выдающимися учеными и передовыми мыслителями своего времени – Н.И. Лобачевским, Н.Г. Чернышевским, Л.Н. Толстым М.Ф. Ахундовым, А. Гумбольдтом и многими другими, Мирза А.К. Казем-Бек снискал всемирную известность как крупнейший знаток мусульманского мира.

Истоки и развитие университетского востоковедения в Казани и Санкт-Петербурге, качественные рубежи этого феномена связаны с личностью профессора Мирзы А.К. Казем-Бека. Он оказал огромное воздействие на последующее развитие отечественной ориенталистики во второй половине XIX в. Его исследования стали новаторскими и свидетельствуют о том, с каким упорством ученый изучал культурное

---

<sup>1</sup> gulistān (перс.) — «Розовый сад», поэма Абу Мухаммада Муслих ад-Дин ибн Абд Аллаха Саади Ширази (ок. 1181-1291) — сборник коротких рассказов и поэтических афоризмов, в которых проза, нередко рифмованная, переплетается со стихами.

наследие арабо-мусульманского мира. Гуманистический характер востоковедных поисков ученого-мыслителя остается главным в наследии Казем-Бека.

Мирза А.К.Казем-Бек в январе 1860 г. в журнале «Русское слово» писал: «...вопрос о Востоке и соединенные с ним интересы мы не считаем новостью для нашей публики, чуждою ей. В продолжение всей моей профессорской и литературной деятельности мне беспрестанно делали и делают вопросы мои знакомые и даже незнакомые, с которыми я встречаюсь в обществе: отчего нет на русском языке порядочной грамматики персидского языка? Отчего нет ни одного словаря? Отчего никто не издаст хорошего перевода Корана? Почему вы не познакомите нас с религией ислама, с его сектами, с поэзией Востока – с Хафизом, Саади? Почему никто не напишет историю персов, арабов, историю татарских племен? и проч. и проч. Стало быть, в нашей публике есть ориентофилы, и даже много их. Если я знаю их сотни, то их должно быть тысячи и тысячи. Есть между нами желающие знакомиться с языками Востока, с его филологией, религиями, историей, поэзией; есть желающие заглянуть в жизнь восточных народов, в их обычаи, нравы, в развитие между ними науки и просвещения, и пр.» [12, 165].

Идеи просвещения восточных народов и тесных уз народов России с судьбами Востока, и оценки о России как выгодном посреднике между Западом и Востоком и о Востоке – колыбели человечества и другие мировоззренческие мысли Казем-Бека были органичными в системе российского востоковедения XIX в. Главное в том, что если педагогические и научные изыскания востоковеда Казем-Бека стали достоянием современников-ученых, то его многие перспективные идеи мыслителя о наследии народов Востока и его будущности не были столь отмечены соратниками-учениками и последующими поколениями востоковедов. Эти размышления представляются самостоятельными и оригинальными в истории востоковедения в России и Европе. Ориентальные историко-философские и мировоззренческие размышления Казем-Бека и других крупнейших ученых России XIX - начала XX вв. меняли концептуальное и гуманистическое содержание отечественного востоковедения.

В 1851-1854 гг. указы Николая I «О прекращении преподавания восточных языков в Казанском императорском университете и о создании в Петербурге Азиатского института» (ноябрь, 1851 г.) и «О прекращении преподавания восточных языков в Казанском императорском университете» (октябрь, 1854 г.) предопределили новую геополитику и восточную внешнюю политику империи и формирование ведущего востоковедческого центра России во второй половине XIX - начале XX вв. в Санкт-Петербурге. В столице империи ярко проявился следующий значимый этап педагогической, научной и общественной миссии профессора Мирзы Александра Касимовича Казем-Бека (1849 – 1870).

Сегодня мы можем говорить о непреходящем значении наследия Мирзы А.К.Казем-Бека, которое объединяет историю и культуру народов России, Азербайджана, Ирана и Турции. Изучение и пропаганда творчества профессора Мирзы А.К.Казем-Бека имеют не только историко-научное, но и общекультурное и гуманистическое значение, которое особенно проявилось в научном форуме в Республике Дагестан, г. Махачкале.

### **Список литературы**

1. Соловьев В. Русская идея. – М., 1911; Бердяев Н. Судьба России. – М., 1990.
2. Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков // Сочинения. Т.IX. – Работы по истории востоковедения. – М., 1977. Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.-Л., 1950.
3. Государственный архив Республики Татарстан. Ф.1186. Оп. 1. Д. 28.
4. Боратынская О.А. А.К.Казем-Бек, к его биографии//Русский архив.– 1893. - № 10.
5. Куликова А. М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). СПб., 1994.
6. Историческая Записка Первой Казанской гимназии. Казань, 1867, Ч. 1.
7. Государственный архив Республики Татарстан. Ф.ИФФ. Оп.1. Д.48.
8. Российский государственный исторический архив, Ф.733, Оп.40, Д. 409.

9. Государственный архив Республики Татарстан. Ф.ИФФ. Оп.1. Д.48.

10. Российский государственный исторический архив, Ф.733, Оп.40, Д. 409.

11. Эпистолярное наследие российских востоковедов: Письма Мирзы А.К.Казем-Бека академику Х.Д.Френу (1831-1846) // Отв. ред. Р.М.Валеев, перевод с англ. Т.И. Зяппарова, М. В. Поникаровской, подготовка к изданию, предисловие, комментарии Р.М. Валеева, Т.И.Зяппарова, Т.В.Костиной, О. А. Кириковой; вступ. статьи Н.Н. Дьякова, И.Ф. Поповой, И.В.Тункиной. Казань, 2015.

12. Овсянников В.И. Неопубликованное письмо А.К.Казем-Бека в «Русское слово». Несколько слов от автора по поводу помещения своего труда в журнале «Русское слово» // Восток. –1995. – № 1.

### **Информация об авторах**

**1. Валеев Рамиль Миргасимович**, доктор исторических наук, профессор, Институт международных отношений, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань, Российская Федерация; (e-mail: valeev200655@mail.ru);

**2. Валеева Роза Закариевна**, кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедры, Казанский инновационный университет (ИЭУП) г. Казань, Российская Федерация (e-mail: rozazv@mail.ru).

## **ИСТОРИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО ВОСТОКА В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ А.К. КАЗЕМБЕКА (1802-1870)**

***Н.Н. Дьяков***

*Санкт-Петербургский государственный университет,  
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

**Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы, связанные с зарождением и становлением российской ориенталистики как отдельного направления в изучении истории и культуры народов Востока. Особое внимание уделено к основоположнику этого направления, пер-

вому декану ФВЯ А.К. Казембеку, его ученикам и последователям. Подробно останавливается на преемственности поколений ученых-ориенталистов вплоть до 30-х гг. XX столетия.

**Ключевые слова:** Ориентализм, Казембек, Казань, Петербург, восточные языки, история, Северный Кавказ.

## HISTORY OF THE MUSLIM EAST IN SCIENTIFIC HERITAGE AK KAZEMBEKA (1802-1870)

**Abstract.** The article discusses issues related to the emergence and formation of Russian Orientalism as a separate direction in the study of the history and culture of the peoples of the East. Particular attention is paid to the founder of this direction, the first dean of the FFL, A.K. Casebeck, his disciples and followers. It dwells on the continuity of the generations of Orientalist scholars up to the 1930s. XX century.

**Key words:** Orientalism, Kazbek, Kazan, Petersburg, Eastern languages, history, the North Caucasus.

Александр Касимович Казембек (1802-1870) – одна из ключевых фигур в отечественном востоковедении XIX в. В историю Санкт-Петербургского университета он вошел как первый декан открытого в 1855 г. Факультета восточных языков (ФВЯ) [1].

Историкам отечественного востоковедения знакомо высказывание академика В.В. Бартольда о том, что именно "Сенковский и Казембек своими лекциями создали русское востоковедение: почти все русские ориенталисты следующих поколений были учениками одного из этих двух ученых или учениками их учеников..." [2, с. 467].

В свою очередь И.Ю. Крачковский, отмечая вклад А.К. Казембека в историю русской ориенталистики, утверждал: "Не иностранцы привили у нас изучение Востока, и если изучение это пустило... глубокие корни, то тем обязаны мы прежде всего Сенковскому в Петербурге и Казембеку в Казани, которые дали целый ряд замечательных ориенталистов из своих учеников..." [3, с. 103].

Преподавание языков и истории мусульманского Востока в Петербургском Университете началось еще до создания ФВЯ. К середине

XIX в. Санкт-Петербург становится признанным центром отечественного востоковедения, которое было представлено здесь рядом академических и правительственных учреждений, в том числе Азиатским музеем, Географическим и Археологическим обществами, а также учебным отделением восточных языков Азиатского департамента министерства иностранных дел и восточным отделением Генерального штаба. Переезд в 1849 г. в Петербург ознаменовал новый этап в биографии Казембека - ученого-востоковеда, видного общественного и государственного деятеля.

Открытие в 1855 г. ФВЯ стало важным шагом в развитии российского востоковедения. Его первым деканом не случайно стал профессор А.К. Казембек - член-корреспондент Петербургской Академии наук (1835), автор многочисленных трудов по истории народов Передней и Средней Азии, Кавказа, Крыма и т.д. Так, его перу принадлежала изданная на турецком языке история крымских ханов с 1466 до 1787 г. («Ассабе-ус-Сейяр», 1832). В 1840-е гг. вышло его исследование «Об уйгурах» и статьи по истории ислама; в 1854 г. – «Кодекс мусульманского законовещения» (на араб.яз.). Пионер изучения кавказского муридизма и движения Шамиля, А.К. Казембек издал «Муридизм и Шамиль» (1859); «Посещение Шамиля» (1860); а тж. первое исследование о бабидах («Баб и бабиды. Религиозно-политические смуты в Персии с 1845 по 1853 гг.», 1865).

А.К. Казембек фактически выступил инициатором постановки на ФВЯ исторических курсов, полагая, что чтение их должно стать «обязательным для каждого преподавателя по отдельной кафедре». Вопрос «о дальнейшем развитии преподавания истории Востока», по словам академика В.В. Бартольда, имел тогда большое значение для ФВЯ. По программам утвержденным министерством в августе 1855 г., поначалу исторические курсы должны были читаться лишь профессорами отдельных восточных языков, поскольку «исследование Востока представляет еще фактов слишком мало для того, чтобы они могли наполнить собою целую отдельную науку...».

В сентябре 1857 г. А.К. Казембек писал о программе курса по истории арабов и ислама: «Сделав краткий обзор судьбы арабского народа до Мохаммеда, начать собственно историю с сего законодателя. Показав существенную реформу и направление, которыми ознамено-

валось влияние его на арабов, упомянув главнейшие его постановления, начертанные в Коране и преданиях, изложить историю распространения ислама и образования халифатства, историю образования важнейших сект мусульманских, затем падение халифатского могущества по завоевании турками Египта...» [4, с. 254].

В октябре 1857 г. ФВЯ постановил ходатайствовать об учреждении двух исторических кафедр: истории Восточной Азии и мусульманской Азии. В 1858 г. факультет по инициативе А.К. Казембека предпринял активные шаги по развитию исторических курсов, читавшихся профессорами и адъюнктами восточных языков, и даже к проведению в жизнь принципа, по которому чтение такого курса должно было быть обязательно для «каждого преподавателя по отдельной кафедре...» [5, с. 120-121].

Несмотря на то, что сам А.К. Казембек до своего ухода с должности декана в 1859 г. неоднократно заявлял о том, что считает преподавание истории "более серьезным", чем преподавание языков, ФВЯ по-прежнему рассматривал изучение истории Востока лишь как средство к более "основательному знакомству" с языками. В результате, первые попытки А.К. Казембека расширить спектр исторических курсов по странам Востока не принесли успеха. Только новый устав Университета в 1863 г. в числе девяти кафедр ФВЯ учредил, наконец, кафедру истории Востока, руководить которой был приглашен известный востоковед, знаток культуры народов Передней и Средней Азии профессор В.В. Григорьев (1816–1881) - ученик Х.Д. Френа и О.И. Сенковского.

Представление о содержании историко-востоковедных курсов того времени дают рабочие программы по истории Ирана, Турции и арабов. Так, курс истории Персии, который читал А.К. Казембек, включал 10 разделов, в т.ч. по древнему обществу, религии Зороастра, политической истории Сасанидов, распространению ислама в Персии, истории мусульманских династий Тахиридов, Саманидов, Газневидов, Буидов и Гуридов, завоеваниям Сельджукидов, истории султанов Хорезма, борьбы с монголами и т.д. Большое внимание при этом уделялось первоисточникам.

История арабов первоначально была доверена египетскому шейху профессору Мухаммаду Айяду ат-Тантави (1810-1861), который, однако, не смог закончить его ввиду тяжелой болезни. Этот курс был до-

веден лишь до середины IX в. и включал такие вопросы, как государственное устройство халифата, экономика, искусство и науки при первых Аббасидах.

Ряд аспектов новой истории - восстание ваххабитов, войны Египта эпохи Мухаммеда Али и пр. - были включены в курс истории Османской империи, который вел профессор А.О. Мухлинский (1808-1877). Как заведующий кафедрой турецко-татарской словесности, декан ФВЯ (1859-1866), он также немало способствовал изучению истории мусульманского Востока.

Практически весь начальный период на ФВЯ не прекращались споры о характере деятельности факультета. Один из наиболее острых вопросов по-прежнему касался характера и масштабов преподавания исторических дисциплин. Вопреки мнению ряда профессоров и правительственных чиновников, полагавших, что факультет должен готовить лишь «квалифицированных толмачей», А.К. Казембек, сам выдающийся языковед-полиглот, настаивал на расширении преподавания историко-культурологических курсов для подготовки столь необходимых государству специалистов по Востоку.

В 1868 г. А.К. Казембек, к тому времени уже всемирно признанный ученый, по выражению В.В. Бартольда, «маститый ориенталист», выступил с предложением ходатайствовать перед правительством о назначении средств для командирования молодых ориенталистов под руководством опытного профессора, например, В.В. Григорьева, которые бы совершали путешествия по Туркестану для изучения местных памятников древности.

По мнению А.К. Казембека, писал В.В. Бартольд, в Самарканде, Ташкенте и соседних городах скрывалось множество манускриптов..., на "стенах мечетей и примечательных зданий много надписей, которые могут разрешить некоторые темные исторические вопросы...". К сожалению, ФВЯ постановил тогда отложить решение данного вопроса. Уже в начале XX века В.В. Бартольд отмечал, что эта инициатива А.К. Казембека так и не была реализована в полной мере.

Большую роль в преподавании на ФВЯ истории мусульманского Востока сыграл еще один ученик А.К. Казембека И.Н. Березин (1818-1896), а также В.Д. Смирнов (1846-1922), который в 1878-1884 гг. вел курс политической истории Османской империи, ее отношений с Россией, истории турецкой экспансии и связей турок с крымскими ханами.

В 1870-е годы начинается научная деятельность выдающегося арабиста В.Р. Розена (1849-1908), декана ФВЯ (1893-1902), академика, с чьим именем был связан расцвет российского востоковедения на рубеже XIX – XX вв.

Практически первым российским ученым, приступившим к систематическому научному изучению разных аспектов исламоведения, был А.Э. Шмидт (1871-1939). Он преподавал арабский язык (с 1916 г. – как профессор), одновременно занимался историей ислама в Средние века. В 1912 г. опубликовал «Очерки истории ислама как религии», а в 1914 г. – работу о египетском суфии Абд ал-Ваххабе аш-Шаарани [4, с. 261]. Разработкой вопросов истории Ирана на ФВЯ занимался другой последователь А.К. Казембека - В.А. Жуковский (1858-1918), посетивший эту страну в 1883-1886 гг., в 1899 г. и посвятивший ряд работ истории религиозных движений в Иране.

Заложенные в середине XIX в. А.К. Казембеком и его учениками основы исторического направления петербургского востоковедения получили в XX в. развитие в творчестве новых поколений востоковедов, работавших как в Университете, так и в академических институтах Петербурга / Петрограда / Ленинграда.

В 1896-1930 гг. в стенах Санкт-Петербургского/Петроградского университета проходила научная и педагогическая деятельность В.В. Бартольда (1869-1930) - воспитанника ФВЯ, академика (1913), автора сотен трудов по истории и культуре народов Ближнего Востока и Средней Азии. Ученый-энциклопедист, историк-востоковед с мировым именем, он ввел в оборот колоссальный научный материал, основанный на арабских, персидских и тюркских источниках, положив начало фундаментальному изучению социально-экономических процессов, религиозных движений в мире ислама. С 1896 г. он вел семинары по истории Востока. Для студентов арабско-персидско-турецко-татарского разряда читал курсы «История Востока», «Историко-географический обзор мусульманской части Средней Азии», «История изучения Востока в Европе и в России», «История Восточного халифата», «История Египта в эпоху ислама» и др., сопровождавшиеся семинарскими занятиями. В 1918 г. в петроградском издательстве «Огни» вышли две известные работы В.В. Бартольда по истории мусульманского Востока: «Ислам» и «Культура мусульманства».

Революционные потрясения 1917 г. в России, сопровождавшиеся выступлениями на национальных окраинах, в т.ч. в районах с преиму-

щественно мусульманским населением, вызвали необходимость формирования новых структур управления и образования. В 1920-1930-е гг. в советском исламоведении получает развитие так называемое "атеистическое направление". Между тем, и традиционная, классическая школа в петербургском и в целом, в российском востоковедении, в частности в ближневосточных «штудиях», вышедших из наследия А.К. Казембека, В.Р. Розена, В.В. Бартольда, А.Е. Крымского, И.Ю. Крачковского, также сохранила свои позиции. По окончании Великой Отечественной войны в Ленгосуниверситете был воссоздан Восточный факультет (1944), где данное направление было представлено замечательной плеядой ученых. Выпускники Востфака ЛГУ/СПбГУ продолжили работу во многих научных центрах страны, включая прямо связанные с творчеством и наследием А.К. Казембека университеты Казани, Санкт-Петербурга и, конечно, Дагестана.

#### **Список литературы**

1. Дьяков Н.Н. А.К. Казем-Бек - первый декан Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета (По материалам академиков В.В. Бартольда и И.Ю. Крачковского) // Мирза Казем-Бек и отечественное востоковедение. Доклады и сообщения научной конференции. Отв.ред. М.З. Закиев, Р.М. Валеев. Казань: Изд. Казанского университета, 2001.
2. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Соч. Т.IX. - М., 1977.- С. 467.
3. Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. - М.-Л., 1950.
4. Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973.
5. Бартольд В.В. Обзор деятельности Факультета восточных языков. Соч. Т.IX. С. 120-121.

#### **Информация об авторе**

**Дьяков Николай Николаевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории стран Ближнего Востока, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация ; nick-d@mail.ru

**ОПЫТ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ  
М. КАЗЕМ-БЕКА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ  
СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ВОСТОКОВЕДОВ**

**А.А. Корнилов**

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный  
университет им. Н.И. Лобачевского,  
г. Нижний Новгород, Российская Федерация*

**Аннотация.** Статья посвящена деятельности Казем-бека на службе Департамента иностранных дел Министерства внутренних дел Российской империи и о его экспертно-аналитической деятельности на государственной службе. Обращает внимание на материалы Казем-бека хранящиеся в РГИА С.-Петербург, где им приведены некоторые политические сведения о деятельности религиозных братств в исламе. Сообщается о идее Казем-бека создания Азиатского института, где были бы объединены все восточные факультеты империи. В конце перечислены основные приоритетные направления подготовки востоковедов по Казем-беку.

**Ключевые слова:** Казем-бек, РГИА, экспертная деятельность, ислам, религиозные братства, секты, Азиатский институт, востоковедение.

**EXPERIENCE OF EXPERT AND ANALYTICAL ACTIVITY  
M. KAZEM-BEK AND ITS VALUE FOR THE PREPARATION  
OF MODERN RUSSIAN EASTERNERS**

**Annotation.** The article is devoted to the work of Kazem-bek in the service of the Department of Foreign Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire and its expert and analytical activities in the public service. He draws attention to Kazem-bek's materials stored in RGIA St. Petersburg, where they are given some political information about the activities of religious brotherhoods in Islam. It is reported about the idea of Kazem-beka of the creation of the Asian Institute, where all the eastern faculties of the empire would be united. At the end, the main priority areas for the training of Orientalists in Kazem-bek are listed.

**Keywords:** Kazem-bek, RGIA, expert activities, Islam, religious brotherhoods, sects, Asian Institute, oriental studies.

Как показывают документы и российская историография творческого наследия М. Казем-Бека, выдающийся востоковед успешно сочетал науку и практику.

Наряду с достижениями в области науки М. Казем-Бек находился много лет на государственной службе. В частности, с 1850 г. он был на службе в Департаменте иностранных исповеданий Министерства внутренних дел Российской империи, и его должность указывается как «советник-консультант». Благодаря неустанным трудам М. Казем-Бека лица, принимавшие решения по вопросам восточной политики империи, на регулярной основе получали исчерпывающие справки, информационные материалы, памятные записки (заметки). Таким образом, деятельность Александра Касимовича приобрела прикладной характер, включала анализ и экспертизу актуальных вопросов формирования и осуществления восточной политики Российской империи.

Как пишет петербургский историк, доцент СПбГУ С.Е. Григорьев [1], в Российском государственном историческом архиве отложились следующие документы Мирзы Казем-бека, имеющие экспертно-аналитический характер:

- 1) «О посещении храма Кааба или аль-Кааба в Мекке»,
- 2) «Записка профессора Казем-Бека с краткими сведениями о религиозных братствах в Исламе»,
- 3) «Записка профессора Казем-Бека о постановлениях шариата по вопросу о праве женщин на второй и последующие браки»,
- 4) «Записка его о роли муэдзина в магометанском богослужении»,
- 5) «Записка профессора Казем-Бека о сущности звания «хатып» и прочие.

Обратимся, например, к тексту записки, посвященной священному для мусульман храму Кааба. В записке, в частности, говорилось:

*«Рекомендации для русских хаджи.*

*Загранпаспорт только от губернатора, где живет сам хаджи.*

*За 4 месяца до хаджа уведомить губернатора об отъезде.*

*Согласие надлежащего магометанского духовного управления.*

*Подтверждение от местного муллы, что если уедет, то семья обеспечена. Если есть жены в других губерниях, то тоже самое.*

*Нет претензий от общины.*

*Полиция наводит справки.*

*Публиковать в газетах списки желающих поехать в хадж. После 3 месяцев выдать загранпаспорта. Только по неделе можно останавливаться в городах по пути» [2].*

Текст записки учит русских чиновников, каким образом следует содействовать хаджу, как сделать так, чтобы максимально обезопасить российских мусульман от различных проблем в период зуль-хадж.

Записка о деятельности религиозных братств в Исламе, в частности, сообщала следующие сведения практического свойства:

«В Исламизме с первых же веков его развития образовались братства. Учение этого братства называют тарикатом. Цель их основана на принципах христианского монашества, с чем они познакомились в Сирии. Тайный прозелитизм или мюридизм. 35 братств. Монастыри – рабат, часовня – тякья, места сходки – ханека, настоятель – муршид. Мюриды – ищущие истину. Россия знакома с 1825 г. Основатель Кази Мулла, довершил Шамиль. Приезд шейхов разных тарикатов из Бухары и Туркестана в Россию к татарам. Обычно безвредные, но бывают и плохие. Надо больше им внимания в Казанской, Симбирской, Саратовской, Оренбургской областях» [3].

Иными словами, наряду с историческими фактами и ключевыми терминами (рабат, тякья, муршид, мюрид, тарикат и другие), М. Казем-Бек давал политическую оценку деятельности братств («Обычно безвредные, но бывают и плохие», «Надо больше им внимания в Казанской, Симбирской, Саратовской, Оренбургской областях»).

Другое направление, имевшее прикладной характер, было связано с переводческой и преподавательской работой профессора М. Казем-Бека. Он принимал участие в переводе на татарский язык различных законов, уставов и инструкций правительства Российской империи, материалов православной богослужебной богословской литературы. Профессор преподавал турецкий и арабский язык в университетах Казани Санкт-Петербурга [4]. Поступая так, М. Казем-Бек строил мост диалога культур, который сегодня превратился из мечты в реальность. Однако возникло и другое важное явление. В процессе созидания межкультурного моста, крайне необходимого в XXI столетии, Мухаммед Али Мирза (А.К.) Казем-Бек готовил кадры для восточной политики империи.

В 1851 г. М. Казем-Бек предложил идею создания в Петербурге Азиатского института. Предлагалось структурное объединение восточных факультетов ведущих университетов империи. Наряду с изучением арабского, персидского и турецкого языков план М. Казем-Бека предусматривал изучение в Азиатском институте азербайджанского и джагатайского языков. Рассматривались возможности научных публикаций Азиатского института [5].

Это была здоровая конструктивная инициатива в духе современного подхода “Organizational Behavior”, рассчитанная на много десятилетий вперед. Неудача с проектом Азиатского института (он так и не был открыт) не остановила усилия М. Казем-Бека, который предлагал наладить преподавание турецкого языка в Военной академии. Известно, что за несколько месяцев 1853-1864 гг. он провел 63 занятия по турецкому языку для офицерского состава академии. В 1855 году был открыт Восточный факультет Санкт-Петербургского университета, деканом которого стал М. Казем-Бек. Его педагогическая и научная деятельность во славу российской науки и российского востоковедения продолжалась.

Современного преподавателя и ученого-ориенталиста особенно вдохновляет разработанный М. Казем-Бекем так называемый «План научного путешествия» для трехлетнего путешествия магистров Казанского университета Березина и Диттеля по странам региона Ближнего и Среднего Востока. География той научной поездки включала Иран, Сирию, Палестину, Египет и Турцию (Османскую империю).

Профессор настоятельно рекомендовал изучать языки и наречия, посещать медресе и академии, познавать географические особенности территорий, работать в библиотечных учреждениях, составлять каталоги литературы, конспектировать путевые наблюдения, делать заметки.

Размышляя о значении научного наследия и экспертно-аналитическом опыте М. Казем-Бека, мы находим целый ряд его (оригинальных для того времени) подходов к подготовке востоковедов, актуальных в стенах университетов современной России. Принципы научно-учебного процесса, реализованные М. Казем-Бекем, сегодня приняты – в той или иной степени, в том или ином формате – во многих вузах РФ. Это означает, что российский профессор Казем-Бек, ученый энциклопедического масштаба знаний, предвидел будущее и мог с дерзновением заглянуть за научные горизонты.

При подготовке востоковедов, очевидно, необходимо работать по следующим приоритетным направлениям:

1. Изучение языка (или языков) страны/региона специализации.
2. Поиск и критический анализ исторического источника, оригинального документа страны/региона Востока.
3. Знания географии, истории, культуры, литературы, религии, экономики, политики изучаемой территории. Обновление этих знаний.
4. Поездки в страну/региона для получения и углубления языковых, религиоведческих, политических, экономических и других существенных знаний.
5. Овладение методологией, методами и инструментами научно-прикладного анализа.
6. Постоянное выполнение научных заданий, подготовка элементарных, а затем и сложных экспертных разработок.
7. Публикация полученных результатов исследований в научных изданиях, в том числе на языках региона или страны изучения.
8. Составление, систематизация и обновление ресурсной (источниковой, историографической, информационно-аналитической) базы исследований стран Востока.
9. Выступления в СМИ и научных социальных сетях с целью пропаганды востоковедения и сообщения российской общественности знаний о Востоке.

К вышесказанному добавим, что университетские кафедры и факультеты, ответственные за подготовку востоковедов в России, обязаны и далее обращаться, вновь и вновь, к научному наследию М. Казем-Бека. Это касается, в первую очередь, вузов, участвующих в программах подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама.

В свою очередь, обращение к творческому наследию М. Казем-Бека предполагает внимательное прочтение его трудов. Необходима, крайне востребована публикация или размещение в Интернет-пространстве оригинальных работ профессора. Необходимо вынести из архивохранилищ рукописные и напечатанные тексты Мирзы Мухаммеда Али Казем-Бека времен Российской империи, сделать их доступными широкой студенческой и преподавательской аудитории, способствовать изучению и обсуждению этих трудов. Возможно, что для координации этой работы, которая займет, безусловно, не один год, сле-

дует создать кафедру или научный центр имени М. Казем-Бека в Казанском или Санкт-Петербургском государственном университете. Не помешает этому процессу и выделение грантовых средств и учреждение соответствующими фондами, академиями или духовными управлениями мусульман нашей российской уммы научных премий, стипендий, призовых публикаций (публикация как награда) имени выдающегося российского ученого.

### Список литературы

1. Григорьев С.Е. Архивы Санкт-Петербурга о профессоре А.К. Казем-Беке// Наследие Мирзы Казем-Бека: История и современность: Доклады и сообщения Международной научной конференции (г. Казань, 20–21 ноября 2013 г.) / Гл. ред. Р.М. Валеев. – Казань: Фолиант, 2015. С.60.
2. Там же. С.65-66.
3. Там же. С.67.
4. Рзаев А. К. Мухаммед Али Мирза Казем-Бек. - М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 58-98.
5. Там же. С.29.

### Информация об авторе

**Александр Алексеевич Корнилов**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и локальной истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: kotva64@mail.ru

## КАЗЕМ-БЕК. БЫЛ ЛИ «КАВКАЗСКИЙ МЮРИДИЗМ»?

### Х.Г. Магомедсалихов

*Дагестанский гуманитарный институт,  
г. Махачкала, Республика Дагестан, Российская Федерация*

**Аннотация.** Научный подход автора статьи в том, что антиколониальная война рассматривается через призму внутривидовой агрессии, как объективного явления социальной жизни. Такой же объектив-

ный характер носит борьба за самосохранение народа, на почве которого произошли абсолютное большинство войн в истории человечества.

В предлагаемой статье автором выражается иная позиция, чем у Казем-Бека относительно причин Кавказской войны. В частности, автор выражает несогласие с тем что война была обусловлена религиозным фанатизмом горцев, основанной на тарикате, и утверждает версию об обусловленности борьбы горцев национальной, культурной, религиозной идентичностью. Исходя из этих позиций в статье интерпретируется историческое значение борьбы горцев Дагестана и Чечни в XIX веке.

**Ключевые слова:** агрессия, колониальная политика, религиозный фанатизм, горцы Дагестана и Чечни, мюридизм, культурная идентичность

### **KAZEM-BEK. WAS THERE "CAUCASIAN MURIDISM"?**

**Abstract.** the Scientific approach of the author of the article is that the anti-colonial war is considered through the prism of intraspecific aggression as an objective phenomenon of social life. The same objective character is the struggle for self-preservation, on the basis of which the vast majority of wars in the history of mankind took place.

In the proposed article the author expresses a different position than Kazem-Bek regarding the causes of the Caucasian war. In particular, the author disagrees with the fact that the war was caused by religious fanaticism of the highlanders, based on tariqa, and argues the version of the conditionality of the struggle of the highlanders national, cultural, religious identity. Based on these positions, the article interprets the historical significance of the struggle of the mountaineers of Dagestan and Chechnya in the XIX century.

**Key words:** aggression, colonial policy, religious fanaticism, mountaineers of Dagestan and Chechnya, Muridism, cultural identity

Агрессия и экспансия являются объективной сутью внутривидовой борьбы биологических видов, в том числе человека. За обоснование этой концепции австрийский ученый Конрад Лоренц был удостоен Нобелевской премии (1975).

Агрессия – это такой же инстинкт, как и половой, самосохранения, иерархии и т.д. «Агрессия – это такой же инстинкт, как и все остальные, и в естественных условиях так же, как и они, служит сохранению жизни и вида» [1]. Равномерное распределение определенного биологического вида на данной территории является следствием агрессии. Агрессия – инстинкт внутривидовой. Конрад Лоренц считал, что внутривидовая борьба является серьезной угрозой существованию человечества, как вида. Такая научная концепция тем более актуальна в настоящее время, когда человечество изобрело оружие массового уничтожения для внутривидовой борьбы.

Внутривидовая агрессия и экспансия явилась причиной разделения человеческого общества на государства и охрана границ. По этой же причине в настоящее время число государств по сравнению с периодом завершения 2-ой мировой войны почти удвоилось.

Согласно концепции психоанализа З. Фрейда инстинкты и в том числе агрессия относятся к бессознательному, а потому являются процессами неподконтрольными сознанию, а соответственно могут привести к непредсказуемым последствиям.

По мере формирования народов и социумов экспансии в числе других причин и факторов составляли суть отношений между ними, которые с открытием Америки Х. Колумбом обрели колониальный характер, когда цивилизованные страны Европы колонизировали отставшие в культурном развитии народы Америки, Азии, Африки. Хотя официально считается, что колониальная система перестала существовать в начале 70-х гг. XX в., однако суть экспансий остается неизменной, хотя бы потому что внутривидовая агрессия является объективным явлением [1]. А потому вопросы, связанные с колониальной политикой и войнами, не потеряли научной и прикладной актуальности и соответственно не ослабевает исследовательский интерес к этой проблеме.

С одной стороны, агрессия и обусловленный этим фактором колониализм, а с другой, культурная идентичность, с которой ассоциируется свобода и независимость – два эти объективных явления были в основе абсолютного большинства военных конфликтов в истории народов. В контексте колониальной агрессии и экспансии следует рассматривать, в том числе Кавказскую войну или борьбу горцев Северовосточного Кавказа против колониальной политики России в XIX в.

Тема Кавказской войны и особенно касательно ее причин и характера является многострадальной. Перепады в ее интерпретации в истории были обусловлены зачастую не поиском научной истины и объективности, а мотивированы политическими, конъюнктурными интересами. Тема особенно дискуссионной была в советский период, когда попытки сводились подогнать события, связанные с Кавказской войной под идеологию и искали классовый и партийный подход в их интерпретации. При этом труды дореволюционных авторов советские историки называли «дворянско-буржуазной историографией» и интерпретировали только в критическом контексте.

Следует отметить, что в 1956 г. научная сессия дагестанского филиала АН СССР движение горцев определило, как национально-освободительное, антифеодальное и антиколониальное.

Имя самого Имама Шамиля в продолжении двухсот лет также становилось предметом спекуляций. Так, в период гражданской войны в Дагестане внука Имама Шамиля Саид-Бея привлекали в события, чтобы возбудить и нагнетать гражданское противостояние. Или же в ответственный период Великой Отечественной войны, используя высокий рейтинг Шамиля в народе, с целью поднять патриотический настрой была создана танковая колонна имени Имама Шамиля. Затем в мирный период советская историография представляла Шамиля не иначе, как наймитом и ставленником английских и турецких империалистов. И только с начала 90-х гг. прошлого века исследователи получили возможность, не оглядываясь на политическую конъюнктуру и идеологию объективно отражать историю Кавказской войны.

Здесь именно тот случай, когда независимо от конъюнктурных интересов истина пробивает себе путь, а также то, что исторические события и факты остаются неизменными, а меняется их интерпретация, таков диалектический путь познания истины.

В контексте сказанного представляют интерес взгляды и интерпретация Казем-Бекком событий, связанных с Кавказской войной. Будучи самым эрудированным ученым-востоковедом в России в XIX в., Казем-Бек не мог обойти вниманием Кавказскую войну – одну из главных и резонансных событий XIX в.

Свои взгляды ученый представил в небольшом по объему, но емком по содержанию труде «Шамиль и мюридизм», опубликованной в

1859 г. В работе ученый прослеживает причины Кавказской войны через призму религиозного фанатизма – концепции, доминировавшей тогда в российской историографии и отражавшей официальную точку зрения. Вклад Казем-Бека в разработку проблемы в том, что он предпринял попытку проследить истоки идеологии мюридизма в Дагестане. При этом фанатизм горцев Дагестана и Чечни автор интерпретирует с позиций мюридизма, основанного на тарикате и джихаде, полагая что «фанатизм во сто крат увеличивает энергию слепых жертв» [2, с. 5]. Для обоснования своей позиции Казем-Бек проводит сравнительные аналогии с антиарабским восстанием Бабека в начале III столетия Хиджры или же с движением бабидов в Иране в середине XIX в [2, сс. 5 – 7].

Естественно Казем-Бек, будучи представителем своей эпохи и тем более, зная официальную точку зрения властей по проблеме, не мог кроме как религиозным фанатизмом интерпретировать движение горцев. В противном случае пришлось бы признать колониальный характер войны на Кавказе, а также объяснить истинные причины затяжного характера этой войны. А потому Казем-Бек интерпретирует характер войны с горцами в соответствии с официальной позицией и не зря в начале работы победу над горцами ученый называет «счастливое событие, которое бросает столь яркий свет на славу оружия русских войск на Кавказе» [2, с. 3].

По этой причине не со всеми интерпретациями ученого следует согласиться, тем более что в силу понятных причин Казем-Бек не мог быть объективным в освещении вопросов касательно Кавказской войны. Самое большое нарекание вызывает позиция автора относительно обусловленности Кавказской войны религиозным фанатизмом, основанной на тарикате и это движение он называет термином «мюридизм».

Во-первых, термин «мюридизм» в источниках периода борьбы горцев до Казем-бека не встречается, а также нет его ни в одном словаре. Нет также этого термина во всей арабо-мусульманской литературе и значит термин «мюридизм» – продукт письменной и устной речи XIX в., искусственно привязанный к тарикату, шариату, газавату / джихаду [3, с. 201].

Во-вторых, тарикат, как основа фанатизма по Казем-Беку, не была воинствующей идеологией и по этому поводу известный тарикатский

шейх и современник событий Джамалудин Казикумухский писал: «Это учение (тарикат – Х.М.) почти всегда принималось за непосредственную проповедь о газавате или войне с неверными и тарикатские мюриды или ученики всегда смешивались с шамилевскими мюридами, тогда как в сущности учение о тарикате в задаче своей чуждо политических целей и направлено собственно к возвышению чисто религиозного духа своих последователей» [4, с. 2].

Итак, учение тарикат носило исключительно мирный, религиозный характер и имела своей целью спасение души посредством сближения со Всевышним через молитвы и подобающий образ жизни. По этой причине тарикатский шейх Джамалудин Казикумухский не дал разрешение (ижазы) на начало газавата. «Мой отец не согласился с его (Гази-Мухаммеда) решением по двум причинам .... : тарикат, который принял Гази-Мухаммад от моего отца, не велит вести джихад, так как он признает только упоминание Аллаха Всевышнего (зикр) не более» [5, с. 31 – 32].

К тому же, первые имамы Гази-Мухаммад и Шамиль не были официальными шейхами и потому не имели права заниматься тарикатской практикой и никогда этим не занимались. А потому не возбуждали религиозный фанатизм в горах через тарикат.

В-третьих, разрешение на джихад первому имаму Казии-Магомеду дал Магомед Ярагский (Кюринский), но при следующих обстоятельствах: Сначала Гази-Мухаммед обратился за разрешением на джихад Д. Казикумухскому, который отказал. Затем Гази-Мухаммед с письмом обратился к М. Ярагскому, в котором сообщал об отказе Д. Казикумухского и в то же время ссылаясь на изречение из Корана, где Аллах призывает к борьбе с неверными. На письмо шейх М. Ярагский ответил: «Велению Аллаха целесообразно повиноваться, чем распоряжению Джамалудина. Но ты выбери то, что считаешь нужным» [5, с. 32]. То есть, шейх предоставил Гази-Мухаммаду право выбора на путь газавата.

Здесь следует заметить, что у М. Ярагского были личные мотивы для начала джихада, так как он был направлен в первую очередь против Аслан-хана, являвшегося врагом мюридов. Потому М. Ярагский считывал свести счеты с Аслан-Ханом, который запретил ему заниматься тарикатской практикой и даже нанес пощечину. В противном случае шейх М. Ярагский мог не разрешить Гази-Мухаммеду джихад

[5, с. 32]. Поэтому разрешение на джихад со стороны М. Ярагского является не обоснованным с идеологической точки зрения, а также условным и номинальным.

В-четвертых, в 30-х гг. XIX в. только ограниченное число горцев имело представление о тарикате и тем более практиковало его. Здесь следует согласиться с автором XIX в. Н.А. Смирновым: «если не считать всех участников движения мюридами, как делают некоторые авторы, собственно мюриды в общей массе составляли незначительное меньшинство» [6, с. 147]. Это же мнение подтверждает известный специалист по Кавказской войне Р. Магомедов, который писал: «Мюридов в полном понимании этого слова на всем продолжении Кавказской войны было немного – их считали десятками... Мюридом у Шамиля считался всякий преданный и честный горец, который становился под знамя Шамиля» [7, с. 43].

И трудно себе представить какими доводами суфийские шейхи или первые Имамы могли возбуждать своих последователей к газавату / джихаду, когда идеология тариката не была распространена среди горцев и к тому же ее идеи противоречат джихаду.

Таким образом, религиозный фанатизм горцев не был обусловлен тарикатом, а попытки подвести тарикат под религиозный фанатизм предприняты с целью скрыть колониальный характер Кавказской войны, а также затяжной ее характер.

Касательно религиозного фанатизма горцев следует отметить, что он имел место быть, без которого борьба не обрела бы столь ожесточенный и продолжительный характер. Сам Казем-Бек признает, что все революции обусловлены фанатизмом «Фанатизм, впрочем, принадлежит всем революциям, в особенности там, где предлог восстания – вера» [2, с. 4]. С таким же успехом фанатизм является главной движущей силой всех национально-освободительных, антиколониальных войн. Угроза потери национальной идентичности является экстримом, критической точкой для любого социума и потому фанатизм является эффективным средством в самосохранении. А в случае с горцами Северо-восточного Кавказа религиозный фанатизм и солидарность на этой основе сыграли ключевую роль в консолидации разрозненных обществ в антиколониальной борьбе. Следствием религиозного фанатизма было то, что «горцы иногда по десяти дней и более принуждены

были от голода есть траву и несмотря на такое положение, они повиновались Шамилю и его сыну» [8, с. 75].

А поэтому религиозный фанатизм горцев проявился в виде коллективной энергии и был мотивирован самосохранением, который оказался эффективным и благодаря которой горцы смогли противостоять в течение более полувека. Коллективная энергия горцев выражалась, в том числе в коллективной молитве сподвижников Имама, остававшихся в резиденции – Дарго за успехи Шамиля, а также в коллективном выражении скорби по поводу неудачи. Об этом в своих воспоминаниях Абдурахман пишет: Когда Имам собирался в поход против русских, то к его «дому стекались все жители селения, ученые, благочестивые, богомольцы, которые не выходили вместе с ним (т.е. оставались в селении). Они провожали имама в сражение с молитвой, взывая к помощи Всевышнего Аллаха к победе ... женщины начинают причитывать, мужчины молятся, поднимая руки, целыми ночами не спят, молясь Всевышнему Аллаху» [5, с.1].

Любая война во все времена сопровождается идеологическим обоснованием ее целей и чем убедительней и сильнее идеология, тем ожесточеннее военное противостояние. А потому религиозный фанатизм был мощным средством в отстаивании национальной, культурной идентичности горцев Дагестана и Чечни. К тому же религиозный фактор был доминирующим в создании теократического государства – Имамат, куда объединилась значительная часть союзов сельских обществ, число которых в Дагестане достигало около 50. Тем самым религиозный фактор консолидировал общество и концентрировал коллективную энергию в борьбе за сохранение культурной, национальной идентичности.

Научно-исследовательский подход в том и заключается, чтобы видеть истинный, глубинный смысл исторического явления, который не лежит на поверхности. Истинная причина Кавказской войны заключена в его антиколониальном характере, горцы воевали за свою культурную, национальную и в том числе религиозную идентичность. Такой смысл борьбы заключен в речи Имама Шамиля, с которой он выступил осенью 1858 г. в сел. Шали: «О народы и общества Дагестана и Чечни! Знайте, что я вам говорю истину. Я не требую с вас денег, ... русские не имеют никакой другой цели от этих бедных жителей Чечни и Дагестана, как только то, чтобы брать вас в солдаты, а жен ваших в

матушки, они отберут у вас оружие и даже не позволят иметь ножа. Всех почетных ваших сошлют в Сибирь, и вы будете после того, как мужики. Вы подождите немного и увидите, что будет после. Вы будете раскаиваться и грызть себе пальцы, но ничто вам тогда уже не поможет» [8, с. 56].

Слова Имама Шамиля сбылись, чему свидетельством стало восстание 1877 г., когда географические рамки антиколониального сопротивления намного превзошли территорию Имамата, и оно было подавлено с беспрецедентной жестокостью.

Следует заметить, что сам Имам не был ортодоксальным исламитом, а вполне демократично относился к другим религиям и их последователям. Об этом свидетельствует тот факт, что в резиденции Шамиля – Дарго была часовня, где пленные и перебежавшие русские могли справлять религиозные ритуалы.

О религиозной демократичности Имама Шамиля свидетельствует также другой факт. Будучи в Петербурге Иمامу Шамилю показали картины с Дрезденской картинной галереи, в числе которых был портрет «Христос Спаситель».

Имам спросил у пристава – Кто это?

– Спаситель наш, отвечал г. Богуславский.

– Он многому прекрасному учил вас! – сказал Шамиль. Я тоже Ему буду молиться. Он мне счастье даст.

В душе Шамиль далеко не был таким красным фанатом, как это можно думать... Религиозный фанатизм его скорее был делом политического расчета, нежели глубокого душевного убеждения..» [9, с. 21].

Резюме: Будучи одним из самых эрудированных ученых-востоковедов своего времени Казем-Бек внес значительный вклад в научное исследование Кавказской войны и интерпретации ее причин. Однако диалектический метод достижения научной объективности основан на критическом подходе, что в том числе касается концепций Казем-Бека.

Религиозный фанатизм горцев имел место быть, и он умножал их силы, но он не был основан на тарикате и джихаде. А потому Кавказская война носила антиколониальный характер и была мотивирована сохранением национальной, культурной, религиозной идентичности.

Всемирно-историческое значение деяний Имама Шамиля и горцев Северо-восточного Кавказа, в том, что благодаря их борьбе в XIX в.

народы Дагестана и Чечни сохранили свою культурную идентичность. По прошествии двух веков Имам Шамиль остается символом антиколониальной борьбы мирового значения, а потому личность его вызывает повышенный интерес у каждого нового поколения и каждый раз обретает новый смысл и значение.

Истинный смысл и значение Кавказской войны заключена в словах одного из лучших социальных теоретиков XIX в. К. Маркса: писал: «Храбрые черкесы опять нанесли ряд поражений русским, народы, учитесь, на что способны люди, желающие оставаться свободными».

На современном этапе развития исламская религия является фактором, консолидирующим дагестанское общество, которая способствует культурному самосохранению и нравственному очищению. Именно благодаря исламской религии Дагестан наряду с Чеченской Республикой и Ингушетией занимает передовые позиции среди субъектов РФ с минимальным потреблением алкоголя.

#### **Список литературы**

1. Конрад Лоренц. Агрессия. Интернет-ресурс // [https://royallib.com/book/konrad\\_lorents/agressiya.html](https://royallib.com/book/konrad_lorents/agressiya.html)
2. Казем-Бек М. Шамиль и мюридизм. Махачкала, 1990.
3. Асиятилов С.А. К вопросу о так называемом «кавказском мюридизме» // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. Материалы Всесоюзной научной конференции 20 – 22 июня 1989 г. Махачкала, 1989.
4. Адабул-Марзия. Сочинение Джемаледдина Казикумухского о тарикате (перевод с арабского А. Омарова) // ССКГ Вып. 2. Тифлис, 1868.
5. Абдурахман из Газигумука. Книга воспоминаний. Перевод с арабского М.-С. Саидова. Махачкала, 1997.
6. Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1962.
7. Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1991.
8. Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1990.
9. Руновский А. Записки о Шамиле. М., 1989.

### Информация об авторе

**Магомедсалихов Хайбула Гамзатович**, доцент кафедры теологии и социально-гуманитарных дисциплин Дагестанского гуманитарного института, доктор исторических наук, г. Махачкала, Республика Дагестан; E-mail: Haibula45@mail.ru

## О НАУЧНЫХ ИЗЫСКАНИЯХ МИРЗЫ КАЗЕМ-БЕКА В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

**Ш.М.Мустафаев**

*Институт востоковедения им. З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана,  
г. Баку, Республика Азербайджан*

**Аннотация.** Статья посвящена проблеме объективной интерпретации значимости работ в области истории тюркских народов Мирзы Казем-Бека. Прослеживается процесс последовательного осознания кавказскими народами в отношении с Российской империей своего места в новой исторической реальности и переосмысления своей идентичности, что неизбежно вело к обращению к собственной истории.

**Ключевые слова:** история, тюркские народы, историография, османистика, источниковедение.

## ABOUT SCIENTIFIC RESEARCHES OF MIRZA KAZEM-BEK IN THE SPHERE OF HISTORY OF TURKIC PEOPLES

**Annotation.** The article is devoted to the problem of an objective interpretation of the significance of the works in the history of the Turkic peoples of Mirza Kazem-Bek. The process of consistent awareness by the Caucasian peoples in relations with the Russian empires of their place in the new historical reality and rethinking of their identity is traced, which inevitably led to turning to their own history.

**Keywords:** history, Turkic peoples, historiography, ottomanistics, source study.

Сложный, противоречивый по своим последствиям процесс завоевания Кавказа со стороны Российской империи получил неоднозначную оценку в рамках исторических дискурсов постсоветских стран, порой формирующихся в прямой или опосредованной зависимости от текущей политической конъюнктуры. Вместе с тем, каковы бы ни были подходы к данной проблеме, очевидно, что одним из наиболее ключевых и фундаментальных результатов этих событий было начало модернизации мусульманских обществ, включенных в сферу доминирования России, процесса их постепенного перехода от традиционного типа к современному. Все это сказывалось не только в изменении социальных отношений и институтов, но и в сломе прежнего общественного сознания, постепенном появлении новых культурных и интеллектуальных ориентиров у мусульманских народов региона.

Эти явления были характерны также для Азербайджана, как и для всех остальных мусульманских обществ Кавказа. Впервые в своей истории оказавшись под политической властью немусульманской империи, азербайджанское общество столкнулось с насущной проблемой осознания своего места в новой исторической реальности и переосмысления своей идентичности, что неизбежно вело к обращению к собственной истории. Не случайно в этот период закладывается основа современной научной историографии в Азербайджане. Мы видим примеры трудов А.Бакиханова об истории Ширвана и Южного Дагестана, работ ряда местных авторов об истории Карабага (т.н. «Карабагнаме»), Шекинского ханства и т.д.

Все эти явления следует рассматривать также в рамках общего роста в Российской империи в первой половине XIX в. академического интереса к истории Востока, в том числе, тюркских народов. Плодотворная научная деятельность Мирзы Казем-Бека занимает в этом плане особое место в российском востоковедении. О Казем-Беке часто повторяют слова его ученика и последователя И.Н.Березина о том, что «благодаря особым обстоятельствам азиатского воспитания и позднейшего европейского развития он соединял в себе обширное восточное знание с европейской наукой». [12, с.13] Пожалуй, подобную характеристику, подчеркивающую соединение в одном лице восточной культуры с новым европейским образованием и наукой, можно дать деятельности первых поколений всей мусульманской интеллигенции России.

Необходимость в широком изучении языков и истории народов Востока, с которыми Россия находилась в непосредственном контакте, к началу XIX в. назрела давно. Российская наука в этой области все еще значительно отставала от западноевропейской и в определенной степени зависела от нее. В.В.Бартольд писал об этом: «Казалось бы, что в России, по составу ее населения и по ее культурным задачам, было бы легче всего понять неразрывную связь между востоковедением и другими отделами гуманитарных наук; между тем именно в России знание восточных языков еще дольше, чем в Западной Европе, казалось никому ненужной экзотической ученостью» [1, с. 538]. Касаясь проблемы изучения истории народов Востока, Казем-Бек также признавался, что эта область «русскими учеными почти вовсе не разработана» [3, с.122]. Не случайно сам он старался в меру своих сил наряду с проблемами языкознания, литературоведения, исламоведения, обращаться и к вопросам восточной историографии и источниковедения. В рамках обширного и многогранного научного наследия Казем-Бека его труды по истории тюркских народов занимают важное место.

Мирза Казем-Бек был одним из первых ученых в российской науке, который исследовал различные аспекты истории и культуры восточных народов не только на основе трудов современных ему европейских историков-ориенталистов, но и опираясь на широкую базу мусульманских источников на арабском, персидском и различных тюркских языках. Осуществленное им в 1832 г. издание текста рукописи и сопровождающего его текстологического и исторического исследования произведения османского автора первой половины XVIII в. Сеида Мухаммеда Риза «Ас-саб ас-сейар фи ахбар мулюк татар», посвященное истории первых семи правителей Крымского ханства, явилось важной вехой в становлении российской османистики [10, с. 55].

Надо сказать, что на раннем этапе своей работы в Казани Казем-Бек не ограничивался лишь преподавательской деятельностью, но и занимался переводами образцов восточной словесности на русский язык. Первым произведением такого характера, принесшем ему известность как ученому-источниковеду, стала работа Сеида Мухаммеда Риза. Усилиями молодого профессора Казанского университета было введено в оборот произведение, неизвестное до той поры европейской науке. До начала работы над источником Казем-Бек обратился с письмами к муф-

тиям Уфы и Таврии, ахунам Казани и Оренбурга, с которыми он поддерживал связь, а также к своему соотечественнику, профессору Петербургского университета Мирзе Джафару Топчибашеву, в надежде обнаружить другие списки рукописи. Однако Казем-Бек был чрезвычайно удивлен, узнав, что труд османского историка об истории Крымского ханства сохранился в единственном экземпляре [4, с.157].

Работа над переводом требовала большого усердия, исторической и лингвистической эрудиции, поскольку рукопись была написана на т.н. «высоком стиле» османского языка, представлявшего собой невероятное смешение слов и литературных оборотов из средневекового турецкого, арабского и персидского языков. Для людей, не владевших одним из этих языков либо слабо знакомых с ними, было весьма затруднительно разбираться в этой лингвистической эклектике. Не случайно непревзойденный знаток османской исторической литературы и автор 2-х томной монографии «Крымское ханство под верховенством Османской порты» В.Д.Смирнов писал, что хотя эта «история и отличается всеми стилистическими прелестями турецкого слога, но зато необыкновенная длиннота и вычурная хитросплетенность огромных периодов, сплошь переполненных метафорами, требует большого внимания и иногда невероятных усилий для того, чтобы добираться до заключающегося в них смысла» [10,с.57]. Текстологический разбор манускрипта потребовал у Казем-Бека двух лет упорной, скрупулезной работы.

Публикация Казем-Бекем труда Сеида Мухаммеда Риза явилась важным вкладом как в становление российской османистики, так и в изучение истории Крыма, т.к. это произведение до сегодняшнего дня остается одним из важнейших источников по истории Крымского ханства. Сам Казем-Бек следующим образом обосновывал важность данной рукописи для исторической науки и российского востоковедения: «Я нахожу, что она содержит в себе новейшую историю крымских ханов и любопытные происшествия, касательно России, Турции, Польши, Германии, принесет большую пользу ученому свету и в некоторых случаях может даже служить материалом для историков вышеуказанных государств» [4, с.157]. Тот же В.Д.Смирнов отмечал, что «Семь планет» «по богатству и разнообразию своего содержания превосходит все, что только у нас было под руками по части турецких ис-

точников для истории Крымского ханства; это, можно сказать, есть энциклопедический сборник по части крымско-татарской старины» [10, с.58].

Эта работа после публикации довольно быстро нашла признание и в западном востоковедении, и Лондонское Королевское Азиатское общество обратилось к Казем-Беку с просьбой перевести текст рукописи на английский язык. Однако ученому пришлось отказаться от этой идеи ввиду «возвышенного» стиля изложения и перенасыщенности текста источника восточными метафорами, витиеватыми фразами, значительно усложнявшими их адекватный перевод не только на английский, но и на русский языки.

В ходе работы над названным османским источником Мирза Казем-Бек обратил особое внимание на события российской и татарской истории 1660-го года, а именно на сообщения некоторых авторов о кратковременном взятии татарами Астрахани в это время. Для уяснения столь любопытного исторического сведения Казем-Бек обратился как к ряду русских, так и турецких источников, в том числе, к официальной хронике Наима. Результаты научных изысканий автора нашли свое отражение в его работе «О взятии Астрахани в 1660 г.», опубликованной в 1835 г. в Ученых записках Казанского университета.

Не менее значительным вкладом Мирзы Казем-Бека в российскую историческую тюркологию стала публикация его «Исследований об уйгурах» в 1841 г., поскольку история этого народа представляла собой малоизученную тему в европейской востоковедческой науке. По признанию самого автора, «никакое имя в истории северных народов и Центральной Азии» не казалось «столь занимательным в отношении к древним памятникам словесности и, вместе столь неопределенным по своему значению, как название Уйгур» [7, с.37]. Действительно, в тот период среди ориенталистов шли оживленные дискуссии не только об этническом происхождении и ранней истории уйгуров, но даже об этимологии самого этнонима. Мирза Казем-Бек стал, по сути, пионером в исследовании данной темы в российской ориенталистике. Его исследование способствовало прояснению немаловажных аспектов данной проблемы, и ряд его выводов лег в основу дальнейшего развития уйгуроведения в России.

Не будет, пожалуй, большим преувеличением сказать, что для европейского востоковедения XIX в. одной из наиболее сложных и загадочных проблем в области исторических исследований оставалась древняя история тюркских и монгольских народов. Причин тому было несколько. Прежде всего, считалось, что кочевые народы Великой степи, в отличие от земледельческих оседлых сообществ, стояли на довольно низком культурном уровне, были далеки от письменной культуры, а потому не могли оставить после себя сколько-нибудь значимых письменных памятников сугубо исторического характера. Мирза Казем-Бек в этом плане не преминул отметить, что знания таких народов о собственной истории ограничены исключительно их преданиями, которые «переходят от поколения к поколению, от племени к племени и живут вместе с памятью народа», часто оставаясь без всякого изменения. Вместе с тем, несмотря на возможность различных форм их передачи, «главный их характер всегда неизменен», и из них всегда можно извлечь «много истинного и полезного» [7, с. 55-57].

Также нужно добавить, что к середине XIX в. не было еще сделано феноменальных открытий тюркских письменных памятников – каменных стел с руническими надписями на реке Орхон эпохи второго Тюркского каганата, буддийских и манихейских памятников уйгурской письменности из Восточного Туркестана и т.д. Поэтому Казем-Беку приходилось удовлетворяться теми сведениями, которые были накоплены европейской наукой к 40-ым гг. XIX столетия.

В условиях, когда европейская археологическая наука находилась еще в зачаточном состоянии, и, тем более, не проводилось никаких систематических археологических изысканий в евразийских степях, вполне естественно, что черпать информацию о древних кочевых народах и племенах можно было лишь из исторической литературы соседних с ними оседлых обществ – китайской, античной европейской и мусульманской. Безусловно, наиболее полный свод такого рода сведений содержался в многочисленных китайских источниках, в основном, в династийных летописях или хрониках. К первой половине XIX в. европейская синология добилась ощутимых успехов. Эта наука еще в 1814 г. стала предметом университетского преподавания во Франции, а впоследствии также в Англии и Германии [2, с.322]. Труды французов Дегиня, Жан-Пьера Абель-Ремюза и немца Юлиуса Клапрота способствовали развитию научного китаеведения в Западной Европе и вводу

в научный оборот новых источников. Особенно следует отметить значительный вклад Абель-Ремюза в изучение истории тюркских и монгольских народов на основе китайских источников. В России эту функцию в значительной степени взял на себя Иакинф Бичурин, православный миссионер и исследователь, проведший много лет в Китае и оставивший после себя обширную историческую литературу, переведенную им с китайского на русский язык.

Таким образом, когда Мирза Казем-Бек решил обратиться к исследованию истории уйгуров, в его распоряжении была научная и справочная литература, наработанная первым поколением европейских и русских синологов. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что Казем-Бек отмечал и слабые стороны и недостатки трудов этого поколения ученых, особенно своего современника Иакинфа Бичурина. В частности, он указывал: «К сожалению, его “История”, заключающая в себе перевод разных исторических китайских сочинений, лишена необходимых исторических и критических замечаний, могущих объяснить самые важные и самые нужные вопросы, встречающиеся на каждом шагу» [12, с.144].

Основным методологическим подходом Казем-Бека для прояснения спорных или неизученных аспектов древней истории уйгуров было параллельное использование или, вернее, сравнительный анализ данных китайских и мусульманских источников. Он сам писал об этом, что решившись представить свои изыскания «на суждение ученого сословия», он счел необходимым изложить «в них все, что мог найти примечательного о сем предмете в восточных и китайских источниках, краткий обзор истории племени и народа, носившего это название», т.е. «уйгуров» [7, с.38]. В частности, он широко обращается к произведению хивинского автора XVII в. Абуль-Гази Бахадур-хана «Родословная тюрков» («Шаджара-и тюрк») для объяснения этнонима «уйгур» (или «уир», «уюр»), и выводит это слово из тюркского глагола «уймак», означающего «предаваться, последовать, прилепиться, соединиться». Надо сказать, в подобной интерпретации этимологии этого слова Казем-Бек не был оригинален и следовал логике средневековых автором тюркских генеалогических мифов «Огуз-наме» – Рашид ад-Дина и Абуль-Гази. Кстати, и Ю.Клапрот был сторонником именно такого объяснения данного этнонима. Но В.В.Радлов, основываясь на сравнительно-грамматическом анализе данных ряда тюркских языков,

отвергал данный подход Мирзы Казем-Бека. Впрочем, надо сказать, что В.В.Радлов не был согласен и с некоторыми научными выводами Казем-Бека в области грамматики тюркских языков, поскольку тот якобы часто игнорировал фонологические особенности слов, а потому мог говорить об идентичности тех или иных слов или их частей только лишь по их внешнему фонетическому сходству. Исходя из этого, В.В.Радлов не мог согласиться с отождествлением слов «уйр» и «уйгур», которые проводил в своей работе Мирза Казем-Бек. И в данном вопросе В.В.Радлов делал следующий вывод: «Абуль-Гази и Казем-Бек в качестве литературно образованных тюрков, поддерживая предание, выставленное Рашид ад-Дином, лишь пытаются придать упоминаемой в нем этимологии лучшее звучание» [11, с.8].

Безусловно, значительную сложность для исследователя истории кочевых народов, в том числе, и уйгуров, при обращении к китайским династийным хроникам создает, как признавался В.В.Радлов, «трудность разбора собственных имен, передаваемых в крайне искаженном виде, чем затрудняется ориентирование в собственных именах как лиц, так и местностей» [11, с.77]. К этому следовало бы добавить, что подобный труд вдвойне сложен для первопроходцев в изучении этой темы, поскольку им приходилось полагаться лишь на собственную эрудицию и интуицию. Еще В.В.Бартольд, указывая на сложности, с которыми сталкивалось первое поколение синологов в период становления этой науки как части западного и российского востоковедения, писал: «Изучение китайского языка и грамоты связано с такими трудностями, что европейскому синологу редко удается овладеть языком настолько, чтобы без труда разбирать китайские тексты без помощи китайских ученых... Строй китайского языка существенно отличается от строя языков, при изучении которых были выработаны методы европейского языкознания; беспристрастное и всестороннее понимание своеобразной культуры Дальнего Востока, независимое как от местных традиций, так и от европейских предрассудков, достигается с гораздо большим трудом, чем понимание культуры Передней Азии, восходящей к тем же источникам, как западноевропейская культура» [2, с.322].

Тем сложнее было работать с китайскими источниками авторам, изучавшим историю тюркских народов по китайским источникам и вынужденным пользоваться их переводами на европейские языки. Тот же

В.В.Радлов дает пример того, как ему удавалось преодолевать трудности разбора китайской передачи тюркских титулов, «дарованных китайским императором ханам Гай-гу». Он пишет: «Мне посчастливилось разобрать их только благодаря тому, что почти один и тот же титул повторялся в летописях десять раз. Я расположил отдельные части, составлявшие его, рядами так, что соответствующие слоги пришлись друг под другом, и таким образом стало возможным дополнить недостающие слоги одного ряда из слогов других рядов» [11, с.77].

Для Мирзы Казем-Бека, как одного из первопроходцев в изучении древней истории уйгуров, выяснение смысла множества специальных терминов и этнонимов, которыми обозначались различные тюркские и монгольские племена в китайских летописях, представляло собой одну из наиболее сложных научных задач. Еще более запутывало дело то, что одни и те же племена и народы получали различные наименования в разных хрониках и в разные периоды. При этом, сам не владея китайским языком, Казем-Бек должен был пользоваться трудами французских синологов или полагаться на переводы своего выдающегося современника – Иакинфа Бичурина. В целом, пытливый ум и научная эрудиция Казем-Бека позволили ему справиться с этими трудностями.

Сам он следующим образом объяснял особенности формирования корпуса тюркской и монгольской этнонимии в китайских исторических летописях: «В большой части иероглифов, составляющих собственные имена или отвлеченные имена, при анализировании по частям, каждый слог имеет свое собственное первоначальное значение; таким образом: *хиюн-ю* может иметь значение – проданный раб; *куей-фан* – чертовский; *хун-ну* – злой, дурной раб; *тукиюй* – злая собака; наконец, *тчесс* – правящий телегами и *гао-гюй* – высокая телега. Правда, нам могут сделать возражение, что эти наименования могли быть даны этим народам самими китайцами, и, следовательно, они могли быть составлены сообразно с понятиями, которые китайцы имели об этих варварах Севера; но мы знаем, наверное, что некоторые из сих имен и многие другие взяты китайцами у тех самых народов, которые назывались ими еще до появления их наименований в летописях китайских. Все, что китайцы могли делать при переложении на свои иероглифы звуков, составлявших наименование какого-нибудь племени или народа, это – подборание *ключей*, иногда имеющих по своему

назначению смешной смысл, в совокупности более или менее соответствующих их понятию о тех племенах или народах, и составляющий что-то вроде *каламбура*. Например, *гоей-гу* или ойгуры, как мы уже говорили выше, по принятии ислама, китайцами переименованы в *гоей-гоей* или *хои-хои*, что значит – *возвращение* (тут разумеются обращенные от своей веры); *хун-ну*, имеющее в китайском языке значение злой раб, переименовано императором Ван-Маном в 15 году по Р.Х. на *гунн-ну*, что значит *покорный раб*; ибо в это время хунны покорились могущественному Ван-Ману и находились в подданстве Китая» [7, с. 55].

В целом, Мирза Казем-Бек делил историю уйгуров на несколько основных этапов, связанных с важнейшими вехами их этнополитической эволюции. Древнюю историю уйгуров Мирза Казем-Бек представлял эпохой, почти покрытой мраком неизвестности, ибо, по его мнению, скудные и не всегда поддающиеся логическому толкованию сведения, заключенные в китайских летописях, не могли дать ясного представления о жизни этого народа. При этом в оценках автора сказывалось господствовавшее в европейской науке представление о кочевых народах прошлого как о «варварских» племенах, хоть и могущественных, но погрязших в беспрестанных раздорах и несогласии, происходивших «от всегдашнего и глубокого невежества». Сочный язык Казем-Бека отличался особой выразительностью и был далек от сухого академического стиля, которым отличались научные работы последующих поколений востоковедов и историков. Поэтому труд его скорее читается как художественное произведение, полное ярких сцен, воздействующих на читателя не только на умственном, но и эмоциональном уровне, и потому глубоко запечатлевающих в его сознании. «Кровь от их рук проливалась потоками на Востоке; Запад долго стенал от смертельных ран, нанесенных его груди меткими их стрелами; лишь ужасы и бесчеловечие начертали славу их в памятниках более просвещенных, но менее сильных соседей. Кочевая жизнь и постоянная безгражданственность, свойственная этим варварам, производили в них самих непрерывное волнение, поколения сменялись поколениями, династии династиями, народы народами; один природный ум, одна предприимчивость, одна храбрость и неустранимость господствовали везде» [7, с. 69].

Мирза Казем-Бек относил начало письменной фиксации истории древних уйгуров, называвшихся в китайских летописях «тхессами», к

концу II – началу I в. до н.э. Однако «тчессы» в это время и в течение пяти последующих столетий не проявляли особой активности и ничем себя не проявили. «Они вели скромную жизнь между родственными с ними поколениями, в союзе с равными с ними по силам и в покорности к сильнейшим, а иногда, при случае, отличались между своими соплеменниками и обращали на себя их внимание» [7, с.77]

Следует особо отметить, что научная проницательность Казем-Бека дала ему возможность высказать идею о гетерогенных этнических корнях уйгурского народа, принятую и в современном уйгуроведении. Он выдвинул предположение, что наряду с «тчессами», другим этническим источником формирования уйгуров стал народ, или «племя дили» (динлины), иначе называемый в китайских источниках «гаоче» или «гаогюй», что означало «высокие телеги» [7, 83]. Как известно, это были тюркоязычные племена, представлявшие собой «самых многочисленных кочевников монгольских степей» и занимавших территорию от Центральной Монголии до Северного Казахстана [8, с. 152-168]. По словам Казем-Бека, «многочисленные поколения сего народа, таким образом, смешавшиеся с *тчессами*, незаметным образом обменялись обычаями, и даже, в последствии, самими названиями; наконец, по усилении, тчессо-уйгуры составляли одну важную и более просвещенную часть его, которое собственное имя, по преобразовании в *хойхор* или *хойхэ*, сделалось общим для всего гаогюйского племени» [7, с.83].

Таким образом, Мирза Казем-Бек, исследуя данные китайских летописей и сравнивая их с информацией мусульманских источников, пришел к выводу о том, что племена, являвшиеся предками уйгуров и известные в древних хрониках под различными наименованиями «гаогюй», «хойхэ» или «хойхоры», были народом тюркского происхождения. Они ассоциируются с теми этническими группами, которые впоследствии получили название «теле», что означало «тележники» или «высокие колесницы», и сыграли выдающуюся роль в сложных этнополитических процессах, происходивших на территории нынешней Монголии, Восточного Туркестана и Семиречья. Казем-Бек говорит о том, что в начале VI в. «гаогюйцы» или «теле» делились на 15 основных колен или племен и занимали пространство к западу от Алтая и севернее Урумчи вплоть до степей Северной Сибири. С начала V по середину VI в. они находились под политической властью жуан-жуаней,

народа, соединившего в себе прамонгольские племена авар (ухуаней), сяньби, татар, и поглотившие многочисленные гуннские племена.

С образованием первого Тюркского каганата с центром у реки Орхон племена «теле», в состав которых входили уйгуры или «токуз-огузы» как они сами себя называли, влились в т.н. Тюркский эль или народ. Они играли активную политическую роль в эпоху как первого, так и второго Тюркского каганата. Но, в конце концов, в середине VIII в. на руинах Восточнотюркского каганата было создано новое государственное образование, которое получило название Уйгурского каганата. Оно просуществовало до 840 г. и было разрушено под ударами енисейских кыргызов. С тех пор судьба уйгурских племен сложилась по-разному. Значительная их часть из них была вынуждена мигрировать на юг в Восточный Туркестан, где продолжалось существование уйгурской государственности в разные периоды и в разных формах.

Таким образом, та предварительная схема этнополитической истории уйгурского народа, которую обрисовал в своих очерках Мирза Казем-Бек, несмотря на некоторые неточности, обусловленные новизной и сложностью темы, а также недостатком источникового материала, явилась базовой моделью для последующих исследований в области уйгуроведения в России. В дальнейшем феноменальные исследования, осуществленные такими учеными как Н.М.Пржевальский, Г.Н.Потанин, Н.М.Ядринцев, В.В.Радлов, Г.И.Рамstedт, А.Н.Самойлович, а во второй половине прошлого столетия открытия Советско-монгольских экспедиций с участием С.Г.Кляшторного, позволили значительно продвинуть изучение древнетюркской и уйгурской истории вперед. Однако мы не забываем, что основу этого здания закладывал в том числе и Мирза Казем-Бек.

### **Список литературы**

1. Бартольд В.В. Восток и русская наука // Бартольд В.В. Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М.: Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, сс. 534-545
2. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Бартольд В.В. Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М.: Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, сс. 199-482

3. Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков // Бартольд В.В. Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М.:Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, сс. 23-196
4. Гулиев В. Азербайджанская школа в российской ориенталистике (М.Дж.Топчибашев, А.К.Мирза Казем-Бек). Баку: «Азернешр», 2002
5. Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. Изд. 2-е, исправл. и допол. Л.: 1982
6. Казем-Бек А.К. О взятии Астрахани в 1660 г. крымскими татарами // Ученые записки Казанского университета. Т. 1, 1835
7. Казем-Бек А.К. Исследования об уйгурах // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. XXXI. Санкт-Петербург: сс. 37-122
8. Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история Евразийских степей. Санкт-Петербург: Издательство «Петербургское востоковедение», 2010
9. Наследие Мирзы Казем-Бека: История и современность: Доклады и сообщения Международной научной конференции (г. Казань, 20–21 ноября 2013 г.) / Гл. ред. Р.М.Валеев. Казань: «Фолиант», 2015
10. Орешкова С.Ф. Мирза Казем-Бек и становление российской османистики // Материалы международной научной конференции «Мирза Казем-Бек – 200». Баку: «Nurlan», 2003, сс. 54-67
11. Радлов В.В. К вопросу об уйгурах (Из Предисловия к изданию Кудатку-Билика В.В.Радлова). Приложение к LXXII-му тому Записок Импер. Академии Наук. Санкт-Петербург: 1893
12. Рзаев А.К. Мухаммед Али М. Казем-Бек. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1989

### **Информация об авторе**

**Мустафаев Шаин Меджид оглы**, академик Национальной академии наук Азербайджана, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института востоковедения им. З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Республика Азербайджан

**МИРЗА КАЗЕМ-БЕК В АРХИВНОМ НАСЛЕДИИ  
АКАДЕМИКА А.Н.САМОЙЛОВИЧА**

**Г.И. Халлиева**

*Узбекский государственный университет мировых языков,  
г. Ташкент, Республика Узбекистан*

**Аннотация.** Статья посвящена о вкладу Казем-бека в деле подготовки высококвалифицированных российских востоковедов. Идея Казем-бека о сближении России и Востока и на сегодняшний день остаются актуальными. Будучи уверенным, он всегда ходатайствовал перед правительством о выделении средств для командирования молодежи в восточные страны, непосредственно к носителям языка, для изучения памятников древности. Обращает внимание на неопубликованные исследования Казем-бека, хранящиеся в различных книгохранилищах и архивах, где зафиксированы ценнейшие материалы эпистолярного жанра и личной переписки многих известных российских востоковедов.

**Ключевые слова:** Казем-бек, Самойлович, востоковедение, тюркский язык, имагология, эпистолярный жанр, Крачковский, Бартольд, Толстой, Чернышевский.

**MIRZA KAZEM-BEK IN THE ARCHIVAL HERITAGE  
OF ACADEMIC AN.SAMOYLOVICH**

**Annotation.** The article is devoted to the contribution of Kazem-bek in the preparation of highly qualified Russian orientalists. The idea of Kazem-bek on the rapprochement between Russia and the East remains relevant today. Being confident, he always petitioned the government to allocate funds for sending students to eastern countries, directly to native speakers, to study ancient monuments. He draws attention to the unpublished studies of Kazem-bek, which are stored in various book depositories and archives, where the most valuable materials of the epistolary genre and personal correspondence of many famous Russian orientalists are recorded.

**Keywords:** Kazem-bek, Samoilovich, Oriental studies, Turkic language, imagology, epistolary genre, Krachkovsky, Barthold, Tolstoy, Chernyshevsky.

Культура каждой нации является неотделимой частью мирового художественного мышления, ибо интерес народов к литературе и чтение ими произведений считаются основными критериями, определяющими значение мировой литературы. Стремление народов мира к интегрированию в культурно-просветительском направлении, рост взаимного интереса к литературе и искусству стали естественным неотъемлемым процессом. Потребность во всестороннем познании социально-политической, культурно-просветительской жизни Востока всегда служила ведущим фактором в развитии востоковедения как науки.

Мирза Казем-Бек (1802-1870) является одним из наиболее одарённых учёных мира, благодаря которому был изучен ряд восточных рукописей. Он одним из первых начал заботиться о подготовке высококвалифицированных специалистов именно из российских ученых. Как правильно утвердил В.В.Бартольд, «Сенковский и Казем-Бек своими лекциями создали русское востоковедение: почти все русские ориенталисты следующих поколений были учениками одного из этих двух ученых или учениками их учеников» [5, с.467] И.Ю.Крачковский отмечал, что «количество учеников Казем-Бека по факультету и разным курсам восточных языков было велико...»[8,с.127] Выдающиеся мыслители Л.Н.Толстой и Н.Г.Чернышевский также обучались у Казем-Бека восточным языкам. «Готовясь к поступлению в Казанский университет, Л. Н. Толстой под руководством М. Казем-Бека два года изучал турецкий и арабский языки» [13, с.52].

Академик А.Н.Самойлович (1880-1938) один из продолжателей традиции Казем Бека и из тех ученых, который внес значительный вклад в развитие востоковедения в России. В своей знаменитой статье о востоковеде широкого профиля, ученика Казем Бека И.Н.Березине (1818 - 1896), он определяет три типа ученых востоковедов. « ... У одних научный интерес сочетается с любовью к странам и народам Востока. Для других Восток служит предметом ревностного объективного исследования, и только. Третьи, признавая важным и интересным изучение Востока или общенаучных соображений, или для более узких

целей, например в связи с изучением родной страны и для пользы последней, не любят ни стран, ни народов Востока». [14, с.162] Мирза Каем –Бек был таким учёным, у которого научный интерес сочетался с любовью к странам и народам Востока.

М. Казем-Бек всегда был сторонником сближения России с Востоком. Вся деятельность ученого была насыщена борьбой за сближение России с Востоком. В политической и литературной газете, издававшаяся в Санкт-Петербурге в 1825 по 1864 годы «Северная пчела» он издает статью, где объясняет ряд причин этой тесной связи, первых и основных из которых была «история, которая все наше тысячелетнее сознательное существование связывает непрерывно более или менее тесными узами с судьбами Востока» [9, с. 280]. Кроме того, будучи преподавателем в Казанском университете и деканом факультета восточных языков СПб университета Казем-Бек всегда ходатайствовал перед правительством о выделении средств для командирования молодежи в восточные страны для изучения местных памятников древности. Именно по инициативе и по плану «ученого путешествия по Востоку», составленному М. Казем-Бекем, его ученик И.Н. Березин совершил вместе с магистром Диттелем трехлетнее путешествие по странам Востока. В результате И.Н. Березин собрал ценные материалы для турецкой хрестоматии, где впервые были изданы образцы тюркских литературных памятников [6]. Его знание тюркских языков нашло применение при описании и изучении тюркских рукописей. [7]

В российском востоковедении XX века, кроме изданных научных работ, большую часть составляют также исследования, которые по различным причинам, в частности, из-за массовых репрессий, оказались в числе неопубликованных. География источников в существующих архивах весьма широка, они, в основном, хранятся в архивах Российской Национальной библиотеки, Санкт-Петербургского филиала архива РАН, в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН.

Архивное востоковедение [16, с.5-14] рассматривается как неотъемлемая часть имагологии. Имагология – это одно из актуальных направлений сравнительного литературоведения, изучающее также и архивные данные [12, с. 251-253].

Среди образцов 256 писем, изученных в архивах, большую часть составляют переписки А.Н. Самойловича с В.В. Бартольдом (89 писем)

и И.Ю. Крачковским (26 писем). Эпистолярные источники дают определённое представление о научно-литературной среде того времени: о взаимообмене мыслями, оценке, рецензиях, критике, литературно-эстетических взглядах. В этом смысле отдельного рассмотрения заслуживают научные прения А.Н. Самойловича, В.В. Бартольда, И.Ю. Крачковского, В. Гордлевского, Н.П.Остроумова, А.А. Семенова и других учёных, где не раз вспоминаются заслуги М.Казембека, как выдающегося ученого с мировым именем.

В аспекте переписки российских востоковедов можно многое выявить о научной биографии Казем-Бека. Например, в письме В.В.Бартольда А.Н.Самойловичу от 1913 года мы узнаем об издании Казем-Беком религиозного сочинения «Сабат ул аджизин» (Стойкость слабых) Суфи Аллаяра (1644-1721) узбекского поэта, философа, представителя суфийского учения в Мавераннахре [1]. Казем-Беком достаточно изучены и изложены все аспекты комплексного исследования произведения и проблемы научно-критического текста.

В письме А.Н.Самойловича В.В.Бартольду от 10 июля 1927 года становится ясно, что А.Н.Самойлович находится на пути из Астрахани в Махачкала, в городе с которым связана память о тюркологах Казем Беке и Смирнове, где проводит 3 дня значительной пользой для себя [2].

«Обзор русских грамматик различных тюркских языков» [3] А.Н.Самойловича извещает нас о фундаментальном труде М.Казем-Бека «Общая грамматика турецко-татарского языка», удостоенная Демидовской премии, которая в свое время привлекло внимание немецких востоковедов. Т.Ценкер 1848 году переводит и издает «Грамматику» Казем-Бека в Лейпциге, снабдив ее подробным предисловием [4]. Как утверждал А.Н.Кононов, успехам занятий А.Н.Самойловича в области тюркского языкознания способствовало также наличие в русском языкознании целого ряда работ таких авторов как М.А.Кастрен, И.И.Гиганов, М.Казем-Бек, О.Бётлинг по грамматике различных тюркских языков [10, с. 38]. По мнению Г.Ф.Благовой «в своём систематическом и достаточно подробном обзоре А.Н.Самойлович последовательно отмечал, во первых всё то новое и интересное, что внесла та или другая грамматика в тюркское языкознание, во вторых её недостатки и слабые стороны.» [15, с.123] Труды, в том числе «Грамматика» Казем-

бека, которые тщательно анализировал А.Н.Самойлович, являются библиографической редкостью и актуальным для изучения, полезным для современной практики преподавания тюркских языков.

Если учесть, что чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже, то следует отметить, что богатое фактическим материалом наследие российских востоковедов имеет важное значение в истории культуры тюркских народов. До сих пор не введены полностью в научный обиход литературно-теоретические воззрения русских учёных и их некоторые работы, внесшие существенный вклад в изучение настоящей проблемы. Объективное научное исследование этих источников, изучение, в первую очередь, архивных материалов российских фондов определяет дальнейшую перспективу тюркской филологии.

#### Список литературы

1. Архив А.Н.Самойловича // ПФАРАН.Ф.782. Оп.2.Д.6. л.77.
2. Архив В.В.Бартольда // ПФАРАН.Ф.68. Оп.2. Д.219. л.58.
3. Архив А.Н.Самойловича РНБ. Ф,671. Д. 136.
4. Allgemeine Grammatik der turkischen-tatarischen Sprache, von Mirza A. Kazem-Beg, aus dem russischen iibersetzt und mit einen Anhange und Schriftproben von p-г J. T. Zenker. Lpz, 1848.
5. Бартольд В. В. Сочинения. Т. IX. - М., 1977. - С. 467 - 468
6. Березин И.Н. Турецкая хрестоматия. –Казань,1857.
7. Березин И.Н. Описание турецко- татарских рукописей, хранящихся в библиотеках С.-Петербурга// Журнал Министерства народного просвещения( ЖМНП). Ч.50. №5.
8. Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. М. - Л., 1950.- С. 127
9. М.Казем- Бек Необходимое объяснение. - Северная пчела. 1860, № 84.-С.280.
10. Кононов А.Н. Самойлович – грамматист // Советская тюркология.1973. №5. -С.38.
11. Ощепков А.Р. Имагология // Знание ,понимание, умение. – М., 2010.–№1. –С. 251–253
12. Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная наука // Вестник Московского гуманитарного университета. Филологические науки. – М., 2011. –№ 4. –С.31–40.

13. Рзаев А.К Мухаммед Али М. Казем –Бек. -М.Наука.1989. - С.52.
14. Самойлович А.Н. И.Н. Берёзин как турколог // Записки коллегии востоковедов.-Л.1925.-С.162
15. Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. -М.2005. -С.123
16. Шеремет В.И. О принципах и задачах архивного востоковедения // Восточный архив. –М., 2008, –№18. –С. 5–14.

### **Информация об авторе**

**Халлиева Гулноз Искандаровна**, профессор кафедры узбекского языка и литературы, Узбекский государственный университет мировых языков, г. Ташкент, Республика Узбекистан; gulnoz7410@mail.ru

**СЕКЦИЯ №1.**  
**“НАСЛЕДИЕ МИРЗЫ КАЗЕМ-БЕКА В СИСТЕМЕ НАУКИ  
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ”**

---

**УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ПО ТУРЕЦКОМУ ЯЗЫКУ  
А.К. КАЗЕМБЕКА В СОБРАНИИ ЛАЗАРЕВСКОГО  
ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ**

**Т. А. Аникеева**

*Институт востоковедения РАН,  
г. Москва, Российская Федерация*

**Аннотация.** Статья посвящена учебному пособию по турецкому языку А.К. Казембека, изданного в 1854 г. в виде литографии; несколько экземпляров этого пособия (с автографом Лазаревых) было выявлено в фонде Научной библиотеки им. Тюлина МГИМО (У) МИД РФ среди книг и рукописей, некогда принадлежавших библиотеке Лазаревского Института восточных языков.

**Ключевые слова:** А.К. Казембек, Лазаревский институт, тюркские языки, грамматики, история российской тюркологии

**TEXTBOOK ON THE TURKISH LANGUAGE BY A.K.  
KAZEMBЕК IN THE COLLECTION OF LAZAREV INSTITUTE  
OF ORIENTAL LANGUAGES**

**Summary.** The article is devoted to the textbook on the Turkish language of A. K. Kazembek, published in 1854 in the form of lithography; several copies of this manual (autographed by Lazarevs) were found in the Fund of the Scientific library of the MGIMO (University) of the MFA among the books and manuscripts that once belonged to the library of the Lazarev Institute of Oriental languages.

**Keywords:** A. K. Kazembek, Lazarev Institute, Turkic languages, grammars, history of Russian Turkology

Одним из важных периодов в развитии отечественной тюркологии является дореволюционный период, когда происходило зарождение и

становление академического востоковедения и его институтов. Характер большей части востоковедческих трудов, вышедших в этот период, был обусловлен практической необходимостью: издавались прежде всего множество имеющих различное назначение словарей тюркских языков, соответствующих учебников, разговорников и грамматик.

В фонде редких книг Научной библиотеки МГИМО(У) МИД РФ хранятся несколько экземпляров учебного пособия по турецкому языку А.К. Казембека, изданного в 1854 г. в виде литографии (в 1855 г. А.К. Казембек был удостоен за это пособие Демидовской премии). Эти экземпляры были обнаружены в ходе работы по описанию обширной коллекции арабских, тюркских и персидских рукописей, старопечатных книг и литографий данного фонда<sup>1</sup>.

Основой научной библиотеки им. И.Г. Тюлина МГИМО(У) МИД РФ, созданной в 1944 г. (когда на базе факультета Международных отношений МГУ был учрежден Московский государственный институт международных отношений), послужила факультетская библиотека МГУ. В 1954 г. в состав МГИМО был включён Московский институт востоковедения (МИВ), и произошло слияние двух библиотечных фондов<sup>2</sup>. МИВ, в свою очередь, являлся преемником Лазаревского училища восточных языков, основанного в 1815 г. и располагавшего прекрасной библиотекой. МГИМО унаследовал более трёх тысяч томов из фондов Лазаревской библиотеки. Несмотря на то, что книги из Библиотеки Лазаревского института, представляющие собой бесценный материал для истории российского востоковедения, уже привлекали внимание исследователей [3, с. 63-68; 4, с. 104-113], систематическому и полному описанию прежде они не подвергались. Всё время существования Библиотеки Лазаревского Института она пополнялась книгами, подаренными основателями и попечителями этого учебного заведения (Христофором и Иоанном Екимовичами Лазаревыми), его воспитанниками и преподавателями (такими, как В.Ф. Минорский), российскими востоковедами и дипломатами (напр., Я.А. Эйнгорн) и купцами<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Работа осуществлялась Т.А. Аникеевой и И.В. Зайцевым в 2016 г. В данный момент ими готовится к изданию каталог этой коллекции.

<sup>2</sup> См.: [1, с. 64-73]. Гордостью библиотеки МГИМО являются более 21 тысячи редких изданий XIII – начала XX в. [2, с. 254].

<sup>3</sup> Подробнее об этом см.: [1, с. 64-73].

Данное пособие по изучению турецкого языка является довольно редким, и его наличие в фонде библиотеки в нескольких экземплярах свидетельствует о том внимании, которое уделялось практическому изучению языка в Лазаревском институте.

Приводим его полное описание (инвентарные номера библиотеки МГИМО):

№ 398-400, 435-437.

**Каземь-Бекъ Мирза Александръ. Учебныя пособія для временнаго курса Турецкаго языка, съ Высочайшаго разрешения открытаго въ Императорской Военной Академии Профессором Императорскаго С. Петербургскаго Университета, Действительнымъ Статскимъ Советникомъ Мирзою Александромъ Каземь-Беккомъ.**

«Посвящается господам офицерам Генеральнаго Штаба и Военной Академии. Ч. II (Хрестоматія Турецкаго языка, или достаточные материалы, избранные и приведенные в должный порядок, для упражненія в чтеніи различных почерковъ и переводахъ) – III (Краткій Русско-Турецкій словарь...))».

Санкт-Петербург, 1854 г. Литография (рукописный текст). Переплет с золотым орнаментом, мраморная бумага на форзаце.

Инв. № 436: дефектный экземпляр (оторвано начало). Печать библиотеки Ин-та востоковедения в Москве, Научной библиотеки МГИМО. Шифры Д-76, Д-388.

В это пособие включен грамматический очерк турецкого языка; хрестоматия с текстами разного рода («Отрывки на новейшем Оттоманском языке» из современных автору турецких антологий: поэзия, жизнеописание писателей и поэтов, образцы частных писем – рекомендательные, благодарственные, письма к высшему сановнику и т.д.), выполненные разными почерками (наиболее употребительными в то время: рика', мусалсал, насх, талик, шекасте); краткий русско-турецкий словарь (часть III-я пособия) «с присовокуплениемъ к нему полного списка Восточныхъ словъ къ концу словаря в порядке Арабскаго Алфавита, с указаніемъ номеров Словаря, отдельнаго списка собственныхъ именъ, лицъ, городовъ и местъ – упомянутыхъ в первыхъ двухъ частяхъ “Учебныхъ пособій”» (свыше 6700 русских слов). (см. Илл. 1-2).

Как пишет сам А. К. Казембек в предисловии к разделу своего «Пособия», «при составлении краткаго словаря я имел двоякую цель:

а) чтобы нуждающиеся в Турецких или вообще Восточных словах при переводах словесных или письменных имели доступ по крайней мере к таким, которые нужные и употребительные; б) чтобы слушавшие мой курс Турецкого языка или другие желающие пользоваться моими учебниками, могли иметь в руках краткий словарь для отыскивания значения Восточных слов и фраз, которые встречаются в первых двух частях издания».

По мнению исследователей (см.: [8, с. 120]), основным достоинством этого учебного пособия было то, что его можно было использовать при самостоятельном изучении турецкого языка<sup>1</sup>; кроме того, оно знакомило студентов с образцами турецкой литературной традиции (в том числе и современной им).

Особенностью данных экземпляров учебных пособий, которая придает им еще большую ценность, является наличие автографов. Четыре экземпляра этого учебника (№№ 398-400, 435) имеют дарственную надпись от руки черными чернилами: *«От Ихъ превосходительствъ Иоана Екимовича и Христофора Екимовича поступает приношением въ Библиотеку Лазаревскаго Института 1855 г»*. То есть это — автограф или самого директора Лазаревского института восточных языков — Христофора Екимовича (Иоакимовича) Лазарева (1789-1871) или попечителя Института, его старшего брата — Иоанна Екимовича Лазарева (1786-1858)<sup>2</sup>. (см. Илл. 3.)

Кроме того, в самих экземплярах учебных пособий обнаруживаются вложенные листы из ученических тетрадей с упражнениями по турецкому языку (а также по французскому), рисунки чернилами и карандашом, записки и надписи, автографы и даты (1862-1863, 1883 гг.); учебники, очевидно, находились в активном использовании у студентов Института очень долгое время. (см. Илл. 4-5).

Необходимо отметить, что почти в то же время, в 1857 году, в Москве было опубликовано (типографским способом) «Практическое

---

<sup>1</sup> Как писал сам А.К. Казем-Бек, «если некоторым моим слушателям, по служебной обязанности, представится возможность или постоянно и последовательно слушать мои лекции, или докончить их (что действительно и случилось), то, по крайней мере, у них будет в руках знакомое им в главных очерках и системе руководство, по которым они могут продолжать начатые занятия» (цит. по [8, с. 120]).

<sup>2</sup> Подробнее см. [9, с. ]

руководство турецко-татарского азербиджанского наречия» Лазаря Захаровича Будагова (1812-1878) (состоявшее из грамматического очерка, алфавита, уроков; сам автор пособия подчеркивал, что оно «годно и для турецкого» языка [7, с. 260]), в Казани – «Практическое руководство к изучению татарского языка, составленное старшим учителем 1-й Казанской гимназии <М.-Г.> Махмудовым»<sup>1</sup>. Однако, несмотря на практическую направленность этих пособий, их главной составляющей являлся грамматический очерк языка, который впоследствии привлек внимание А.Н. Самойловича в его «Обзоре русских грамматик (XIX в.) различных тюркских языков»<sup>2</sup>.

Таким образом, единственное в своем роде пособие по изучению турецкого языка является вкладом А.К. Казембека не только в историю тюркологии и ориенталистики в целом, но и в частности иллюстрирует развитие российского практического востоковедения.

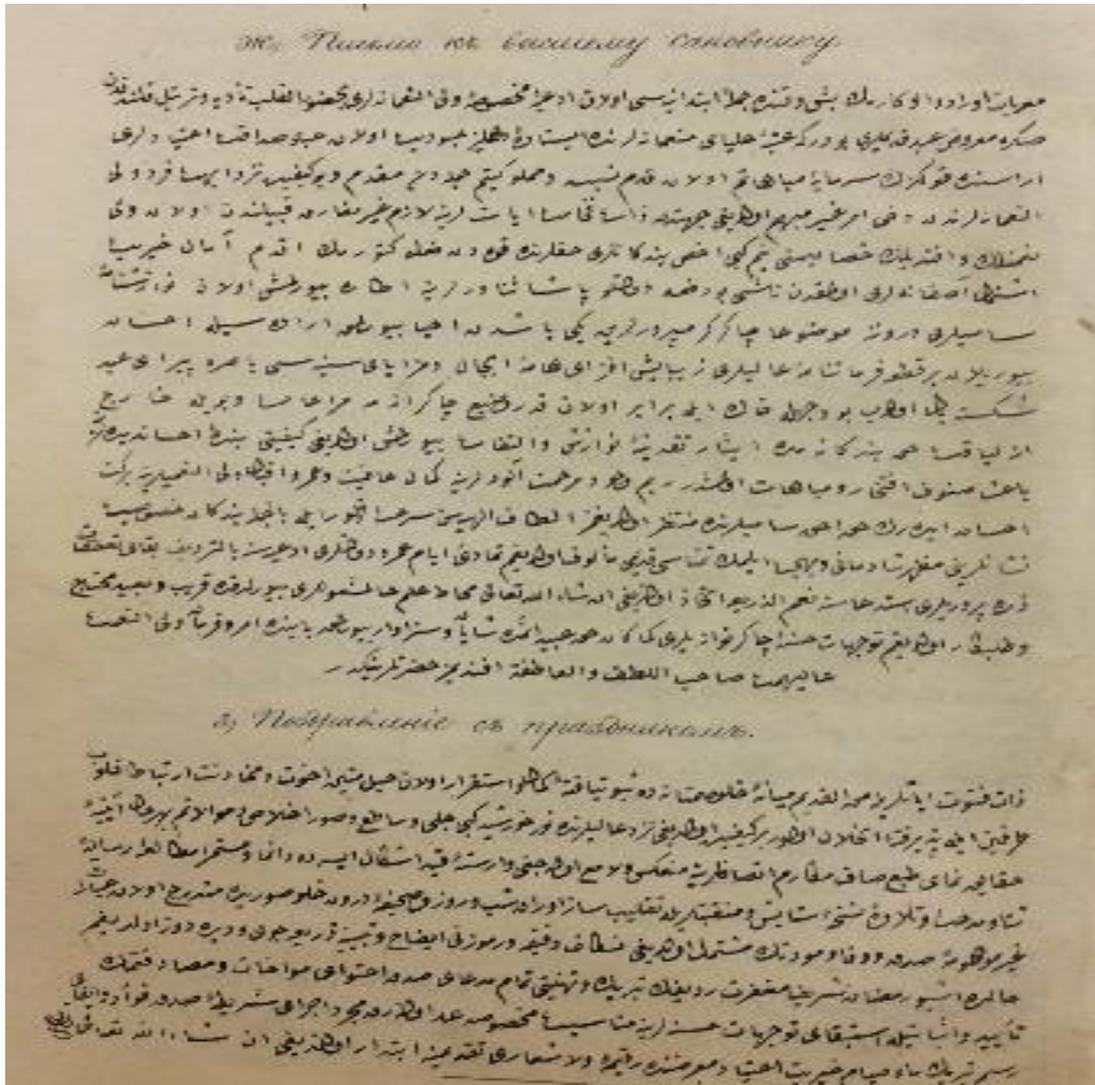
---

<sup>1</sup> О Мухаммедгали Махмудове см.: [8, с. 158-159].

<sup>2</sup> О пособии Л.З. Будагова, А.Н. Самойлович писал: «Грамматическая часть слаба из-за несистематичности и разбросанности, а также по существу: поверхностное отношение к грамматическим явлениям. Не османизован ли азербиджанский язык автора... Во всяком случае, диалект неопределенный (какого района?). Без проверки опасна!» [5, с. 120]. Сам А.К. Казембек также являлся автором «Общей грамматики турецко-татарского языка», выпущенной им за 10 лет до практического учебного пособия по турецкому языку (1846) и также удостоенной Демидовской премии. Эта грамматика, тем не менее, также была оценена А.Н. Самойловичем довольно критически: По его мнению, «книжка Казем-Бека, сравнительно с ранее вышедшими в России грамматиками, не представляет ничего “одинокоего” (ср. мнение Максимова). Это скорее восточное, чем европейское произведение. Немало и даже слишком много неясного, сомнительного и прямо ошибочного. Претенциозно заглавие “Общая”, в действительности азербиджанская-османская-татарская с немногими замечаниями о чувашском, кавказско-горских и др. Кое-что дополняет старые грамматики и некоторое значение как сборник материала имеет и ныне. Кое-что исправлено сравнительно с ранними грамматиками, и в этом историческое значение...» (цит. по: [Там же, с. 120-121]).

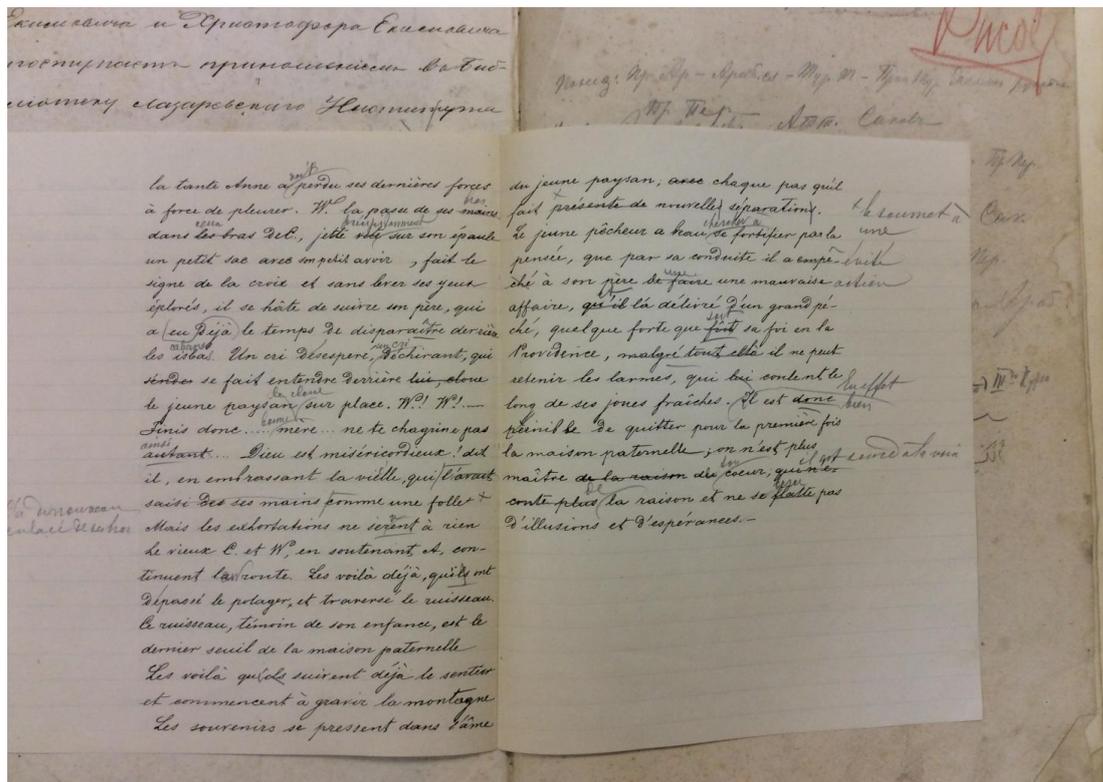
ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1

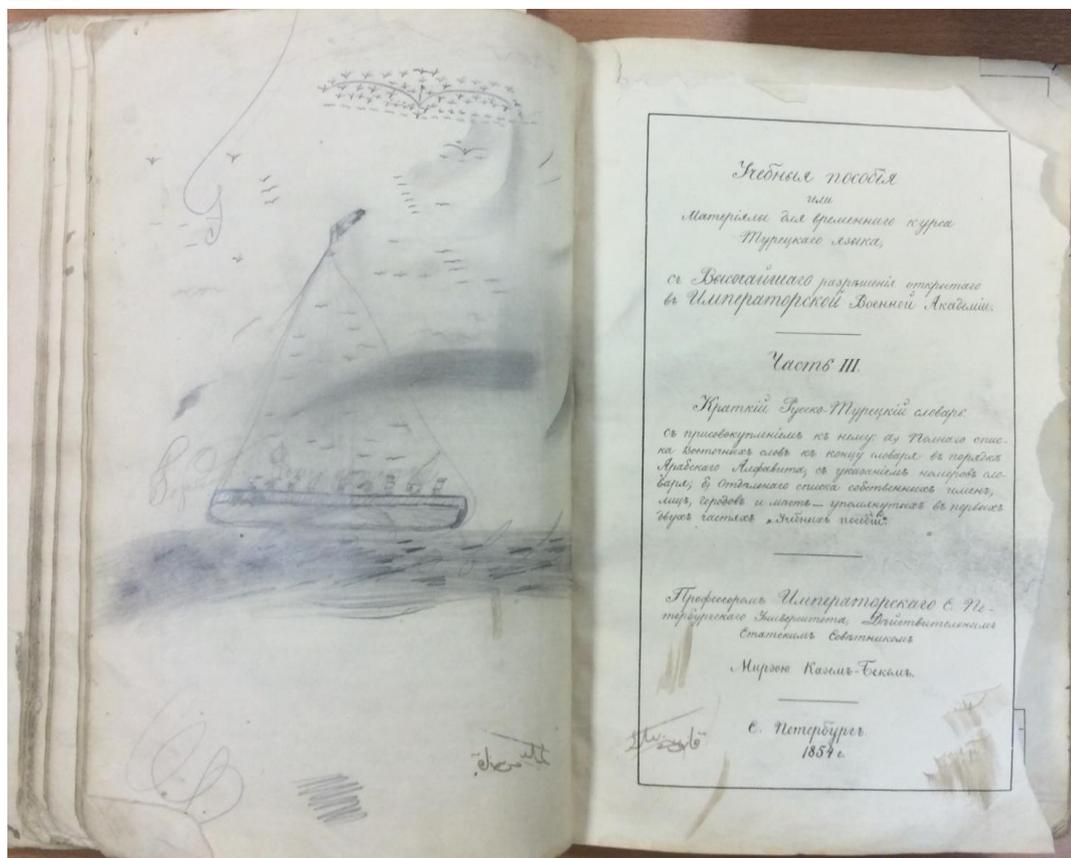




Илл. 4.



Илл. 5.



### Список литературы

1. Аникеева Т.А., Зайцев И.В. Автографы и экслибрисы на книгах из Библиотеки Лазаревского института Научной библиотеки МГИМО (Университет) МИД как источник по истории московского востоковедения // Восточный архив. 2016, № 2. С. 64-73.

2. Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский Институт – Московский институт востоковедения – МГИМО / Под общ. ред. акад. РАН А.В. Торкунова. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 254.

3. Зайцев И.В. К истории рукописной коллекции Лазаревского института восточных языков в Москве (тюркские манускрипты Библиотеки Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД РФ) // The Middle East and the Caucasus. Ближний Восток и Кавказ. Тезисы докладов. Yerevan, 2008. С. 63–68

4. Аникеева Т.А. Турецкие старопечатные книги в собрании Научной библиотеки МГИМО (У) МИД РФ: к формированию читательской и издательской традиции в Османской империи XIX в. // Orientalistica Juvenile. Сб.ст. молодых ученых ИВ РАН. Вып. VI. М., 2016. С. 104-113.

5. Самойлович А.Н. Обзор русских грамматик (XIX в.) различных тюркских языков // Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. М.: Вост. лит., 2005. С. 116-124.

6. Рзаев А. Мухаммед Али Мирза Казем-Бек. Жизнь, мировоззрение и научная жизнь. М.: ГРВЛ, 1989.

7. Практическое руководство турецко-татарского азербиджанского наречия. Составленное адъюнктом СПб. ун-та Лазарем Будаговым. М., 1857.

8. Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. 2-е изд., испр. и переработанное. Подгот. А.Н. Кононов. М., 1989.

9. Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский Институт – Московский институт востоковедения – МГИМО / Под общ. ред. акад. РАН А.В. Торкунова. М.: Аспект Пресс, 2015.

### Информация об авторе

**Аникеева Татьяна Александровна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация; [tatiana.anikeeva@gmail.com](mailto:tatiana.anikeeva@gmail.com)

**О ВЕРОЯТНОСТИ УЧАСТИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ТЮРКОВ  
В АРАБО-ХАЗАРСКИХ ВОЙНАХ: ИССЛЕДОВАНИЕ  
КОММЕНТАРИЕВ МИРЗЫ КАЗЕМ-БЕКА К ДЕРБЕНД-НАМЕ**

**Ф. М. Асадов**

*Институт востоковедения им. З.М.Буниятова,  
Национальная Академия наук Азербайджана,  
г. Баку, Республика Азербайджан*

**Аннотация.** Версия Дербенд-наме, переведенная и опубликованная с обширными комментариями на английский язык Мирза Казем-беком содержит упоминание об участии «китайского кагана» в сражениях хазар с арабским войском во главе с братьями Салманом и Абдаррахманом ибн Рабиа. В статье исследуются комментарии М.Казем-бека, обосновывающие вероятность этого эпизода арабо-хазарской войны. На основании сопоставления с соответствующими текстами ранних арабских источников и краткого анализа политической ситуации на Кавказе и в Центральной Азии выносится утверждение о легендарном характере этого повествования Дербенд-наме, объединившем известия предшествовавших источников о различных эпизодах арабо-хазарских войн и позднее мифологизированное восприятие событий ранней истории ислама на Кавказе.

**Ключевые слова:** Мирза Казем-бек, Салман ибн Рабиа, Дербенд-наме, хазары, хазарский каган, Китай.

**ON THE PROBABILITY OF THE PARTICIPATION  
OF THE CENTRAL ASIA TÜRKKS IN ARABO-KHAZARIAN  
WARS: A STUDY OF THE WORLD COMMENTS  
BY KAZEM-BEK TO DERBEND-NAME**

**Abstract.** The version of Derbend-name, translated and published with extensive commentaries in English by Mirza Kazem-bek, contains a reference to the participation of the “Chinese Kagan” in the battles of the Khazars with the Arab army led by the brothers Salman and Abdarrahman ibn Rabia. The article explores the comments of M.Kazem-bek that substantiate the likelihood of this episode of the Arab-Khazar war. Based on a

comparison with the corresponding texts of the early Arabic sources and a brief analysis of the political situation in the Caucasus and Central Asia, a statement is made about the legendary character of this narration by Derbend-name, which combined the data of the preceding sources on various episodes of the Arab-Khazar wars and the later mythologized perception of the events of the early Islamic history in the Caucasus.

**Keywords:** Mirza Kazem-bek, Salman ibn Rabia, Derbend-name, Khazars, Khazar Kagan, China.

Длившаяся с короткими перерывами столетняя арабо-хазарская война привела к тому, что хазары оставили Южный Кавказ, и Дербент стал пограничным городом между ними и владениями халифата. Сведения Дербенд-наме об этом противостоянии не отличаются оригинальностью, но в повествовании о походе и гибели арабских военачальников братьев Абдаррахмана (в Дербенд-наме: Ибрахима) и Салмана б. Рабиа ал-Бахили есть упоминание о том, что на помощь хазарам пришел «китайский хакан» со сотысячным войском [1, р. 40]. Дальнейшее повествование Дербенд-наме приписывает «китайскому» кагану действия, которые наши надежные арабские источники IX-X вв. связывали с хазарским каганом.

Автор английского перевода и исследователь текста Дербенд-наме Мирза Казем-бек обратил внимание на уникальность этой подробности сообщения, не обнаруживаемой в других источниках. Исходной точкой для Мирзы Казембека в исследовании этой части текста было положение о том, что автор Дербенд-наме в повествовании о ранних событиях истории Дербента полностью зависил от своих предшественников, а значит не мог придумать ничего сам, или же повторял ошибки своих предшественников. Знаток восточных первоисточников и эрудированный историк Казем-бек подошел к анализу этого сообщения с двух сторон. Во-первых, установив, что участие китайского войска в столкновениях с арабским отрядом братьев Салмана и Абдаррахмана ибн Рабиа не упоминается нигде у предшественников автора Дербенд-наме, он, вместе с тем, исключил вероятность мифотворчества автора и обратился к выяснению исторических условий, которые могли бы способствовать вовлечению «китайского» контингента в события, связанные с походом братьев Ибн Рабиа. Продолжить свои размышления

в этом направлении позволило ему, вероятно, предположение, что у автора в распоряжении могли быть неизвестные местные источники.

Мирза Казем-бек проводит беглый анализ политической ситуации в регионе и выдвигает два предположения о возможности участия китайского военного контингента или сил среднеазиатских тюрков в повествуемых событиях. Первая вероятность связывается с известиями об обращении Фируза, сына последнего сасанидского царя Йездигерда III (633-652) к китайскому императору и оказанном ему там покровительством. Конечно, ко времени первых походов арабов на Кавказ для Танского Китая было очевидно, что в принятой стратегии экспансии на запад им придется столкнуться лицом к лицу с арабами. Однако противостояние с ними, кульминацией которого была Таласская битва в 751 (т.е. практически через 100 лет после похода братьев Ибн Рабиа), происходило в Центральной Азии. Пероз (Фируз) вряд ли мог организовать отправку китайских войск в координации с хазарами, с которыми у Сасанидов никогда не было союзнических отношений. И его путь в Китай никак не проходил через хазарские владения.

Вторая вероятность вовлечения Китая в события на Кавказе, по мнению Казем-бека, связана с ростом влияния и амбициями тюркешского объединения, наследника Западно-тюркского каганата, павшего под ударами Танского Китая как раз ко времени рассматриваемых событий. К этой версии следует примотреться внимательнее. Именование тюркских правителей китайскими каганами встречается и в иных историографических традициях. Себеос, в частности, в связи с событиями военной кампании 622-628 гг. византийского императора Ираклия против Ирана называет тюркского правителя, предпринявшего поход через Дербент на Южный Кавказ, «ченастан чепетух», т.е. китайским ябгу-каганом [2, p.54, 187].

Ябгу-каган – титул правителя западной части Великого тюркского каганата. Этот титул первым стал носить Истеми-каган, брат основателя каганата хана Бумына и практически самостоятельный правитель западной части государства. Ат-Табари и Ибн ал-Асир называли его Синджибу, т.е. чин-ябгу, или китайским ябгу, повествуя о его походе в 568 г. на Кавказ и отступлении перед неприступными стенами Дербента [3, v. 1, p. 251-252; 4, v. 1, p. 338].

Однако, предложение Казем-бека связывать историю о приходе китайского кагана с подъемом и устремлениями тюркешского союза,

поднявшегося после развала Западного каганата не выдерживает строгой критики. В известных нам источниках нет известий об их походах на Кавказ. К тому же создание тюргешского каганата и утверждение власти тюргешей в Центральной Азии произошло не ранее 699 г. Наибольшего могущества тюргеша добились в правление Сулу-кагана во второй четверти VIII в., но театром их противодействия арабам были согдийские города Центральной Азии [5, с. 105-106].

Отдельные детали Дербенд-наме о военных действиях «китайского» кагана против арабских военачальников Салмана и Абдаррахмана б. Рабиа не совпадают с изложениями Ибн Асама ал-Куфи, ат-Табари, ал-Йакуби. Зато они совпадают с деталями других эпизодов арабо-хазарских войн. Вызывает сомнение датировка событий в Дербенд-наме, где указывается, что поход братьев состоялся 41 г.х. или в первый год правления омайядского халифа Муавии (661 г.) [1, р. 40]. Нам же известно, что поход и гибель Салмана б. Рабиа состоялся в 653 г. [6 с. 254; 7, с. 218]. После гибели арабского войска и возвращения хазар в Дербент как минимум на протяжении 30 лет никаких активных военных действий между арабами и хазарами не происходило [8, р. 57, 58].

Изучение текста сообщения Дербенд-наме о призывании «китайского» кагана на помощь хазарам в отражении похода арабских военачальников Салмана и Абдаррахмана б. Рабиа позволяет утверждать, что текст автора, по-видимому, является сводным известием, составленным из различных сообщений ранних арабских исторических сочинений. Детали повествования и хронология не согласуются со свидетельствами более надежных источников. Рассказ Дербенд-наме о китайском кагане как участнике повествуемых событий, вероятнее всего, навеян известиями о раннем походе Истеми-кагана на Кавказ (568 г.), а также/или же сообщением о взятии Дербента и походе на Тифлис ябгу Западного каганата в 626 г. Несмотря на то, что при исследовании иных сообщений Дербенд-наме об арабо-хазарских войнах, в частности, известия о походе арабов на хазар при жизни пророка Мухаммада, наш выдающийся востоковед Мирза Казем-бек высказывал обоснованную критику и недоверие, касательно же сообщения об участии среднеазиатских тюрков в действиях против братьев Ибн Рабиа он, очевидно, переоценивал достоверность своего источника. Дербенд-наме, насколько можно судить по сведениям об арабо-хазарских войнах,

было компилятивным произведением, составленным в позднее время по материалам предшественников, а также черпавший из народных, легендарных восприятий событий эпохи проникновения и распространения ислама на Кавказе. Как и многие источники подобного жанра, Дербенд-наме, вероятно, редактировался переписчиками текста, и не исключается, что его первоначальное авторство не имело значения для них значения и не фиксировалось. Скорее всего жтим и объясняется, сохранение нескольких версий источника, одни из которых содержат упоминания о китайском кагане, а другие нет.

### **Список литературы**

1. KAZEM-BEG, M. A. 1851. *Derbend-Name*. Translated from a select Turkish version published with the texts and with notes by Mirza A. Kazem-Beg. St. Petersburg.
2. SEBEOS 1999. *The Armenian history attributed to Sebeos*, Liverpool, Liverpool University Press,.
3. AT-TABARI, A. D. M. I. D. 2005. *Tarikh at-Tabari: Tarikh al-umam wa al-muluk*, Beirut, Dar Sadir.
4. IBN AL-ATHIR, I. A.-D. A. A.-H. A. B. M. A.-J. 2006. *Al-Kamil fi al-Tarikh*, Beirut, Dar al-Kutub al-ilmiyya.
5. КЛЯШТОРНЫЙ, С. Г. & СУЛТАНОВ, Т. И. 2004. Государства и народы евразийских степей: древность и средневековье, Санкт-Петербург, "Петербургское востоковедение".
6. БОЛЬШАКОВ, О. Г. 1993. История Халифата. Эпоха великих завоеваний (633-656), Москва, "Наука". Издательская фирма "Восточная литература".
7. АЛИКБЕРОВ, А. К. 2003. Эпоха классического ислама на Кавказе. Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия "Райхан ал-хакаик" (XI-XII вв.), Москва, "Восточная литература" РАН.
8. DUNLOP, D. M. 1954. *The History of the Jewish Khazars* Princeton, Princeton University Press.

### **Информация об авторе**

**Асадов Фарда Магеррам оглы**, доктор исторических наук, зав. отделом истории и экономики арабских стран, Институт востоковедения им. З.М.Бунятова, Национальная академия наук Азербайджана, г. Баку, Республика Азербайджан  
; asadovfm@hotmail.com

### **«ОБЩАЯ ГРАММАТИКА ТУРЕЦКО-ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА» МИРЗЫ А.К. КАЗЕМ-БЕКА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ТЮРКСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

**М.Э. Дубровина**

*Санкт-Петербургский государственный университет,  
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

**Аннотация.** Мирза Александр Касимович Казем-Бек был выдающимся ученым-востоковедом, сфера научных интересов которого была поистине огромна. Ему удалось внести огромный вклад в развитие отечественной науки в самых разных ее отраслях. Настоящее сообщение посвящено анализу одной из первых грамматик османско-турецкого, которая была написана Мирзой А.К. Казем-беком в 30–е годы XIX столетия. Это сочинение поистине стало классическим, так как оно и по своей структуре, и по своему содержанию может служить образцом исследований подобного рода. Благодаря грамматике М. Казем-бека современный исследователь имеет возможность увидеть синхронное состояние османского языка середины XIX века, представленное глазами лингвиста, квалификация которого настолько высока, что он с легкостью отличает литературную языковую норму от просторечной. Свое повествование М. Казем-Бек неоднократно снабжает следующими комментариями: «...так говорят в Константинополе», или «...так говорит простой народ». Ученый в своем исследовании одновременно выступает в качестве и теоретика-языковеда, и опытного преподавателя, и диалектолога, и специалиста по сравнительной тюркологии, предоставляет ценнейшие сведения для самых разных областей тюркского языкознания.

**Ключевые слова:** грамматика тюркских языков, великие востоковеды, востоковеды России, османский язык, тюркские языки

**«THE GENERAL GRAMMAR OF THE TURKISH-TATAR LANGUAGE» BY M. KAZEM-BEK AND ITS SIGNIFICANCE FOR MODERN RESEARCH IN THE FIELD OF TURKIC LINGUISTICS**

**Summary.** This article is devoted to the analysis of the first monograph on Ottoman-Turkish grammar, which was written By M. Kazem-Bek in the 30s of the 19th century. The heritage of M. Kazem-Bek is very great, he was a famous orientalist and the scope of his interests was very extensive. However, the author of this article tries to analyze the contribution that Kazem-Bek made to the Turkic linguistics. He created a fundamental work entitled "General grammar of the Turkish-Tatar language" is still relevant. Many topics covered by Kazem-Bek, and in modern Turkology have not received a final answer. Scientists, studying this work, never ceases to be surprised linguistic insight M. Kazem-Bek, many of whose observations formed the basis for further research.

**Key words:** grammar of Turkic languages, great Orientalists, Orientalists of Russia, Ottoman language, Turkic languages

Научная и общественная деятельность выдающегося русского ученого-оринталиста Мирзы А.К. Казем-Бека (1802 -1870) неоднократно освещались в трудах различных востоковедов. По словам акад. А.Н. Кононова Александр Казем-Бек «соединял в себе восточную ученость с лучшими традициями тогдашней русской науки». [1, с. 232]. Как известно, М. Казем-Бек в совершенстве говорил и писал на многих восточных и западных языках, обладал широким кругозором, по-настоящему любил, знал и ценил восточную культуру, что позволило ему с равным успехом проявить себя в самых различных сферах востоковедческой науки. [2] В течение всей своей жизни он истинно радел за развитие отечественного востоковедения, занимался как общественно-административной (был первым деканом факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета), так и научной деятельностью:

различными лингвистическими исследованиями, описанием и переводами древних мусульманских рукописей, поэтическими сюжетами, исламоведением. [3]

В 1839 г. в Казани вышло в свет первое издание «Грамматики турецко-татарского языка», а в 1846 – второе издание, в которое был включен раздел, посвященный синтаксису. Это явилось крупным событием в отечественной тюркологии, так как предложенное сочинение было первым в мире опытом изложения грамматики тюркских языков с таким ракурсе. Грамматика сочетает в себе три важных аспекта. Во-первых, она представляет собой лингвистическое исследование, посвященное подробному изложению фактического материала османско-турецкого языка середины XIX в. М. Казем-Бек предлагает всестороннее описание всех инвентарных единиц языка, начиная от фонетики заканчивая синтаксическими конструкциями, при этом, как в любом научном исследовании, в грамматике присутствует не только информация о конкретных формах и категориях, но и определенные теоретические выводы и предположения обобщающего характера. М. Казем-Бек в этом отношении наглядно продемонстрировал свои выдающиеся лингвистические способности, так как ему удалось создать не просто описательный труд, но и заложить основы для функционального подхода к языковым фактам, при котором дается анализ значений и функциональных особенностей рассматриваемых форм.

Второй, не менее значимый аспект грамматики это ее сравнительно-сопоставительный характер. В своем труде М. Казем-Бек не только перечисляет факты османского языка: буквы, фонемы, морфологические формы, различные части речи, синтаксические конструкции, но и подробнейшим образом сравнивает имеющиеся факты османского языка с фактами других тюркских языков (языками сибирских татар, крымско-татарским, азербайджанским, чувашским и др. языками). Такие сопоставительные изыскания дают возможность более глубокого понимания, как особенностей устройства самого османского языка, так и того, насколько османский язык похож на другие тюркские языки. Гениальность ученого проявляется в том, насколько интересные лингвистические наблюдения он дает относительно фактического материала других тюркских языков, какие гипотезы в ходе своего анализа он выдвигает.

Третий аспект грамматики, который повышает значимость труда в целом, это то, что грамматика ориентирована не только на ученых-ориенталистов, но и на изучающих этот язык людей. По словам самого автора, это, прежде всего, учебное пособие, которое начинается с самых азов – с разбора правил чтения букв арабского алфавита, применяемого для османского языка.[4, с. 2-29]. В конце этого раздела даны упражнения для чтения, в которых автор предлагает тексты с транскрипцией и без нее, чтобы позволить «упражняющемуся» постепенно перейти от легкого к трудному. [4, с. 32-48]. В своей грамматике М. Казем-Бек старается снабдить теоретическое изложение большим количеством конкретных иллюстративных примеров на османском и других тюркских языках, подробно объясняет сложные для понимания учащихся места в грамматике и синтаксисе османского языка. Но одним из значимых моментов этого учебного пособия можно назвать наличие адекватных переводов на родной русский язык и введение соответствий в грамматике и синтаксисе. В последнее время все больше пишут о том, что лучшее понимание и усвоение иностранного материала происходит в том случае, если преподаватель дает обучающимся прямые соответствия между формами иностранного и родного языков. М. Казем-Бек и в этом отношении является новатором, так как в отличие от формально-грамматической методики преподавания языка, распространенной долгое время в российско-советской системе образования, он интуитивно выбирает более успешную методику, при которой правила употребления иностранных средств объясняются через родной язык. Такой подход в последнее время начали признавать в качестве одного из самых перспективных и эффективных в методике преподавания иностранного языка.

Таким образом, общая грамматика, которую составил М. Казем-Бек представляет интерес для самого широкого круга читателей, среди которых и специалисты по общему и сравнительному языкознанию, и тюркологи общего профиля, и те, кто специализируется исключительно на изучении османского языка, так с теоретической, так и с практической точек зрения.

Тем не менее, в настоящем сообщении основное внимание будет сосредоточено на тех научно-теоретических изысканиях М. Казем-Бека, которые легли в основу практически всех дальнейших лингвистических исследований в области тюркского языкознания. В виду

ограниченного объема данной статьи остановлюсь лишь на некоторых из них.

Как известно, в тюркских языках одной из самых значимых частей речи является глагол. Практически все тюркские языки, в том числе и османский язык, обладает развитой сетью словообразовательных и словоизменительных форм и категорий глагола. Большое место отведено глаголу и в рассматриваемой грамматике. Казем-Беку удалось во многих темах нащупать те моменты, которые являются отличительными особенностями устройства именно тюркских языков. Он обратил внимание на большое количество форм, составляющих категорию времени, ведь в тюркских языках номенклатура этих форм превосходит по своему количеству системы многих европейских языков. Ученый здесь выделяет как первичные формы времени, так и вторичные (или сложные) формы, подробно их описывает с формальной и с семантической точки зрения. Однако внимание современного тюрколога может привлечь тот факт, что в системе наклонений М. Казем-Бек выделяет сослагательное наклонение. Проблема наличия сослагательного наклонения в тюркских языках до сих пор является одной из острых и до конца не разрешенных. Как известно, классические грамматические описания не включают это наклонение в список имеющихся в системе любого тюркского языка. Согласно самому распространенному пониманию, сослагательное наклонение – это глагольная категория, формы которой указывают на то, что действие должно было, могло или могло бы совершиться, но в действительности не совершилось. Иными словами, они имеют своим значением сослагательную модальность, констатирующую несоответствие содержания высказывания действительности. [5, с.191] Некоторые тюркологи полагают, что такой категории нет в тюркских языках по причине отсутствия одного аффикса, значением которого было бы указанная модальность. [6]. Действительно, одного синтетического показателя в турецком языке такого, как как, например, аффикс времени (-dı,- r, -уасак), вроде бы, и нет. Однако идея М. Казем-Бека о наличие отдельной глагольной категории сослагательного наклонения, заложенная им в «Общей грамматике», получила развитие в среде тюркологов, работающих в СПбГУ. Так, В.Г. Гузев пишет: «Значение сослагательности является результатом взаимодействия двух временных планов – будущего и прошедшего, носи-

телями которых выступают аффиксы-компоненты составных показателей этих форм». [7, с. 96]. Он сначала на материале староаналойско-тюркского, а затем и современного турецкого языков продемонстрировал, что формы, сочетающие аффикс будущего времени (-ar, -уасак) с аффиксом прошедшего времени (-dı) или аналитическим показателем (-idi) способны передавать семантику сослагательности. Далее ученый отмечает, что возникновение значения сослагательности путем переосмысления будущего в прошедшем – явление, широко распространенное и за пределами тюркских языков. В английском языке один из способов образования сослагательного наклонения заключается в употреблении в форме прошедшего времени глаголов shall и will, служащих для образования будущего времени (I should be glad Я был бы рад). [7, с. 97]. Таким образом, заключает ученый, сложные формы современного турецкого языка, такие как: -ardı, -уасакtı, абсолютно оправдано признавать формами сослагательного наклонения. Эта идея В.Г. Гузева получает свое продолжение и в исследованиях его учеников [8, 9].

Лингвистическая проницательность М. Казем-Бека проявилась и в его анализе причастных форм османского языка. Он отмечает, что причастия в рассматриваемом языке делятся на «склоняемые» и «несклоняемые», к «несклоняемым» ученый относит формы -уан, -ar/-maz, -miş, к «склоняемым» форму -dık, форма же -уасак относится и к первым, и ко вторым, что абсолютно справедливо, так как полностью отображает языковые реалии. [4, с. 271-272]. На наш взгляд, в таком разделении причастий, а именно в делении на изменяемые и неизменяемые, можно усмотреть различие их функций, которое интуитивно осознавал М. Казем-Бек. Стремление выявить детальную функциональность этих форм послужило основанием для дальнейших работ и исследований в стенах СПбГУ. Особая черта форм -dık и -уасак, заключающаяся в их способности изменяться и присоединять к себе показатели принадлежности и падежей, подтолкнуло тюркологов Ленинградской (Санкт-Петербургской) школы выделить эти формы в отдельную группу. Ведь, изменяемая природа этих форм вытекает из их функционального предназначения. С. Н. Иванов разделял причастные формы именно по их функциям, в соответствии с которыми в турецком языке обнаруживаются атрибутивные причастия (-уан), атрибутивно-предикативные (-ar, -miş), атрибутивно-субстантивные (-dık)

и атрибутивно-субстантивно-предикативные (-*уасак*) формы. [10, с. 35]. Подобный принцип деления причастий по функциям использует и В. Г. Кондратьев при описании строя древнетюркского языка: по его классификации причастия состоят из атрибутивных (-*зма*, -*глы*, -*гучы*, -*дачы*) и субстантивно-атрибутивных (-*р*, -*мыш*, -*дык*, -*гу*, -*гулук*, -*йук*, -*сык*) форм. [11, с. 93] Критерием по которому В. Г. Кондратьев подразделяет эти формы является то, что атрибутивные формы могут функционировать как определения (определяемое – субъект действия), а субстантивно-атрибутивные формы могут функционировать не только как атрибутивы, но и как субстантивы. Наличие у форм -*дйк* и -*уасак* не одной, а двух функций побудило В. Г. Гузева обособить эти формы в отдельную подкатегорию и назвать их субстантивно-адъективными формами (сокращенно саф). [12] Именно функционально-семантический анализ причастий в османском языке, а затем и в современной турецком, начатый М.А. Казем-беком позволил многим его последователям и ученикам обнаружить и описать интересные своеобразные черты, присущие и тюркским причастиям, и другим глагольно-именным формам. [13, 14, 15].

Еще одно важное с лингвистической точки зрения замечание можно найти на с. 296 сочинения М. Казем-Бека. Здесь ученый обращает внимание на то, что у татар севера распространена особенная формы для передачи многократности действия, которая состоит из сочетания деепричастия (по терминологии Казем-Бека, герундия) с показателями -*уа* или -*уир* с глаголами вставать, продолжать и пр. [4, с. 296.] Здесь ученый демонстрирует свою наблюдательность и глубокую лингвистическую осведомленность: он указывает на важную особенность устройства тюркских языков – употребление сложных глагольных конструкций для передачи различных значений. Однако сама тем, касающаяся сложновербальных конструкций в тюркских языках скрупулезно и детально начала разрабатываться намного позднее. Долгое время многие значения, передаваемые сложновербальными формами, прежде всего, аналитическими конструкциями, образованными по модели описанной М. Казем-Беком (деепричастие плюс некий глагол) именовали видовыми, однако в настоящее время большинство тюркологов склоняется к тому мнению, согласно которому многократность, быстрота и другие характеристики действий не представляют собой видов, а являются способами действия (*Aktionsart*). Многие тюркологи

вплотную занимались темами, связанными с описанием аналитических и перифрастических конструкций, анализом их значений и функций. [См. обзор 16] Д.М. Насилов и В. Г. Гузев в этом вопросе отталкивались, прежде всего, от содержательной стороны рассматриваемых форм. В соответствии с их разработками и аналитические, и перифрастические формы входят в одну глагольную категорию – категорию аспектуальности, однако вследствие разных значений они подразделяются на две подкатегории: категория вида и категория акционсарта (способов действия). [17, 7, с. 132-142.] Список ценных наблюдений и идей, которые мы обнаруживаем на страницах «общей грамматики» М. Казем-Бека можно было продолжать, однако объем настоящего сообщения не позволяет этого сделать. Тем не менее, и продемонстрированного достаточно, чтобы заключить, что, несмотря на то, что грамматика османско-турецкого языка была составлена около 180 лет назад, она не потеряла своей значимости и продолжает оставаться важным источником для изучения тюркских языков и по сей день.

### **Список литературы**

1. Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Октябрьский период. Л., Издательство «Наука», 1972. 272 с.
2. Валеев Р.М. Профессор Мирза А. К. Казем-Бек и направления развития российского востоковедения (XIX в.) // Наследие Мирзы Казем –Бека: История и современность. Доклады и Сообщения Международной научной конференции (г. Казань, 20-21 ноября 2013 г.) / Гл. ред. Р.М. Валеев. Казань: Фолиант, 2015. С. 36-45.
3. Пылев А.И. Новаторский вклад Мирзы Александра Казем-Бека в сравнительное изучение тюркских языков // Наследие Мирзы Казем-Бека: История и современность. Доклады и Сообщения Международной научной конференции (г. Казань, 20-21 ноября 2013 г.) / Гл. ред. Р.М. Валеев. Казань: Фолиант, 2015. С. 158-169.
4. Мирза А. Казем-Бек. Общая грамматика турецко-татарского языка. Второе издание. Исправленное и обогащенное многими новыми филологическими исследованиями автора. Казань, 1846. 466 с.
5. Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления. М.: Наука, 1971. 232 с.

6. Н.А. Баскаков. О категориях наклонения и времени в тюркских языках// Структура и история тюркских языков. М.: Издательство «Наука», 1971.С. 72-81.

7. Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1990. 165 с.

8. Телицин Н. Н. К вопросу о сослагательном наклонении в древнетюркских языках // Вестник СПбГУ, 1998. Серия 2. Вып.1.(№2). СПб, 1998. С. 118-120.

9. Ульмезова Л.М. О термине «Сослагательное наклонение» в тюркских языках (на примере карачаево-балкарского и турецкого языков) //Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2012. Вып. 2. С. 42-46.

10. Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. Ч. 2: Грамматические категории глагола. Л.: Издательство ЛГУ, 1977. 88 с.

11. Кондратьев В.Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности (VIII - XI вв.). Л.: Издательство ЛГУ, 1981. 190 с.

12. Гузев В.Г. Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория (на материале староанатолийского и турецкого языков) //Turcologica. К семидесятилетию академика А.Н. Кононова. Л.: Издательство «Наука», Ленинградское отделение. 1976. С. 56-61.

13. Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. СПб.: Издательство С.-Петербургского ун.-та, 2006. 227 с.

14. Телицин Н.Н. Атрибутивные и субстантивно-атрибутивные формы древнеуйгерского глагола //Исследования по уйгурскому языку. Алма-ата, Наука, 1988. С. 96-103.

15. Дубровина М.Э. О термине «субстантивно-адъективная форма» (САФ) применительно к некоторым глагольно-именным формам тюркских языков //Актуальные вопросы тюркологических исследований / под ред. Н.Н. Телицина, Й.Н. Шена. СПб.: СПбГУ, 2016. С. 49- 55.

16. Дубровина М.Э. Категория аспектуальности языка древнетюркских рунических памятников //Очерки по теоретической грамматике восточных языков / под ред. В.Г. Гузева. СПб: Издательский дом СПбГУ, 2011. С. 141-158.

17. Насилов Д. М. К вопросу о перифрастических формах глагола в древнетюркских языках//Вопросы языкознания. М.: Наука, 1960, № 3. С. 93-97.

### **Информация об авторе**

**Дубровина Маргарита Эмильевна**, кандидат филологических наук, доцент Восточного факультета, кафедры тюркской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; maggydu@rambler.ru

## **«ОТБОРНЫЙ ЖЕМЧУГ ПО ИСТОРИИ АЛЕППО» В РУКОПИСНОЙ КОЛЛЕКЦИИ М.КАЗЕМ-БЕКА**

**М.Ю. Илюшина**

*Национальный исследовательский университет  
«Высшая школа экономики»,  
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

**Аннотация.** Изучение истории стран мусульманского Востока – одно из центральных направлений научной деятельности М.Казем-Бека. Особый интерес проявлял М.Казем-Бек к локальной истории. Об этом свидетельствуют его исследования рукописных материалов «Ас-себ-ус-сей-яр», «Дербент-наме» и другие работы.

Копия сочинения Мухаммада Ибн аш-Шихны (1402-1485) «Отборный жемчуг по истории Алеппо» была написана в середине XVIII в. и входит в состав коллекции М.Казем-Бека, хранящейся в настоящее время в рукописном фонде Восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета.

«Отборный жемчуг...» содержит обширный топографический и исторический материал, а также сведения об авторе сочинения, Мухаммаде Ибн ал-Шихне, и его семье, представители которой занимали заметное место в политической жизни государства Мамлюков (1250-1517).

Рукопись представляет собой малоизученный источник по истории и культуре Алеппо, находившегося у границы двух крупнейших держав региона – османской и мамлюкской.

**Ключевые слова:** М.Казем-Бек, арабские рукописи, история Алеппо, Ибн аш-Шихна, Султанат Мамлюков.

### “THE CHOSEN PEARLS ON ALEPPO’S HISTORY” IN M.KAZEM-BEK’S COLLECTION OF MANUSCRIPTS

**Summary.** M.Kazem-bek’s broad academic interests included the history of Islam and the Muslim world. Among his important researches on history were “Asseb-us-sey-yar” and “Derbent-name”. He gathered a large quantity of manuscripts for his study of Middle Eastern history, culture and intellectual life.

The copy of Mahammad Ibn al-Shihna’s (1402-1485) “The chosen pearls on Aleppo’s history” was written in the middle of the 18th century purchased by M. Kazem-Bek and kept now in the collection of manuscripts in the Scientific library of St. Petersburg State University.

"The chosen pearls ..." contains extensive topographical and historical material, as well as the information about the author of the work, Mahammad Ibn al-Shihna, and his family. The members of Ibn al-Shihna’s family played a remarkable role in the political life of the Mamluk Sultanate (1250-1517).

This little-known manuscript from A.Kazem-bek’s collection is a source on the history and the culture of Aleppo, a politically important city lying in the 15<sup>th</sup> century near border of two largest powers of the region – the Ottoman empire and the Mamluk Sultanate.

**Key-words:** M.Kazem-bek, Arabic manuscripts, the history of Aleppo, Ibn al-Shihna, Mamluk Sultanate

Около двадцати лет М.Казем-Бек занимался собиранием восточных манускриптов. Составленные им коллекции содержат рукописи по исламу и мусульманскому праву, восточной словесности, грамматике арабского языка, логике, риторике, точным и естественным наукам, а также труды по истории.

В 1852 г. М.Казем-Бек представил в Департамент Народного Просвещения Российской империи каталог рукописей из своей личной коллекции. Из девяноста шести упомянутых в каталоге манускриптов

семнадцать ученых поместил в раздел «По истории». Среди них – сочинение Мухибб ад-Дина Мухаммада Ибн аш-Шихны (804-890/1402-1485) в под названием «Отборный жемчуг по истории Алеппо» [1].

Сочинение Ибн аш-Шихны представляет собой часть его собственной не сохранившейся до наших дней работы «Отрада смотрящих на Сад пейзажей», которая, в свою очередь, является сокращенным изложением и продолжением книги «Сад пейзажей в знании о первых и последних», принадлежащей отцу Мухаммада Ибн аш-Шихны, Абу ал-Валиду Ибн аш-Шихне (ум. в 815/1412 г.). Историческое повествование в труде Абу ал-Валида Ибн аш-Шихны доведено до 806 г. *хиджры*. Основой для «Отрады смотрящих...» и «Сада пейзажей...» послужило сочинение ‘Изз ад-Дина Ибн Шаддада аль-Халаби (613-684/1217-1285) «Важные драгоценности в рассказе об эмирах аш-Шама и ал-Джазиры», в котором дан обзор региональной географии упомянутых областей до монгольского завоевания [2, с. 370].

В «Отборном жемчуге...» Ибн аш-Шихны двадцать пять глав, которые повествуют об основании города и завоевании его мусульманами, а также о многочисленных зданиях, садах, каналах и прочих сооружениях в Алеппо. Ибн аш-Шихна снабдил материал, почерпнутый им из трудов предшественников, информацией о современном ему состоянии построек и учреждениях в них расположенных. В двадцатой и двадцать первой главах он разместил сведения о тех городских объектах, которые были возведены уже после написания «Сада пейзажей...», а также о том, каким изменениям были подвержены описанные Ибн аш-Шаддадом кварталы и памятники. Особую ценность представляет подробный перечень *медресе* и других образовательных учреждений, основанных в Алеппо в мамлюкский период [3].

Важнейшим источником сведений по управлению провинциями Султаната Мамлюков является последняя глава «Отборного жемчуга...», в которой содержится информация о наместниках, судебной, военной и административной системе Алеппо во второй половине XV в. Значимость этого материала определяется тем, что Мухаммад Ибн аш-Шихна сам на протяжении долгого времени занимал должность судьи в Алеппо и был не только ученым, но и видным государственным деятелем.

Предки Мухаммада Ибн аш-Шихны с XII в. принадлежали к военной и политической элите Алеппо. Еще до основания мамлюкской державы один из членов этой семьи, эмир Хусам ад-Дин Махмуд ал-Хутлуки (ум. 626/1228 г.), служил зенгидскому правителю Исма'илу (569-577/1174-1181) и аййюбидам ал-Малику аз-Захиру (582-613/1186-1216) и ал-Малику ал-'Азизу (613-634/1216-1237) на посту городского *шихны* – начальника полицейского ведомства. Отец Мухаммада Ибн аш-Шихны, Абу ал-Валид Ибн аш-Шихна, родился в 749/1348 г., принадлежал к числу самых авторитетных *факихов* своего времени, был блестящим знатоком словесности и обладателем великолепного почерка. Он занимал должность судьи в Алеппо, Дамаске и Каире, был дважды арестован, но, в конце концов, стал главным *кади* всей мамлюкской провинции аш-Шам. Абу ал-Валид учредил *вакф* в пользу мечети, расположенной в цитадели Алеппо, о чем свидетельствует сохранившаяся надпись, которая датируется 811/1408 г. Абу ал-Валид Ибн аш-Шихна скончался в Алеппо в 815/1412 г. [4, p. 938; 5, p. 11-13].

Автор «Отборного жемчуга по истории Алеппо» Мухибб ад-Дин Мухаммад б. Мухаммад б. Мухаммад б. Махмуд б. Гази Ибн аш-Шихна ас-Сакафи родился 12 числа месяца раджаб 804 /16 февраля 1402 г. Известно, что, еще не достигнув возраста сорока лет, он стал главным ханафитским судьей Алеппо, чему, вероятно, способствовал авторитет его семьи [6, s. 93-94]. В XV в. в Султанате Мамлюков становится заметной тенденция «закрепления» некоторых должностей или шире, сфер деятельности в государственном аппарате за отдельными семейными кланами [7].

В 846/1442 г. Мухаммад Ибн аш-Шихна впал в немилость и был отправлен в отставку, но уже в 848/1445 г. снова занял пост главного ханафитского судьи Алеппо, а также начальника канцелярии наместника султана и управляющего армейским ведомством в провинции [6, s. 94]. Зимой 856/1452 г. Ибн аш-Шихна был снова снят со всех должностей. На этот раз дело не ограничилось отставкой: дом бывшего судьи был конфискован, а сам он отправлен в тюрьму. Ибн аш-Шихну обвинили в махинациях с вакуфной собственностью и незаконном строительстве. Следствие установило, что он присвоил шестьдесят тысяч динаров из вакуфных средств, находившихся в его управлении [8, p. 380, 412].

В начале следующего года султан аз-Захир Джакмак (841-857/1438-1453) умер, его сын ал-Мансур ‘Усман (21.01.857-05.03.857/01.02.1453-16.03.1453) сумел удержаться на троне всего полтора месяца, и к власти в Каире пришел новый султан – ал-Ашраф Инал (857-865/1453-1461). Масштабные перестановки в политической элите и административном аппарате, к осуществлению которых приступил Инал, давали Мухаммаду Ибн аш-Шихне шанс вернуть утраченные позиции. Он отправился в Каир, с помощью щедрых подарков добился аудиенции у султана, передал в казну около десяти тысяч динаров (помимо того, что было у него конфисковано), пообещал принести еще больше и, в конце концов, снова получил пост главного ханафитского судьи Алеппо [8, р. 444, 446].

Осенью того же 857/1453 г. Мухаммад Ибн аш-Шихна был назначен на самую высокую должность в гражданской мамлюкской администрации – государственного секретаря. Государственный секретарь должен был находиться при султанине, когда принимались какие-либо важные решения, сопровождать его во время поездок или военных походов. Он знакомился с корреспонденцией, поступающей в адрес правителя, составлял ответы, в том числе и ответы на жалобы, если таковые поступали, получал подпись султанина на подготовленных письмах, отправлял их по назначению, представлял султанину иностранных посланников, рассматривал прошения, участвовал в работе ведомства *вазира* и в издании приказов, в том числе о назначении и смещении наместников и других должностных лиц, а также готовил текст договора, согласно которому халиф передавал светскую власть султанину, и завещание о наследовании престола, наконец, в его руках находилась вся почтовая служба и тайная разведка [9, р. 45; 10, р. 137]. Именно Ибн аш-Шихна был свидетелем последних мгновений жизни ал-Ашрафа Инала, именно он как государственный секретарь привел высших эмиров к присяге сыну Инала – ал-Му’айяду Ахмаду (14.05.865-19.09.865/25.02.1461-28.06.1461). При следующем султанине, аз-Захире Хушкадаме (865-872/1461-1467) Мухибб ад-Дин Мухаммад Ибн аш-Шихна стал главным ханафитским судьей Египта [6, р. 95-96].

Автор «Отборного жемчуга...» занимал этот пост до 877/1472 г. Он был смещен с должности главного судьи из-за конфликта между внучкой султанина аз-Захира Баркука (784-791/1382-1389; 792-801/1390-1399), Шакрой (ум. в 887/1482 г.) и ее племянницей. Предметом спора

был вакф, на доходы от которого претендовали обе наследницы. Мухибб ад-Дин Ибн аш-Шихна выступил на стороне Шакры, чем и разгневал султана ал-Ашрафа Каитбея (872-901/1468-1496). Вероятнее всего, отставка Ибн аш-Шихны стала результатом дворцовых интриг [11, p. 22].

Мухибб ад-Дин Мухаммад Ибн аш-Шихна был представителем семейного клана, занимавшего видное место в социальной и политической жизни Алеппо в XIII-XV вв., на протяжении многих лет он служил в судебной и административной системе мамлюкского государства, участвовал организации работы и управления вакфами религиозных институтов и образовательных учреждений. Его сочинение является ценным источником сведений о разнообразных сферах деятельности 'улемов – мусульманской религиозной и интеллектуальной элиты. Возможно, именно этот материал в рукописи «Отборного жемчуга...» привлек внимание М.Казем-Бека, который, как известно, работал над трехтомным «Биографическим сочинением об ученых Востока» [12, с. 179] и проявлял большой интерес к интеллектуальной истории мусульманского мира.

### Список литературы

1. РГИА. Ф.733. Департамент народного просвещения. Оп. 193. Д. 674. Лл. 139-159.
2. Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. М.: Восточная литература РАН, 2004. 919 с.
3. Ibn al-Shihna, Muhibb al-Din Muhammad b. Muhammad b. Muhammad. Al-Durr al-muntakhab fi ta'rikh Halab. Научная библиотека Санкт-Петербургского государственного университета. Ms.O. 584.
4. Sourdel D. Ibn al-Shihna, in *The Encyclopaedia of Islam*, New edition, ed. by B. Lewis, V.L.Ménage, Ch.Pellat and J.Schacht. Vol. III. Leiden: Brill, 1986. P. 938.
5. Ibn al-Shihna, Abu al-Walid Muhammad b. Muhammad. Rawd al-manazir fi 'ilm al-awa'il wa-l-awakhir. Beirut: Dar al-Kutub al-'Ilmiyya, 1997. 331 p.
6. Schimmel, A. Kalif und Kadi im spätmittelalterlichen Ägypten, in *Die Welt des Islams* 24 (1943). S. 1-128.

7. Martel-Thoumian B. Les civils et l'administration dans l'Etat militaire mamluk. (IXe/XVe siecle). Damascus: Institut Franchise de Damas, 1991. 516 p.

8. Ibn Taghri Birdi, Jamal al-Din 'Abu al-Muhasin. Hawadith al-duhur fi mada al-ayyam wa al-shuhur. Beirut: 'Alam al-kutub, 1990. 613 p.

9. Tillier M. Courts of law, historical, in *Encyclopaedia of Islam*, Three. Ed. by K. Fleet, G. Krämer, D. Matringe, J. Nawas et E. Rowson. Leiden: Brill, 2017. Pp. 39-47.

10. Dahman, Muhammad Ahmad, Mu'jam al-alfaz al-ta'rikhiya fi-l-'asr al-mamlukiya. Beirut: Dar al-Fikr al-Mu'asir, 1990. 160 p.

11. Petry C.F. Protectors or Praetorians? The Last Mamluk Sultans and Egypt's Waning as a Great Power. Albany: State University of New York Press, 1994. 280 p.

12. Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете. Казань: Изд-во КГУ, 1972. 225 с.

### Информация об авторе

**Илюшина Милана Юрьевна**, кандидат исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; aspirant\_vf@mail.ru, miliushna@hse.ru

## М. КАЗЕМ-БЕК- СИМВОЛ РОССИЙСКОГО И МИРОВОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**Р.С. Кадыров**

*Дагестанский государственный университет,  
г. Махачкала, Республика Дагестан, Российская Федерация*

**Аннотация.** Человек должен сохранять память о тех, чье пребывание на земле было озарено светом высокого предназначения, кто не растратил данные Всевышним святыне крупы, посвятив всего себя избранному пути. Одним из таких людей был Мухаммед Али Казем-Бек, ставший одним из основоположников русской, а в дальнейшем

русской, ориенталистики, ученым с мировым именем. Его преклонение перед наукой не имело границ, и ради служения ей он оказался готовым на многое. Для современников и потомков имя Александра Касимовича Казем-Бека — символ русской и мировой востоковедения.

**Ключевые слова:** Мухаммед Али Казем-Бек, ориенталистика, ученый, русская, наука, современники, востоковедение.

### M. KAZEM-BEK-SYMBOL OF THE RUSSIAN AND WORLD EAST

**Summary.** A person must preserve the memory of those whose stay on earth was illuminated by the light of high destiny, who did not squander the holy particles given by the Almighty, devoting their whole life to the chosen path. One of these people was Mohammed Ali Kazem-Bek, who became one of the founders of Russian, and later on Russian, Orientalism, a world-renowned scientist. His admiration for science had no limits, and for the sake of serving it he was ready for much. For contemporaries and descendants, the name of Alexander Kasimovich Kazem-Bek is a symbol of Russian and world Oriental studies.

**Keywords:** Mohammed Ali Kazem-Bek, oriental studies, scholar, Russian, science, contemporaries, oriental studies.

В древнейшем и великом городе Российской империи Дербенте в семье местного шейха, происходившего из знатного тюркского рода, из которого вышли министры и приближенные известного дербентского правителя — Фатали хана, рос мальчик по имени Мухаммед. Отец его женился на дочери Мир-Бакыр хана - губернатора Решта. Гаджи Казым-Бек не только отличался глубокой религиозностью, но и был человеком ученым, что и стало фактической причиной его назначения дербентским шейхом.

Сегодня отца Мухаммеда Казем-Бек называли бы юристом, поскольку его специальностью являлось мусульманское законоведение. Он входил в круг самых известных в Дербенте людей: в его доме бывали священнослужители, сильные в различных областях мусульманской учености. Именно они и стали учителями единственного сына

дербентского шейха. Мать мальчика рано умерла, и отец полностью взял его воспитание в свои руки.

Будущий ученый получил мусульманское образование под руководством отца и других наставников. Его обучали арабской грамматике, риторике и логике, законоведению, а азербайджанским и персидскими языками в семье Казем-Бека пользовались в качестве разговорных.

Уже с детских лет Казем-Бек отличался блестящими природными данными, а в 17 лет написал сочинение на арабском языке «Опыт грамматики арабского языка», на следующий же год - «Муамма-ва-Луغاز» (шарады на арабском и персидском языках). Причиной успехов были не только недюжинные способности, но и редкостная усидчивость и неподдельная страсть к знаниям, которая делает человека подлинным ученым. Отец гордился им и был уверен, что сын достигнет больших высот учености. И он не ошибся, так как Казем-Бек стал знаменитым российским ученым, слава которого перешагнула границы империи.

Казым Бек - старший, заподозренный в заговоре против царя, был сослан в Астрахань. Вскоре и сын его покидает свой родной город Дербент и едет навестить отца. В Астрахани он устраивается на работу в местную газету переводчиком, а сам берет уроки английского и французского языков у шотландских миссионеров, которых в свою очередь обучает турецкому и персидскому. Там юноша изучает древнееврейский язык.

Затем императорским указом Казем-Бек назначается с 25 августа 1825 года на должность учителя татарского языка в Омское азиатское училище (по другим данным — Омский кадетский корпус).

По дороге в Омск Казем-Бек, заболев, останавливается в Казани, где знакомится с ректором Казанского университета профессором Карлом Фуксом. Так начинается его путь в науку.

Казем-Бек в совершенстве говорил и писал на персидском, азербайджанском, русском, татарском, турецком, арабском, английском, французском языках, владел также немецким и древнееврейским языками. И это при том, что полноценного академического образования он так и не получил. Не имея даже университетского диплома, Казем-Бек, преподававший восточные языки в Казани, в возрасте 26 лет избирается действительным членом Королевского азиатского общества в Лондоне, а через два года, написав на персидском языке работу по

арабской филологии, получает степень магистра восточной словесности. Карл Фукс предложил молодому преподавателю остаться в Казани и вести занятия в 1-й Казанской гимназии по арабскому и персидскому языкам. Казем-Бек согласился и, по отзывам современников, преподавал «с особенным усердием без всякого возмездия за труды его» [1,26]. В этом же году ученый был принят в университет на должность лектора-старшего преподавателя арабского и персидского языков. А уже через два года он возглавит кафедру турецко-татарского языка и будет преподавать четыре языка: арабский, персидский, турецкий и татарский, одновременно усиленно занимаясь научной работой. С того времени, как гласит «Отчет императорского Казанского университета», Казем-Бек преподавал «турецко-татарский язык во всей подробности. Так он преподавал этимологию и синтаксис сего языка в обширном виде по своему сочинению, занимал студентов переводами с турецкого и татарского на русский и обратно и сообщал сравнительные замечания об обоих языках...»[2, с.46].

Как явствует из других отчетов, ученый объяснял студентам старших курсов турецко-татарскую грамматику «по своему сочинению», предвосхитив тем самым курсы теоретической грамматики тюркских языков, которые и поныне читаются в ряде российских университетов. На лекциях и практических занятиях Казем-Бек читал со студентами выдержки из средневековых тюркоязычных сочинений, «упражнял их в чтении константинопольских и александрийских газет, переводах на турецкий язык и читал историю турецкой литературы и историю просвещения на Востоке по своим запискам»[3,с.72]. По отзыву его ученика и сотрудника, известного тюрколога, впоследствии ставшего биографом Казем-Бека, Ильи Березина, его преподавание «отличалось чрезвычайной ясностью, и для любознательного слушателя профессор составлял неистощимый запас знания по всем отраслям востоковедения с точным и верным ответом на всякий запрос»[4,46]. Биограф отмечал, что основной фонд знаний ученого «составляли сведения, приобретенные им в восточной школе, и уже на эту основу легла ткань европейской науки».

Именно это подчеркивал и академик А.Кононов, говоря, что Александр Казем-Бек «соединял в себе европейскую ученость с ученостью восточной»[5,66], что, видимо, и стало причиной того, что с арабским и тюркскими языками Льва Толстого для поступления в Казанский

университет на отделение восточных языков знакомил именно Мирза Казем-Бек.

Востоковеды - его современники, как, впрочем, и представители следующих поколений ориенталистов считали, что наибольшее значение имеют его работы по мусульманству и мусульманскому законоведению - в этой области в то время ему было немного равных - и по изданию текстов.

Отметим одну деталь: три работы выдающегося ученого - «Дербент наме, история Дербента» переведенная с восточных источников на английский язык, как и составленная им «Грамматика турецко-татарского языка», а также учебные пособия для временного курса турецко-оттоманского языка в Императорской военной академии были отмечены весьма престижной в то время Демидовской премией. По словам специалистов, вышедшая в свет в Казани «Грамматика турецко-татарского языка» стала крупным событием в отечественной тюркологии. Это был первый в мире опыт изложения грамматики тюркских языков в сравнительно-сопоставительном плане. Ее второе издание было переведено на немецкий язык и широко использовалось для преподавания тюркских языков не только в России, но и в Западной Европе.

А еще были интереснейшие работы, которые для любителей и специалистов по восточной истории представляют необычную привлекательность. Ряд его публикаций на основе восточных трудов относятся к истории России — «Ассеб ас-сейяр, или Семь планет. История крымских ханов от 1466 г. до 1737 г.»[6,77]. Он первый заинтересовался историей уйгуров, написав «Исследование об уйгурах». Издал сочинение Сейда-Ризы — на турецком языке с введением на русском. А еще «Себат-уль-аджизин, или Утверждение слабых», поэма на джагатайском наречии, с предисловием и примечаниями Казем-Бека, «О появлении и успехах восточной словесности в Европе и упадке ее в Азии», «О некоторых политических переворотах, приготовивших поприще Мухаммеду в Аравии и вне ее», «Объяснение русских слов, сходных со словами восточных языков», «Об этнографическом исследовании русских слов, усвоенных местными тюркскими наречиями», «Объяснение некоторых восточных надписей», «Муридизм и Шамиль». Все эти труды говорят о широчайшем кругозоре ученого, чьи познания простирались и в смежные науки - языкознание, историю, сравнитель-

ную лингвистику. И это - только часть наследия Казем-Бека, включавшего в себя и немало серьезных критических статей, переводы с русского на татарский язык.

В 1845 году Министерство просвещения в связи с выходом на пенсию профессора М.Д.Топчибашева приняло решение о переводе Казем-Бека в Санкт-Петербургский университет на освободившееся место заведующего кафедрой персидской словесности. Но в северную столицу ученый прибыл только через четыре года, так как до этого времени исполнял обязанности декана одного из отделений философского факультета Казанского университета. Будучи замечательным лектором и блестящим ученым, Казем-Бек заслужил доброе имя и на поприще организатора науки востоковедения. Он был далек от схоластики и кабинетной учености, и на должности заведующего кафедрой настаивал на том, чтобы научная работа, как и обучение студентов, велось исходя из практических целей. Казем-Бек всячески содействовал командированию одаренных студентов и выпускников-магистров в страны Востока, используя для этого любые, данные ему должностью, возможности. «Исследование Востока, по его словам, более всех других отраслей науки нуждается в личном, хотя бы кратковременном ознакомлении его исследователей с местными его языками и обычаями. Четырех- или пятилетние занятия молодых людей в университете восточными языками, даже и при существующих способах, не могут подвинуть так далеко их познания, как кратковременное пребывание их на самом Востоке» [7,96].

По отзывам современников, его языковые занятия, имевшие преимущественно практический характер, были направлены на овладение живым персидским языком, правильным произношением при чтении и разговоре, на отработку навыков устного перевода.

Человек широкого кругозора, ученый европейского уровня, он был убежденным сторонником идеи «централизации востоковедения» [8,84]. В 1854 году, согласно царскому указу, Санкт-Петербургский университет стал таким центром, где был открыт факультет восточных языков и одновременно закрыты все аналогичные структуры в других высших учебных заведениях. Его первым деканом был избран Мирза Александр Казем-Бек. С первых дней на этом посту Александр Касимович, как его звали коллеги, добивался открытия на факультете кафедры истории Востока, полагая, что без изучения истории нельзя узнать страну по-настоящему. И добился своего.

В своих научных взглядах и принципах он был не просто тверд, но, можно сказать, бескомпромиссен. Разойдясь во взглядах на задачи факультета с работавшей здесь профессурой, предпочел уйти с должности декана. Во время вынужденного «простоя» много работал как ученый, занимался Туркестаном, который начинал входить в зону российских геополитических интересов. Спустя несколько лет на выборах 1866 года декана факультета восточных языков был переизбран и работал на этой должности до конца своих дней. Несмотря на возраст (почти под семьдесят), мечтал об экспедиции в Туркестан, где намеревался вместе со своими студентами изучить памятники древности и рукописи, собрать лингвистический и этнографический материалы. Планы у него были большие и весьма важные для науки. Но, к сожалению, судьба не дала ему шанса их реализовать. Известный востоковед академик В.Бартольд уже в начале XX века сказал о том, что «работа, намеченная Казем-Бекем, и в настоящее время исполнена далеко не вполне»[9,56]. Современные ученые считают, что поставленные им цели остаются актуальными и в наши дни.

О некоторых из монографий Казем-Бека уже было сказано. Назовем еще одну. В 1859 году был издан «Мифтаху-Кунзуль-Куран» - «Полный конкорданс Корана, или Ключ ко всем словам и выражениям его текстов для руководства к исследованию религиозных, юридических, исторических и литературных начал сей книги». Четырьмя годами ранее за свой труд (тогда еще рукописный) он был удостоен персидского ордена Льва и Солнца I степени. Как пишет доктор исторических наук Ефим Резван, Казем-Бек был трижды лауреатом Демидовской премии Академии наук, действительным членом ряда европейских и американской академий и научных обществ. Его работы по языкознанию, истории, философии, юриспруденции, литературе мусульманского Востока принесли ему не только всероссийскую, но и европейскую славу. В 1851 году по выходе английского издания книги «Дербент-наме», Казем-Бек был удостоен Золотой медали королевы Великобритании. Как показывают архивные документы, ученый был одним из главных правительственных экспертов в делах, так или иначе связанных с исламом.

Среди его известных научных работ, обративших внимание не только российских, но и западно-европейских ученых, первое серьезное исследование религии бабидов.

В работах об исламе он был по-научному объективен и беспристрастен, но категорически отвергал фанатический характер ислама в целом, говоря о том, что Варфоломеевская ночь и казни еретиков придуманы христианами, а не представителями ислама. В статьях об исламе он произвел блестящий анализ причин распространения этого учения, говорил и о недостатках, присущих самой молодой мировой религии, но главной целью считал изучение Востока, поскольку был уверен, что только постижение Запада и Востока друг другом будет способствовать развитию человеческой цивилизации.

«Восток и Запад - подчеркивает Казем-Бек - составляет самую большую часть думающего мира. Там обитает дух цивилизации, и невидимая сила сеет семена истины. Запад не может взрастить просвещение для Востока. Совершить реформу на своих землях под силу только рожденным на Востоке»[9,78].

Мирза Александр Казем-Бек принадлежал к числу тех российских востоковедов прошлого, которые создали научную школу, занявшую в конце 19 и 20 веке ведущее место в мировой науке о Востоке и продолжающую свои лучшие традиции в новом, 21 столетии.

Как современники, так и потомки испытывают глубокое уважение к памяти Мирзы Мухаммеда Казем-Бека за то, что он сделал для изучения ориенталистики.

### Список литературы

1. Бартольд В. Материалы для истории факультета восточных языков. — Санкт-Петербург, 1909, том IV, стр. 30 — 149).
2. Григорьев В. В., Имп. Санкт-Петербургский университет, СПб, 1870
3. Смирнов Н. А., Очерки изучения ислама в СССР, М., 1954
4. Гусейнов Г. Н., Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX в., 2 изд., Баку, 1958, с. 117—61
5. Абдуллаев М., Казем-Бек — учёный и мыслитель, Махачкала, 1963
6. Рзаев А., Мирза Казем-Бек, Баку, 1965
7. Рзаев А. К. Передовая политическая мысль России и Азербайджана XIX в. и их взаимосвязи. — Баку, 1967
8. Мазитова Н. А., Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (1-я пол. XIX в.), Каз., 1972.

9. Пылёв А. И. Вклад Мирзы Александра Казем-Бека в исследование и преподавание тюркских языков в России. Материалы международной научной конференции «Мирза Казем-Бек-2003». 11-12 июня 2003 г.— Баку, 2003

### **Информация об авторе**

**Кадыров Руслан Султанович**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иранской и тюркской филологии, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация; ruskadir@yandex.ru

## **РОЛЬ А.К. КАЗЕМ-БЕКА В ПЕРЕВОДАХ ХРИСТИАНСКИХ БОГОСЛУЖЕБНЫХ КНИГ НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК**

**Д.Ш. Муфтахутдинова**

*Казанский федеральный университет,  
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация*

**Аннотация.** Актуальность исследуемой проблемы обусловлена интересом к диалогу культур, и межконфессиональному взаимодействию мусульманской и православно-христианской конфессий. Статья направлена на изучение вопроса о роли профессора Казем-бека в переводах православной богослужебной литературы на татарский язык в первой половине XIX вв.

**Ключевые слова:** богослужебные книги, мусульмане, татары русификация, христианизация, ассимиляция.

## **ROLE A.K. KAZEME BEK IN TRANSLATIONS OF CHRISTIAN OUR SERVICE BOOKS INTO THE TATAR LANGUAGE**

**Annotation.** The urgency of the problem under study is due to the interest in the dialogue of cultures, and the interfaith interaction of the Muslim and Orthodox Christian denominations. The article is aimed at studying the question of the role of Professor Kazem-bek in the translation of Orthodox liturgical literature into the Tatar language in the first half of the XIX centuries.

**Keywords:** liturgical books, Muslims, Tatars, Russification, Christianization, assimilation

**Методы (Methods):** Ведущим подходом к исследованию данной проблемы стал системный метод, позволивший выделить и рассмотреть различные аспекты проблемы перевода православных богослужебных книг на языки нерусских народов России в системной взаимосвязи с идеологическими задачами самодержавной власти по отношению к мусульманским народам империи.

**Результаты (Findings):** В статье показана эволюция и цели переводов православной богослужебной литературы на татарский язык, а так же роль в этом процессе профессора А. Казем-бека. Статья написана на основе документов из Государственного архива Республики Татарстан и опубликованных источников XIX века.

Материалы статьи могут быть полезными для дальнейшей разработки темы исследования, а также в ходе преподавания спецкурсов на исторических факультетах университетов и преподавания Отечественной истории в высших и средних учебных заведениях страны.

Обращали ли вы уважаемые читатели, что на самом известном портрете Александра Касимовича Казем-бека, он изображен с тремя орденами на груди. Один из них орден св. Станислава первой степени, который предоставлял ему право потомственного дворянства.

За что же был награжден, сей знатный инородец, столь почетной наградой? Ответ на этот вопрос дает дело, отложившееся в фондах Государственного архива Республики Татарстан, а именно, «Дело о пожаловании ординарного профессора Петербургского университета действительного статского советника Мирзы Казем-бека кавалером ордена св. Станислава первой степени 25 марта 11 мая 1855г.» [1]

Оценивать столь противоречивую и неоднозначную натуру, как мирза Мухаммад Али Казем-бек сложно. Человек, отрекшийся от своей веры и получивший награды, за работы по искоренению ислама, трудно поддается только положительной оценке.



Ситуация в Поволжье по борьбе с мусульманским прозелитизмом и отпадениями в ислам крещеных татар в первую половину XIX века по мнению православных миссионеров была катастрофической. По отчетам Синода, 65 % крещеных инородцев, притом не только татар, но и чуваш, марийцев и удмуртов готово было отпасть в старую веру, т.е. в ислам или в язычество. [2, с. 241]

Насильственное крещение, а также крещение при условии предоставления различных льгот и освобождения от налогов, желаемых результатов не дали. Н.И. Ильминский по этому поводу писал: «... первоначально крещение их было совершено без внутреннего обращения, без полного убеждения их в истине и спасительности христианской веры, даже без достаточного научения их ее догматам». [3, с.221] Поэтому в это время цель русификаторов можно выразить словами – главное не количество, а качество. Конечную цель этой политики лаконично выразил известный миссионер Н.И. Ильминский: «Коль скоро инородец усвоил себе православие сознательно и убежденно, умом и сердцем, он уже обрусел». [4, с.244]

В процессе ускоренной аккультурации нерусских народов в духе православной этики и морали должны были помочь переводы православных богослужебных книг на языки нерусских народов и подготовка миссионерских кадров с высшим миссионерским образованием. Для этого в Казанской духовной академии на миссионерском противомусульманском отделении в 1845 г. была открыта кафедра татарско-турецких языков. [5, с.6] Большая часть учебного времени на этом

отделении отводилась тщательному изучению Корана как первоисточника мусульманского вероучения, характеристики богословских систем в исламе, а также изучению арабского и татарского языков. Вот как об этом написано в проекте архиепископа Григория об учреждении миссионерского отделения в Синод: «Студентам, имеющим поступить в миссионерские отделения, положено преподавать... следующие науки: историю Мухамеда, в возможной подробности, мухамеданскую веру по ея источникам; причем объяснять общий характер татар, их образ мышления, обычаи, привычки, и в тоже время, нужно в приложении к ним педагогику, а кроме того, обучать студентов татарскому и арабскому языку в такой степени, чтобы студенты могли свободно объясняться с татарами не только о простых предметах, но и о христианских истинах». [5, с.7]

Поскольку Казанская духовная академия в то время еще не имела собственных кадров, то руководство академии пригласило преподавать арабский и турецко – татарский языки ординарного профессора Казанского императорского университета Александра Касимовича Казем-бека. По всей видимости, преподавание ислама и языков у Казем–бека носили сугубо научный характер, но следующее поколение его учеников, среди которых был виднейший в стране миссионер Н.И. Ильминский, придаст этому делу уже антимусульманский характер.

Массовые отпадения новокрещенных татар в ислам вынуждает власть вплотную заняться переводами богослужебных книг на язык татарский язык и на языки нерусских народов. На этот раз обер-прокурор святейшего Синода граф Протасов 5 февраля 1847 года поручает это дело Казанской духовной академии. Цель определяется следующим образом: "с тем, чтобы можно было учредить православное на сём языке богослужение для татар, принявших православную веру ". [6]

Попытки перевести Библию на татарский язык к этому времени имели свою историю. О необходимости перевода Библии на инородческие языки указывал еще Петр I. В своей инструкции "О крещеных инородцах" в 1724 году он писал: "Склонить владельцев и законников их христианскому учению и дачею и книги нужные перевести на их язык". [7, с. 207]

Первый перевод «Евангелия от Матвея» был осуществлен на ногайский язык крещеным поручиком Астраханского батальона Алек-

сандром Шендяковым. Однако его перевод был забракован, так как ногайский язык сильно отличался от казанского диалекта татарского языка.

Массовые отпадения в ислам новокрещенных татар в 1802-1803 гг. вынудили Синод выпустить указ от 22 января 1803 г., адресованный Поволжским и Сибирским епархиям. Где было предписано перевести на татарский язык «Символ веры», «Краткий Катехизис», «Десятословие» и другую богослужебную литературу. Воплощение идеи перевода богослужебных книг на татарский язык самими православными миссионерами началось в 1803 г. В тот год учитель татарского языка, священник Александр Троянский перевёл и издал Катехизис на татарском, а затем на чувашском языке. «В 1809 г., им же составлена и Комиссиею Духовных училищ издана Татарская грамматика, а после и Татарско-русский лексикон в двух частях». [8, с.82]

Однако конкурентами православных миссионеров в этом деле стали протестанты-шотландцы. Это были члены Эдинбургского Библейского общества, прибывшие в Россию и поселившиеся сначала в Карасе (около Пятигорска), а затем в Астрахани. Они первыми из иностранцев перевели Священное Писание на язык «тюрки» и опубликовали его на арабской графике. Шотландскими миссионерами были изданы Евангелие от Матфея (Карас, 1807), Четвероевангелие (Карас, 1813), Псалтырь (Астрахань, 1815, 1818) и Новый Завет (Астрахань, 1818). Поняв, что язык «тюрки» (язык высокой татаро-мусульманской культуры) был непонятен для простых обывателей, в 1820 году Новый завет был издан в новой адаптированной редакции «для оренбургских татар». Переводчиком был Генри Брайтон (Вгип Гоп) (1770— 1813), а после его смерти тексты готовили к печати и редактировали Джон Диксон и Чарльз Фразер.[9] Подготовить адаптированный вариант частей Библии помог шотландским миссионерам в эти годы Мирза Мухаммед Али (Александр Касимович) Казем-Бек. Как известно, будучи сыном известного шейха уль-ислама Мухаммеда Касим Казем-Бека, он в 1823 году принял христианство пресвитерианского толка. Как писал сам А. Казем-бек, он участвовал в многочисленных беседах и спорах, пытаясь внушить «истину ислама и вывести их из заблуждения» [10, с.1], а в итоге сам попал в их сети.

Но вскоре по инициативе шотландцев и поддержке Александра I в 1812 году было открыто «Российское библейское общество» с 15 отделениями. В 1818 году оно открывается и в Казани. Общество было создано для перевода церковных книг на языки народов Поволжья и Сибири. Этой организацией только за 1814-1823 гг. были сделаны переводы Нового Завета на татарский, чувашский, персидский, мордовский, калмыцкий, карельский языки. [11, с.18]

Что касается татарских переводов, то, как пишет Григорьев, "церковные и религиозные книги переводились на книжно - татарский язык, поэтому крещеные татары их не понимали... Мало этого, отдельные элементы из крещеных татар, пользуясь тем, что христианские религиозные книги напечатаны арабским шрифтом, оказались проводниками влияния ислама ". [12, с.255] Да и распространить эти книги бесплатно среди татар мусульман и башкир удалось не более 200 экземпляров. Этот факт свидетельствует о высокой степени неприятия христианства среди народов мусульманского вероисповедания.

В конце сороковых годов XIX века был взят новый курс на организацию переводов богослужебных книг с русского на татарский язык. Этот период П. Знаменский назвал "казимбековским периодом христианизации татар". В августе 1847 года была создана рабочая группа под руководством ректора Казанской духовной академии архимандрита Григория (который не знал татарского языка и давал советы только с богословской стороны) и профессоров А.К. Казим-Бека, Н.И. Ильминского, Г.С. Саблукова. За короткий срок были переведены: "Литургия Иоанна Златоуста с чином обедницы" (Казань 1850), "Часослов" (Казань 1852), "Четыре Евангелия" (Спб.1855), "Деяния посланий Апостольских" (Спб.1860), "Пространный Катехизис" (Спб.1862), "Псалтирь" (1868). [13, с.2] Именно за заслуги в деле христианизации татар Поволжья 24 марта 1855 года профессор Казим-Бек был награжден орденом св. Станислава первой степени. [1]

Перевод богослужебных книг на языки нерусских народов и ведение затем богослужения в инородческих приходах на родном языке наткнулось на сопротивление со стороны самих миссионеров. Считая татарский язык, и языки других нерусских народностей "дикими", они вопрошали: "Пригодны ли эти наречия для высокого служения, к которому они предназначаются и могут ли на них без всякого ущерба

для содержания быть выражены и высшие истины христианского вероучения?" [14, с.14] Но больше всего боялись противники этой системы поднятия уровня самосознания народов, уровня их национальной и духовной культуры. Вот что они писали: "... язык, это народ: утвердите язык письменностью, дайте ему некоторую литературную обработку, изложите его грамматические правила, введите его в школу и в церковь, и вы тем самым утвердите соответственную народность и доселе безразличных к языку чуваш и др., с явным даже влечением к усвоению русского языка, вы обратите в племя, которое будет дорожить своими особенностями и будет сознательно настаивать на своем обособлении". [14, с.17]

Стоит отметить, что переводы богослужебных книг на татарский язык вплоть до революции велись в двух направлениях. С одной стороны для кряшен (крещеных татар) на основе кириллицы, с заменой арабизмов терминами, сконструированными из русского языка, с другой стороны на арабской графике для татар-мусульман, с использованием персизмов и арабизмов. К примеру, издание Нового Завета, подготовленное И.Ф. Готвальдом и сверенное К. Салеманом, которое вышло в 1880 г. ( переиздано в 1887 и 1910 гг.). Самое интересное, что эти переводы были понятны только высокообразованным татарам, окончившим курс медресе. Благодаря этому в рамках, как православия, так и ислама сформировалось сравнительное религиоведение.

У этих двух направлений в составе Переводческой комиссии при управлении Казанского учебного округа, созданной в 1907 г., редактором переводов для кряшен был Р.П. Даулей, а для татар-мусульман - Н.Ф. Катанов. К концу XIX века на татарском языке было издано 66 книг богослужебного содержания общим тиражом 403 750 экземпляров. Переводы на татарском языке стали матрицами для переводов на другие тюркские языки Российской империи. В целях «предотвращения татаризации» башкир и казахов «Переводческой комиссией» были переведены на казахский язык 33 книги, с общими тиражом 42645 экземпляров. На башкирский язык 10 книг, тиражом 11000 экземпляров. Данный аспект темы пока мало изучен и ждет своего исследователя.

Безусловно, переводы богослужебной литературы на татарский язык способствовали конструированию и закреплению кряшенской идентичности у большинства старокрещеных татар. Однако изучение

православной литературы на татарском языке в медресе способствовало не только религиозной конфронтации, но и позволило узнать мусульманам гуманистические ценности православия, научило вести противохристианскую полемику и в целом перейти к межконфессиональному диалогу.

### **Список литературы**

1. ГБУ «НА РТ» - Национальный архив Республики Татарстан Ф. 10. Оп.2. Д.1397. Дело о пожаловании ординарного профессора Петербургского университета действительного статского советника Мирзы Казем-бека кавалером ордена св. Станислава первой степени 25 марта 11 мая 1855г. 1-5 л.

2. Григорьев А.Н. Христианизация нерусских народностей как один из методов национально-колониальной политики царизма // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948.

3. Отзыв профессоров Казанской духовной академии Н.И. Ильминского и Г.С. Саблукова в Академическое правление о причинах «отпадения» крещеных татар из православия в магометанство и о средствах более прочной русификации татар (9 февраля 1858 г.) // Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX века. М.; Л., 1936.

4. Из неизданных писем Н.И. Ильминского к графу Д.А. Толстому // Сотрудник Братства святителя Гурия. – 1911. – № 15-16. – С. 242-245

5. Сведения о миссионерском отделении // Миссионерский противомусульманский сборник. Казань, 1873. Вып. 1. С. 6-7.

6. ГБУ «НА РТ» Ф. 10. Оп. 1. Д. 661. Дело Комитета, учрежденного с разрешения Синода, для составления переводов на татарский язык некоторых богослужебных книг. Л. 1-2.

7. ПСЗРИ - Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое СПб: Тип. 2-го Отделения собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т. VII, 922с.

8. Можаровский А.Ф. Старая Казанская Академия. - М.: Общество истории и древностей при Московском ун-те, 1877.- 130 с.

9. Лосева Н.В. Шотландская духовная миссия на территории Астраханской Губернии в XIX в. // [http. www: astrakhan-musei.ru/news/news/view/16059](http://www.astrakhan-musei.ru/news/news/view/16059) (дата обращения: 15.04.2017)

10. Валеев Р. М. Темирбеков М. А. Александр Касимович Казем-Бек // [http. www: old.kpfu.ru/f16/bin\\_files/kazenbek!3.rtf](http://www.old.kpfu.ru/f16/bin_files/kazenbek!3.rtf) (дата обращения 15.03.2017)

11. Доброклонский А. П. Руководство по истории русской церкви. Рязань, 1889—1890. Вып. 4 : Синодальный период, 1700—1890 гг. — М., 1893. — 441 с.

12. Григорьев А.Н. Христианизация нерусских народностей как один из методов национально - колониальной политики царизма. // Материалы по истории Татарии. - Казань, 1948, с. 487 .

13. Знаменский, П.В. О татарских переводах христианских книг /П.В. Знаменский.- Казань, 1894, отд. оттиск из неизв. изд.- 249с.

14. Сборник документов и статей по вопросу об образовании ино-родцев - СПб.: Типография товарищества обществ. «Польза». 1869, 530 с.

### **Информация об авторе**

**Муфтахутдинова Диляра Шамилевна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения и евразийских исследований, Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация; E-mail: [dilaratatar@mail.ru](mailto:dilaratatar@mail.ru)

## **ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ М. КАЗЕМ-БЕКА И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

**Я. Р. Рахимова**

*Казанский Федеральный университет,  
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация*

**Аннотация.** Рассматриваются вопросы зарождения и становления ислама и исламской культуры в Волго-Уральском регионе. Приведены данные о пагубной роли христианизации местного населения на определенном этапе развития истории татар. Говорится о позитивной роли арабоязычной рукописной книги в сохранении татарской национальной идентичности (языка, религии, культуры). О роли Казем-бека в изучении Корана и тафсира.

**Ключевые слова:** Казем-бек, татары, Урал, Поволжье, ислам, арабоязычные рукописи, тафсир, Коран.

## **HISTORICAL HERITAGE OF M. KAZEM-BEK AND HIS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF TATAR CULTURE**

**Annotation.** The problems of the origin and formation of Islam and Islamic culture in the Volga-Ural region are considered. The data on the detrimental role of the Christianization of the local population at a certain stage in the development of the history of the Tatars are given. It is a question of the positive role of the Arabic manuscript book in the preservation of Tatar national identity (language, religion, culture). On the role of Kazem-bek in the study of the Koran and tafsir.

**Keywords:** Kazem-bek, Tatars, Urals, Volga region, Islam, Arabic-language manuscripts, tafsir, Koran.

В последнее время в научно-исследовательской сфере деятельности повысился интерес к изучению ислама как религии, его культурного наследия, к Священному Писанию мусульман. Коран, как и прежде, оказывает влияние на политическую, религиозную, правовую и культурную сферы жизни во многих государствах, прежде всего на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной и Малой Азии, на Кавказе и в Закавказье, а также Поволжском и Приуральском регионах России. Влияние ислама в этих государствах имеет определенные отличия. В данном аспекте интерес представляет история татар, населяющих Поволжье и Приуралье. Живущие здесь татары развивали свою духовность в соответствии с мусульманскими канонами, но права мусульман Поволжско-Уральского региона были ущемлены имперским законодательством. Несмотря на изменения в своей политической, социальной и культурной жизни (потеря государственности в 1552 г., христианизация, двойная смена алфавита и т.д.), татары всегда связывали себя с исламом. Они прилагали значительные усилия, чтобы сохранить свое духовное наследие, включая рукописные памятники – важный компонент духовной преемственности.

Изучение арабоязычной литературы началось с принятием ислама Волжской Булгарией. У наших предков имелась тысячелетняя история создания рукописной книги на основе арабской графики. Арабский

язык использовался в богослужении, в науке и школьном обучении. Именно рукописная книга помогла татарам сохранить язык, религию и национальную культуру. Арабские письменные источники, непосредственно Коран, а также религиозно-богословские, филологические сочинения и труды этико-правового характера являлись для мусульман Поволжского региона средством познания основ и сущности учения пророка Мухаммада (1).

К числу уникальных явлений арабо-мусульманской культуры и цивилизации относится тафсир – особый жанр исламской богословской литературы. Именно тафсиры использовали татарские авторы, стремясь разъяснить внешние (захир – араб. ظاهر) и внутренние (батын – араб. باطن) стороны Корана (2).

К числу видных авторов тафсиров относятся средневековые персидские, арабские, индийские богословы ал-Балхи (ум. в 934 г.), ал-Бухари (ум. в 870 г.), ат-Тустари (ум. в 896 г.), ат-Табари (ум. в 923 г.), ал-Багави (ум. в 1122 г.), аз-Замахшари (ум. в 1144 г.), ар-Рази (ум. в 1209 г.), ал-Куртуби (ум. в 1273 г.), ал-Байдави (ум. в 1286 г.), Ибн Касир (ум. в 1373 г.), ас-Суйути (ум. в 1505 г.) и др.

Их тафсиры были очень популярны среди поволжских мусульман (3). Коран и сунна, труды мусульманских теологов, философов были распространены среди татар, создавались труды по типу мусульманских сочинений, составлялись комментарии к сочинениям восточных философов-мыслителей, распространялись их идеи.

Важно отметить тесную связь между Кораном и тафсиром. Тафсир хоть и представляет собой особый жанр арабской культуры, он существует только в контексте Корана. Более того, тафсир невозможно рассматривать отдельно от таких направлений в богословии как хадисоведение и сунна. Изучение самого Корана, его переводов на языки, комментарий Корана как на арабском языке, так и на других языках предстает одной из важных задач.

Дореволюционная научная литература по корановедению и исламоведению освещалась в историографических разделах обобщающих работ и очерков, монографий и в некоторых специальных исследованиях (4). Прежде всего это труды Александра Касимовича Казем-Бека (1802 – 1870) – российского и азербайджанского ученого-востоковеда, профессора Казанского университета, первого декана восточного факультета Санкт-Петербургского университета, он по праву считается

одним из организаторов отечественного востоковедения. Труд Казем-Бека «Мифтах Кунуз ал-Куран...» (5) стал важным вкладом в корановедение. Научный вклад Казем-Бека заключается в попытке полного комментирования Корана, опираясь на известные отечественные и зарубежные научные труды. Изучение наследия этого великого ученого имеет важное историографическое, источниковедческое и культурологическое значение и вносит важный вклад в исследование истории духовной культуры мусульман Поволжья, Приуралья, Сибири и Крыма, народов современной Центральной Азии. Труд Казем-Бека «Мифтах...» стал основным источником в написании тафсиров на татарском языке для ученых-богословов Поволжья и Приуралья.

### Список литературы

1. Курсави 'А. Наставление людей на путь истины (ал-Иршад лил-'ибад). – Казань, 2005. – 304 с.; Марджани Ш. Вафият ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф (Подробное о предшественниках и приветствие потомкам) / публикация А.Н. Юзеева. – Казань, 1999. – 126 с.; Фахретдин Р. Ибн Араби. – Казань, 2002. – 86 с.; Халидов А.Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. – М., 1985. – 303 с.
2. Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. – М., 2007. – 400 с.
3. Ас-Суйути. Ал-иткан фи тарджумат ал-Кур'ан (Совершенство в переводе Корана) / пер. на татар яз. ал-Хамиди Ш. – Казань, 2005. – 992 с.; Курсави Т. Китаб шәриф мәаб. Һәфтияк тәфсире. Тәрки телендә. / Т.Курсави. – Казан, 1883. – 376 б. (гарәп шрифтендә); Иманколы М.-С. Тәһил әл-бәян. – Казан, 2003. – 612 б.
4. Бартольд В.В. Ислам и культура мусульманства. – М., 1992. – 144 с.; Пиотровский М. Б. Коранические сказания. – М., 1991. – 219 с.; Шмидт А.Э. Абд-ал-Ваххаб аш-Ша'раний (973 / 1565) и его Книга рассыпанных жемчужин. – СПб., 1914. – 356 с.; Прозоров С.М. Ислам. Историографические очерки. — М., 1991. – 228 с.
5. Казем-Бек А. Полный конкорданс Корана или ключ ко всем словам и выражениям его текстов, для руководства к исследованию религиозных, юридических, исторических и литературных начал сей книги. — СПб., 1859. – 333с.

### Информация об авторе

**Рахимова Язгуль Ринатовна**, кандидат исторических наук, Казанский Федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация; yagoda504@gmail.com

## ОСМЫСЛЕНИЕ ОПЫТА М.КАЗЕМ-БЕКА ПО ПОДГОТОВКЕ ВОСТОКОВЕДОВ ИЗ ЧИСЛА СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ И ЕГО АДАПТАЦИЯ К ВОСПИТАНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ СПЕЦИАЛИСТОВ ИСЛАМСКОЙ ТЕОЛОГИИ

**Т.Е. Седанкина**

*Российский исламский институт,  
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация*

**Аннотация.** Работа посвящена вопросам реализации идей М. Казем-Бека, касающиеся подготовки специалистов-востоковедов из числа соотечественников, адаптированные к воспитанию национальных кадров специалистов исламской теологии на современном этапе.

**Ключевые слова:** Казем-бек, ученые, татары, востоковеды, национальные кадры, теологи, традиции, обычаи.

## UNDERSTANDING OF THE EXPERIENCE OF M. KAZEM-BEK ON THE PREPARATION OF EASTERN LEARNERS FROM THE NUMBER OF COMPANIES AND ITS ADAPTATION TO THE EDUCATION OF NATIONAL STAFF OF SPECIALISTS OF ISLAMIC THEOLOGY

**Annotation.** The work is devoted to the implementation of the ideas of M. Kazem-Bek concerning the training of orientalists from among the compatriots, adapted to the education of the national cadre of Islamic theology specialists at the present stage.

**Keywords:** Kazem-bek, scholars, Tatars, Orientalists, national cadres, theologians, traditions, customs.

Анализ тематики курсовых и дипломных работ студентов-теологов Российского исламского института г. Казани показал, что с момента существования ВУЗа нет ни одной работы о жизни и творчестве Мирзы Мухаммеда Али Гаджи Касим оглы Казем-Беке. Ни в одной из работ он ни разу не упоминается, в отличии, например от выдающихся татарских богословов, таких как: Кул-Гали, А.Утыз-Имяни, А.Курсави, Ш. Марджани, К. Насыри, И.Гаспринский, Атаулла Баязитов, Зайнулла Расулев, Галимджана Баруди, Ризаэддин Фахретдинов, Хасана-Гата Габаша, Габдуллы Буби, Юсуф Акчура, Зыяэтдин Камали, Муса Бигиев. Более того, выяснилось, что лишь немногие имеют какое-либо представление о деятельности Казем-Бека. Изучение же трудов азербайджанского востоковеда в ходе подготовки к конференции, посвященной жизни и деятельности выдающегося востоковеда выявило неоднозначное отношение к его творчеству мусульманского общества, в связи, с чем далеко не каждый выразил желание принимать участие в ней.

Благодаря сборнику докладов и сообщений, вышедшем в 2015 году по материалам Международной научной конференции 2013 года, прошедшей в г. Казани, появилась возможность ознакомиться с деятельностью Мирзы Мухаммеда Али Гаджи Касим оглы Казем-Бека, входящего в плеяду азербайджанских и российских востоковедов. Анализируя выступление советника президента Всероссийского Азербайджанского конгресса, канд. ист. наук М.М. Агаева, нами обнаружены несколько направлений деятельности Казем-бека, которые следует адаптировать к современной подготовке мусульманских теологов.

– Как отметил советник президента Всероссийского Азербайджанского конгресса, канд. ист. наук М. М. Агаев «М.Казем-Бек сыграл огромную роль в деле подготовки и воспитания национальных кадров ученых-востоковедов. Он всесторонне разработал различные аспекты высшего востоковедного образования, при этом ратуя за совершенно новые, прогрессивные формы и методы обучения и воспитания. Он одним из первых стал заботиться о подготовке специалистов-востоковедов из числа соотечественников»[1, с.25-30].

– М.Казем-Бек впервые в истории высшего образования в России научно и теоретически обосновал профиль, основные качества и черты специалиста-востоковеда.

– Казем-Бек был страстным поборником изучения языков, призывая преподавателей и студентов глубже изучать народы мира. Он писал: «Давно уже доказано, что нет лучшего руководителя к достижению истины в исследовании народных древностей, как изучение языков; это единственный путь к сокровищницам знаний, сокрытых в лабиринте невежества».

– Казем-Бек предлагал ходатайствовать перед правительством о выделении средств для командирования молодых ориенталистов под руководством опытного профессора, которые бы совершали каждый раз четырехмесячные путешествия по Туркестану для изучения местных памятников древности».

Так, в настоящее время перед исламским теологическим образованием стоят смежные задачи:

1. Подготовка специалистов-теологов из числа соотечественников, которые получают образование в естественной культурной среде, на основе традиций и обычаев своего народа. Данная задача рассматривается в нескольких направлениях: обучение исламских теологов на территории своей страны (республики) и увеличение роли родного языка (татарского) в деятельности имама.

– обучение исламских теологов на территории своей страны (республики). Одной из проблем религиозного образования в России, по мнению декана теологического факультета Российского исламского института является обучение исламским наукам за рубежом. «Отправка в середине 80-х годов шакирдов в исламские страны для получения религиозного образования была вызвана отсутствием таких учебных заведений и соответствующих преподавательских кадров в стране. Несмотря на то, что постепенно открывались профессиональные учебные заведения в разных городах по всей территории России, продолжался и до сих пор продолжается выезд на учебу в разные исламские страны через различные каналы – по направлениям ДУМ, религиозных организаций, а также в индивидуальном порядке. Этот процесс можно остановить только улучшением качества профессиональной подготовки, преподавания религиозных дисциплин, арабского языка»[12, с.4-17] Как подчеркивает ректор Российского исламского института, религиозное обучение за рубежом может иметь место только как продолжение полученного в рамках традиционного для нашей страны ислама, а также как языковая стажировка. «В настоящее

время проблема усугубляется еще и тем, что из-за угрозы ваххабизма всякие связи с зарубежными исламскими учебными заведениями вызывают подозрение, к образовательному процессу не допускаются даже недавно уехавшие на обучение свои соотечественники – теперь уже выпускники различных зарубежных вузов» [5]

– увеличение роли родного языка (татарского) в деятельности имама. На открытии II форума мусульманской молодежи муфтий республики Татарстан Камиль Самиуллин заявил о возможности проводить пятничные проповеди исключительно на татарском языке, что, по его мнению, станет дополнительным стимулом татарам учить родной язык. Следует подчеркнуть, что «эксперты «БИЗНЕС Online» разошлись во мнениях - от «Это золотые мысли» до «Люди не будут понимать» и «Что это за решение такое?»[4], однако данный факт имеет место и в некоторой степени соответствует радениям Казем-бека, направленным на сохранение традиций и обычаев своего народа.

2. Модернизация Федеральных государственных образовательных стандартов. ГОС по направлению подготовки специалистов-теологов, структурирование и моделирование компетенций; мониторинг образовательных программ.

В выступлении на круглом столе «Развитие высшего теологического образования в России»[3], прошедшем в Российском исламском институте в Казани 25.10.2017, в котором приняла участие рабочая группа по разработке ФГОС 3++ по направлению «Исламская теология», директор Научно-образовательного центра по теологии Башкирского государственного университета Д.Х. Акбашева отметила, что в настоящее время в России созданы правовая и организационная базы для реализации образовательной деятельности по направлению подготовки «Теология», которая осуществляется в рамках Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования, в соответствии с Законом об образовании, в государственных образовательных учреждениях[2, с.11]. Декан Московского исламского института, руководитель отдела образования Департамента образования и науки ДУМ РФ, Хабибуллина Г.Ю. указала, что на данный момент исламские вузы в Москве, Казани, Махачкале и Уфе представляют собой центры, вокруг которых строится вся система исламского образования России [11,с.13].

Совокупность необходимых на рынке труда компетенций пока только структурируется, моделируются наборы общих и профессиональных компетенций по направлениям подготовки специалистов-теологов. Стандарты находятся в процессе постоянной модернизации, что дает возможность усовершенствовать, видоизменив, выявленные опытным путем недостатки учебных планов и программ. В настоящий момент созданной рабочей группой по разработке ФГОС 3++ по исламской теологии ведется активная работа по разработке компетенций и индикаторов, позволяющих определить уровень сформированности общих, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. По результатам мониторинга содержания учебно-методических комплексов сформированы следующие выводы и рекомендации [9, с.16]: перераспределение часов внутри модулей; условное объединение учебных дисциплин обязательной части в блоки (с целью большей наглядности и логической последовательности изучения); внесение некоторых изменений в элективные дисциплины; корректировка названий некоторых учебных дисциплин; пересмотр семестров изучения некоторых учебных дисциплин; пересмотр количества часов, выделяемых на текущий, промежуточный и итоговый контроль; увеличение объема часов на изучение арабского языка, являющегося важнейшим инструментом профессиональной деятельности исламского теолога.

3. Разработка различных аспектов высшего востоковедного образования, внедрение прогрессивных форм и методов обучения и воспитания

– Реализация компетентностного подхода в системе исламского образования. Концепция модернизации Российского образования ориентирована на реализацию компетентностного подхода в образовании, на формирование ключевых (базовых, универсальных и т.д.) компетентностей, т.е. готовности обучающихся использовать усвоенные знания, умения и навыки, а также способы деятельности в жизни для решения практических и теоретических задач. Несомненно, система исламского образования идет в ногу со временем, активно внедряя компетентностный подход, в связи с чем разрабатывается соответствующая учебно-методическая документация [8, с.37]. Применение компетентностного подхода в системе мусульманского профессионального религиозного образования, внедрение которого по

мнению К. Самигулина: «с одной стороны основывается на традиционном для татар направлении суннитского ислама, а с другой, обеспечивает переориентацию религиозных образовательных программ и методики преподавания для более полного учёта условий жизнедеятельности мусульманина в поликультурном российском обществе и необходимости противодействия проникновению идеологии религиозного экстремизма и терроризма [6, с.10-17]. Компетентностный подход обеспечивает направленность образовательных программ мусульманских профессиональных образовательных организаций на подготовку религиозных деятелей, ориентированных на работу среди российских интеллигентно-независимых заключений мусульман. Будущий специалист помимо собственно религиозных компетенций, должен учитывать специфику жизнедеятельности мусульманина в поликультурном российском обществе, быть способным применять нормы исламского права в рамках, установленных российским законодательством и с учетом культурных традиций общества, участвовать в деятельности по противодействию проникновения идеологии религиозного экстремизма и радикализма» [6].

– Межконфессиональный диалог [8, с. 85]. Помимо совместных мероприятий, в Российском исламском институте в ходе учебной деятельности также происходит отработка навыков ведения межконфессионального диалога, примером чему является проведение учебного семинара в формате круглого стола: межконфессиональный диалог по дисциплине «Этика и аксиология религии». Семинар проводился методом дидактической игры, для чего были заранее распределены роли для каждого участника диалога. По сценарию семинара, на круглый стол съехались крупные ученые исламоведы, буддологи, православные исследователи, которые, применяя научную методологию, выдерживая нейтральную позицию, рассказывали основные положения каждой религии. Помещение было заранее подготовлено: столы расставлены по кругу, в центре помещен цветок. Для каждого участника сделаны визитки. Задачей студентов было помимо отработки на практике знаний, полученных на лекционных занятиях, отрабатывать умения толерантного восприятия конфессиональных и культурных различий собеседника, готовность действовать в нестандартных ситуациях, готовность использованию творческого потенциала. Семинар прошел на позитивной ноте, студенты приложили все свои старания, получив большое

удовольствие от раскрытия в себе новых потенциальных возможностей. Однако, при презентации выступления «исламоведов», студентам трудно удавалось быть нейтральными и выступление приобретало форму проповеди, что достаточно часто проявляется при написании курсовых, выпускных квалификационных работ, а также в ходе ответов на итоговом междисциплинарном экзамене. Поэтому студентам рекомендовано более тщательно контролировать свои выступления-ответы, чаще применяя фразы типа: «Согласно исламского мировоззрения», «С исламской точки зрения» и т.д. Заключительным этапом работы по дисциплине «Этика и аксиология религии» был зачет, также проводимый в формате дидактической игры на тему: «Встреча за чашечкой чая», где помимо вышперечисленных умений, студентами отработывались навыки владения аудиторией, способность заинтересовать слушателей (студентов, пьющих чай со сладостями) своей речью, презентацией и ответами на вопросы по заранее выбранной теме, имеющей отношение к буддизму, христианству и исламу. На зачете студенты показали более высокий уровень толерантного восприятия конфессиональной информации, проявили широту мышления, большую смекалку, находчивость, в полной мере проявляя свой творческий потенциал.

– Обучение студентов направления «Теология» по заочной форме с применением дистанционных образовательных технологий. С 2012 года в Российском исламском институте начато обучение студентов направления «Теология» по заочной форме с применением дистанционных образовательных технологий [8, с.32]. В РИИ обучаются студенты из разных уголков России, а также из Крыма и Казахстана. В 2017 году состоялся первый выпуск, по результатам которого выявлены некоторые проблемы, сделаны выводы и выработаны рекомендации. Среди преимуществ следует отметить удобство, доступность, возможность получения азов теологии, не покидая пределы рабочего стола, а также значительное расширение тематики исследовательских работ студентов. Студенты из Казахстана и Крыма предпочитают писать курсовые и выпускные квалификационные работы, касающиеся богословского наследия родного края. Данная тематика существенно расширяет географию, привнося новые нотки в исследовательскую базу Вуза. Студенты имеют доступ к литературе на своем родном языке, а также к материалам, отсутствующим в Российском интернет

пространстве. Однако здесь существует опасность пропустить литературу, не проверенную на наличие в ней экстремистских идей, что накладывает еще большую ответственность на научных руководителей при проверке работ подобного рода. Кроме частных недостатков выявлены недостатки общего характера: нарушение традиционной концептуальной модели преподавания «Учитель-Ученик»; вероятность потери авторитета преподавателя из-за отсутствия прямого, личного контакта с обучающимися; возможное теологическое инакомыслие, оторванность от истории и самобытности народа.

Приведем описание открытого семинарского занятия в рамках дисциплины «Педагогика и психология», проведенного на базе Российского исламского института на тему «Инновационные информационные технологии в жизни мусульман» [8, с.29-30] и выводы, сделанные студентами-теологами. Занятие проводилось методом Брейн-ринга, для чего за неделю до семинара студенты были разделены на три условные группы, каждой из которых было дано задание и распределены роли: «Цифровые аборигены» – те, кто «родился» с планшетом в руках, категория лиц, которая не мыслит своей жизни без гаджетов; «Цифровые эмигранты» – те, кому приходится «идти в ногу со временем», осваивая новые информационные технологии в силу необходимости для дальнейшего профессионального роста; «Цифровые динозавры» – те, кто считает, что «счета считали точнее», «перьевые ручки писали красивее», а новые технологии не только усложняют жизнь, но и приносят вред.

«Цифровые аборигены»	«Цифровые динозавры»	«Цифровые эмигранты»
<b>Аргументы и контраргументы: Коран на электронном носителе</b>		
Коран всегда под рукой и в любую свободную минуту есть возможность повторять аяты Корана прямо с телефона	важно уметь ориентироваться в книжном варианте мусхафа, т.к. даже прикосновение к Священной книге приводит в трепет, в отличие от прикосновения к телефону или планшету.	не отрицают удобства программ с прослушиванием и запоминанием аятов Корана на цифровом носителе, но также осознают важность «живой» книги

**Международная научно-образовательная конференция  
«КАЗЕМБЕКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»  
26-27 февраля 2019 г.**

<b>Аргументы и контраргументы: приложение о времени намаза</b>		
за пользу приложений, оповещающих о времени намаза.	- из-за подобных нововведений мусульмане перестали следить за движением солнца, а уверенность в оповещении о времени намаза унифицирует трепетное ощущение ожидания намаза	нет смысла отрицать удобство данных приложений, но надеяться на них целиком также не следует
<b>Аргументы и контраргументы: компьютерные программы для мусульман</b>		
выступают за пользу обучающих компьютерных программ	теряется живой контакт с учителем, в задачу которого, помимо передачи знаний, входит воспитательный компонент	обучающие интернет-программы могут быть лишь дополнением к живому общению с учителем
<b>Аргументы и контраргументы: интернет связь</b>		
интернет связь позволяет теснее поддерживать семейные узы, связываясь со своими близкими в любое удобное время	давно ли мы просто сидели рядом с родителями, обнимали их, разговаривали с глазу на глаз?	важность как живого общения, так и использование инновационных технологий

4. Изучение языков и культур в ходе языковых стажировок. В апреле 2014 ректор Российского исламского института Р.Мухаметшин совместно с руководителем международного отдела РИИ Р.Гиззатуллиным посетил с официальным визитом международный исламский университет Аль-Карауин, расположенный в Королевстве Марокко. В ходе визита делегация РИИ провела ряд встреч с руководством одного из древнейших учебных заведений мира. По окончании которых стороны подписали меморандум о межвузовском сотрудничестве в

**Международная научно-образовательная конференция  
«КАЗЕМБЕКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»  
26-27 февраля 2019 г.**

научно-образовательной сфере. Также была достигнута договоренность об обучении студентов РИИ на магистратуре и докторантуре Факультета теологии университета Аль-Карауин. Помимо этого, руководство факультета взяло на себя организацию летних курсов по арабскому языку для студентов вуза [7] 7 августа 2014 года на базе старейшего университета королевства Марокко Аль-Карауин состоялось открытие первой языковой стажировки студентов Российского исламского института (Казань), которая подробно описана в брошюре Т.Е. Седанкиной, вышедшей на русском и арабском языках [10, с.48].

Таким образом, считаем, что осмысление основных идей М.Казембека, касающихся подготовки востоковедов из числа соотечественников возможно и целесообразно адаптировать к воспитанию национальных кадров специалистов исламской теологии, что наглядно продемонстрировано в представленной таблице.

<i>Направления деятельности Казем-бека</i>	<i>Требования современных реалий по подготовке специалиста исламской теологии</i>
дело подготовки и воспитания национальных кадров ученых-востоковедов из числа соотечественников	подготовка специалистов-теологов из числа соотечественников
научное и теоретическое обоснование профиля, основных качеств и черт специалиста-востоковеда	Модернизация ФГОС по направлению подготовки специалистов-теологов, структурирование и моделирование компетенций; мониторинг образовательных программ
разработка различных аспектов высшего востоковедного образования, внедрение прогрессивных форм и методов обучения и воспитания	Внедрение компетентностного подхода; Ведение межконфессионального диалога; Обучение студентов направления «Теология» по заочной форме с применением дистанционных образовательных технологий; активные методы обучения

**Международная научно-образовательная конференция**  
**«КАЗЕМБЕКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**  
*26-27 февраля 2019 г.*

Изучение языков и культур	Увеличение объема часов на изучение арабского языка
Организованные стажировки молодых ориенталистов по Туркестану для изучения местных памятников древности под руководством опытного профессора	Изучение языков и культур в ходе языковых стажировок

«...Пока будут разрабатываться сведения о Востоке, – а это никогда не прекратится, – имя Мирзы Казем-Бека будет произноситься с уважением»  
профессор И.Н.Березин

### Список литературы

1. Агаев М.М. М.Казем-Бек – «Мюридизм и Шамиль» // Наследие Мирзы Казем-Бека: История и современность: Доклады и сообщения Международной научной конференции (г. Казань, 20–21 ноября 2013 г.) / Гл. ред. Р.М.Валеев. – Казань: Фолиант, 2015. – С.25-26
2. Акбашева Д.Х. Соотношение религиозности и светскости в образовательной деятельности по направлению подготовки «Теология» // Методическое пособие по результатам круглого стола на тему «Развитие высшего теологического образования в России», 25 октября 2017 г. – Казань. С.11
3. В РИУ (г.Казань) прошел круглый стол «Развитие теологического образования в России» // <http://islamobr.ru/v-riu-g-kazan-proshel-kruglyj-stol-razvitie-teologicheskogo-obrazovaniya-v-rossii/> (Дата обращения 11.01.2019)
4. Мухаметрахимов А. Камиль Самигуллин: «У нас Республика Татарстан. Если не на татарском, то на каком?», август 2016 // Электронный ресурс: <https://www.business-gazeta.ru/article/319489> (дата обращения 03.03.2019)
5. Мухаметшин Р.М. Парадигма исламского образования в России. Размышления ректора РИУ (Казань)/ Р.М. Мухаметшина. – IslamNews, 2012// <http://magarifrt.ru/ru/724> (дата обращения 04.07.2013)
6. Образовательные стандарты среднего профессионального мусульманского образования. – Казань: ЦРО-ДУМ РТ, 2014. – С. 10-17.

7. Официальный визит в университет «Аль-Карауин»/ Образовательный портал История и культура ислама». [Электронный ресурс]. URL: <http://islam-dl.spbu.ru/news/project/oficialnyi-vizit-v-universitet-alkarauin>

8. Седанкина Т.Е. Актуальные вопросы исламского образования: учебное пособие / Т.Е. Седанкина. – Казань: Издательство Яз, 2018. – 132 с.

9. Седанкина Т.Е. Мониторинг содержания учебно-методических комплексов направления подготовки 48.03.01. «Теология», профиль: Исламская теология квалификация (степень) «Бакалавр» // Методическое пособие по результатам круглого стола на тему «Развитие высшего теологического образования в России», 25 октября 2017 г. – Казань. С.16

10. Седанкина Т.Е. Первое посещение студентами Российского исламского университета Казани старейшего университета Королевства Марокко Аль-Карауин / Т.Е.Седанкина. – Казань: Издательство «РИИ», 2018. – 48 с.

11. Хабибуллина Г.Ю. Детализация компетенций выпускников и индикаторов достижения педагогических целей при разработке Примерных образовательных программ по исламской теологии // Методическое пособие по результатам круглого стола на тему «Развитие высшего теологического образования в России», 25 октября 2017 г. – Казань. С.13

12. Шангараев Р. Проблемы религиозного образования: состояние учебно-методического обеспечения мусульманских религиозных учебных заведений (медресе) республики Татарстан/ Роберт Шангараев, декан факультета Теология РИУ// Минбар, 2(8)/2011. – С.4-17.

### **Информация об авторе**

**Седанкина Татьяна Евгеньевна**, кандидат педагогических наук, доцент, зав.кафедрой Исламской теологии, Российский исламский институт, член редакционной коллегии журнала «Minbar. Islamic Studies» г. Казань, Российская Федерация; [tatiana-svetlaya@mail.ru](mailto:tatiana-svetlaya@mail.ru)

**ПРАКТИЧЕСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ» И «ПРИКЛАДНОЕ  
ИСЛАМОВЕДЕНИЕ»? ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ВОСТОКОВЕДНОГО  
ОБРАЗОВАНИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ А. КАЗЕМ-БЕКА  
И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ  
ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИСЛАМОВЕДЕНИЯ**

**В.Г. Соболев**

*Санкт-Петербургский государственный университет,  
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

**Аннотация.** В работе акцентируется внимание на личности Казем-бека, как основателя и первого декана ФВЯ Казанского университета и о предполагаемых причинах его отставки. Сообщается о разногласиях ученого с его коллегами по цеху, по поводу целей и задач, стоящих перед факультетом. Далее говорится о проблемах современного востоковедения, обращая внимание на новую методологию американских ученых для изучения ислама. Сообщается о неравномерности в изучении ислама (шиизм - суннизм). В заключении предлагаются несколько подходов в изучении современного ислама: религиоведческий подход, социологический; использование наработок других смежных наук в востоковедческих исследованиях.

**Ключевые слова:** Казем-бек, Казанский университет, ислам, востоковедение, Горделевский, методология, парадигма.

**“PRACTICAL ORIENTAL STUDIES” AND “APPLIED  
ISLAMIC STUDIES”? AIMS AND OBJECTIVES OF A.  
KAZEM-BEK’S ORIENTALISM AND CURRENT TRENDS IN  
THE DEVELOPMENT OF ISLAMIC STUDIES IN RUSSIA**

**Annotation.** The paper focuses on the personality of Kazem-bek, as the founder and first dean of the FFN of Kazan University, and on the alleged reasons for his resignation. Reported disagreements scientist with his colleagues in the shop, about the goals and objectives of the faculty. Further, it speaks of the problems of modern oriental studies, drawing attention to the new methodology of American scientists for the study of Islam. It is reported on the unevenness in the study of Islam (Shiism - Sunnism). In conclusion, several approaches are offered in the study of modern Islam: a religious

study approach, a sociological one; the use of other related sciences in oriental studies.

**Keywords:** Kazem-bek, Kazan University, Islam, oriental studies, Gordelevsky, methodology, paradigm.

Когда в 1855 г. А.К. Казем-бек был утвержден в должности первого декана Факультета восточных языков Петербургского университета, он занял непримиримую позицию по поводу целей отечественного востоковедения. В письме ректору А. Казем-бек писал в 1857 г.: «... назначение нашего факультета чисто практическое, непосредственно применяемое к делу, именно – приготовление молодых людей для службы по ведомству иностранных дел, военному и другим, между инородцами, живущими в пределах нашего отечества.. Ученая цель должна занимать наш факультет настолько, насколько это необходимо для приготовления нужных для него преподавателей языков азиатских...» [1, с. 392]. Именно эта позиция послужила причиной отставки Казем-бека с поста декана уже на следующий год. Его коллеги по факультету, прежде всего, В.В. Григорьев, И.Н. Березин, А.О. Мухлинский, а немного позднее Розен, Бартольд, Ольденбург, Марр и др., придерживались на этот счет принципиально другой позиции. Все они отдавали должное Казем-беку как создателю казанской школы востоковедения, известному ученому и организатору, но совершенно расходились с ним в том, каковы должны быть цели и задачи востоковедения в России. При этом все оппоненты Казем-бека никогда не избегали «современности», писали и говорили на самые актуальные, в том числе острые политические темы. В результате петербургское востоковедение, а, в целом, и во всей нашей стране, стало развиваться отличным от казем-бековского маршрутом. По крайней мере, до создания МГИМО в Москве и отчасти ИСАА при МГУ.

Казем-бек настаивал на обязательных командировках студентов в страны изучаемого языка: «...Исследование Востока более всех других отраслей науки нуждается в личном, хотя бы кратковременном ознакомлении его исследователей с местными его языками и обычаями. Четырех- или пятилетние занятия молодых людей в университете восточными языками, даже и при существующих способах, не могут подвинуть так далеко их познаний, как кратковременное пребывание их на

самом Востоке» [1, с. 490]. С этим тезисом всегда соглашались все сотрудники факультета. Но и с этим аспектом в современном исламоведении огромные проблемы: никто из студентов никуда не командировается, хотя, казалось бы, чего проще, чем организовать для студентов-исламоведов стажировки в мусульманских регионах России или постсоветского пространства?

Уже почти сто лет спустя (1946 г.) знаменитый отечественный тюрколог В.А. Гордлевский выступил с докладом в Москве, который потом будет напечатан в его собрании сочинений под названием «Чему учить и как учить?». Гордлевский прямо говорит, что в методике смыслит мало, а преподавал всю жизнь, «как бог на душу положит» [2, с. 479]. В 1946 г. Гордлевский говорил, что он – старый филолог, вынужден признать, что преподаватели и исследователи западных языков и культур ушли далеко вперед по сравнению с «восточниками». Он призывал все же не игнорировать методики, накопленные в лингвистике, языкознании западных языков, использовать их при изучении языков восточных.

Сегодня многие студенты идут изучать исламоведение и ислам только ради арабского языка. Это характерно и для Восточного факультета СПбГУ, и для исламских вузов. Изучив арабский язык, они надеются получить востребованную профессию. Ислам их интересует мало или постольку-поскольку. Может ли исламоведение быть практической дисциплиной и зачем ему быть таковой? Должны ли мы «отталкиваться» в нашем преподавании от трудоустройства выпускников? Как отделить историю ислама от истории арабских стран, Турции или Ирана? Нужно ли это делать? И если не нужно, то как избежать пересказа социально-политической истории арабских стран, забывая при этом об исламе? Как именно в нужных для исламоведения рамках перестроить курсы истории арабской, персидской и турецкой литературы? Ведь очевидно, что исламооведам нужен специальный курс! Наконец, вечный вопрос для востоковедения: что делать с огромным количеством аудиторного времени и сил, которые отводится на изучение восточного языка и как именно этот язык должен преподаваться исламооведам? Точно так же, как и арабистам-филологам? Или историкам?

Исламоведение в России пережило огромную паузу в своем развитии и сегодня во многом опять вынуждено делать первые шаги, как и

150 лет назад в бытность А. Казем-бека. Группой исследователей под руководством С.М. Прозорова создана обширная программа преподавания ислама «Введение в исламоведение» [3, с. 71-89], в существенно расширенном виде опубликованная также в 2009 и в 2016 г. [4]. К сожалению, преподавать по этой программе в современных условиях СПбГУ (и других вузов России) практически невозможно в силу целого ряда причин. Методически выверенный курс лекций И.П. Петрушевского [5] прекрасен, на наш взгляд, по-прежнему. Есть иной подход, предложенный американским исследователем М. Ходжсоном [6], есть относительно новая книга У. Читтика, предлагающая довольно оригинальный взгляд на историю и догматику ислама с точки зрения методологии их изучения [7]. Но ни одна из перечисленных книг не охватывает всего объема исламоведения, не предлагает единого учебного плана. Огромное количество важных и актуальных проблем остаются пока не включенными в канву преподавания исламоведения. Огромные пробелы существуют в преподавании исламского права, фикха, направлений в нем. Нет внятного курса лекций и семинаров по исламской философии (ни калама, ни фалсафы). Заслуживает большого внимания двухтомник, изданный А.В. Смирновым (учебник и хрестоматия) [8], но в нем представители фалсафа и суфизма явно отодвинули на второй план всех остальных, а современные философские концепции арабских или персидских ученых, представленные в тексте, зачастую не имеют к исламу никакого отношения. Удивительная неравномерность в изучении ислама в России: большое количество публикаций по шиизму, почти полное отсутствие работ по суннизму, внимание к исмаилитам и суфиям при игнорировании калама и основных мазхабов.

Можно попытаться сформулировать несколько парадигм, в рамках которых могло бы строиться современное исламоведение, при этом такое исламоведение, которое находило бы также себе практическое применение.

1. Религиоведческий подход. Ислам как религия. Можно отметить, что в общих работах по сравнительному религиоведению уделяется, как правило, очень мало внимания исламу, и написаны эти общие работы не исламоведами. Но насколько ислам вписывается в западноевропейское понятие «религия»?

2. Социологический подход. Антропология ислама. Этнография ислама. Сходные методологические подходы были предложены в публикациях Талала Асада [9] и Брайана С. Тернера [10].

3. Широко и активно привлекать наработки других наук: востоковеды горделиво и скептически смотрят на представителей других гуманитарных и обществоведческих специальностей. Политологию и социологию, как правило, за науки вообще не считают. Часто, особенно в последнее время, проявляется недостаточное знание истории стран Запада, что не позволяет объективно оценить происходящее на Востоке.

4. По-прежнему научное востоковедное исследование часто ограничивается переводом и комментарием памятника. Вне всяких сомнений на заре становления востоковедения и исламоведения подобные комментированные переводы были крайне необходимы, но не изменилась ли ситуация сегодня? В то же время, некоторые коллеги-востоковеды настаивают, что прежние переводы, в том числе сделанные весьма известными исследователями, все плохие, и надо все перевести заново. Но не лучше ли все-таки двигаться вперед?

### Список литературы

1. Материалы для истории Факультета восточных языков. Т 1. Материалы для истории Факультета восточных языков: Т.1: 1851-1864 гг. СПб., 1905.

2. Гордлевский В.А. Чему учить и как учить? // Гордлевский В.А. Избранные сочинения: Т.IV. М., 1968. С. 479-490.

3. Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. М., 2004

4. Прозоров С.М. Программа спецкурса лекций для студентов Восточного факультета СПбГУ, СПб., 2009; Он же: Ислам как идеологическая система. Т. II. М., 2016. С. 199-290.

5. Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII-XV вв. Курс лекций. Л.: ЛГУ, 1966; СПб.: СПбГУ, 2007.

6. Ходжсон М. История ислама. Исламская цивилизация от рождения до наших дней. М., 2013

7. Читтик У., Мурата С. Мировоззрение ислама. М., 2014.

8. История арабо-мусульманской философии. Учебник. Хрестоматия. Под ред. А.В. Смирнова. М., 2013.

9. Асад, Талал. Идея антропологии ислама // Islamology, 2017, Т.7, N.1 С. 42-60.

10. Turner, B. S. The Sociology of Islam: Collected Essays of Bryan S. Turner. Ed. By Bryan S. Turner and Kamaludeen Mohamed Nasir. Ashgate Publishing Company. 2013

### **Информация об авторе**

**Соболев Владислав Георгиевич**, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; vsobolev@mail.com

## **НАСЛЕДИЕ МИРЗЫ КАЗЕМ-БЕКА В ТУРЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

**Л.И. Шахин**

*Институт тюркологических исследований  
Университета Мармара  
г. Стамбул, Турция*

**Аннотация.** В статье говорится о вкладе Казем-бека в дело изучения и распространения турецкого(тюркского) языка и литературы. В исследовании использованы архивные материалы из различных хранилищ Турции. Однако, в Турции творчество Казем-бека изучено недостаточно, его труды не переведены на турецкий язык, хотя имеются достаточно работ Казем-бека в различных хранилищах Турции. В конце исследования мы пришли к выводу, что творчество Казем-бека несомненно носит объединяющий характер для истории и культуры народов современной России, Азербайджана, Ирана и Турции.

**Ключевые слова:** Казем-бек, Джафороглу, Турция. архивы, тюркский язык, сравнительная грамматика, литература, культура, ислам, христианство.

## **MİRZA KAZEM-BEK'S LEGACY IN TURKISH HISTORIOGRAPHY**

**Annotation.** The article describes the contribution of Kazem-bek to the study and dissemination of the Turkish (Turkic) language and literature. The study used archival materials from various repositories of Turkey. However,

in Turkey, the work of Kazem-bek has not been studied enough, his works have not been translated into Turkish, although there are enough works of Kazem-bek in various storages in Turkey. At the end of the study, we came to the conclusion that the work of Kazem-bey is undoubtedly unifying for the history and culture of the peoples of modern Russia, Azerbaijan, Iran and Turkey.

**Key words:** Kazem-bek, Jaforoglu, Turkey. archives, Turkic language, comparative grammar, literature, culture, Islam, Christianity.

Выдающемуся востоковеду, основателю казанского и петербургского центров востоковедения в России Мирзе А.К. Казем-Беку не приходилось бывать на территории Османской империи, но с турецкой культурой и научной мыслью его связывали тесные отношения. Как указывает один автор, «в творчестве Казем-Бека наиболее заметны знание и использование классических и живых мусульманских языков и комплексные исследования памятников традиционной восточной письменности и материальной культуры» [1, с. 39]. Еще в ранней молодости Мирза Казем-Бек освоил турецкий язык и в дальнейшей своей научной деятельности много времени уделял его преподаванию и изучению. В 1828 г. в Казанском университете была учреждена Кафедра турецко-татарского языка, которую возглавил Казем-Бек. С тех пор он преподавал в университете четыре языка: арабский, персидский, турецкий и татарский. В 1839 г. в Казани была издана «Грамматика турецко-татарского языка» Казем-Бека, в которой он первым в истории российской тюркологии сделал успешную попытку составления сравнительной грамматики нескольких тюркских языков. В этой грамматике турецкий язык сравнивается с другими тюркскими, а иногда и с монгольским и другими языками. Эта грамматика была затем переведена и на немецкий язык [2, с. 95-96]. С 1836 по 1842 год Казем-Бек преподавал в 1-й Казанской гимназии, наряду с арабским и персидским, и турецкий язык «с указанием уклонений от него языка татарского и других тюркских наречий», т.е. в сравнительно-сопоставительном плане [3, с. 159].

На лекциях и практических занятиях Казем-Бек читал со студентами извлечения из средневековых тюркоязычных сочинений и среди них – отрывки из трудов османских авторов, например, исторический труд «Танкиху таварих аль-мулюк» османского автора 17 в. Хюссейна

Хезарфена. Кроме того, Казем-Бек «упражнял их [студентов] в чтении константинопольских и александрийских газет и читал историю турецкой литературы» [3, 159-160].

В петербургский период деятельности Казем-Бека, в 1854 г. им был издан труд под названием «Учебные пособия для временного курса турецкого языка». Эта работа состояла из краткого грамматического очерка турецкого языка, хрестоматии и русско-турецкого словаря.

Известно, что Казем-Бек много внимания уделял исследованию, переводу и изданию восточных источников. Его усилиями библиотека Казанского и Петербургского университетов пополнилась ценными восточными рукописями. Как писал сам Казем-Бек, он «20 лет занимался собиранием мусульманских рукописей по всем отраслям наук, известных на Востоке, через своих корреспондентов в Туркестане, Персии, Турции, а также через меккских богомольцев» [4, с. 99]. Как известно, путь мусульманских паломников в большинстве случаев проходил через Стамбул. Поэтому можно утверждать, что Казем-Бек, через своих турецких корреспондентов, имел тесные связи со стамбульскими интеллектуальными кругами.

Казем-Бек были исследованы и введены в научный оборот десятки произведений восточных авторов по филологии, культуре, религии, мусульманскому законоведению и среди них были труды османотурецких авторов. В качестве примера нужно упомянуть исторический труд «Ас-саб ас-сеййар фи ахбар-и мулук-и татар» (Семь планет в известиях о татарских царях) Сейида Мухаммеда Ризы и религиозно-дидактическое произведение «Мухаммедия» Языджыоглу Мехмеда.

Казем-Бек придавал большое значение исследованию и преподаванию истории Востока и неоднократно заявлял о том, что считает преподавание истории «более серьезным», чем преподавание языков. Под влиянием неоднократных попыток Казем-Бека в 1863 г. в Петербургском университете наконец была учреждена кафедра истории Востока, в которой преподавалась также история Османской империи [5, с. 75].

Таким образом, можно утверждать, что научная и преподавательская деятельность Мирзы Казем-Бека в высшей степени способствовала распространению в России знаний по турецкому языку, литературе и истории и продвижению исследований в этом направлении. Рассматривая этот вклад Казем-Бека в общем контексте его наследия, необходимо подчеркнуть, что он (этот вклад) составлял органическую

часть его общей востоковедческой деятельности, имеющей широкий географический размах. По словам одного автора, можно говорить о наследии Мирзы А.К. Казем-Бека, которое объединяет историю и культуру народов современной России, Азербайджана, Ирана и Турции [1, с. 39].

Знают ли и изучают ли наследие Мирзы Казем-Бека в Турции? Хотелось бы ответить утвердительно, но, к сожалению, нельзя сказать, что в Турции знают Казем-Бека достаточно хорошо. Его имя знакомо турецким тюркологами и исламоведам, сведения о биографии и трудах Казем-Бека включены в Исламскую энциклопедию Турецкого религиозного фонда (Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi) [6], Турецкую энциклопедию (Türk Ansiklopedisi) [7], Энциклопедию турецкого языка и литературы (Türk Dili ve Edebiyatı Ansiklopedisi) [8]. Некоторые исследователи вкратце описывают жизненный путь Казем-Бека и упоминают некоторые аспекты его деятельности в научных статьях и монографиях, посвященных истории Азербайджана или исламоведческим исследованиям [9; 10; 11].

К сожалению, труды Казем-Бека остаются непереуведенными на турецкий язык. В Стамбуле в библиотеках двух университетов хранятся оригинальные печатные экземпляры следующих трудов Казем-Бека:

В библиотеке Института тюркологических исследований Стамбульского университета: 1) Бабы и бабиды, 2) Мюхтесерюль-вигкает или сокращенный вигкает, курс мусульманского законоуедения по школе ханефидов, 3) Исследование об уйгурах, 4) Allgemeine Grammatik der türkisch-tatarischen Sprache (перевод на немецкий язык «Общей грамматики турецко-татарского языка»). Эти труды Казем-Бека попали сюда в составе библиотеки Н.Ф. Катанова, проданной ученым турецкому правительству накануне Первой мировой войны.

В библиотеке Босфорского университета хранится: 5) *Derbend-Nameh, or The History of Derbend, Translated from a Select Turkish Version and Published with the Texts and with Notes*. Необходимо отметить, что это произведение стало библиографической редкостью сразу после издания. В 1932 г. азербайджанский эмигрантский деятель Ахмед Джафароглу писал, что добыть это произведение Казем-Бека очень трудно [9, с. 66]. Поэтому история появления этого произведения в библиотеке Босфорского университета в Стамбуле представляет отдельный интерес.

В остальной части своего доклада я хочу сосредоточиться на вопросе, как турецкие исследователи оценивают личность и деятельность Казем-Бека. Еще раз повторю, что наследие Казем-Бека недостаточно известно и почти совсем не изучено в Турции. Но те редкие турецкие статьи и произведения, в которых описывается жизненный путь и деятельность Казем-Бека, представляют интерес в том отношении, что по ним можно судить, что именно интересует турецких исследователей, на каких аспектах личности и деятельности Казем-Бека они концентрируют свое внимание.

Необходимо подчеркнуть, что имя Казем-Бека стало известно в турецких научных кругах благодаря, главным образом, усилиям азербайджанских эмигрантских деятелей. После событий 1918-1920 гг. многие азербайджанские политические и общественные деятели оказались в эмиграции. Один из самых выдающихся из этих деятелей – известный ученый-тюрколог Ахмед Джафароглу. Он уехал в Стамбул, окончил Стамбульский университет и долгие годы вел научную деятельность в Турции. В начале 1930-х гг. являлся основателем и главным редактором эмигрантского журнала «Азербайджан Юрт Билгиси» (Сведения о стране Азербайджан). Этот ежемесячный журнал, посвященный вопросам языка, литературы, истории и искусства тюркского мира, выходил в Стамбуле с января 1932 г. по декабрь 1934 г. Среди авторов статей большинство составляли тюркские эмигранты – выходцы из России. Необходимо подчеркнуть, что эти авторы лелеяли идеи независимости своей родины и поэтому порой рассматривали тюркологические проблемы в политико-идеологическом ключе [12, с. 280].

Многие статьи журнала вышли из-под пера Ахмеда Джафароглу. В первом номере журнала была опубликована его статья «Обзор истории Азербайджана» (*Azerbaucan Tarihine Umumi bir Bakış*). А во втором номере была помещена его статья, посвященная Мирзе Казем-Беку, озаглавленная «Великий азербайджанский ученый Мирза Казем-Бек» (*Büyük Azeri Alimi Mirza Kazım Bey*) [9]. Тот факт, что А. Джафароглу опубликовал статью о Казем-Беке уже во втором номере журнала и сразу же следом за своей обзорной статьей об истории Азербайджана, показывает значение, которое он придавал личности и деятельности Казем-Бека.

Ахмед Джафароглу называет Казем-Бека «первым европейским ученым азербайджанских тюрок» и «первым шейхом просвещенных азербайджанцев». Джафароглу подчеркивает исключительную роль,

которую сыграл Казем-Бек в исследованиях по тюркологии и в особенности в изучении азербайджанского языка. По словам Джафароглу, «в то время, когда на Западе тюркологические исследования еще находились в зачаточном состоянии», Казем-Бек «устремился в самый центр науки и благодаря своему глубокому уму оставил научным кругам многие исследования по Востоку, которые не потеряли своего научного значения до сих пор». «В то время, когда еще исследования тюркских языков только начинались и никто не имел понятия об азербайджанском наречии, он стал заниматься научными изысканиями в этой области и с блестящим мастерством создал первую грамматику азербайджанского языка и первую сравнительную грамматику тюркских языков». Более того Казем-Бек первым высказал мысль о создании общего тюркского языка. Эту его мысль спустя полвека попытался осуществить Исмаил Гаспринский.

Джафароглу особо останавливается на вопросе о причинах принятия Казем-Беким христианства и его отношении к исламу. По мнению Джафароглу, на этот поступок Казем-Бека толкнуло стремление беспрепятственно заниматься наукой, так как в его время для тюрков и мусульман существовали преграды в доступе в университетские сферы. Казем-Бек предпочел религии науку. По словам Джафароглу, «оставленный Казем-Беким след ясно показывает, что на эту дорогу он ступил под принуждением обстоятельств». «Он хотел вырвать востоковедение из рук улемов и преуспел в этом». Джафароглу выносит следующий вердикт: «Хотя на первый взгляд переход Казем-Бека в христианство и выглядит предосудительным поступком, мы не можем не признать за ним достойнейшего места в науке ввиду его огромного и чистосердечного вклада в пользу своих соплеменников и ввиду ценности плодов его научных трудов. В его поведении и научных трудах никогда не было ничего такого, что могло бы оскорбить наше национальное чувство». «Поэтому Казем-Бек занимает важное место в азербайджанском общественно-идейном движении. Отрицать это было бы величайшей несправедливостью».

Итак, в статье А. Джафароглу Казем-Бек предстает как один из первопроходцев, проложивших путь к азербайджанскому национально-культурному возрождению, как патриот своего народа, который, несмотря на вынужденную смену религии, остался верен своим корням и уважителен к религии отцов.

Этот образ Казем-Бека впоследствии закрепился в турецкой историографии. В 1966 г. Хюсейн Байкара в своем труде под названием «Движение обновления в Азербайджане» (Azerbaycan'da Yenşleşme Hareketleri) описывает деятельность Казем-Бека в главе под названием «Интеллектуальные источники азербайджанского движения за обновление». Здесь Байкара почти слово в слово повторяет статью Джафароглу и подчеркивает, что несмотря на принятие христианской веры Казем-Бек «остался истинным и верным сыном Азербайджана и Востока» [10, с. 57].

С тем же подходом мы встречаемся и в статье богослова Мухита Мерта, опубликованной в 2004 г. и посвященной жизнеописанию Казем-Бека. Вероятно в силу того, что автор является богословом, в статье особенное внимание уделяется вопросу о переходе Казем-Бека в христианство. По мнению автора, в действительности для Казем-Бека это означало не смену религии, а смену общества. Казем-Бека к этому поступку подтолкнули несправедливые дела, наблюдаемые им в мусульманском обществе. Автор заявляет, что «труды и жизнь Казем-Бека показывают, что он придерживался скорее мусульманского верования. Он верил в единство Аллаха, в пророка Мухаммеда, в существование того света. В последующую свою жизнь Мирза Казем-Бек не написал ничего, что принижало бы ислам и пророка, наоборот, он возвышал их, рискуя своим положением. Нет знаков, которые показывали бы, что он являлся верующим христианином и возвышал христианскую веру. Следовательно, его переход в иную веру можно расценивать в социологическом аспекте, как реакцию на негативные моменты современной ему жизни» [11, с. 406].

Турецкий историк Ахмет Канлыдере опубликовал в 2005 г. энциклопедическую статью о Казем-Беке в Исламской энциклопедии Турецкого религиозного фонда. Привлекает внимание, что этот автор в качестве источников информации привлек большую литературу разного времени и на разных языках (английском, французском, русском, турецком, татарском). По этой причине, библиография этой энциклопедической статьи является наиболее полной библиографией по Казем-Беку по сравнению с другими турецкоязычными материалами по данной теме.

Канлыдере выступает против сложившегося в турецкой историографии образа Казем-Бека, который представляет ученого как человека, принявшего христианство только под давлением обстоятельств и

из-за стремления к науке, на самом деле сохранившего в душе верность мусульманской вере. Канлыдере призывает более внимательно рассмотреть этот вопрос, принимая во внимание высказывания самого Казем-Бека, который в свое время остро критиковал некоторые принципы мусульманского верования и видел в исламе препятствие для развития восточных народов. По мнению Канлыдере, в этом отношении мысли Казем-Бека были схожи с мыслями его современника Мирзы Фатали Ахундзаде [6, с. 163].

Итак, можно подытожить, что в Турции изучение и осмысление личности и наследия Казем-Бека находится еще только на начальном этапе. Многое еще предстоит сделать и обсудить.

При рассмотрении высказываний о Казем-Беке современных азербайджанских авторов, можно увидеть, что образ Казем-Бека, который был создан в азербайджанской эмигрантской среде, оказал влияние не только на турецких исследователей, но и на азербайджанских ученых и общественных деятелей. К примеру, в сборнике докладов Международной научной конференции «Наследие Мирзы Казем-Бека: история и современность» (Казань, 20-21 ноября 2013 г.) привлекает внимание тот факт, что некоторые участники из Азербайджана в качестве источников информации используют вышеупомянутые произведения А. Джафароглу и Х. Байкары и приводят цитаты из этих произведений для обоснования своего мнения [Например, см. 13]. Необходимо подчеркнуть, что современные азербайджанские авторы больше заинтересованы в оценке влияния Казем-Бека на азербайджанское национально-культурное возрождение, в отличие от их турецких коллег, которых больше интересует вопрос об отношении Казем-Бека к религии.

Таким образом, в отношении наследия Казем-Бека выявляется необходимость более подробного и глубокого сравнительного изучения российской, азербайджанской и турецкой историографий с точки зрения их взаимодействия и взаимовлияния. Безусловно, такое сравнительное исследование послужит более глубокому пониманию личности и деятельности великого ученого Мирзы Казем-Бека, который жил и творил на стыке разных миров, обществ и религий.

### **Список литературы**

1. Валеев Р.М. Профессор Мирза А.К. Казем-Бек и направления развития российского востоковедения (XIX в.) // Наследие Мирзы Ка-

зем-Бека: История и современность: Доклады и сообщения Международной научной конференции (г. Казань, 20-21 ноября 2013 г.) / Гл. ред. Р.М. Валеев. – Казань: Фолиант, 2015. – С. 36-44.

2. Закиев М.З. Казем-Бек – первый глава казанской тюркской лингвистической школы // Наследие Мирзы Казем-Бека: История и современность: Доклады и сообщения Международной научной конференции (г. Казань, 20-21 ноября 2013 г.) / Гл. ред. Р.М. Валеев. – Казань: Фолиант, 2015. – С. 92-98.

3. Пылев А.И. Новаторский вклад Мирзы Александры Казем-Бека в сравнительное изучение тюркских языков // Наследие Мирзы Казем-Бека: История и современность: Доклады и сообщения Международной научной конференции (г. Казань, 20-21 ноября 2013 г.) / Гл. ред. Р.М. Валеев. – Казань: Фолиант, 2015. – С. 158-169.

4. Илюшина М.Ю. Коллекция А.К. Казем-Бека в рукописном фонде Восточного факультета Санкт-Петербургского университета // Наследие Мирзы Казем-Бека: История и современность: Доклады и сообщения Международной научной конференции (г. Казань, 20-21 ноября 2013 г.) / Гл. ред. Р.М. Валеев. – Казань: Фолиант, 2015. – С. 99-107.

5. Дьяков Н.Н. А.К. Казем-Бек и преподавание истории Востока в Санкт-Петербургском университете (К 150-летию Кафедры истории Востока) // Наследие Мирзы Казем-Бека: История и современность: Доклады и сообщения Международной научной конференции (г. Казань, 20-21 ноября 2013 г.) / Гл. ред. Р.М. Валеев. – Казань: Фолиант, 2015. – С. 71-86.

6. Kanlıdere A. Mirza Kazım Bey (1802-1870) // TDV İslam Ansiklopedisi. – 30 Cilt. – 2005. – S. 162-164.

7. Kazım Bey, Mirza Mehmed Ali // TA. – XXI. – S. 445.

8. Kazım Bey, Mirza Mehmed Ali // TDEA. – V. – S. 258.

9. Caferoğlu A. Büyük Azeri Alimi Mirza Kazım Bey. // Azərbaycan Yurt Bilgisi. – Yıl 1. – Sayı 2. – 1932. – S. 62-68.

10. Baykara H. Azərbaycan'da Yenileşme Hareketleri. XIX Yüzyıl. – Ankara, 1966.

11. Mert M. Aleksandr Mirza Kazım-Bey (1802-1870) // İslam Hukuku Araştırmaları Dergisi. – 4/2004. – S. 405-410.

12. Гасанкызы А. Азербайджанский фольклор и классическое наследие в эмигрантских исследованиях // Наследие Мирзы Казем-

Бека: История и современность: Доклады и сообщения Международной научной конференции (г. Казань, 20-21 ноября 2013 г.) / Гл. ред. Р.М. Валеев. – Казань: Фолиант, 2015. – С. 277-287.

13. Сулейманлы М. Культурологическое наследие Мирзы Казым-Бека (В контексте процесса обновления в обществе XIX в.) // Наследие Мирзы Казем-Бека: История и современность: Доклады и сообщения Международной научной конференции (г. Казань, 20-21 ноября 2013 г.) / Гл. ред. Р.М. Валеев. – Казань: Фолиант, 2015. – С. 170-184.

### **Информация об авторе**

**Шахин Ляйсан Ильгизовна**, старший преподаватель, Институт тюркологических исследований университета Мармара, г.Стамбул, Турция; leysensahin@gmail.com

## **СОДРУЖЕСТВО А.КАЗЕМ-БЕКА И Х.ФАИЗХАНА**

**А.Н. Юзеев**

*Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Казань, Республика Татарстан*

**Аннотация.** 1848 год – знакомство Казембека и Фаизхана в Казанском университете. Привлечение Казембеком Фаизхана как знатока восточных языков: арабского, тюркского для составления указателя к Корану. 1849 год – отъезд Казембека в Санкт-Петербург. 1854 год – отъезд Фаизхана в Санкт-Петербург. Продолжение творческого сотрудничества в Санкт-Петербурге.

**Ключевые слова.** Казембек, Фаизхан, содружество, востоковедение.

## **COMMONWEALTH A.KAZEMBEK AND H.FAIZKHANA.**

**Abstract.** 1848 - an acquaintance of Kazembek and Faizkhan at Kazan University. Attraction of Kazembek Faizkhan as a connoisseur of oriental languages: Arabic, Turkic to compile a pointer to the Koran. 1849 - departure Kazbekek in Sakt-Petersburg. 1854 - departure Faizkhan in St. Petersburg. Continuing creative collaboration in St. Petersburg.

**Keywords.** Kazbek, Faizkhan, Commonwealth, Oriental Studies.

Два великих сына своих народов: один – сын шиитского шейха ал-ислама Дербента Гаджжи Касима, азербайджанец по национальности, родился в иранском г.Реште, другой – татарского крестьянина с. Сафаджай Нижегородской области, оставили заметный след в российском востоковедении. Казем-Бек – организатор востоковедения в России (Казани и Санкт-Петербурге), признанный ученый-востоковед мирового уровня; Фаизхан – один из основоположников тюркологии в Санкт-Петербурге, ученый-востоковед, многие труды которого вошли в кладезь науки под иными именами, родоначальник просветительского движения среди татар.

Их знакомство состоялось в 1848 году в Казани, когда молодой Хусаин обучался в медресе при VI-й казанской мечети у Баймурада б. Мухаррама ал-Менгари. Уже в это время он поставил перед собой цель – изучить русский язык, который мог служить средством для получения светского знания. Для осуществления своей цели он стремился познакомиться с учеными-востоковедами Казанского университета. Одним из первых с кем ему удалось познакомиться, был заведующий кафедрой арабо-персидской словесности А.Казем-Бек, который принял христианство (пресвитерианское исповедание – направление протестантизма) и был наречен Александром. Их общение было взаимовыгодным. Казем-Беку импонировало знание молодым мусульманином восточных языков: арабского, персидского и турецкого, а Фаизхану необходим был человек, который поддержал бы его устремления в творческой деятельности на ниве востоковедения и в изучении русского языка, без которого данное занятие было бы невозможным. Начинается общение Фаизхана не только с Казем-Бекком, но и некоторыми другими востоковедами Казанского университета, среди которых ученики А.Казем-Бека тюрколог И.Н.Березин, востоковед-миссионер Н.И.Ильминский, преподаватель восточной каллиграфии М.Махмудов [1, с.140-141].

Видя талант молодого коллеги, Казем-Бек привлекает Фазхана для работы по составлению указателя к Корану «Мифтах кунуз ал-Коран» («Ключ к сокровищницам Корана»). Этот труд был издан лишь в 1859 году[2] и в свое время был самым полезным трудом в поисках

аятов Корана, в его написании большой вклад внес Фаизхан [3, с.113-114].

В это время Фаизхан решил повысить свои знания в восточной словесности и мусульманской религии. В 1849 году после одиннадцатилетнего отсутствия, будущий ученый-теолог Марджани возвращается на родину. Слава о нем как большом знатоке наук опередила его приезд в родное отечество. Первое свое занятие в медресе Марджани провел уже 12 декабря 1849 года, еще до назначения на должность имама, мударриса указом Оренбургского духовного магометанского собрания от 30 марта 1850 года. Многие стремились попасть к нему на обучение. Среди большой группы шакирдов – семьдесят юношей оказался и Хусаин Фаизхан. Ему уже было много лет для шакирда – двадцать семь, но возраст никак не повлиял на его устремления получить знания. Пятилетняя разница между учителем и учеником, способности Хусаина способствовали установлению дружеских отношений между Марджани и Фаизханом, которые они пронесли через всю жизнь. Фаизхан познакомил Марджани, который стремился приобщению к русской, европейской культуре, с востоковедами университета (И.Н.Березиным, И.Ф.Готвальдом и др., А.Казембек к этому времени уже уехал из Казани).

Обучение Фаизхана у Марджани было недолгим (около четырех лет), но достаточно плодотворным. Марджани привил ученику любовь к арабо-мусульманской культуре, в особенности к Корану и хадисам – основным источникам ислама. Об этом ярко свидетельствует отрывок из биографии Фаизхана – его спор с Исмаилом ал-Кышкари, описанный Ш.Марджани в «Вафият ал-аслаф...» («Подробное о предшественниках...»), где Хусаин предстает знатоком хадисов. Фаизхан, обосновывая изучение языков хадисами, доказывает необходимость изучения русского языка. Он приводит многочисленные примеры в подтверждении своей точки зрения. В частности: «Рассказывают, что Зайд б. Сабит ал-ансари (один из сподвижников пророка, его секретарь) – да помилует его Аллах – сказал: «Посланник Аллаха – да благословит его Аллах и да приветствует – велел мне выучить язык иудеев и я выучил его самостоятельно, а потом переводил их разговор с посланником Аллаха»[4, Л.248 а,б.].

В 1848 году А.Казем-Бек получил предложение занять кафедру персидской словесности в Санкт-Петербургском университете, куда он

прибыл вместе с семьей после окончания учебного года в 1849 году. А после указа Николая I 1854 г. о переводе востоковедческого образования в Санкт-Петербург, большинство преподавателей-востоковедов переехали в столицу и преподавание восточных языков в Казанском университете полностью прекратилось.

Фаизхан оказался перед выбором: продолжить образование в Бухаре или поехать в Санкт-Петербург. Поскольку «Бухара уже была не та», он выбрал Санкт-Петербург. Хотя в столице у него был фактически единственный протектор, на кого он мог надеяться. Это Мирза Казем-Бек, который тогда был заведующим кафедрой. Фаизхан рискнул, и не ошибся в своем предпочтении. Дальнейший его жизненный путь подтвердил правильность выбора.

В начале 1854 года из провинциальной Казани Хусаин переехал в незнакомый ему город, столицу Российской империи Санкт-Петербург, надеясь устроиться на работу с помощью Казем-Бека, наиболее влиятельного и авторитетного из казанских востоковедов. Факультет Восточных языков Санкт-Петербургского университета был в то время на стадии становления, а Казем-Бек стал деканом факультета Восточных языков 27 августа 1855 года и непосредственно влиять на создававшуюся трудную ситуацию не мог, поэтому по прибытии в Санкт-Петербург Фаизхан не смог туда устроиться на работу. Хусаин не отчаивался, поскольку полагал, что рано или поздно его знания татарского, арабского, персидского и турецкого языков будут востребованы на новом месте.

Зная незаурядные способности Фаизхана в чтении рукописей, Казем-Бек представил его академику Б.А.Дорну – директору Азиатского музея. И тот по достоинству оценил знания Фаизхана, так что в первое время пребывания в столице Хусаин жил за счет переписывания рукописей по его заказу, что помогло ему существовать и выживать материально. Поскольку факультет стал функционировать лишь 27 июня 1855 года, постольку Фаизхан начал сбор документов для устройства на работу с лета и не предполагал, что этот процесс затянется на три года (помимо бюрократического процесса, негативным фактором на пути достижения цели – стать штатным преподавателем являлось то, что Фаизхан не имел светского образования и был приписан к крестьянам).

Все это время «первую скрипку» в поддержку Фаизхана играл Казем-Бек. Так в прошении от 2 ноября 1855 года попечителя Санкт-Пе-

тербургского учебного округа М.Мусина-Пушкина министру просвещения А.Норову принять на работу Фаизхана подчеркивалось: «Декан Восточного факультета, действительный статский советник Казем-Бек свидетельствует, что он знает Фейз-Ханова, в течение семи лет с отличной стороны, а также как ученого-ориенталиста, который для факультета Восточных языков может быть весьма полезен»[5, Л.499].

Наконец 14 ноября 1857 года Фаизхан приказом министра народного просвещения назначается практическим преподавателем турецкого и татарского языков без производства платы [6, Л.570]. И только 3 ноября 1861 года Фаизхан был утвержден приказом управляющего народного просвещения как штатный преподаватель с окладом [7, Л.13]. Фаизхан успешно сочетал преподавательскую работу со студентами с научной деятельностью.

О творческих и дружеских отношениях Фаизхана и Казем-Бека свидетельствуют письма Фаизхана к своему учителю Марджани, изданные в газетах «Асар» («Деяния») и «Шура» («Совет») («Шура» 27 рамадан 1334/15 июля 1916 года). В письмах Фаизхан называет Казем-Бека по имени – Мирза или по фамилии – Казем-Бек, не упоминая его христианского имени. Так в первом письме к Марджани Фаизхан, отдавая дань организаторским и научным способностям Казем-Бека пишет, что при Министерстве внутренних дел существует Духовный департамент, членом которого является Мирза Казем-Бек. На него возлагаются все вопросы, связанные с шариатом, но он слабо разбирается в системе законодательства Российской империи Тем самым Фаизхан, с одной стороны положительно относится к назначению Казем-Бека, как человека сведущего в мусульманской религии, с другой – негативно, из-за его незнания как вписать шариат в законодательство Российской империи.

В десятом письме от 10 джумада ал-ахира/24 декабря 1859 года он называет Казем-Бека по имени Мирза. Отвечая Марджани по поводу сочинения «Айан ислам» («Выдающиеся люди ислама»), Фаизхан пишет: «Мирза, без исключений, сделав перевод, начал печатать «Айан ислам». Далее, упоминая редкое встречающиеся в то время сочинение «Муджам ал-булдан» («Словарь стран») Йакут ал-Хамави [род. между 1178 и 1180 – ум. 1229], которое видел Марджани в Казани, Фаизхан пишет, может ли стать Мирза посредником в получении этого произведения или может ему просить заполучить этот список от имени Академии? И Фаизхан поясняет, что в Санкт-Петербурге есть список этого сочинения, но весь в ошибках. Вышеприведенный отрывок

письма еще раз подтверждает доверительные отношения, существовавшие между Фаизханом и Казем-Бекком, который заочно предлагает Казем-Бека поручителем, даже, возможно, не спросив его согласия.

В двенадцатом письме от 14 мая (год не указан, видимо 1860) Фаизхан сожалеет, что не успел переписать «Вафайат ....», видимо имея ввиду «Вафайат ал-айан...» («Некрологи выдающихся людей...») арабо-мусульманского ученого Ибн Халликана (1211-1282), а сделал только избранные выписки. Он знал, что Марджани в это время трудился над «Вафийат ал-аслаф..» («Подробное о предшественниках..») и нуждался в подобном труде. Далее, Фаизхан писал, что «Канун фи-т-тибб» («Канон по медицине») Ибн Сины, о которой писал Марджани, есть и у Казем-Бека.

В двадцать четвертом письме от 3 джумада ас-сани 1281/22 октября 1864 года Фаизхан пишет о назначении нового муфтия после смерти муфтия А.Сулейманова. Казем-Бек, по его мнению, ничего не знает. Сам же Фаизхан хотел, чтобы эту должность занял Марджани, как и последний. Но их планам не суждено было сбыться.

28 июля 1866 года оборвалась жизнь замечательного представителя татарского народа, пионера татарского просветительского движения Хусаина Фаизхана. Казем-Бек, стараясь материально поддержать семью покойного Фаизхана в представлении Совету Санкт-Петербургского университета, характеризуя его деятельность писал: «Со своей стороны факультет, считает долгом свидетельствовать перед Советом университета о значительной пользе, которую приносил покойный Фейз-Ханов своим преподаванием и глубокими знаниями в тюркских наречиях, в ревностно-усердной службе, преданности и любви к научным занятиям. Он каждому предлагал к услугам свои знания, которыми пользовались весьма многие... Из общения с профессорами факультета и ориенталистами-академиками он усвоил себе научные приемы и сделался вследствие того, можно сказать, единственным между двумя миллионами наших татар ученым-исследователем. Кроме занятий по Академии наук, требовавших обширных знаний в восточных литературах, он издал грамматику татарского наречия, употребляемого казанскими татарами, напечатал в трудах Археологического общества разбор двух болгарских надписей, труд, замечательный в лингвистическом отношении, и составил киргизско-русский словарь – приобретение весьма важное не только для учебной, но и ученой литературы, но, к сожалению, смерть не позволила закончить и издать этот труд... Сверх того, Фейз-Ханов с 1861 года и до смерти безвозмездно нес на

себе различные обязанности единственно из желания быть полезным факультету. Занимая должности учителя каллиграфии, он безвозмездно преподавал татарский и османский языки, а впоследствии, будучи лектором татарского языка, преподавал безвозмездно каллиграфию и османский язык. Декан: М.А.Казем-Бек. №86. 19-го ноября 1866 г.»[8, Л.99-100]. Через четыре года 27 ноября 1870 года скончался Казем-Бек.

Уникальность обоих личностей, которые соединили в себе мусульманскую образованность и традиции русской, западноевропейской ориенталистики навсегда останется в памяти потомков.

### **Список литературы**

1. Фахраддин Р. 1908. Асар. Оренбург. 2т. 14 дж. Б.140-141.
2. Полный конкорданс Корана, или ключ ко всем словам и выражениям его текста, для руководства и исследования религиозных, юридических, исторических и литературных начал всей книги. 1959. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та.
3. Шараф Ш. 1915.Мэржанинен тэржимэи хэле // Марджани. Казан: Маариф. Б.113-114.
4. Марджани Ш. Вафият ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф. ОРКК КФУ. №614. Т.6. Л.248 а,б.
5. Российский государственный исторический архив. Ф.733. Оп.26. Д.130. Л.499.
6. Российский государственный исторический архив. Ф.733. Оп.26. Д.130. Л.570.
7. Российский государственный исторический архив. Ф.139. Оп.1. Д.6045. Л.13.
8. Российский государственный исторический архив. Ф.14. Оп.2. Ед.хр.514. Л.99-100.

### **Информация об авторе**

**Юзеев Айдар Нилович**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, Республика Татарстан, г. Казань; E-mail: youzeev@yandex.ru

**СЕКЦИЯ №2.**  
**«ИДЕИ М. КАЗЕМ-БЕКА И СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД  
НА ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РАЗЛИЧНЫХ НАРОДОВ, КУЛЬТУР  
И РЕЛИГИЙ, ОБЪЕДИНЁННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫМ  
ЕДИНСТВОМ»**

---

**ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ КАЗЕМ-БЕКА  
В ОСМЫСЛЕНИИ ИСЛАМА**

**М. И. Билалов**

*Дагестанский государственный университет,  
г. Махачкала, Республика Дагестан, Российская Федерация*

**Аннотация.** Исследователи творчества Мухаммад Али Мирзы Казем-бека единодушны во мнении, что он не был профессиональным философом и он не занимался специально философскими проблемами, они не входили в предмет его изучения и рассмотрения. Однако, в статье предпринимается попытка уточнения содержания философской культуры ученого, востребованной для освоения исламоведческой проблематики выдающегося востоковеда Казем-бека.

**Ключевые слова:** Казем-бек, философия ислама, арабская культура, усул, фикх, гносеология, диалектика, рационализм.

**PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF KAZEM-BEK  
IN CONSIDERING ISLAM**

**Annotation.** Researchers of Muhammad Ali Mirza Kazem-bek are unanimous in the opinion that he was not a professional philosopher and he did not deal specifically with philosophical problems, they were not the subject of his study and consideration. However, the article attempts to clarify the content of the philosophical culture of the scholar, which is in demand for mastering the Islamic perspective of the outstanding orientalist Kazem-bek.

**Key words:** Kazem-bek, philosophy of Islam, Arab culture, usul, fiqh, gnoseology, dialectics, rationalism.

**Введение.** Исследователи творчества выдающегося востоковеда, члена-корреспондента Петербургской АН, доктора восточной словесности Мухаммад Али Мирзы Казем-бека единодушны во мнении, что он не был профессиональным философом. При всей обширности научно-исследовательского поля М.Казем-бека, он не занимался специально философскими проблемами, они не входили в предмет его изучения и рассмотрения, даже при тесных их соприкосновениях с традиционно избранными направлениями научной проблематики востоковеда. Разумеется, как и положено масштабному исследователю, его творчество не вмещалось в пределы частнонаучных интересов и в его трудах множество упоминаний и даже указаний на имена и труды Платона, Аристотеля, стоиков, эпикурейцев..., но их идеи не становятся объектом и предметом теоретического осмысления ученого. Общение с выдающимися учеными и передовыми мыслителями своего времени – Н.И.Лобачевским, Н.Г.Чернышевским, Л.Н.Толстым, М.Ф.Ахундовым, А.Гумбольдтом и многими философствующими современниками также свидетельствует об определенной философской культуре востоковеда. Возникает вопрос о соразмерности методологического потенциала философии в творчестве М.Казем-бека с исследовательскими потребностями ученого. В статье предпринимается попытка уточнения содержания философской культуры ученого, востребованной для освоения исламоведческой проблематики выдающегося востоковеда.

**Общий философский потенциал Казем-бека.** Как свидетельствуют биографы, 17-летним юношей «в конце 1819 г. Мухаммед Али начал изучать у приглашенного в Дербент арабского ученого Бахрейнского мусульманское законоведение и философию» [1]. Такое невзыскательное образование было вполне приемлемым для того времени, ведь «в средневековом традиционном обществе существовала «семейная специализация» – традиция передачи профессии от отца к сыну, что объяснялось отсутствием системы профессионального образования, сложившейся практикой освоения новой профессии под руководством главы семьи, этносоциальной стратой средневекового общества. Этот тезис в значительной степени правомерно распространить на подготовку приходского духовенства, ибо обучение в медресе, получение

религиозного образования было связано с материальными возможностями каждой семьи и требовало значительного времени и средств. Считалось, что священнослужители в рамках семейного воспитания и обучения могут подготовить достойных преемников. В то же время, согласно исламской традиции, каждый грамотный и подготовленный мусульманин может возглавить и мусульманское богослужение, и исполнение религиозных обрядов [2].

Итак, одаренный юноша Мухаммед Али к 19 годам получил типичное времени и региону образование. В последующем его духовное развитие, основанное преимущественно на самообразовании по мере необходимости, было значительно интенсивным, сложным, противоречивым, сопровождалось порой вынужденными моральными, мировоззренческими метаморфозами, эклектически фрагментарными периодами творчества, в которых не всегда находилось место научным компромиссам. Отсутствие целостного мировоззрения проявило себя в особой непоследовательности в оценке ислама, других религий, кроме, быть может, христианства, их связи с наукой, о причинах общественного развития и роли в нем правителей, роли Шамиля в истории Дагестана. Половинчатость философских взглядов заметны в проявлениях деистического мировоззрения в онтологии и разделяемых им гносеологических фрагментах средневековой концепции двойственной истины. При всем своем открыто провозглашаемом неприятии материализма и атеизма, Казем-бек «при объяснении многих явлений природы,- как отмечает М.Абдуллаев, - отходит от религиозно-идеалистических позиций, признает объективный характер закономерностей живой и неживой природы, отстаивает идеи эволюционного развития органического мира и т.д.» [3]. Ценным для науки, на наш взгляд, была адекватное в целом понимание диалектики восточного и европейского духа в перспективах человечества, гегелевской идеи поочередного посещения мировым разумом разных народов, превращающего их в исторические субъекты (хотя, вряд ли он был знаком с учением Гегеля).

Вообще, философское проявление мусульманства не соответствует масштабу и значимости исламской религии в истории человечества. И здесь больше правы те мыслители, в том числе Казем-бек, скептически оценившие вклад ислама в философию. То же христианство породило в Новое время эталоны мысли европейской классической философии. Тогда как мусульманская философия в своих достижениях

общечеловеческой значимости гораздо скромнее даже в период наивысшего расцвета в сердцевине арабской культуры, не говоря о ее периферийных частях. Какой-либо значительной философской традиции и философской культуры в регионе мусульманского Кавказа также не сложилось, разве что адаптированные к менталитету наших этносов учения отдельных суфийских сект. В прошлые века вплоть до XX века та же дагестанская общественно-политическая мысль не поднималась до всеобщих процессов, она изучала и пыталась осмысливать явления, связанные со спецификой дагестанской культуры, нравственности, традиции, религиозных вероучений без их сложных связей с мировой культурой. Это осмысление осуществлялось преимущественно в фольклорной и поэтической форме, а редкие исключения оставались на уровне отрывочного дублирования философских концепций и их сильного комментирования.

**Казем-бек как исламовед.** Явно или неявно М. Казем-Бека всю жизнь волновал ключевой вопрос: Существует ли в религиозных утверждениях нечто, «что могло бы свидетельствовать об их истинности и ложности?». В отношении всех религий встает также вопрос, который сформулирован в отношении христианства: о «точности интерпретации человеком христианских истин» [4]. Эти вопросы связи религии и истины, религии и науки сопровождали все творчество выдающегося востоковеда и в деле исследования ислама и мусульманского права, знакомства с религиозно-философской и богословской мыслью. По вектору своих научных интересов Казем-бек был вынужден ограничиться более или менее основательным изучением истории и культуры ислама - как религиовед, осмысливший различные составляющие религии, ее места в обществе и связи с другими социальными феноменами и т.п. Поскольку верующим мусульманином он так и не стал, богословских тонкостей ислама Казем-бек не коснулся, а философия ислама была ему недостижима в силу вышеизложенных объективных и субъективных причин.

А философский вопрос об истинности религий имеет многовековую историю. Учитывая тот факт, что современная наука выросла именно из христианской культуры, некоторые гносеологи считают возможным даже вводить в философию понятие религиозной эпистемологии, имея в виду важность для подлинно верующего человека вопроса об истинности религии. В теоретико-методологическом осмыслении

себя не отставало от старших мировых религий и мусульманство. Исследователь персидской литературы, истории ислама и его философских традиций Абдол Хосейн Зарринкуб считает, что с началом эпохи Аббасидов «стала формироваться такая научная дисциплина, как усул (методология), и тем самым вырабатывались научные принципы для обоснования положений фикха. Формировалось учение о каламе, согласно которому споры об основных положениях веры были подчинены логике и аргументации»[5].

Все эти достижения мировых религий не могли не сказаться на прогрессе в постижении мира человеком. Мы неоднократно отмечали, что познавательная культура человечества аккумулировала гносеологические идеи о диалектическом характере познания, которые зафиксированы в религиозном сознании как бесконечность постижения абсолютной истины, как дифференциация познавательной деятельности на чувственный, разумный, интуитивный и т. п. этапы [6]. Идея сложности и противоречивости познания настраивает людей на скромность в оценке своих знаний и нацеливает на постоянное их совершенствование. Важным элементом познавательной культуры, заимствованным из религии, оказывается идея самопознания как важнейшего этапа и цели человеческого познания. Религиозное сознание содержит также теоретико-познавательную идею о синтетическом характере познания, о единстве в нем когнитивного и ценностного начал. Основная единица религиозного мировоззрения – вера – фиксируется в познавательной культуре как неотъемлемый этап и результат познавательного процесса. Познавательная культура заимствует у религиозного сознания не только позитивные, но и негативные традиции умаления роли разума в познании, гносеологический пессимизм и агностицизм, отрыв знания от практики и т. п., которые, так или иначе, оказываются основой противостояния философии и религии, науки и религии. Весь этот круг вопросов и проблем в силу исторической ограниченности самой философии того времени, а также индивидуальной особенности духовного становления Казем-бека не мог быть им объят и осмыслен, но он сегодня предстает своеобразной матрицей и алгоритмом для оценки философии и методологии Казем-бека в осмыслении ислама.

Как считает один из основательных исследователей его творчества А. Рзаев, Казем-бек, отдавая себе отчет в земном происхождении язы-

ческих религий, однако, «по понятным, впрочем, причинам, совершенно не касался вопроса о возникновении и сущности христианства», что лишало его выводы учение о «религии законченности и цельности». «Много писал он лишь о религии ислама, подвергая ее суровой критике, но, не касаясь в то же время основ религии вообще» [7]. С ним единодушны и другие исследователи творчества Казем-бека: как исламовед он допускал резко критические и весьма нелестные отзывы о мусульманской религии. В этой связи характерен следующий факт. В письме иранского консула в Тифлисе Мирза Юсиф-хана М. Казем-Беку в Петербург отмечается: «После повторного изучения перевода части Вашей книги о бабидах я прочел такие фразы, что в действительности эти неправдоподобные документы в Вашем сочинении относительно пророка и его халифов показались мне странными. Содержание перевода было таково: «Не только шариат, но и политика Мухаммеда и его халифов была направлена на то, чтобы навсегда сохранились тупость и невежество среди арабов и покоренных ими племен, так как они знали, что фанатизм без тупости и невежества не сможет совершать великие дела...»[8].

Говоря о месте ислама в жизни народов Востока, М. Казем-Бек писал: «Народы, исповедующие ислам, управлялись с духовной стороны фанатизмом, а с светской - деспотизмом. Оба эти бремена изнурили их силы, притупили их способности и остановили их умственное развитие, которое с тех пор уже не могло подняться с первых своих ступенек» [9] Казем-бек не дает развернутой характеристики духовной жизни арабов, персов, кавказцев и других мусульманских народов - в своих нелестных отзывах об исламе он больше обличает правящую верхушку халифата и Османской империи. Но у «невежественного фанатизма» должны быть глубинные истоки, благоприятствующие условия и таковые есть и в психологии, и в стилях мышления духовенства. И влияние ислама здесь значимо. Хотя, поскольку в процессе исторического развития структура познавательной культуры народов усложняется, полагать, что все ее элементы испытывают непосредственное воздействие религиозного сознания, было бы неверно. Например, формально-логические принципы, определяющие культуру мышления, в прямой и усматриваемой зависимости от религий не находятся. А вот такие элементы познавательной культуры, как образ мышления, традиции, идеалы, способы, приемы, предрассудки познания, вполне определены зависят от религиозного сознания. Немало в ней и этниче-

ского, которое нередко стало таковым после привнесения религией, которая, в свою очередь, со временем сама приобретает этническую окраску.

Как известно, для исламского вероучения содержательно характерны коллективизм, уважение к старшим и к традициям, бережное отношение к природе, элементы фатализма, воздержанность, нематериальные мотивы поведения и поступков, общественно-политическая пассивность и т. п. Все это сказывается не только на близости образов жизни представителей мусульманских народов, но и на сходности их психологии мышления и познавательной культуры. Им также чужд рационализм, мусульманские народы более эмоциональны, при решении вопросов даже с интеллектуальным напряжением их внимание сосредоточено прежде всего на чувствах, а не на рассудочных суждениях. Их мышление несамостоятельно, в нем не популярны критика и самокритика, а критерий правды и лжи почти бездействует. Редко проявляемое терпение в дискуссиях и спорах может моментально смениться возбудимостью на грани ярости. Представители мусульманских народов часто говорят намеками, скрывают свои мысли, пытаются выяснить убеждения собеседника, подлаживаться, поддакивать, редко произносят определенные «да» или «нет», и вряд ли это, как и многое другое в их духе, способствует поиску истины и формированию национального ума, близкого к научному[10]

Разумеется, в работах Казем-бека нет этих наблюдений, но то, что правители заинтересованы в консервации этих негативов психологии народов – здесь он справедлив. Он также прав в том, что в исламской богословской традиции сложилась недооценка роли светских рациональных наук, а алимами и учеными называют тех, кто не имеет должного образования о мире и просто напичканы знаниями хадисов, зачастую, бездумно заученных постулатов Корана... Отвечая на обвинения и упреки вышеупомянутого иранского консула и других своих оппонентов, Казем-бек писал: «Из истории человечества известно, что ученые мужи каждого народа с древнейших времен до наших дней, рассматривая науку как исключительно свое дело, оставляют народ в невежестве, чтобы, не дай бог, устранение невежества народа не стало причиной раскрытия их положения и выявления их тайны. Индийские брахманы и персидские мобеда, христианские попы и улемы ислама - все действовали одним способом и знание сводили к религиозной традиции... Разве улемы не держат народ в полном невежестве, разве они кроме Корана и дисциплин шариата признают за науку то, что строится

на основе познания, и разве в их действиях нет ереси... Вы изволили сказать, что существуют великолепные хадисы и аяты о преимуществе знания и порицания невежества. Должен сказать, что я знаком со всеми хадисами и аятами... Мы все-таки должны уточнить, что имеется в виду под знанием и невежеством... Улемы ислама считают за знания только то, что относится к Корану и хадисам, все остальные отрасли знания, которые не входят в них, такие, как история, астрология, геометрия, география, астрономия, медицина, математика и др.; все это бесполезные знания, от которых следует воздержаться... Улемы ислама, приводя в доказательство хадисы, говорят, что наука есть наука благочестия, наука «познания бога, наука веры; получается, что остальные науки не являются таковыми, что они излишни..[11].

Здесь я прерву эту замечательную по своей актуальности цитату. Сегодня стал общим местом упрек в сторону исламского богословия в его ответственности за разногласия в исламе. Один из основательных исследователей ислама Махатхир Мохамад отмечает, что Аллах дал людям разум, чтобы они исправляли искаженные богословские интерпретации хадисов, а на это способны сведущие «не только в религиозной доктрине, но и в самых разных сферах мирового знания»[12]. В таком же духе высказался известный мусульманский теолог Али Аббаси, говоря о необходимости готовить «знатоков религии, знающих помимо религии и эпоху, в которую они живут, и стремящихся к единству». Для этого надо «обучить их рациональности, свободному мышлению, высокой духовности, нравственности, уважению к другим и самопознанию под тенью единобожия и поклонения Аллаху». По мнению теолога, «эта важнейшая задача не может быть выполнена, если не призвать на помощь рациональные науки, а в особенности философию» [13]. На это мы обращали внимание в ряде работ, в том числе и на научных конференциях, посвященных современному состоянию теологического образования в России[14]. Прозорливый ум Казембека дошел до понимания этих вещей к 40-летнему возрасту спустя два десятилетия после своего отречения: «Я решил отойти от магометанского мира. Этот мир и питающая этот мир философия Магомета представляется мне сейчас слишком фанатичным» [15]. Разумеется, к этому времени он хорошо изучил Коран, знал основательно историю ислама, но истинная мусульманская вера ему в свое время не открылась, в том числе из-за изложенных выше им обстоятельств. Смею утверждать, что Казембек вообще не был верующим человеком, в том числе и христианином, вынужденный придерживаться официальной религиозной

идеологии России как ее искренний патриот, а также в силу глубокой преданности делу своей жизни - научным разработкам востоковедения.

Как подлинный ученый он не мог быть религиозным фанатиком, но формирующаяся подлинная религиозность его была поколеблена объективной оценкой истории ислама и других мировых религий. «Воины ислама перевернули весь мир, достигли Европы и все что имело отношение к другим наукам сожгли или выбросили в воду... - писал Казем-бек. - Сожжение знаменитой египетской библиотеки имело место в конце халифата... И так поступали во всех завоеванных странах до конца второго столетия... И такой запрет относительно других наук... является следствием невежества... Вражда между суннитами и шиитами... является следствием фанатизма, и если невежество не было бы инструментом в руках поджигателей, то огонь вражды не достиг бы такого размаха... Несколько страниц моей книги повествуют о фанатизме среди французов, русских, поляков. Суть дела в порицании фанатизма где бы ни было... Фанатизм без невежества не может вершить великие дела...» [16]. Весьма трезвый взгляд и объективная оценка, которая актуальна и поныне...

Верующему свойственна идеализация своей веры, но ученый или богослов не могут оставаться на уровне обыденного сознания – если не им, то кто должен довести до религиозного образования реальную историю религий. А она не может быть представлена как рафинированная и гладкая хронология – такой жизни вообще нет. Но в исламе с некоторых пор возобладал искаженный взгляд на свою историю. «Критический дух был подавлен, - писал Гейдар Баммат об этом периоде. - Теологические и юридические учения, доведенные до крайности, вытесняли из школ чисто научные дисциплины для того, чтобы стать главным и даже единственным занятием мусульманских ученых» [17]. Автор знаменитого труда «Лики Ислама» как блестящий знаток истории религии и как ее философ, усмотрел в свое время не только замену духа свободной дискуссии ребяческим мистицизмом, культом святых и могил, искусно используемых муллами, но и превращение святых городов Мекки и Медины в прискорбное зрелище порока и беспорядка во время ежегодного полонничества.

**Особенности личностного культурного кода Казем-бека.** Казем-Бек Мирза Мухаммед Али даже с большой натяжкой не может считаться дагестанцем. Родился в Иране, отец азербайджанец, мать персиянка, переехал с семьей в Дербент в 1810 году, когда еще Даге-

стан не входил в Российскую империю (Дербент стал дагестанским городом в 1860 году с созданием Дагестанской области). Скорее, правы его биографы, считающие его азербайджанцем (хотя и азербайджанцы для Дагестана также коренной народ). Но по адекватной оценке его творчества – он, Александр Касимович, русский востоковед с азиатскими корнями. Однако не только 10 лет мусульманского образования и воспитания в Дербенте (до выезда в Россию) связывает Казем-бека с восточным духом, а тот генетический культурный код, на основе которого фундаментальные европейские знания в самый расцвет классической науки и философии становятся особо продуктивными в его творчестве. Этот синтез и позволил молодому исследователю изнутри осмыслить академические проблемы востоковедения и вывести его в России на европейский научный уровень.

Оставаясь непримиримым борцом против невежества, борцом за просвещение и торжество разума, за истину и справедливость, Казем-бек явил собой образец подлинного ученого. «В известном смысле ученый - это воин на поле неопределенности, безрассудства и лжи. Борьба идет на нескольких фронтах. Борьба ведется и в споре, где рождается истина. Научная полемика, дискуссия - принятые и поныне формы борьбы, где ученый-воин сражается, отстаивая приоритет обнаруженного им истинного знания. Сражается ученый и с варварским невежеством, и с собственным сомнением. Вызов, который он бросает природе, не всегда кончается его победой. Но несмотря на неудачи, ученый не останавливаясь идет вперед. Поэтому можно сказать, что ученый, по существу своему, - человек, наделенный недюжинной силой воли, понимаемой как непрерывный поток энергии, управляемый с помощью намерения. Настоящий ученый горит стремлением сделать знания полезными для процветания человечества, он весьма далек от попыток манипулировать и управлять людьми, приобретать над ними власть»[18]. Эти слова, которые могут быть отнесены Казем-беку, писал о современном ученом видный методолог науки XX века П. Фейерабенд.

**Заключение.** Философско-методологическая культура творчества М. Казем-бека детерминирована особенностями культурного кода его незаурядной личности. Это был ученый, не вписывающийся в складывающиеся традиции научного сообщества России по многим параметрам. Необычен был по своему социокультурному становлению. Неоднородная среда его этноконфессионального происхождения (персы, азербайджанцы, русские, зороастризм, шиизм, суфизм, православие,

иудаизм), противоречивые перипетии мировоззренческого становления породили особый культурный код личности Казем-бека. Природный талант к творчеству, изначальные задатки выражать свои когнитивные желания и цели концентрацией интеллектуальных усилий, максималистски устремленного к справедливости и истине вольнодумца, несистемное образование сформировали в нем способности, которые лишь к концу XX века стали характерными для ученого – «без угрызания совести защитить... наиболее вызывающие утверждения» и «не питать ни вечной любви, ни вечной ненависти ни к одному из учреждений и ни к одной из идеологий», «открыто и постоянно» выступать «против универсальных стандартов, универсальных идей», порывать «с боязливым конформизмом» [19]. В этом своеобразном интеллектуальном стиле разгадки многих его синергетически непредсказуемых разнонаправленных векторов духовно-творческого развития, исследовательских предпочтений, не вписывающихся не только в формальную, но и диалектическую логику...

Личность и научное наследие М.Казем-бека поучительны для исламоведческой традиции нацеленностью против религиозного невежества и фанатизма. Ученый-востоковед заострил внимание религиозного духовенства на порочности практики сведения религиозного образования к знаниям того, что относится только к Корану и хадисам, а все остальные отрасли знания - история, астрология, геометрия, география, астрономия, медицина, математика и др. – «бесполезные знания, от которых следует воздержаться». Важны для мусульман и мысли Казем-бека об отказе от фанатизма в вере, от идеализации истории ислама. Ведь реальная жизнь религии гораздо сложнее, чем ее описания – у всех религий были взлеты и падения и гордиться своей религией вовсе не означает ее обеление от сложных, трудных, порой и трагически ошибочных страниц истории.

К философскому портрету Казем-бека нелишне добавить и то, что, как писал тот же Фейерабенд, «человечество и наука получают пользу лишь от тех, кто занимается своим делом». Таким оказался Мухамад Али Мирза Казем-бек – российский ученый, выдающийся востоковед, гордость Кавказа на интеллектуальном небосклоне России.

### **Список литературы**

1. Рзаев А. К. Мухаммед Али Мирза Казем-Бек. - М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989 - 199 с. С.15.

2. Загидуллин И. К. Особенности формирования мусульманского «наследственного» духовенства в Тавриде в 1783–1831 годах // *Minbar. Islamic Studies*. 2018;11(4):724–740. С.725-726 ISSN 2618-9569
3. Абдуллаев М.А. Из истории философской и общественно политической мысли народов Дагестана в XIX в. Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы. Москва, 1968. С.157.
4. Лазарев Ф.В., Брюс А.Литтл. Современная эпистемология: дух и проблемы. - Симферополь, 1999. - С.155.
5. Зарринкуб А.Х. Исламская цивилизация. - М., 2004.- С.56.
6. См. об этом, например: Билалов М.И. Гносеологические идеи в структуре религиозного сознания. - М., 2003.
7. Рзаев А. К. Мухаммед Али Мирза Казем-Бек. - М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989 - 199 с. С.98.
8. Рукописный фонд АН Азербайджанской ССР. Архив М. Ф. Ахундова. инв. № 6-III, Г1 /6).
9. Казем-бек М. Баб и бабиды. СПб., 1865. С.161.
10. См. об этом: Билалов М.И. Цивилизационные метаморфозы познавательной культуры// М., из-во Academia, 2008.- 144 с.; Билалов М.И. Постижимость истины: уловимость, объяснимость, выразимость -Махачкала: ГАУ РД «Дагестанское книжное издательство», 2017. - 376 с.
11. Рукописный фонд АН Азербайджанской ССР. Архив М. Ф. Ахундова. инв. № 6-III, Г1 /6)
12. Цит. по: Ефимова Л.М. Ислам в Юго-Восточной Азии: XXIвек: учебное пособие/Л.М.Ефимова; Моск. гос. ин-т междунар. Отношений (ун-т) МИД России, каф. востоковедения.- М.: МГИМО\_ Университет, 2014.-205 с. С.146.
13. Аббаси А. Положительный общественный опыт и сплочение в мусульманском обществе выпускников исламских учебных заведений, опирающихся на рациональные методы науки, включая философию//Альманах Международного мусульманского форума. Вып. №1./гл.ред. Д.В.Мухетдинов – М.: ИД «Медина», 2016.-260 с. С.164-165.
14. См., например: Билалов М.И. Символическая модель истины в проблеме осмысления ислама// Исламоведение. 2016. Т. 7. № 1 (27). С. 59-66; а также аннотацию моего выступления: Кашаф Ш. Р. Конструктивный диалог в Махачкале о проблемах и перспективах развития теологического образования в России *Minbar. Islamic Studies*. 2018;11(4):907–929. С. 926. ISSN 2618-9569

15. Азиатский музей. Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972. ф. 778, оп. 2, № 130 л. 34.

16. Рукописный фонд АН Азербайджанской ССР. Архив М. Ф. Ахундова. инв. № 6-III, Г1 /6)

17. Г.Баммат. Лики Ислама.. <http://kumukia.ru/files/docs/Vammat%20-%20Liki%20Islama.pdf>

18. Фейерабенд П. Избранные произведения по методологии науки. М., 1986. С. 333

19. Фейерабенд П. Избранные произведения по методологии науки. М., 1986. С. 333-334

### **Информация об авторе**

**Билалов Мустафа Исаевич**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация, [mibil@mail.ru](mailto:mibil@mail.ru)

## **О СООТНОШЕНИИ РЕЛИГИИ И ГОСУДАРСТВА В МУСУЛЬМАНСКОМ ПРАВЕ В ТРУДАХ МИРЗЫ КАЗЕМ - БЕКА**

**А.М. Исмаилова**

*Дагестанский государственный университет,  
г. Махачкала, Республика Дагестан, Российская Федерация*

**Аннотация.** Статья посвящена выдающемуся пионеру востоковедения в России - Мирзе Казем-беку, который написал фундаментальные труды в различных отраслях языковедческой и исторической науки. Значительное место в исследованиях Казем-Бека занимают вопросы возникновения и развития мусульманского права. Ученый фундаментально рассмотрел проблемы, связанные с соотношением религии и государства в исламе.

**Ключевые слов:** Казем-бек, востоковед, ориенталистика, мусульманское право, мусульманское законоведение, мусульманское государство, ислам.

## ON THE RELATION OF RELIGION AND STATE IN ISLAMIC LAW IN THE WRITINGS OF MIRZA KAZEM - BEK

**Annotation.** The article is devoted to the outstanding pioneer of Oriental studies in Russia - Mirza Kazem-Bek, who wrote fundamental works in various branches of linguistic and historical science. A significant place in the research of Kazem-Bek is occupied by the issues of the emergence and development of Muslim law. The scientist fundamentally considered the problems associated with the relationship of religion and state in Islam.

**Keyword:** Kazem-Bey, orientalist, Oriental studies, Islamic law, Islamic jurisprudence, a Muslim country, Islam.

Мохаммед Али Касым -оглы Казем-бек внес значительный вклад в самые различные отрасли науки и тем самым приобрел себе мировую известность. Он по праву считается патриархом русского востоковедения. Ученый опубликовал значительное количество научных трудов, три из которых отмечены Демидовской премией. Он владел шестью иностранными языками и тремя языками народов России. Казем-Бек был знатоком мусульманского законовещения, еще в детстве интересовался этим разделом мусульманской религии.

Детство и юность Казем-бека прошли в г. Дербенте. Мироззрение Казем-бека начало формироваться в Дагестане, где он вырос и воспитывался до 20 лет. В семье он получил религиозное образование вплоть до отхода от ислама придерживался его установлений. В то же время в отличие от многих современников, по свидетельству миссионеров, в нем было много прямоты, простодушия, в особенности любознания [1,с.211], которые сделали возможным его общение с христианскими миссионерами и привели его позднее к отходу от ислама.

На формирование взглядов молодого Казем-бека также определенное влияние оказала общественно-политическая борьба горцев Дагестана в период его присоединения к России, а также в первое десятилетие после присоединения. В 1827 г. Казем-бек через Министерство иностранных дел отправился переводчиком в Омское азиатское училище, а затем и преподавателем, вскоре он был переведен в Казанский университет преподавателем турецко-татарской словесности. С 1837 г. стал зав. каф. турецко-татарской словесности, а с 1844 г. деканом философского факультета. В ноябре 1849 г. Казем-бек со своей

семьей переехал в Санкт-Петербург зав. кафедрой персидской словесности в Санкт – Петербургском университете. В период работы Казембека в Санкт – Петербургском университете отделение восточных языков было реорганизовано в факультет восточных языков, деканом которого он бы. Одновременно он состоял инспектором частных пансионов Петербурга. В 1850 г. был причислен к Министерству внутренних дел по Департаменту иностранных дел исповеданий, а в 1851 г. назначен членом учрежденного особого комитета для рассмотрения свода мусульманских законов.

Казем-бек написал много статей публицистического, языковедческого и исторического характера. Его статьи часто печатались в передовых научных журналах Англии, Франции, Германии, Персии. О широком кругозоре и о глубине знаний Казем-бека писали многие иностранные журналы. Систематическое изучение мусульманского права ученый начал с 1840 г., будучи профессором Казанского университета. Превосходное знание арабского языка, продолжительное изучение шариата в мусульманской школе и постоянное общение с мусульманским духовенством открывали М. Казем – беку обширные возможности и средства к новым достижениям на этом сложном пути.

Являясь первооткрывателем в этой области, Мирза Казем – Бек с присущими ему смелостью и дерзостью научной мысли предпринял попытку изложения основных положений всех отраслей мусульманского права. Обширность интересов М. Казем-Бека по изучению мусульманского права еще раз показывает широту его взглядов, глубину познаний и правильность ориентации в науке права. В отличие от многих буржуазных ученых, занимавшихся историей ислама, М. Казем-Бек сумел определить его не только как религиозно - философское учение, но и как явление, которому свойственны определенные социально - политические и правовые функции. Именно поэтому ислам играл такую важную роль в судьбах народов Востока. Возникновение ислама Казем-Бек связывал с теми политическими и нравственными или религиозными условиями арабского быта, из которых Мухаммад извлек начала для своего учения [2,с.135].

Приступая к изучению проблемы и являясь первооткрывателем в этой области в России, М. Казем-Бек понимал всю сложность задачи: «Свод мусульманских узаконений - дело нелегкое и должно было бы занять целые

годы работы какого-нибудь специального комитета, поэтому совершенно естественно, такой вид работы не мог остаться незамеченным, пройти без следа и надо искать источники, из которых мы могли бы что-нибудь узнать об этом своде. Найти этот труд задача не из легких... в практике еще такой вопрос не стоял и никогда не лежал на чьей-либо обязанности».

Зная М. Казем-Бека, ученая общественность России приветствовала его новые начинания. Много лет спустя, отмечая заслуги М. Казем-Бека в области изучения мусульманского права, профессор И. Н. Березин указывал: «Александр Касимович вступил, наконец, на то поле, которое составляло настоящую его силу и на котором он не имел себе равного. Я говорю о мусульманском законоведении. Превосходное знание арабского языка, продолжительное изучение шариата в мусульманской школе и постоянное общение с мусульманскими духовными давали казанскому ориенталисту отличные средства к самостоятельным, работам на этом трудном пути»[3,с.110].

Свои взгляды на государство К. В определенной степени выразил и в известном труде «Баб и бабиды». Религиозно-политические смуты в Персии в 1844-1852 годах[4]. Магометанское движение в Аравии, говорит он, зарождается в то время, когда старые религиозные верования, исторически изжили себя. В мировоззрении Казем-бека значительное место занимают мысли о государстве и праве[5,с.65]. В своей работе «Баб и бабиды» ученый высказывает ценные мысли, свидетельствующие о значительном прогрессе его взглядов по вопросу о роли государства в классовом обществе. «На двух пружина зиждется, говорили умные люди, жизнь народов и царств, - пишет Казем –бек, - это вера и интерес. Дело интереса бывает частное и общее... Потому совесть правительства там, где нет положительных законов, часто позволяет ему быть глухим к воплям о правосудии». Казем-бек называет восточных правителей тиранами, он понял, что государи тиранят, угнетают и разоряют своих подданных, тем самым органически разрушают государство. Халифат, насильственно порабощая людей иной веры, не менее жестоко подавлял и своих подданных-мусульман. В начале арабский халифат был преимущественно теократическим государством. Однако, с расширением и укреплением он постепенно терял этот дух и становился светской, политической властью. «Внешняя теократиче-

ская оболочка халифатской власти долго сохранялась, - отмечает мыслитель,- хотя она уже давно стала монархической»[6,с.159]. Шариат был разработан в X- XII вв., и никаких изменений с того периода в шариате не произошло. Однако, несмотря на это, шариат представлял большую силу в странах мусульманского Востока. Все законы, издаваемые правителями мусульманских стран, отмечал Казем – бек, в обязательном порядке согласовывались с Кораном и шариатом. Хотя Халифы наследовали политическую власть, как пишет ученый, имея ввиду поздний период истории халифата, - но они не имели права на законодательство. Верно, что издаваемые правительством законы и распоряжения подводились под соответствующие положения Корана и шариата.

Казем-бек указывает, что по мере превращения халифата в светскую власть к фанатизму прибавлялся еще деспотизм. С отделением светской власти от духовной, фанатизм сделался достоянием духовного сословия, а деспотизм – достоинством светской власти, « а политика играла роль медиатора между халифами и улемами, чтобы удерживать государство в возможной гармонии»[7,с.160].

Ученый указывал, что религиозный фанатизм и духовенство представляют собой большую силу для удержания народа в угнетенном состоянии.. Поэтому – то светские власти любыми путями стараются склонить духовенство на свою сторону. Таким образом, в своей работе «Баб и бабиды» Казем-бек вскрывает некоторые черты феодального государства: направленность против интересов трудового народа, угнетение народа. Вместе с тем, следует отметить, что Казем –бек не понял, что феодальное государство есть политическое оружие господствующего класса для порабощения народа. Мыслитель сумел оценить его как борьбу народа против деспотизма властей и духовенства, как политическое движение. Говоря о роли ислама и его роли в дальнейшем развитии Востока, то здесь К. занимает однозначную позицию. Он считает, что исламу уже не под силу препятствовать прогрессу, которой проникает во все сферы мусульманского общества.

Вместе с тем, Казем – бек на большом историческом материале показывает, что при соответствующей политике правителей, при наличии заинтересованности торгово-промышленных кругов, преграды, устанавливаемые исламом, могут быть преодолены. Во время Аббасидов, указывает Казем-бек, столица ислама была центром научной

мысли и искусства Востока и сообщала эти знания феодальной Европе. Отсюда он делает вывод: «Собственно ислам не в состоянии противоборствовать просвещению; это фанатизм духовной касты, невежество, которое везде заглушает зародыш цивилизации»[8,с.11].

Казем-бек в ряде своих работ делает попытку более глубоко разобраться в причинах отставания мусульманского Востока и приходит к выводу, что главная из них таится в исламе. «Богословие, толкование законов магометовых, говорит Казем –бек, исследование преданий и взаимное опровержение сделались главнейшими занятиями суннитов и шиитов. С другой стороны, суфии распространяли давно начатую свою соблазнительную философию и во все времена занимали умы суеверных сект пустыми прениями. Улемы писали друг против друга, каждый владетель защищал своих святошей, а науки оставались в одних филиантах, закупоренных в сундуки или запыленные на полках»[9,с.264].

Мыслитель склонен считать, что важнейшей причиной отставания Востока является не столько идеология ислама, сколько мусульманское духовенство, проповедуемые им фанатизм и невежество, которые могут и должны быть отсечены не только от ислама, но и от других религий. Вредные проявления ислама могли быть в значительной мере преодолены, по его мнению, если бы во главе восточных стран стояли мудрые и просвещенные правители. «Судьба просвещения там, говорит он, - была сопряжена с судьбой владычества халифов, их ревностных наместников и мудрых преемников»[10,с.244].

Казем-бек подчеркивал могущественную силу ислама, который с началом формирования на Востоке феодальных отношений был структурно связан с социальными, политическими, государственными и другими общественными институтами. Из всех восточных религий ислам оказался наиболее способным внедрить религиозные традиционные стереотипы в личностное и массовое сознание, в общественные структуры и политики. Отсюда связь религии и политики, связь религии и государства. Он особое внимание уделял борьбе за создание исламской государственности, внутри которой отношения регулировались бы мусульманским правом. Его так же привлекали и вопросы власти в государственных образованиях Востока доисламского периода, на которой впоследствии строилась огромная и сложная государственно-полити-

ческая система исламского общества. Особое место во взглядах ученого на государство, занимало его отношение к проблеме взаимосвязи светской и духовной власти в мусульманском мире. Казем-бек рассматривает пророка Мухаммеда как носителя верховной власти среди правоверных и верховного судью. Проблема власти была одной из многих, которую должно было решить мусульманское общество.

Одним из основополагающих догматов шиитского ислама стало учение об имамате – верховной власти в мусульманском государстве. Однако эта борьба происходила по-разному в различных странах мусульманского мира. Возможность соединения духовной и светской власти в одном лице Казем-бек рассматривал на примере движения мюридизма, возглавляемого Шамилем [11]. Однако Казем-бек не сумел, а скорее не мог дать историческую оценку колониальной политике царизма на Кавказе. Ученый практически в своем труде не уделил внимания вопросам государственного и правового устройства имамата, не изложил своего принципиального отношения к этому военно-теократическому государству, не имевшему аналогов в истории. Его, судя по всему, более привлекал разбор нравственно-идеологических проблем движения, его места в истории исламских войн. Казем-бек отмечал незаурядные способности Шамиля в качестве руководителя нового государства - имамата.

Усилиями М. Казем-Бека впервые в России были проведены глубокие исследования происхождения и сущности ислама, крупнейших мусульманских сект. Они впервые познакомили русскую общественность с основными положениями ислама, религиозной жизнью Востока. Ведущее место по праву принадлежит К, который значительную часть своей жизни отдал изучению мусульманской религии, и в частности мусульманского права и государства [12, с.236].

В 1845 г. М. Казем-Бек издал свой капитальный труд по мусульманскому праву под названием «Мюхтесерюль вигкает, или сокращенный вигкает, курс мусульманского законоведения по школе Ханифидов в Казани» [13]. Готовя работу к печати, М. Казем-Бек проделал огромный труд, снабдив ее многочисленными комментариями, переводами, пояснениями, сравнениями с девятнадцатью подобными трудами, изданными в Турции, Иране и Индии. Ученый подготовил также обширное предисловие на русском языке, где подробно изложил свое отношение к мусульманскому законоведению.

В предисловии, написанном на русском языке, Казем-бек, подробно изложил историю возникновения и развития мусульманского законодательства. В сочинении Казем-бек дает господствующую среди ученых мусульманского востока классификацию наук и подробно останавливается на истории возникновения и развития мусульманского законодательства. Он указывает, что при жизни Мухаммеда у мусульман не было законодательства. Пророк решал все вопросы по своему усмотрению. Слово и его пример служили руководством для решения всех дел и при первых халифах. Затем стали руководствоваться Кораном и суннами[14,с.194].

В дальнейшем возникают шесть главных школ, разработавших свои системы законоведения. Одна из этих школ, была основана Абу-Ханифа, отсюда и название этой шариатской школы: ханифидская. Изложению законоведения этой школы посвящена работа Казем-бека «Мюхтесерюль вигкает». Работа Казем –бека, сокращенно излагающая шариатское законодательство по школе ханифидов, имела большое познавательное и практическое значение. Она служила и служит до сих пор хорошим источником не только для изучения мусульманского законодательства, но и для изучения социально-экономических, семейно-бытовых отношений и нравственных взглядов арабского халифата. Издание «Мюхтесерюль вигкает» произвело огромное впечатление на ученых России и Западной Европы. Это был первый капитальный труд русского ученого по мусульманскому законоведению. С появлением «Мюхтесерюль вигкает» имя М. Казем-Бека становилось популярным среди ориенталистов мира, его признали основоположником изучения мусульманского права. И. Н. Березин писал, что между трудами Казем-Бека, весьма многочисленными, «Мюхтесерюль вигкает» должно занимать если не первое место, то одно из первых по тщательной обработке текста и тем громадным трудностям, с которыми приходилось бороться издателю при сравнении вариантов и исправлении ошибок в манускриптах. Только при глубоких и обширных сведениях об исламе, возможно, было исполнить такой важный труд[15,с. III].

Казем-бек был убежден, что поиск и дальнейшее исследование свода мусульманских указаний являются той основой, на которой можно было бы наиболее полно раскрыть роль мусульманского права в социальной экономике и общественно-политическом развитии народов Востока. Мусульманское право Казем-бек делит на «Ильмуль-

усуль» - учение о догматах, и «Ильмуль-фикх» - учение о юриспруденции. Особо он изучил II часть, т.е. учение о юриспруденции. Мусульманское право, считал ученый, формировалась вне связи с другими правовыми системами, существовали до появления ислама в арабском мире. К. считал, что Мухаммед «свой политический дар выдавал за чудодействие божественного откровения»[16,с.162].

Мусульманское право является консервативным, даже Халифы не имели права на законодательство. Мусульманские правоведы не имели право даже на систематизацию мусульманских законов. Однако в дальнейшем на сем протяжении своей истории исламское право доказало свою способность приспособливаться к изменяющимся социально-экономическим условиям и политическим обстоятельствам. Примером может послужить «канун-намэ» Мехмеда II (Турция). Казем-бек понял, что первоначально поставленная им задача оказалась практически невыполнимой. Тем не менее К. счел возможным предложить свой вариант судебной реформы, которая ныне кажется довольно наивной и утащенной. Главное внимание в проекте было введено усилению мер контроля над судами. Для этого необходимо было иметь две степени: шариат и своеобразную надзорную инстанцию –иджлас улемов. Ведомству шариата подлежат все гражданские дела мусульман между собой, совершенные на основании правил и обрядов их судопроизводства и возникающие из прав и обязанностей семейных, их порядка приобретения и укрепления прав на имущество из обязательств договорам. Суд шариата вершат казии с их помощниками и заседателями. Решение шариата подлежат обжалованию иджласу улемов, который рассматривает:

1.Решение дел и вопросов – сомнений о вере и религиозных обрядах.

2.Решение дел, споров и тяжб по всем гражданским действиям мусульман.

3.Рассмотрение жалоб по представлению местных начальников.

Новая судебная система, предложенная в проекте в виде иджласа, как справедливо считает А.К. Рзаев, кроме тяжести и волокиты, ничего нового не могла дать мусульманскому населению[17,с.123].

В 1859г. Казем-бек издает «Полный конкорданс (расположенный в алфавитном порядке перечень встречаю-

щихся в книге слов (или сходных по содержанию мест) с минимальным контекстом) Корана, или ключ ко всем словам и выражениям его текстов, для руководства и исследования религиозных, юридических исторических и литературных начал сей книги». Казем-бек посвятил много времени и труда подготовке и изданию этой работы [18, с.3]. Ученые России и Европы на протяжении почти 20 лет обращались через Российскую Академию наук к Казем-беку с одним и тем же вопросом: почему задерживается издание работы. Такая заинтересованность ученых-ориенталистов Европы и России была неслучайна. Дело в том, что в мире еще не было более полного указателя к текстам и словам Корана. Казем-бек над своим конкордансом начал работать в 1834 г. и завершил его в 1846 г., однако по независящим от него причинам он не был издан до 1859 г. Казем-бек отвергает представление о божественном происхождении ислама и на основе анализа большого исторического материала показывает, что ислам порожден определенными социальными причинами [19, с.196].

В 1851 г. М. Казем-Бек предпринимает новый шаг в деле изучения мусульманского права. Он публикует новую работу под названием «Разбор сочинения г-на Торнау „Изложение начал мусульманского законоведения». В ней Казем-Бек дал подробный анализ работы Торнау и указал на некоторые сдвиги в области изучения мусульманского права в России и одновременно на ряд ошибочных моментов в освещении гражданского, уголовного права мусульман и их судебной системы. В этой работе М. Казем-Бек еще раз изложил свое отношение к вопросам изучения мусульманского права и указал на неразрывную связь этого права с догматами исламской религии.

Интересно отметить положительный отзыв об этом труде журнала «Современник» [20]. Вслед за «Современником» «Санкт-Петербургские ведомости» писали, что у нас в России труд Н. Е. Торнау также принят был учеными с большими похвалами: «Профессор М. К. Казем-Бек, пользуясь по справедливости европейской известностью по своей части, придал своим авторитетом большое значение книге г. Торнау» [21]. Мировоззрение Казем-бека противоречиво и непоследовательно. Однако в целом он сыграло исторически положительную роль. Его труды, объективно служившие защите с позиции просветительства прав угнетенных и отсталых народов русского и зарубежного Востока, способствовали осознанию ими своего положения.

Обобщая отношение М. Казем-Бека к проблемам соотношения религии и ее роли в жизни народов, необходимо отметить, что идеологические процессы, происходившие в XIX в., принудили мыслителя к политической переориентации, в частности к изменению отношения к проблемам соотношения религии и государства: заметно его стремление согласовать свои воззрения по этой проблеме с требованиями политической эволюции современного ему мира; более основательно освещать процесс постоянного приспособления религии к политическим изменениям. Наступало время, когда традиционные трактовки религии, поддерживаемые правительством, сделались уже неприемлемыми, появилась тенденция разоблачения связи религии с политической властью. Его труды в области мусульманского права переводились и печатались в Англии, Франции и Германии.

Он пользовался заслуженным авторитетом среди русских востоковедов, следил за новинками литературы, радовался успехам просвещения и распространению культуры в России. Всю свою сознательную жизнь К. посвятил педагогической и научно-исследовательской работе. Ему было присвоено звание профессора, почетный доктор университета Казем-бек был одним из создателей русского востоковедения. Мирза Казем-Бек был выдающимся учёным, педагогом и мыслителем XIX в, за 45 лет работы в университетах, он вырастил большую плеяду талантливых востоковедов, прославивших за рубежом русскую ориенталистическую науку, К., воспитал целую плеяду русских востоковедов (Березин, Васильев, Понов, Митчель и др.) За период работы К. издал более 110 научных работ, посвященных языкам, мифологии, литературе, праву, этике, религии и частично философии. Многие научные труды его, проведенные на европейские и азиатские языки, не потеряли своего научного интереса и до наших дней.

### Список литературы

1. Журнал Русский архив, 1893.Т.3.
2. Казем-бек М. История ислама. Обзорение Востока в политическом отношении перед появлением Мухаммада. — Русское Слово. 1860, № 2.
3. Березин И. Н. Александр Касимович Казем-Бек. - Протоколы заседаний Петербургского университета. СПб., 1872, № 4.

4. Казем-Бек М. Баб и бабиды: Религ.-полит. смуты в Персии в 1844-1852 г. / Соч. засл. проф. С.-Петербур. ун-та мирзы Казем-Бека. - Санкт-Петербург, 1865.
5. Абдуллаев М. А. Казем –бек ученый и мыслитель. Махачкала, 1963.
6. Казем-бек М. Баб и бабиды. Указ. соч.
7. Казем-бек М. Баб и бабиды. Указ. соч.
8. Казем –бек М. Баб и бабиды. Указ. соч.
9. Казем –бек М. О проявлении и успехах // Журнал Министерства народного просвещения, 1836. Ч. XI.
10. Казем-бек М. О проявлении и успехах восточной словесности в Европе и упадке ее в Азии // Журнал Министерства просвещения, 1836. Ч. XI.
11. Казем –бек М. Мюридизм и Шамиль. - Русское слово. 1859, № 12.
12. Айбатов М.М. Государственно-правовая мысль народов Северного Кавказа (XIX –начало XX в.). М., 2006.
13. Казем-бек М. Мюхтесеруль-вигкает, или сокращённый вигкает. Курс мусульманского законоведения. Казань, 1845.
14. Абдуллаев М. А. Из истории философской и общественно- политической мысли народов Дагестана в XIX в. М., 1968.
15. Березин И. Н. Александр Касимович Казем-Бек. - Протоколы заседаний Петербургского университета. СПб., 1872, № 4.
16. Казем-бек М. Ислам. Мухаммед// Русское слов. 1850. №8.
17. Рзаев А.К. Мирза Казем-бек и некоторые вопросы мусульманского права// Известия Аз. ССР. Серия история, философия и права. 1977, № 3.
18. Казем-бек М. Полный конкорданс Корана. СПб., 1859.
19. Абдуллаев М. А. Из истории философской и общественно- политической мысли народов Дагестана в XIX в. М., 1968.
20. Современник. 1851, т. XXVI.
21. Санкт-Петербургские ведомости. 1853.

### **Информация об авторе**

**Исмаилова Алмаз Муса – Кызы**, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории исторического факультета, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация; [almaz.ismailova@mail.ru](mailto:almaz.ismailova@mail.ru)

## НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ГОРЦЕВ КАВКАЗА И КАЗЕМБЕК

**М. А. Омаров**

*Дагестанский гуманитарный институт,  
г. Махачкала, Республика Дагестан, Российская Федерация*

**Аннотация.** Через призму исследований азербайджанского ученого Г.Н. Гусейнова посвященные изучению творчества Казем-бека, делается попытка дать оценку работам Казем-бека посвященных Народно-освободительному движению горцев и личности самого имама Шамиля. Характеризуется понятия политический ислам, мюридизм и шариат.

**Ключевые слова:** Казем-бек, Шамиль, Кавказская война, шариат, тасаввуф, политический ислам, мюридизм.

## PEOPLE'S LIBERATION MOVEMENT CAUCASIAN MUNICIPAL PERSONS AND KAZEMBEK

**Annotation.** Through the prism of research of the Azerbaijani scientist G.N. Huseynov, who studied the work of Kazem-bek, attempts to assess the work of Kazem-bek on the People's Liberation Movement of the Highlanders and the personality of Imam Shamil himself. The concepts of political Islam, muridism and sharia are characterized.

**Keywords:** Kazem-bek, Shamil, Caucasian War, Sharia, Tasavuf, political Islam, Muridism.

Одним из видных представителей передовой общественно-политической, научной мысли XIX столетия является Казембек Александр Касимович (1802-1870). Он был одним из основателей востоковедения в России.

Александром (Мирзой) Казем-Бекком написано более 110 научных трудов, большинство из них трактуют об общественно-политических и философских течениях на Востоке.

Особое место в научной деятельности М.Казем-Бека занимает исследование, посвященное народно-освободительному движению народов Кавказа. В 1859 г. в «Русском слове» была помещена работа М.Казем-Бека «Мюридизм и Шамиль». Этот труд является ценным источником для правильного понимания цели и причин Кавказской войны, для правильного представления Ислама и суфизма. Такая правильная оценка событий того времени поможет нам понимать суть джихада в исламе и противостоять призывам радикальных течений современности, толкающих мусульман на конфликты противоречащие принципам ислама. Так как экстремисты часто используют такие исторические события в своих корыстных целях.

Ценность этого трактата заключается в том, что он появился в тот период, когда резко возрос интерес русской общественности к Кавказу. В нём мыслитель определил и тонко подметил соотношение религии и политики в освободительном движении горцев Кавказа. М.Казем-Бек сумел дать не только изложение фактического материала в хронологической последовательности, и сделал ценные выводы о политическом характере мюридизма как движения горцев за освобождение. Он писал: «Шамиль и мюридизм тесно связаны между собою в русской военной литературе, но ни тот, ни другой не вошли ещё в словари, ни в лексическом, ни в историческом смысле. По этому, исполняя мое желание, я излагаю свое повествование так, чтобы оно и в том и другом отношении могло представить верный материал для русской литературы и науки»[3, с.22].

«Мюридизм и Шамиль» М.Казем-Бека расширил знания историков об этом предмете, получил признание российской общественности XIX века и в дальнейшем широко использовался в исследованиях ученых мира. Видным исследователем этой проблемы в Азербайджане был азербайджанский философ, общественный деятель, доктор философских наук, профессор, академик АН Азербайджанской ССР, Гейдар Наджаф оглы Гусейнов (1908-1950), который в книге «Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века» (1949) высоко оценил значение этого труда М.Казем-Бека. Г.Гусейнов писал: «Исследованиям М.Казем-Бека по вопросам мюридизма востоковеды уделяли большое внимание ещё в прошлом столетии, в том числе и Петр Позднеев».

Гейдар Наджаф оглы Гусейнов был одним из немногих, который старался объективно исследовать проблемы истории и философии Азербайджана и других стран Кавказа в условиях тоталитарного советского режима. В его работе было обнаружено, что в четвертой главе этой книги, посвященной Мирза Казем-Беку, изложены мысли автора, которые не соответствовали требованиям официальных властей. Именно в этой главе Г.Н.Гусейнов предпринял попытку выявить социальную сущность мюридизма, дал объективную, высокую оценку освободительному движению народов Кавказа под руководством имама Шамиля.

Важная часть IV главы этого труда Гейдара Гусейнова, посвященная труду «Мюридизм и Шамиль» М.Казем-Бека, начинается высказыванием М.Казем-Бека: «В имени Шамиля скрывается много мыслей исторических и патриотических..., он герой и создатель героев» [2, с. 230-241]. Цитирование этого высказывания М.Казем-Бека автором, неопровержимый показатель его огромной симпатии к личности имама Шамиля, к идеологии мюридизма, к освободительному движению народов Кавказа.

Г.Н.Гусейнов в указанном труде выступает как защитник освободительного движения горцев Кавказа под руководством имама Шамиля, оценивает мюридизм как прогрессивное общественно-политическое и философское течение, имеющее глубокие исторические корни и богатые традиции в огромном пространстве Ближнего и Среднего Востока. Он солидарен с выводом М.Казем-Бека о том, что Шамиль был избранником народа и в этом смысле его называли имамом (предводитель, вождь). Г.Н.Гусейнов особо отметил, что мюридизм имел место и в Азербайджане и как социальное движение, оно было направлено против колониального гнета царской России.

Таким образом, Г.Н.Гусейнов, анализируя труд «Мюридизм и Шамиль» М.Казем-Бека, занял объективную, прогрессивную позицию в исследовании проблем теории и истории мюридизма, освободительного движения народов Кавказа под руководством Шамиля и оставил неизгладимый след в истории философской, исторической мысли.

Мы считаем правильной мысль «Чтобы понять личность имама Шамиля и сущность мюридизма, необходимо обратиться к истории народов Кавказа, которая до сих пор по известным причинам не исследована объективно. К сожалению, горцы Кавказа были до недавнего

времени лишены возможности изложить собственное понимание своей истории. На протяжении более чем ста лет ее писали представители стороны «победителя», т.е. историки сначала царской, а впоследствии Советской России, которые по большей части имели смутное представление об истинных мотивах мусульманских движений на Кавказе в 19 в.. Вплоть до недавнего времени местные документальные источники были практически недоступны исследователям, широкой публике. Да и немногие имевшиеся местные источники были зачастую сугубо описательными и совершенно не раскрывали побудительных мотивов участников антиколониальной борьбы. Поэтому исследователям и поныне волей-неволей приходится полагаться на крайне необъективные труды в большинстве своем враждебно настроенных по отношению к суфийским движениям, в частности и к исламу в целом. Даже самые критически настроенные современные исследователи суфийских движений нередко оказываются под влиянием скрытых идеологических установок, присущих колониальной литературе о суфизме и исламе» [3, с. 341-343].

А мы пришли к выводу, что для того чтобы понять личность Имама Шамиля и мюридизма в прошлом и в настоящем надо обращаться не только к объективной исторической информации, но и к той науке на котором основывается мюридизм – науке тасаввуф. Как известно имам Шамиль и его последователи были истинными суфиями, то есть мусульманами срупулёзно следующими самым строгим нормам Шариата, то есть их все поступки полностью соответствовали науке тасаввуф. в научном сообществе есть такие понятия как политический суфизм. но в науке тасаввуф нет такого термина, а есть только термины: истинный и ложный суфизм. А политическим ислам или суфизм бывает тогда когда есть в этом необходимость. политика это необходимость человеческого общества. Так как ислам рассматривает человека как социальное существо и разъясняет все правила благополучия всего человечества и указывает на общие принципы решения всех проблем в обществе как ислам может быть аполитичным. Когда говорят что ислам не занимается политикой, это значит грязной политикой или ненужной политикой. Когда общество погрязь в несправедливости и нарушают права граждан мусульманин не должен быть равнодушным, а должен используя все свои возможности стараться испра-

вить положение, в том числе и политикой. а суфии это примерные мусульмане. Ислам уже давно призывает людей создавать гражданское или правовое государство, которое сейчас преподносят как новое явление. такое государство было создано пророком Мухаммадом. к этому же стремился и Имам Шамиль. Раньше не было другого варианта для защиты своих прав, кроме как теми методами, которыми пользовался и Имам Шамиль. Сейчас, когда говорят что суфии это мирные люди, это не значит, что они другие чем суфии во время Имама Шамиля. это значит, что сейчас есть другие мирные способы решения насущных проблем в том числе и защиты своих прав. Суфии, то есть истинные мусульмане всегда соблюдают шариатские законы. А эти законы не меняются, меняются ситуации, а в разных ситуациях используются разные законы. поэтому нет политического или аполитического мюридизма или суфизма, он один. но надо иметь в виду, что не все кто себя называют суфиями являются ими на самом деле.

Мы находим в научной литературе много искажений связанных именно с этим. Когда в таких источниках рассказывают о суфиях, они не делают никакого отличия между истинными и ложными. таким образом они обвиняют суфиев из-за неправильных поступков лжесуфиев, также из-за этого критикуют суфизм в целом. Нам надо прийти к общепризнанным научным истинам, что экспертом не может быть человек не имеющим глубокие знания в той области наук. Почему же экспертом в религиозных делах выступают люди не имеющие религиозного образования. Разве мы доверяем экспертной оценке в медицине, человеком не имеющим медицинского образования, сылаясь на то, что он прочитал некоторую медицинскую литературу. Разве религиозная наука проще понять чем медицину. У мусульман, в том числе и в Дагестане, практиковалось такое правило, что человек может стать Богословом обучаясь более 20 лет. Так учились наши алимы прошлого. Бедой нашего времени мы считаем то, что каждый кто немножко ознакомился с религиозной литературой считают себя экспертами. А ещё большей бедой является когда люди имеющие учёные степени по разным наукам тоже придерживаются этому принципу и верят таким «экспертам».

В советский период, и в наше время некоторые «исследователи» проблем истории и теории суфизма голословно критиковали и критикуют суфийские взгляды, не углубляясь в сущность этого мировоззрения, стараются «разоблачить» суфизм.

Некоторые учёные говорят, что захват Северного Азербайджана в первые десятилетия XIX столетия со стороны России дал огромный толчок появлению антироссийских настроений народов Кавказа, в том числе и у суфиев-мусульман. **Планы христианизации русского правительства этого региона вызвали обратную реакцию и это стало одной из основных причин Кавказской народно-освободительной войны во главе трёх имамов.** А согласно мнениям мусульманских богословов эта была свящённая война (газават), объявленная с целью сохранения ислама. Шамиль и тысячи участников движения против русского колониализма были вооружены, в первую очередь, могучими идеями Ислама: право человека, демократия и справедливость, и добились именно этого. В исламе любой человек должен иметь право на исповедание истинной религии, а когда его или других начинают насильно следовать другой религии, он имеет право отстаивать свои права, даже если придётся использовать оружие. А в наше время эта норма закреплена в международном праве. Людей, которые так защищают свои права мусульмане называют героями, если они погибли они становятся шахидами (свято-мучениками). Поэтому мы не имеем право отрицательно относиться к свято-мученикам или называть их фанатиками. Но по каким-то причинам Казембек говорит о Шамиле и его мюридах как о героях и потом как о фанатиках.

Мы бы хотели обратить ваше внимание на тот факт, где Казембек называет Имама Шамиля героем и создателем героев. Это мнение не противоречило мнению официальной власти и научного сообщества того времени и означало, что участники этой войны не были преступниками, поэтому их и не наказали. Также на основе этой работы мы можем делать вывод, который в корне отличается от вывода официальной власти царской России, а также представителей научного сообщества, которые считают, что в этой войне Имам Шамиль потерпел поражение, и что Имам Шамиль был пленён. Конечно в той политической обстановке царское правительство никак не могло допустить того, что они потерпели поражение. Но факт остается фактом. Факт первый - целью царского правительства было христианизация всего кавказского

народа, а целью имама Шамиля было сохранение ислама и мусульманской культуры и искоренение всех обычаев и традиций противоречащих закону шариата. а все остальные цели и задачи с обеих сторон были сопутствующими этим основным целям. После продолжительной войны царское правительство пришло к мнению, что та поставленная ими цель была неправильной, но открыто признавать этого не смогли, поэтому они по сути отказались от той цели и согласились на перемирие. а имам шамиль отказался от дополнительных целей и задач, которых он ставил перед собой, ибо они были поставлены для достижения главной цели. И пошёл на перемирие и нахождении горцев под юрисдикцией Росси с условием сохранения ислама и мусульманской культуры на кавказе. ему конечно было очень сложно верить обещаниям царской России из-за многократного обмана с их стороны. но ему объяснили, что в этом были виновны военачальники, а не правительство, а сейчас за это будут отвечать сам царь и его доверенные лица, и поэтому нет опасности в нарушении договорённостей. Учитывая всю сложную обстановку того времени Имам Шамиль уповая на Всевышнего пошёл на перемирие и он не ошибся. конечно, он хотел чтобы было ещё лучше, но воля Всевышнего была такова.

А согласно нашему выводу Имам Шамиль не мог проиграть, ибо он это всё делал ради Всевышнего Аллаха и в соответствии с Его законами. Это не просто слова, а факт. Потому что Он был суфийским шейхом, который по определению является любимцем Аллаха (вали) и поэтому не может поступать неправильно. В хадисе сказано, что всё исходящее от вали является исходящим от Аллаха. Если допустить, что он проиграл, то согласно вышеупомянутому хадису получается что Всевышний проиграл, а это абсурд, который не допускается в религии.

А по факту мы знаем, что Имам Шамиль пришел к главнокомандующему царской армии добровольно советовавшись со своими советниками. Он пришёл на переговоры, а не на капитуляцию. Как можно его назвать пленником, когда он ехал в Россию вместе с вооружённой охраной и сам был во всеоружии. В переговорах он вёл себя достойно и не выполнил ни одну проигришную просьбу. Он как всегда делал выводы на основе шариата и понял, что правильнее будет прекращать войну, если будет достигнута главная цель, ради которого они воевали. А этой целью была сохранение ислама и мусульманской культуры для народов Кавказа. После того, как царская армия взяла на себя обязанность не трогать религию и мусульманскую культуру, он и дал слово

прекращении войны. Может возникнуть вопрос, а почему он уехал в Россию, а не остался в родном Дагестане. Вполне логичным мы видим следующий вывод. Как известно несколько раз царская армия обещала Шамилю прекратить войну при определённых условиях. Шамиль выполнял эти условия, но его каждый раз обманывали. Но все равно в этом тоже наверно была какая то мудрость Всевышнего, ибо Шамиль не делал ничего без благословения Аллаха. А в этот раз царская армия действительно устала от войны и не видела лучшего варианта, чем соглашаться с некоторыми требованиями Шамиля. Они поняли свою ошибку в христианизации Кавказских мусульман. Но они боялись, что Имам Шамиль имея на то моральное право, в этот раз нарушить договор, так как они уже нарушали договор несколько раз. Поэтому они предложили Шамилю переехать в Россию и обещали ему и его окружению создать самые лучшие жизненные условия, чтобы быть уверенным в том, что горцы снова не поднимут оружие. Они судили по себе, а Шамиль был не из тех, которые нарушают договор. Видя их неуверенность Шамиль и согласился на это условие, ибо у него не было намерения продолжить войну после достижения главной цели – сохранения ислама. А все остальные цели этой войны они ставили для того чтобы достичь главной цели. Также общеизвестно как возвеличили Шамиля и его окружение – они получили очень много самых ценных подарков от самого царя и его окружения и потом обеспечили ему самые лучшие условия, которых никогда не ожидали мюриды.

Зачем воевал Шамиль и какова его основная цель мы видим из его ответа Даниял-беку: «Имам напомнил ему, что начинал борьбу не для войны с русскими, а для искоренения пороков и укрепления веры в своем отечестве. И что единственной мечтой его остается сохранность государства горцев и их веры, а в этом деле он полагается на Всевышнего Аллаха, а не на волю далеких держав. Желание же обладать тем, что тебе не принадлежит по праву, Шамиль считал делом пустым и богопротивным.

Увлеченный открывающимися перспективами, Даниял-бек не оставлял попыток убедить Шамиля прислушаться к своим советам. Но имам велел ему оставить дурманящие затеи до лучших времен, а пока заняться делами куда более насущными и постараться спасти Чечню, которую по кускам отрубал большой царский топор». Даниял-бек уговаривал его объединиться с другими странами против русских.

Также эту мысль подтверждают слова великого суфийского шейха трёх тарикатов Сайфуллаха-кади Башларова о том, что именно благодаря имаму Шамилю сохранилась ислам в Дагестане.

Изучая термин «фанатизм» в трудах современных философов мы видим, что отнести Имама Шамиля и его последователей к фанатикам невозможно. Называя их фанатиками, некоторые путают фанатизм с самоотверженностью и преданностью своему делу, в истинности которого они убеждены не слепо следуя за кем-то а на основе глубокого анализа и убеждения.

Мы знаем, что вопрос объявления священной войны (газавата) в начале 19 века обсуждался долго и основательно. Потом большинство представителей мусульманской богословии и суфизма пришли к мнению о необходимости защиты ислама с использованием силы. К этому они пришли и потому, что стало известно в том числе о планах христианизации Кавказа силовым путём, вдобавок тому, что уже шла работа в искажении мусульманских традиций и культурных ценностей кавказских народов. Мы должны знать, что суфии – это самые далёкие от фанатизма мусульмане. Если ученики (мюриды) суфийского шейха готовы выполнять приказы своих наставников, это не фанатизм а преданность. Разве мы называем солдатом выполняющих приказы командиров фанатиками. Суфии представляют жизнь как борьба с злом во всех его проявлениях, поэтому они обязаны выполнять приказы своих наставников, по другому никаких результатов не будет. Им зачем критически относиться к приказам своих наставников и ставит их выполнение под вопрос, когда они полностью доверяют их решениям. Далее Казимбек пишет, что «мюридизм между мусульманами есть нечто иное, как преданность духовному воспитателю». А газават это не только борьба, но и бой, а в бою обсуждать приказы – это неразумно. Фанатик – это отрицательный персонаж, а герой – положительный. Казимбек пишет о Шамиле, что «он был героем и создателем героев». Это означает, что участники тех войн были героями, готовые жертвовать самым дорогим ради народа, страны и прекрасного будущего.

Казембек пишет: « В этом мюридизме (мюридизм Татарстана) нет тени злоумышления: он основан на безвредных и даже полезных началах тариката. В Вятской губернии, в Малмыжском уезде, есть некто ишан Али, имеющий также маленький кружок мюридов, на которых он имеет сильное влияние, но это влияние служит к добру жителям той страны и распространению между ними благонравия. В бытность мою

в Вятской губернии, именно в Малмыже, я имел случай удостовериться, что жители деревни, в которой живет ишан, и даже соседние ведут себя гораздо лучше других татар: они не знают ни пьянства, ни казнокрадства, которыми вообще славятся наши татары. Даже в случае дразгов, неприятностей между татарами и казенных недоимок ишан наводит их на истинный путь и так улаживает дело, что окружное начальство остается им совершенно довольным».

Очень актуальным для нашего времени мы считаем, что пришло время уйти от такого ложного понимания Суфизма или тариката, что преставители суфизма иногда могут быть злыми и опасными. Нам пора понимать, что суфии опасными могут быть только тем гражданам и чиновникам которые несут зло в общество, в том числе и своей жадностью и корумпированностью. Истинные суфии – это и есть активные граждане своей страны, которые делают всё возможное для благополучия всех граждан государства. Разве не к этому призывает нас наше руководство. Везде есть и лицемеры и недобросовестные люди, в том числе и среди суфиев, но по ним нельзя судит невинных людей. Пока мы не видим полного доверия к представителям традиционного ислама и истинного суфизма. Истинные суфии далеки от лицемерия, если они говорят, что они призывают всех к благонравию и уважению ко всем людям и справедливости, то так оно и есть.

В вышеупомянутой работе Казембек пишет о Шамиле: «Действия его имели всегда характер искренности и бескорыстия». Также он пишет, что Шамиль делает всё по убеждению и у него много доброго и притворства я в нём не замечал. Исполнение всего того, что внушало его убеждению он подчинял правилам, диктованным холодным умом. Все деяния Шамиля свидетельствуют о его высоком уме, метком взгляде на вещи и чрезвычайно твердом характере. Также он пишет, что при встрече с ним я сказал ему: «многие именитые люди позавидовали бы теперь мне, беседующему с таким гостем..». Далее он пишет: «Меня более всего поразила в нем любовь к разговору о науках, конечно, таких, которые доступны дагестанским ученым. Шамиль со своим сыном, почти столько же, как он, сведущим в восточной мудрости, попеременно спрашивали меня о различных мусульманских ученых, об их сочинениях, о том, какими книгами я руководствуюсь в моем преподавании; учу ли толкованиям Корана, известны ли студентам мохаммеданские законы, по изданному ли мною курсу юриспруденции я читаю свои лекции и т. п... почти все время пребывания имама

у меня было проведено в чтении и ученом разговоре..». Из этого тоже становится ясно, что Шамиль главным и самым важным считал именно науку. это доказывает и тот факт, что во время этой войны в Дагестане сильно возрос уровень образованности и появились потом на основе этой работы много богословов с мировым именем.

Истинные суфии никогда злыми вредными и тем более опасными для общества не бывают и не станут ими никогда. Да, это правда, и в этом нет никакого сомнения.

### Список литературы

- 1.Бакиханов А.А. Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991, 304 с.
- 2.Гусейнов Г. Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века. Баку: Изд-во Ан Азерб. ССР, 1949, 734 с.
- 3.Казем –Бек М. Избранные произведения. Баку: Элм, 1985, 420 с.
- 4.Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм. Москва-Санкт-Петербург: «Диля», 2004, 453 с.
5. Сайфуллах-кади Башларов. Мавакиф ас-садат. Махачкала 2010.

### Информация об авторе

**Омаров Магомед Арипович**, старший преподаватель кафедры теологии и СГД, Дагестанский гуманитарный институт, г. Махачкала, Российская Федерация

## АРАБСКИЙ ЯЗЫК – ЯЗЫК МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ С СОСЕДНИМИ РЕГИОНАМИ В ИСТОРИИ ОДНОЙ ИЗ ДАГЕСТАНСКИХ НАРОДНОСТЕЙ – КУБАЧИНЦЕВ

**Г. Г. Тикаев**

*Дагестанский государственный университет,  
г. Махачкала, Республика Дагестан, Российская Федерация*

**Аннотация.** Один из древнейших населённых пунктов Дагестана - государство Зирехгеран (ныне - Кубачи) было известно далеко за ее пределами и, прежде всего, изготовлением различного оружия и военного снаряжения. С XIV-XV вв. в государстве Зирехгеран – Кубачи

наблюдается укрепление позиций ислама, которое привнесло и укрепило традиции художественного оформления мусульманских культовых сооружений. Вместе с исламом в Кубачи проникла высокая и передовая к тому времени арабо-мусульманская культура, наука, философия, медицина, художественная литература стран Ближнего и Среднего Востока. Некоторые жители государства Зирехгеран стали в то время обладать достаточно богатыми и завидными коллекциями научной и религиозной литературы. Именно в этот период арабский язык там получает широкое распространение и становится языком не только межкультурной коммуникации в регионе, но и языком науки, поэзии и делопроизводства. Во многих прилегающих и относящихся к государству Зирехгеран поселениях был хорошо налажен процесс самостоятельного изготовления бумаги и чернил. Содержание изученных нами писем, хранящихся сегодня в Госэрмитаже (г. Санкт-Петербург), свидетельствует об имевшем место богатом культурно-историческом опыте и традициях жителей, говорящих на кубачинском языке.

**Ключевые слова:** Зирехгеран - Кубачи, школа переписчиков, письма кубачинского происхождения, Госэрмитаж.

**ARABIC LANGUAGE - LANGUAGE OF INTERCULTURAL  
COMMUNICATION WITH NEIGHBORING REGIONS  
IN THE HISTORY OF ONE OF THE DAGESTAN  
ETHNIC GROUPS – KUBACHINS**

**Annotation.** One of the oldest settlements of Dagestan - the state of Zirekhgeran (now - Kubachi) was known far beyond its borders and, above all, for the producing of various weapons and military equipment. From the XIV-XV centuries in the state of Zirekhgeran - Kubachi, there is a strengthening of the Islamic position, which brought and strengthened the traditions of artistic decoration of Muslim religious buildings. Together with Islam, high and advanced by that time Arabic-Muslim culture, science, philosophy, medicine, and fiction of the countries of the Near and Middle East penetrated into Kubachi. At that time, some residents of the state of Zirekhgeran began to possess quite rich and enviable collections of scientific and religious literature. It was during this period when the Arabic language there became widespread and became the language not only of intercultural communication in the region, but also the language of science, poetry and paperwork.

In many settlements adjacent to the state of Zirekhgeran, the process of self-production of paper and ink was well established. The content of the letters we studied, which are stored today in the State Hermitage (St. Petersburg), testifies to the rich cultural and historical experience and traditions of the Kubachi-speaking residents.

**Keywords:** Zirekhgeran - Kubachi, school of copyists, letters of Kubachi origin, State Hermitage.

Средневековые письменные источники на арабском и персидском языках, археологические данные, а также памятники искусства и эпиграфики свидетельствуют о том, что государственное образование - Зирехгеран (ныне - Кубачи) является одним из древнейших населённых пунктов Дагестана. Оно было известно далеко за ее пределами и, прежде всего, изготовлением кольчуг и различного оружия, а также военного снаряжения. В персидских источниках название Зирехгеран встречается еще с VI века и в переводе с персидского означает – «кольчужники». Известный арабский историк ал-Белазури (ок. 820-892 гг.), в своем сочинении «Китаб футух ал-булдан» («Книга завоевания стран»), описывая события VI века, связанные с правлением иранского шахиншаха Хосрова Ануширвана (531-579 гг.), в период царствования которого были возведены грандиозные оборонительные сооружения Дербента, писал, что тот назначил царей в каждой отдельной области Дагестана (Лакз, Табасаран, Хамзин, Гумик, Серир, Филан) и «утвердил владетеля Зирикирана, обязав его платить ему подати» [1].

В XV веке это государство стало называться «Кубачи», что в переводе с тюркского также означает «кольчужники». Население Зирехгерана, несмотря на занятость своим главным ремеслом - изготовлением и декоративным оформлением оружия, занималось также земледелием и скотоводством. В состав Зирехгерана в разные периоды средневековья входили такие аулы, как – Кубачи, Амузги, Сулевкент, Шири, Анчибачи, Кубасана, Дацамаже и Дешиже.

Наибольшего же расцвета высокоразвитое искусство изготовления и оформления холодного оружия кубачинцев получило в XIV-XV вв. Именно к этому периоду времени приходится укрепление позиций ислама в государстве Зирехгеран - Кубачи, которое привнесло икрепило традиции художественного оформления мусульманских культовых сооружений. Запреты ортодоксального ислама изображать живые

существа, жесткие каноны ислама направили творчество мастеров на совершенствование орнамента, который «в эпоху средневековья становится художественно совершенным, необычайно богатым по своим видам и многообразным композиционным решениям» [2]. Вместе с исламом в Кубачи проникла высокая и передовая к тому времени арабомусульманская культура, наука, философия, медицина, художественная литература стран Ближнего и Среднего Востока. Большое количество рукописных книг по арабскому языку, грамматике, логике, мусульманскому праву, риторике, словарей было сосредоточено, например, в библиотеке кубачинской Джума-мечети. Здесь следует также отметить, что некоторые жители государства Зирехгеран обладали достаточно богатыми и завидными коллекциями научной и религиозной литературы. Именно в этот период арабский язык получает широкое распространение и становится языком не только межкультурной коммуникации в регионе, но и языком науки, поэзии и делопроизводства.

Из истории нам известно, каких высот и необыкновенного мастерства в арабской каллиграфии достигли переписчики Зирехгерана - Кубачи. По мнению проф. Шихсаидова А.Р., Зирехгеран в XV–XVII вв. был «...одним из выдающихся центров и другой формы художественного творчества – здесь была организована работа по тиражированию памятников письменной культуры, переписке арабских рукописей, поступавших из стран Ближнего и Среднего Востока, удовлетворяя, таким образом, запросы духовной элиты Дагестана...»[3]. Кубачинца - художника в душе, не могла не манить арабская вязь. Огромное значение придавалось орнаментальной форме исполнения арабского письма. Многим кубачинцам еще с детства знакомо орнаментальное единство и гармония в характере изгибов, сильно смахивающее на вертикальное положение арабских букв. Многие арабские авторы (например, ал-Казвини) утверждали о том, что в Зирехгеране особо уважаемыми были образованные люди. Они часто приглашали к себе чужеземцев, которые хорошо разбирались «в науке или каллиграфии», щедро награждали их [4]. Как отмечает Гаджимурадов М.Т. в работе «Средневековый Зирехгеран», на его территории единственным общепринятым письменным языком с XIII-XIV в. стал – арабский. Во многих прилегающих и относящихся к государству Зирехгеран поселениях был хорошо налажен процесс самостоятельного изготовления бумаги и чернил [5].

Несмотря на то, что Зирехгерану-Кубачи, как всемирно-известному центру декоративно-прикладного искусства, посвящено множество исследований, однако, до сих пор не выявлены какие-либо письменные источники, документально подтверждающие историю и различные стороны жизни этого государства. Как отмечает известный исследователь истории культуры Кубачи Анатолий Алексеевич Иванов (ведущий научный сотрудник Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге), - «единственными источниками по истории Кубачи являются памятники искусства. Они делятся на 3 группы: а) могильные камни, б) рельефы с изображением живых существ, растительным орнаментом и надписями; в) бронзовые котлы «открытого» и «закрытого» типов» [6, стр. 215]. Материалом для настоящего исследования послужили письма кубачинского происхождения на арабском языке, хранящиеся сегодня в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург). По мнению Рукият Шарафутдиновой, - сотрудницы Санкт-Петербургского филиала института востоковедения РАН, эта коллекция, «является единственной и уникальной» [7, стр. 209].

Трудно объяснить сегодня, с чем связано отсутствие в научном обороте памятников арабоязычной письменной культуры кубачинского происхождения. Вероятно, что жителей, говорящих на кубачинском языке, любящих и ценящих все старинное, красивое и редкое, добывающих все это своим трудом и талантом, трудно склонить к тому, чтобы они расстались с каким-либо предметом из своей ценной коллекции. Очень возможно, что письменные памятники будут обнаружены в самое ближайшее время. Как отмечает А.Р.Шихсаидов, археографические экспедиции открывают сегодня все новые и новые рукописные коллекции, которые в различных регионах Дагестана еще содержат до 400 крупных коллекций. Число книжных собраний «огромно, оно практически неисчерпаемо» [8, стр. 6].

Арабский язык, получил широкое распространение в Зирехгеране – Кубачи, в дальнейшем оставаясь языком межплеменного и регионального общения вплоть до 20-х годов XX века [9, стр. 209]. Сегодня переведена и исследована незначительная часть писем кубачинского происхождения (всего их ок. 100 шт.). Но и это позволяет нам сегодня говорить, что перед нами открывается много нового и интересного об истории и жизнедеятельности государства Зирехгерана - Кубачи.

Как известно, эпистолярный жанр в Дагестане продолжал средневековые традиции всего мусульманского Востока, для которой характерной особенностью была попытка выработать письменный деловой язык и определенный этикет составления послания. Одним из идеалов изящного письма на Востоке было принято считать наличие гипербола, риторических аксессуаров и нагромождений, что получили отражение и в некоторых письмах кубачинского происхождения. Однако в письмах кубачинского происхождения, это изящное письмо не глушит основную их мысль и, скорее всего, это было связано с одной из важных составляющих языковой специфики исследуемых нами писем, - присутствием в них профессиональной лексики златокузнецов. Помимо того, что в письмах встречаются выражение просьб некоторых правителей закупить или заказать какой-либо вид оружия, мы часто встречаем письма, представляющие собой официальную переписку жителей Зирехгерана – Кубачи с правителями, как местного значения, так и с более отдаленных земель. Здесь встречаются такие географические названия, как – г. Тифлис (تفليس, г. Тбилиси, Грузия), г. Дербент (دربند), г. Баку (بكو, Республика Азербайджан), г. Темир-Хан Шура (الشراهي - ныне г. Буйнакск), г. Маджаллис (مجالس, Республика Дагестан), с. Шарьи (الشرعي) ныне в Агульском районе РД), с. Усиша (اسيشي – ныне в Акушинском районе РД), государство Кала-Корейш (قراقريش – ныне в Дахадаевском районе РД) и т.д. В более поздний период, можно встретить переписку с властями Российской империи, например, с такими известными личностями в истории, как с правителем Северного Дагестана - Орбелиани, правителем Западного Дагестана - Чавчавадзе, Генералом и князем Российским, владельцем Буйнакским - Абу-Муслим-ханом Тарковским и т.д. В основном, эти письма были возваниями этих правителей к кубачинскому обществу (джама'ату), судебные решения, наложение штрафов, жалобы, прошения и т.д. Все письма кубачинского происхождения написаны на арабском литературном языке. Вместе с тем, следует отметить, что в текстах писем нередко можно встретить кубачинские слова (записанные арабскими буквами – т.е. на аджаме). Они отражают определенный характер профессиональной лексики кубачинцев, распространенной в тот период и забываемый сегодня. Это, например, пистолет черкесского типа – «джаркас», цвет «Михик» (т.е. гвоздики), особый вид ружейного затвора – «Куба-Крым» и кожа «Сагъре» (т.е. особый вид шагреновой кожи) и т.д. и т.п.

Помимо заказов редкой и высокохудожественной работы, правители соседних регионов в своих письмах к властям Зирехгарана часто обращались с просьбами продать или предоставить им на время различную учебную или религиозную литературу. Это можно объяснить просто, ибо большинство известных в мусульманском мире религиозных книг и учебной литературы для соседних регионов переписывалось профессиональными переписчиками Зирехгарана. Эти копии пользовались большой популярностью не только в Дагестане. Так, например, в переписках часто фигурируют наиболее популярные в мусульманском мире труды ученых по мусульманскому законодательству (например, сочинение «Джама' ал-джавами» [10] известного шафитского правовед-а Абд ал-Ваххаба Тадж ад-Дина ас-Субки (род. в 727 г.х./1327 г. - ум. в 771 г.х./ 1370 г.)); труды, посвященные суннитскому вероучению (например, трактат “аль-‘Ака’ид ан-насафийя” — «Символ веры» — книга Абу Хафса ан-Насафи). Абу Хафс ан-Насафи родился и жил в городе Насаф (ныне г. Карши в Узбекистане), который был одним из центров исламских наук в Средней Азии [11]. Встречаются также известные труды по логике («Аррисалат аш-шамсия фи-лкава'ид ал-мантикаия». Автор Наджмуддин Казвини «Дабирон», ум. в 1276 г.). Это сочинение имело широкое распространение и в Дагестане<sup>1</sup>) и т.д.

Содержание изученных нами писем свидетельствует об имевшем место богатом культурно-историческом опыте и традициях жителей, говорящих на кубачинском языке. Среди его жителей особо уважаемым был статус образованного человека. Бережное отношение к популярным на Востоке сочинениям, имеющимся у них в собственности, свидетельствует о большом почтении жителей этого аула к наукам и, как отмечает сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН Р.Шарафутдинова, об их «высоком уровне книжной грамотности» [12, с. 209]. Здесь думается, не будет лишним привести в качестве примера следующее письмо:

---

<sup>1</sup> Примечания к этому трактату в свое время написал известный дагестанский алим Давуд из Усиша (ум. в 1757 г.), обладатель весьма больших познаний в области арабской филологии, который считается одним из первых учителей арабской филологии в Дагестане (подр. см:<http://islamdag.ru/lichnosti/26614>).

«Любезнейшему нашему кунаку Ахмад-хану, сыну Амира-Хамзы Кубачинского.

Мир Вам и милость (Аллаха) над (всеми) Вами!

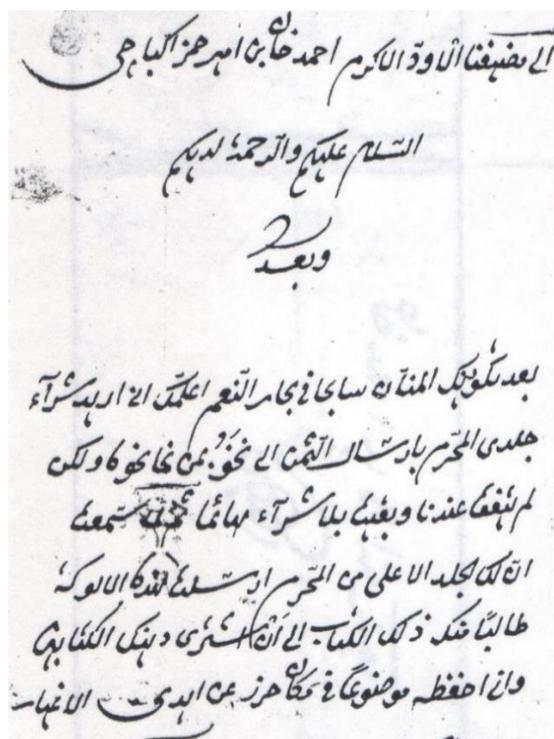
А затем:

После пожелания (Вам того), чтобы Вы, блаженствуя, пребывали в счастливой жизни, уведомляю Вас, что я намеревался купить два тома «ал-Мухаррара», отослав деньги в Наху через того, кто отправлялся туда. Однако у нас ничего не вышло, и я, оставшись без приобретения безумно желаемого (мною сочинения) и услышав, что у Вас есть пер-

вый том «ал-Мухаррара», посылаю к Вам это письмо, прося у Вас дать мне эту книгу для пользования до того периода времени, как я приобрету (себе) те два тома. Я обязуюсь хранить его, поместив в такое место, куда не дотянутся чужие руки и где он не покроется пылью...».

Здесь следует отметить, что известный в ученом мире трактат по мусульманскому праву «ал-Мухаррар» часто переписывался жителями Зирехгерана и пользовался большой популярностью во всем Дагестане. Он принадлежит известному правоведу-шафииту имаму Абу-л-Касиму Абдалкариму ар-Рафии ал-Казвини (ум. ок. 613/1226 г.). К этому сочинению было написано много комментариев. Один из таких комментариев "Шарх ал-Иджаз", принадлежавших выдающемуся ученому Махмуду ибн Мухаммаду ал-Кирмани переписал житель Зирехгерана – «... самый немощный из рабов Всевышнего Аллаха... Абу Бакр (Абу-бакар), сын Мухадаи ал-Джабали аз-Зерехгерани ... в восемьсот сорок втором году хиджры пророка..."[13] (что соответствует июню 1438 г. по григорианскому календарю).

В заключение следует отметить, что изучение арабоязычных писем кубачинского происхождения, является важным звеном в исследовании роли арабского языка в истории культурных взаимоотношений народов не только Дагестана, но и соседних регионов. Введение в научный оборот памятников арабоязычного эпистолярного жанра Зирехгерана-Кубачи посредством их перевода и анализа, несомненно, внесет



много ценного и нового в историю изучения взаимоотношений этих народов, а также прольет свет на многие стороны их общественно-политической и культурной жизни. Это предоставит также возможность исследователям использовать эти памятники уже в историческом контексте, одновременно обращаясь к другим источникам.

### **Список литературы**

1. Маммаев М.М. Кубачи – столица государственного образования Зирехгеран и крупный центр средневековой художественной культуры. URL (UniformResourceLocator – унифицированный указатель ресурса): <https://history.wikireading.ru/384309> (дата обращения 09.02.2019 г.)

2. Маммаев М.М. Кубачи – столица государственного образования Зирехгеран и крупный центр средневековой художественной культуры. URL (UniformResourceLocator – унифицированный указатель ресурса): <https://history.wikireading.ru/384309> (дата обращения 09.02.2019 г.)

3. Шихсаидов А.Р. Дагестанские святыни. Книга третья. Зерехгеранская школа переписчиков (<https://history.wikireading.ru/395718>. Дата обращения 09.02.2019 г.).

4. Гаджимурадов М.Т. Средневековый Зирехгеран. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Махачкала, 2004 г. Подробнее об этом см.: <http://cheloveknauka.com/srednevekovyy-zirihgeran#ixzz4up3moFyM>  
<http://cheloveknauka.com/srednevekovyy-zirihgeran> (дата обращения - 09.02.2019 г.).

5. Гаджимурадов М.Т. Средневековый Зирехгеран. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Махачкала, 2004 г. Подробнее об этом см.: <http://cheloveknauka.com/srednevekovyy-zirihgeran#ixzz4up3moFyM>  
<http://cheloveknauka.com/srednevekovyy-zirihgeran> (дата обращения - 09.02.2019 г.).

6. Иванов А. Персидские надписи из Кубачи // Rivista degli Studi Orientali. Roma, 1987. V. LIX. P. 215

7. Восток: прошлое и будущее народов (новые подходы в теории и методиках востоковедных исследований). Тезисы докладов и сообщений. Махачкала, 1-5 октября 1991 г. Том II. Политология, история и литературоведение. М., 1991. С.209.

8. Шихсаидов А.Р. Востоковедные исследования в Дагестане. Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. 2014. №4

9. Восток: прошлое и будущее народов (новые подходы в теории и методиках востоковедных исследований). Тезисы докладов и сообщений. Махачкала, 1-5 октября 1991 г. Том II. Политология, история и литературоведение. М., 1991. С.209.

10. <http://majles.alukah.net/t27617/> (Дата обращения 10.02.2019 г.).

11. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Наджмуддин\\_ан-Насафи](https://ru.wikipedia.org/wiki/Наджмуддин_ан-Насафи) (Дата обращения 10.02.2019 г.).

12. Восток: прошлое и будущее народов (новые подходы в теории и методиках востоковедных исследований). Тезисы докладов и сообщений. Махачкала, 1-5 октября 1991 г. Том II. Политология, история и литературоведение. М., 1991. С.209.

13. Шихсаидов А.Р. Дагестанские святые. Книга третья. Подробнее см.: <https://profilib.com/chtenie/28602/amri-shikhsaidov-dagestanskije-svyatyni-kniga-tretya-21.php> (Дата обращения 10.02.2019 г.).

### **Информация об авторе**

**Тикаев Гусейн Гаджибрагимович**, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой арабской филологии факультета востоковедения, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация.

## **ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНЦЕ XX - НАЧАЛЕ XXI ВВ.: ПУТЬ К МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОМУ ДИАЛОГУ**

**Д.Р. Тумалаев**

*Дагестанский гуманитарный институт;  
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского  
научного центра Российской академии наук,  
г. Махачкала, Республика Дагестан, Российская Федерация*

**Аннотация.** К концу XX - началу XXI веков Северный Кавказ продолжал оставаться самым поликонфессиональным регионом России включающим в себя разнотипные субъекты Федерации. А обозна-

чение этой территории «зоной геополитических интересов» ряда зарубежных стран, подвергло их население массированному воздействию разнородных зарубежных христианских и мусульманских миссионерских групп. Данная статья посвящена анализу состояния религиозных организаций Республики Дагестан, Кубани, Ставрополя и Ростовской области в 1990-2000-х годах. Автором изучены основные векторы, по которым велось контактирование между религиозными сообществами разных субъектов РФ на Северном Кавказе. Также сделана попытка определить основное содержание и цель межконфессионального диалога на Северном Кавказе.

**Ключевые слова:** Северный Кавказ, диалог, конфессии, ислам, христианство.

## THE ACTIVITIES OF RELIGIOUS COMMUNITIES OF THE NORTH CAUCASUS IN THE LATE XX - EARLY XXI CENTURIES: THE PATH TO INTERFAITH DIALOGUE

**Abstract.** The North Caucasus continued to remain the most multi-confessional region of Russia, including diverse subjects of the Federation by the end of the 20th and the beginning of the 21st centuries. The designation of this territory as a “zone of geopolitical interests” of a number of foreign countries exposed their population to the massed impact of heterogeneous foreign Christian and Muslim missionary groups. This paper is devoted to the analysis of the state of religious organizations of the Republic of Dagestan, Kuban, Stavropol and the Rostov Region in the 1990-2000s. The author researched the main vectors by which contact was made between religious communities of different subjects of the Russian Federation in the North Caucasus. An attempt was also made to determine the main content and purpose of interfaith dialogue in the North Caucasus.

**Key words:** North Caucasus, dialogue, confessions, Islam, Christianity.

**Введение.** На сегодняшний день, определяющей чертой религиозной ситуации в современной России является свобода вероисповедания, предполагающая защиту прав верующих и улучшение своей законодательной базы. Принимая во внимание то, что межрелигиозное взаимопонимание является важнейшим условием сохранения стабильности в России, в числе основных причин ее отсутствия следует отметить

аберрацию у рядовых представителей различных культур, народов и религий, особенно у молодежи, адекватного представления друг о друге. В ряде случаев происходит формирование информационного вакуума о позитивных результатах межконфессионального и иного взаимодействия. Причем последнее намного опаснее, так как образующийся вакуум стремительно заполняется взаимным недоверием и аллегорическими мифами. Это в свою очередь порождает беспричинную и поэтому наиболее острую и последовательную ненависть к иноверцам и позволяет не распространять на них собственные моральные установки. Возникая из культурного вакуума, позиция отторжения «других», являясь проявлением убежденного из вне подсознания, не требует от своего носителя веской аргументации и объяснения причин ее возникновения, так как до предела насыщена мифическими воззрениями. Поэтому с ней весьма сложно бороться с помощью контраргументов, которые воспринимаются не иначе как нападки на традиционные религиозные, этнические и культурные догматы. Однако, выход из складывающихся коллизий есть. Поскольку для современного человека, а особенно молодого человека, собственный опыт намного убедительнее чужого мнения, то основной формой реализации данной задачи является непосредственное общение активных представителей различных культур, народов и религий, вовлечение их в осуществление совместных инициатив, сопровождающееся развенчанием мифологизированных конструктов. Причем эта деятельность должна осуществляться не в рамках «общей беседы», а на уровне конкретного обсуждения и выработки решений реальных проблем. И одной из основных направлений для проведения в жизнь такого рода диалогов и встреч является деятельность религиозных организаций субъектов Северного Кавказа в конце XX - начале XXI веков. Принимая во внимание все разнообразия государственных образований этого региона, и понимая сложность их полноценного освещения в рамках одной статьи, было решено показать межконфессиональное взаимодействие между организациями Республики Дагестан и традиционно «русских регионов» Северного Кавказа (Ставрополья, Кубани и Ростовской области). Следует отметить, что в рамках заявленной тематики некоторые аспекты были затронуты в материалах международных и региональных научно-практических конференций [1,2,3,4,], коллективных монографиях [5.6], а также трудах сотрудников Управления по делам

религий Республики Дагестан К.М. Ханбабаева [7], М.М. Омаровой[8] и Т.О. Омаровой[9]. Однако, имеющиеся данные не позволяют в полной мере охарактеризовать весь спектр складывавшихся взаимоотношений и носят сугубо фрагментарный характер.

Отметим, что при изучении межрелигиозной обстановки, сложившейся на территории рассматриваемых регионов в 1990-2000-х годах, особенно выделяется активная деятельность двух монотеистических конфессий- христианства и ислама. Оценивая их взаимоотношенность В.О. Бобровников отмечал: «Соприкосновение двух этнокультурных полей – исламского и православного – при недостатке опыта социокультурного взаимодействия и незначительной аккультурации создавало напряжение, проявляющееся в эпизодических конфликтах»<sup>1</sup>. Поэтому в статье в рассматриваемых географических рамках встал правомерный вопрос об определении характера взаимодействия как внутри самих конфессий, так и о построении отношений с иными религиями. В этой связи, как для Российского правительства, так и для властных структур ЮФО регулирование конфессиональной ситуации в этом федеральном округе в исследуемое время являлось одной из наиболее сложных и первостепенных задач. Ситуация в изучаемом регионе настоятельно требовала и продолжает требовать детального изучения всех тонкостей бытования монотеистических верований на Северном Кавказе, и принятия незамедлительных решений на пути их вывода от скрытого противостояния к взаимодействию на благо Родины.

**Мусульманские общины Северного Кавказа в конце XX-начале XXI веков.** Крупные демократические преобразования, произошедшие в нашей стране в конце XX века, позволили религии обрести широкую публичную значимость. В результате значительная часть населения открыто перешла на религиозные позиции, породив к жизни процесс, который нередко характеризуют как религиозное возрождение. Особенно ярко среди исследуемых регионов процесс возрождения ислама и исламских традиций проявился на территории Республики Дагестан.

---

<sup>1</sup> Бобровников В. Уроки «исламского возрождения» на Российском Кавказе. *Наука и образование против террора*. Режим доступа: [http://scienceport.ru/analytics/uroki-islamского-vozhzhdeniya-na-rossiyskom-kavkaze/?sphrase\\_id=4998](http://scienceport.ru/analytics/uroki-islamского-vozhzhdeniya-na-rossiyskom-kavkaze/?sphrase_id=4998)

Например, если в 1985 году на Северном Кавказе было зарегистрировано около 80 мечетей [10, с. 203], то к концу 2000-х годов, по данным Министерства по национальной политике РД, только в Дагестане их количество их составило 2396 организаций и 2121 функционирующую мечеть<sup>1</sup>. В то же время мы должны принимать во внимание, что более 90% населения республики считают себя мусульманами. Уже в 1987-1988 гг. по республике прокатились выступления верующих, требовавших прекратить гонения на религию, разрешить строительство мечетей, уравнивать верующих в правах с атеистами. В некоторых селах верующие вступали в конфликт с местными властями, требовали передать под мечети здания сельских клубов, администраций, ввести в школах раздельное обучение мальчиков и девочек, и т. п. Апогеем недовольства положением дел в работе управления мусульманами стали большие претензии к руководству Духовного Управления мусульман Северного Кавказа. Исламские активисты в Дагестане обвиняли муфтия М.Геккиева в сотрудничестве с КГБ и нарушении норм исламской морали. В мае 1989г. толпа верующих ворвалась в здание Духовного Управления в Махачкале и изгнала оттуда муфтия<sup>2</sup>. В результате было образовано Духовное управление мусульман Дагестана, взявшее на себя роль флагмана в делах мусульман республики.

Несколько иная картина распространения ислама сложилась в традиционно «русских» регионах Северного Кавказа. Так, в Ставропольском крае, где около 6% населения являются приверженцами исламской религии к 2011 году функционировали 19 зарегистрированных мусульманских общин, подчиненных Духовному управлению мусульман Карачаево-Черкесии и Духовному управлению мусульман Ставрополя, и 24 религиозные группы<sup>3</sup>. Однако, регистрация мусульманских общин в Ставрополье не везде шла успешно. Так, в поселке Чернолесский Новоселицкого района власти не только не стали регистрировать исламскую общину, но и запретили местным мусульманам собираться

---

<sup>1</sup> Справка о религиозном состоянии в Республике Дагестан // Центральный Государственный Архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 1585-р. Оп. 2. Д. 41. Л. 11.

<sup>2</sup> Суннитский фундаментализм в политических реалиях Юга России. Юг России. Инфо. Режим доступа: [http://southru.info/1139076429-sunnitskiy\\_fundamentalizm\\_v\\_politicheskikh\\_realiyah\\_yuga\\_rossii.html](http://southru.info/1139076429-sunnitskiy_fundamentalizm_v_politicheskikh_realiyah_yuga_rossii.html)

<sup>3</sup> Халидова О.Б., Халилова А.С., Ильясова М.К. Общественно-политические взаимоотношения Республики Дагестан со Ставропольским краем в 2000-е годы. *Современные проблемы науки и образования*. 2012. № 6. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7419>

для совершения молитвы в одном из честных домов, мотивируя это тем, что в поселке живут православные христиане, а собрания мусульман подрывают их устои[11. С. 124].

В тоже время Духовное управление мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края, учрежденное еще в 1991 году, к концу 2000-х годов включало в себя 12 районных, 3 городских (в городах Майкоп, Краснодар, Адыгейск) религиозных организаций мусульман, а также 51 мечеть, 7 из которых действуют на Кубани, а остальные в Адыгее.<sup>1</sup> В целом же численность мусульманского населения в этих двух органично связанных субъектах к 2004 году составляла чуть более 3% в Краснодарском крае при общей численности населения 5 330 тыс. чел. и почти 24 % в Адыгее[12].

Положение мусульман в Ростовской области в изучаемый период также отмечается численным ростом приверженцев данной религии. Если в 1989 год у области насчитывалось около 67000 человек<sup>2</sup>, то согласно Всероссийской переписи 2002 г. их число увеличилось и составляет около 110 тысяч человек (примерно составляет 2,5% от всего населения)<sup>3</sup>. При этом отмечалось, что повышение численности мусульман Ростовской области произошло за счет некоторых групп выходцев с Кавказа, а именно даргинцев, аварцев, лезгин и азербайджанцев[13. С. 134]. Одним из сложных моментов в развитии мусульманских общин Ростовской области стал процесс организационного размежевания внутри конфессии. Там в конце прошлого столетия были созданы два управления мусульман - Центральное духовное управление мусульман Ростовской области и Главное духовное управление мусульман Ростовской области. Разногласия, возникшие между руководителями этих двух управлений, в определенной степени не позволили консолидировать мусульманскую общину области. При этом деятельность этих духовных управлений не распространялась за пределы собственно Ростовской области[13. С. 135].

**Христианские организации Дагестана, Кубани Ставрополя и Ростовской области в 1990-2000-х гг. Как уже отмечалось выше,**

---

<sup>1</sup> Религия в республике Адыгея. *Словари и энциклопедии на академике* Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/2038>

<sup>2</sup> Краткая социально-демографическая характеристика населения Ростовской области: по данным Всесоюзной переписи. Ч. 1. Ростов н/Д, 1991. С. 199..

<sup>3</sup> Ростовская область в цифрах 2003. Статистический ежегодник. Ростов н/Д, 2004.. С. 44.

Северный Кавказ в исследуемый период неоднократно провозглашался поликонфессиональным регионом, в котором представлена вся палитра религиозных направлений. Отследить это, во многом, позволило принятие в 1997 году Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», регулировавшего порядок регистрации религиозных организаций, возлагавшееся на Министерство юстиции страны<sup>1</sup>. В результате многочисленные религиозные общины получили право юридически оформить свой статус. В то же время численность регистрируемых организаций в каждом из регионов отличалась. Так, по замечанию Председателя комитета по делам религий РД А.М.Магомедова, в Республике Дагестан в середине 90-х годов прошлого столетия «наиболее активно проходила регистрация протестантских общин» в сравнении с исламскими организациями [14. С. 10].

Рассматривая Республику Дагестан, хочется отметить, что испокон веков республика являлась ареалом компактного сосуществования трех мировых религий: христианства, иудаизма и ислама. По сообщению заместителя начальника управления по государственно-конфессиональным отношениям Сулеймана Магомедова, к 2011 году в Дагестане действовало помимо исламских, 50 христианских (в том числе 19 православных, 28 протестантских, 2 армянских религиозных общества, 1 общество древлеправославных) и 5 иудейских общин<sup>2</sup>. Возникновение такого числа не православных организаций в республике, связако здесь, как и в других регионах, с деятельностью *западных миссионеров, пытавшихся в 1990-е годы создать на Северном Кавказе свои миссии. Так, американцем Гербертом Греггом из организации World Team, в 1995г. в Махачкале была основана Церковь «Благая Весть». В результате миссионерской активности Пастора Грегга появилось около 7 общин, состоявших в основном из представителей народов Дагестана. В каждой из этих общин в то время состояло не более 50*

---

<sup>1</sup> Правила регистрации уставов (положений) религиозных объединений/ *Российская газета*. 23 марта 1995 г.

<sup>2</sup> Папа для Дагестана. *Обзор СМИ. Медиа-сервис*. Режим доступа: [http://www.obzor-smi.ru/dagestan/9453-papa\\_dlya\\_dagestana.html](http://www.obzor-smi.ru/dagestan/9453-papa_dlya_dagestana.html)

человек. Однако после отъезда пастора на родину к 2000 году осталась функционировать лишь одна пятидесятническая община, состоявшая в основном из студентов-дагестанцев<sup>1</sup>.

На смену Греггу в Дагестан прибыла группы протестантских миссионеров из США и Норвегии. В период пребывания в Дагестане они активно пропагандировали и распространяли среди жителей Дербентского, Табасаранского, Хивского и Магарамкентского районов свое вероучение. В процессе длительной и целенаправленной работы им удалось сформировать устойчивое религиозное общество. Однако, иностранца довольно часто игнорировали требования российского законодательства и систематически нарушали порядок и режим пребывания на территории РФ, за что к концу 2000-х годов были выдворены за пределы Российской Федерации [15. С.49].

Несмотря на то, что Дагестан вплоть до конца 200-х годов находился в зоне интересов протестантских миссионеров, уже в 2002 г. в ходе соцопроса населения республики в рамках федеральной целевой программы «Интеграция» 82,7 % молодежи в возрасте до 25 лет считали, что распространение новых, нетрадиционных религиозных движений и культов (ваххабитские, протестантские общины и т.п.) является главной причиной существующей напряженности во внутри- и межконфессиональных отношениях.

Так, один из координаторов евангельской миссии в Дагестане М.Наконечный, говоря в целом об успешном визите миссии, отмечал, что он «был омрачен действиями и высказываниями мусульман и православных христиан, срывавших рекламные плакаты миссии и требовавших отъезда проповедников из Дагестана» Подлинной причиной конфликтной ситуации являлся неприкрытый прозелитизма в отношении мусульман с использованием финансовых возможностей западных миссионерских организаций [6. с. 98].

Структура христианских организаций традиционно русских регионов Юга России не отличалась от Дагестана разнообразием. Так, в Ставропольском крае на 1 января 2011 насчитывалось 436 религиозных

---

<sup>1</sup> Протестантская миссия среди мусульман Северного Кавказа и Поволжья // Миссионерский центр имени иерея Даниила Сысоева Режим доступа: <https://mission-center.com/northwest-caucasus/10040-mis-kavkaz-protestanti>

организаций, из которых 212 принадлежали представителям Русской православной церкви (далее РПЦ)<sup>1</sup>.

В тот же период на территории Краснодарского края было зарегистрировано более 300 приходов Екатеринодарской и Кубанской епархии Московского патриархата Русской православной церкви, 13 приходов Армянской апостольской церкви и 11 приходов Римско-католической церкви.<sup>2</sup> В то же время более 200 приходов имели и другие ответвления христианства, преимущественно протестантского толка, – евангельские христиане-баптисты, христиане веры евангельской (пятидесятники), адвентисты седьмого дня, евангельские христиане, свидетели Иеговы и т.д. Свообразными центрами новых протестантских организаций стали крупные города Кубани: Сочи, Краснодар, Новороссийск. В то же время, представителей этих братств «отличала активная социальная позиция, межконфессиональное взаимодействие на местах, интенсивное взаимодействие с зарубежными религиозными центрами»[16. с.128], что не могло не вызывать подспудное недовольство у местных священнослужителей и прихожан. Даже полномочный представитель президента РФ в ЮФО В. Устинов в исследуемый период выступая на открытии заседания Совета при президенте по вопросам казачества, говорил, что зарубежные «эмиссары этих сект вербуют молодежь в Краснодарском, Астраханском, Ставропольском краях, в Ростовской области и ряде других регионов на юге России. Очевидно, что мы имеем дело с усилиями, направленными на размывание православных основ»<sup>3</sup>.

**В меньшей степени проявили свою активность протестантские организации нового типа в Ростовской области., где к 2010 году были зарегистрированы: 271 приход РПЦ, 9 – армяно-апостольской церкви, 7 –римско-католической, 5 костела старообрядцев и 4 иудейские общины, а также 138 протестантских организаций<sup>4</sup>.** Как от-

---

<sup>1</sup> «Ставропольский край – межнациональный и этноконфессиональный аспект» *Комитет Ставропольского края по делам национальностей и казачества*. Режим доступа: <http://stavkomnat.ru/2010-06-17-18-18-56.html>

<sup>2</sup> Религиозные организации. *Деловая Кубань* Режим доступа: <http://www.business-kuban.ru/religioznye-organizatsii>

<sup>3</sup> Тоталитарные секты на Юге России подрывают основы православия. Краснодар, 25 июня 2009 г. *Интерфакс-Религия*. Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=30776>

<sup>4</sup> «Взаимодействие Правительства Ростовской области с религиозными объединениями. *Правительство Ростовской области* Режим доступа: <http://www.donland.ru/Socialnaya-sfera/Religiya/?pageid=75380>

мечается в отчете Правительства Ростовской области основная деятельность всех религиозных структур направлена на «благотворительную деятельность в основном по отношению к нуждающимся единоверцам» выливающуюся в создание реабилитационных центров, детских лагерей отдыха, участия в сборе пожертвований пострадавшим от природных катаклизмов и социальных бедствий. Так же, отмечается, что «...Наиболее тесное взаимодействие отмечается с наиболее крупными и традиционными для народов Дона религиозными объединениями. Так, Донская митрополия и Центральное Духовное Управление мусульман Ростовской области сотрудничают с областными органами власти и органами местного самоуправления на основе целого ряда соглашений. Взаимодействие с другими религиозными объединениями менее интенсивно, по преимуществу связано с нуждами религиозных общин..»<sup>1</sup>

Вышеприведенные факты показывают, что активное участие иностранных миссионеров в религиозной жизни страны в соответствии с действующим законодательством о свободе вероисповеданий не могло рассматриваться как правовое нарушение. Но нередко зарубежные миссионеры выходят за рамки вероисповедной стороны своей деятельности, и со временем организации и созданные ими филиалы превращались в определенных «агентов влияния» на народы Северного Кавказа. С другой стороны, в условиях активного миссионерства иностранных религиозных организаций стирались противоречия между традиционными для изучаемых субъектов конфессиями.

#### **Деятельность религиозных организаций: по пути к диалогу.**

Изучение состояния и структуры христианских и мусульманских общин Северного Кавказа в конце XX-начале XXI веков, приводит к мысли о необходимости поиска представителями разных конфессий механизмов, способных привести к толерантным взаимоотношениям между ними. Учитывая то, что на Северном Кавказе наибольшее распространение традиционно получили две религии: ислам и христианство (православие), дискурс между ними существовал всегда. Причем «какими бы враждебными ни были установки одной религии по отношению к другой, между ними постоянно происходило общение, подспудный обмен ценностями. Одна религиозная культура заимствовала у другой, прежде всего то, что ей недоставало в ее собственном потенциале»[16. с.43].

---

<sup>1</sup> Там же

Большое значение процессу гармонизации отношений между различными конфессиями в этот период отводилось на международных научных конференциях. Так, например, на международной конференции «Межконфессиональный мир и консолидация общества», проходившей в феврале 1997 г. была принята «Декларация принципов мирного сосуществования религий и религиозных объединений Российской Федерации» [18. с. 149]. В соответствии с ней религиозные взаимоотношения должны базироваться на принципах толерантности и учитывать права и основные свободы человека для унификации порядка регистрации религиозных организаций. В дальнейшем подобные контакты происходили и на региональном уровне. Так, де-



кабре 2011 года в донской столице прошла межрегиональная конференция, посвященная гармонизации межкультурных, межэтнических и межнациональных отношений, идея проведения которой принадлежала представительству Республики Дагестан в Ростовской области<sup>1</sup>. Как напомнил Закир Абачараев, глава Общественного совета при представительстве Республики Дагестан, символично то, что на протяжении многих веков здесь не было межнациональных конфликтов.

Для поддержания согласованных отношений между конфессиями в исследуемый период также начали проводиться встречи с участием высших представителей разных религиозных организаций. Одной из первых стала четырехсторонняя миротворческая встреча религиозных лидеров России, Армении, Грузии и Азербайджана в 2003 г. в Москве, где Патриарх Алексей Второй в своем выступлении в рамках межконфессионального диалога сказал, что «на протяжении столетий последователи православия, ислама, иудаизма и буддизма сосуществовали в мире на территории России, гармонично взаимодействуя на благо Отчизны и взаимного обогащения культур» [17. с. 250].

Учитывая роль религиозных лидеров в идеологической составляющей противодействия экстремизму и терроризму, 25 июня 2011 г. в

---

<sup>1</sup> Век толерантности. Без формата Режим доступа: <http://rostovnadonu.bezformata.com/listnews/vek-tolerantnosti/2227398/>

Махачкале под патронажем Президента РД М.М.Магомедова состоялся I Конгресс религиозных лидеров Северного Кавказа «Роль религиозных лидеров в противодействии экстремизму и терроризму, в совершенствовании системы образования и морально-нравственного оздоровления общества». В его работе приняли участие муфтии и алимы Дагестана, Чечни, Адыгеи, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Северной Осетии-Алании., которые решительно осудили экстремизм и терроризм в любых формах его проявления и подтвердили готовность к сотрудничеству с органами власти всех уровней по этим вопросам<sup>1</sup>. По мнению М.М.Магомедова, подобные встречи полезны и будут играть исключительно положительную роль.

Так, 4 августа 2011 г. Полномочный представитель Республики Дагестан, председатель комиссии по межнациональным и межконфессиональным отношениям Общественного совета СКФО А.Омаров провёл встречу с митрополитом Ставропольским и Невинномысским Кириллом, муфтием Духовного управления мусульман Ставропольского края шейхом Мухаммадом-Хаджи Рахимовым.

В ходе встречи обсуждались вопросы совместной работы приходов русской православной церкви, мусульманских общин и этнических объединений граждан, способствующей духовному возрождению, укреплению национального и межрелигиозного согласия в Ставропольском крае, совместного противостояния тем, кто пытается разобщить народы по национальному и религиозному признаку. Особо были оговорены проблемы организации совместной работы по утверждению в сознании населения Ставрополя общероссийских духовных ценностей, общепринятых норм морали и нравственности, уважительного отношения к этнокультурной самобытности народов, проживающих на территории Ставропольского края<sup>2</sup>.

Другим шагом к межконфессиональному диалогу стал состоявшийся 7 июня 2012 г. в Махачкале круглый стол на тему: «Православ-

---

<sup>1</sup> Справка о ходе выполнения органами исполнительной власти и местного самоуправления РД Плана мероприятий по реализации основных положений доклада Президента РД М.М.Магомедова, выступлений участников и итоговых документов III Съезда народов Дагестана. *Министерство по национальной политике РД*. Режим доступа: <http://www.minnaz.ru>

<sup>2</sup> Представители Дагестана в Ставропольском крае обсудили с местными духовными лидерами меры по недопущению национальных конфликтов *РИА Дагестан* Режим доступа: <http://www.riadagestan.ru>

ная церковь в Дагестане сегодня: проблемы и перспективы». Мероприятие было организовано по инициативе Межрегиональной молодежной лаборатории по проблемам развития Кавказа при поддержке органов государственной власти Республики Дагестан, при участии Владикавказской и Махачкалинской епархии, молодежных и общественных организаций Дагестана и республиканских СМИ<sup>1</sup>.

Как видно из представленного материала к концу 2000-х годов ситуация в ЮФО диктовала проведение в жизнь «межконфессионального диалога» - особой формы общения представителей разных религий, когда основной целью является не стремление анонсировать свое верование, а разговор в атмосфере терпимости, взаимоуважения, открытости, результатом которого должна быть решимость научиться вместе жить, сотрудничать и взаимодействовать.

#### **Заключение.**

Сегодня наше общество, как никогда, нуждается в большем количестве публичных дискуссионных площадок, на которых можно было бы обсуждать самые острые вопросы совместного развития, искать пути формирования общегражданской идентичности и способы их решения. Следует отметить, что в Республике Дагестан мусульманские и христианские организации активно участвуют в поддержании международного и межконфессионального мира. Этому способствует и проведение совместных встреч, бесед, диалогов руководителей вышеуказанных организаций республики по острым и злободневным религиозно-политическим проблемам с целью совместного обсуждения возникающих в ходе реализации требований законодательства о свободе совести, вероисповедания и религиозных организаций проблем, пресечения любых попыток использования религиозного фактора для раскола дагестанского общества, подрыве конституционных основ государства<sup>2</sup>.

Также, представленный материал позволяет констатировать, что в каждом из изученных субъектов северокавказского региона сложились межконфессиональные взаимоотношения, способствующие сохранению стабильности и согласия в обществе. А взаимодействие между Республикой Дагестан и традиционно русскими регионами Северного

---

<sup>1</sup> Халидова О.Б. Мировоззренческие процессы в молодежной среде Республики Дагестан (конфессиональный аспект) Организация работы с молодежью 2012. № 9. Режим доступа: [www.es.rae.ru/ovv/204-887](http://www.es.rae.ru/ovv/204-887)

<sup>2</sup> ЦГА РД. Ф. р-1585. Оп. 2. Д. 41. Л. 16.

Кавказа в области религии в 1990-2000-х годах перешли на качественно новый уровень, и представляют собой активный диалог, направленный на стабилизацию религиозной веротерпимости всех народов. Безусловно, здесь речь идет не о *доктринальной терпимости* (так как никто не должен поступаться своими догматами и канонами), а о поиске общих интересов и ценностей, способных объединить и направить усилия всей конфессий на благо общества. В связи с вышесказанным безусловно верным представляется оценка межконфессионального взаимодействия в исследуемых регионах отмечающая, что «Традиционные религии на Юге России прилагают усилия к налаживанию и сохранению мирного диалога и конструктивного сотрудничества друг с другом и народами, проживающими в регионе. РПЦ и исламские организации занимаются подавлением межэтнических конфликтов, стремятся к миру, согласию, добрососедству»[19. С. 90].

**Конфликт интересов.** Материалы данного исследования не содержат конфликта интересов.

### Список литературы

1. Через диалог религий к прочному миру и межнациональному согласию на Северном Кавказе. Материалы Северокавказской научно-практической конференции (г. Железноводск, 25-26 сентября 2002 г.). Пятигорск, 2003.
2. Религиозный фактор в жизни современного дагестанского общества. Материалы Республиканской научно-практической конференции (27 октября 2000 г.). Махачкала, 2002.
3. Северный Кавказ и Дагестан: современная этнополитическая ситуация и пути ее стабилизации. Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 10-летию РЦЭИ ДНЦ РАН (1-3 октября 2002 г.). Махачкала, 2004.
4. Взаимодействие государства и религиозных объединений: современное состояние и перспективы. Материалы Северокавказской научно-практической конференции (15 октября 2003 г.). Махачкала, 2004.
5. Курбанов М.Р., Курбанов Г.М. Религия в культуре народов Дагестана. Махачкала, 1996.
6. Курбанов М.Р., Курбанов Г.М. Религии народов Дагестана: история и современность. Махачкала, 2001.

7. Ханбабаев К.М. Адвентисты седьмого дня в Дагестане *Тезисы докладов республиканской научной конференции молодых ученых Дагестана по проблемам гуманитарных наук*. Махачкала, 1993.

8. Омарова М.М. Из истории государственно-конфессиональных отношений в Дагестане. *Государство и религия в Дагестане. Информационно-аналитический бюллетень № 2*. Махачкала, 2002.

9. Омарова Т.О. Нетрадиционные вероучения в Дагестане. *Религии и религиозные организации в Дагестане*. Махачкала, 2001.

10. Кадырова О.С. Межконфессиональные взаимоотношения на Северном Кавказе (1980-2000 гг.) *«Проблемы сохранения толерантности в условиях полиэтничного и многоконфессионального региона»*. Материалы Всероссийской научной конференции. Махачкала, 12 апреля 2007 г. Махачкала, 2008.

11. Ярлыкапов А. А. Нарушения прав верующих-мусульман на территории Ставропольского края // *Ислам и право в России: Материалы научно-практического семинара «Проблемы реализации законодательства о свободе совести и религиозных объединениях в отношении российских мусульман (Северный Кавказ, Поволжье)»*. Вып. 1. М.: РУДН, 2004.

12. Ислам и право в России: Правовой статус ислама на Северном Кавказе / сост. И.Л. Бабич. Вып. 3 М.: РУДН, 2004.

13. Патеев Р.Ф. Мусульманские общины Ростовской области. Центральная Азия и Кавказ. № 1. 2006 . С. 134.

14. Магомедов А.М. Государственно-конфессиональные отношения в современном Дагестане. *Религиозный фактор в жизни современного дагестанского общества*. Махачкала, 2002.

15. Бекмурзаев Б.А. Международные связи религиозных организаций РД: опыт, проблемы и перспективы. *«Взаимодействие государства и религиозных объединений: современное состояние и перспективы» Материалы Северокавказской научно-практической конференции (15 октября 2003 г. Махачкала)*. Махачкала, 2004.

16. Муртузалиев С.И. Этнопсихологические аспекты межнациональных отношений в «Зоне нестабильности» (эмпирические исследования в Дагестане и на Северном Кавказе). Махачкала, 2006.

17. Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В. А. Тишкова. — М.: ФГНУ «Росинформротех», 2007.

18. Халилова А.С. Политическое, экономическое и культурное сотрудничество Дагестан с республиками Северного Кавказа в 1980-2000 годы. Махачкала, 2012.

19. Орлов С.С. Конфессиональная карта Республики Адыгея и Краснодарского края. *Вестник Южного научного центра* Т. 9, № 3, 2013/

### **Информация об авторе**

**Тумалаев Дауд Рустамович**, заместитель декана факультета теологии, Дагестанский гуманитарный институт; аспирант отдела востоковедения Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала, Российская Федерация; Е-майл: abuaminat@mail.ru

## **ИДЕИ МИРЗЫ КАЗЕМБЕКА ОБ ОБНОВЛЕНИИ МУСУЛЬМАНСКОГО ОБЩЕСТВА В XIX В. И ТАТАРСКИЕ МОДЕРНИСТЫ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ**

**Р.Р. Шангараев**

*Теологический факультет Российского исламского института,  
г. Казань, Российская Федерация*

**Аннотация.** В статье рассмотрены некоторые взгляды Мирзы Казембека, который в своих трудах призывает искоренить негативные в мусульманском обществе явления, такие как фанатизм, прозелитизм, деспотизм, ханжество, гендерное неравенство и др. Его выступления против религиозного догматизма и деспотизма, а также призыв использовать потенциал ислама в развитии естественных наук и технического прогресса стали ориентиром для формирования концепций развития культуры мусульманских народов в конце XIX в.

**Ключевые слова:** модернизм, мусульманский культурно-цивилизационный мир, просвещение, богословская мысль, социально-культурные проблемы.

## MIRZA KAZEMBEK'S IDEAS ABOUT THE RENEWAL OF MUSLIM SOCIETY IN THE XIX CENTURY AND THE FIRST TATAR MODERNISTS

**Abstract.** The article deals with some views of Mirza Kazembek, who in his writings calls for the eradication of negative phenomena in Muslim society, such as fanaticism, proselytism, despotism, bigotry, gender inequality, etc. His speech against religious dogmatism and despotism, as well as the call to use the potential of Islam in the development of natural Sciences and technological progress became a benchmark for the formation the concepts of development of culture of Muslim peoples in the late nineteenth century.

**Key words:** modernism, Muslim cultural and civilizational world, education, theological thought, social and cultural problems.

Эпоха модернизма, пришедшая в Россию в середине XIX в. на смену традиционализму, потребовала появления новой парадигмы мышления и исторического действия. В формировании нового поколения модернистов особо нуждался мусульманский культурно-цивилизационный мир, которому эра технологического капитализма несла дополнительные угрозы и риски.

Мусульманский модернизм как социокультурный феномен, возникший в середине XIX столетия в Египте, Сирии, Индии, а также в Крыму и Волжско-Уральском регионе, явился результатом разложения феодализма и его идеологии с одной стороны и влияния европейской интеллектуальной культуры с другой. Столкновение с западной культурой, явно превосходившей по уровню своего развития, требовало от мусульманских интеллектуалов переосмысления основных постулатов вероучения. Именно это определило появление в 70, 80-е гг. XIX в. целой плеяды исторических фигур, таких как И. Гаспринский, А. Девлет-Кильдеев, Мурза-Алим, Г. Баязитов и ряд других мыслителей.

Но задолго до появления этих мусульманских модернистов проблемы и болезни мусульманского мира были обозначены Мирза Казимбеком. Им были предложены концепции модернизации культуры мусульманских народов. М. Казимбек будучи выходцем из этой среды имел ясное представление о системных изъянах мусульманского общества. Он много писал о религии ислама, подвергая ее суровой критике,

но, в то же время он не касался основ религии вообще. Он выступал против отдельных, наиболее критичных проявлений религии, таких как фанатизм, прозелитизм, деспотизм, ханжество, которые процветали в условиях феодального общества. При этом свою критику этих явлений он вел не с позиций иноверца, а скорее как просветитель. Религиозный фанатизм и ханжество, говорил он, притупили у народов Востока дух любознательности. Наиболее реакционным в исламе, по мнению М. Казембека, являлся религиозная нетерпимость, воспитывающая фанатическую жестокость, дух ненависти к иной вере. М. Казембек резко осуждал деспотизм власти. Фанатизм масс и деспотизм правителей, по его мнению, привели к стагнации мусульманской цивилизации [1, с. 161]. М. Казембек прекрасно понимал, что пребывание народов в оковах деспотизма, фанатизма и суеверия убивает чувство патриотизма. «Такое духовное разъединение, – писал он, при существовании постоянного деспотизма постепенно сглаживало и уничтожало чувство патриотизма...» [1, с. 162].

Для борьбы с фанатизмом основным и непеременимым условием М. Казембек выдвигал идею просвещения, овладения науками. «Распространение просвещения, – писал он, – во всех отношениях полезно; между мусульманами же оно может иметь то преимущество, что просвещенный мусульманин по крайней мере перестает быть фанатиком: в этом величайший шаг на пути к истине» [2, с. 245].

Он считал необходимым, чтобы все мусульманские народы озаботились обучением своих детей. М. Казембек даже подвергает критике царское Министерство народного образования за отсутствие с его стороны руководства мусульманскими школами [2, с. 246]. Поднимал он и вопросы гендерного неравенства тоже.

Взаимное общение, культурные связи между народами являются орудием прогресса – это твердое убеждение М. Казембек пронес через всю свою жизнь. Главный недостаток мусульманского общества он видел в проповеди обособления и изоляции от немусульман.

Вместе с тем он прекрасно понимал, что история ислама, причины его широкого распространения на Востоке требуют тщательного изучения, видел всю сложность данной проблемы. М. Казембек сумел определить ислам не только как религиозно-философское учение, но и как явление, которому свойственны определенные социально-политические и правовые функции. Так он видел исторически положительную

роль ислама как орудия объединения народов. И отмечал значимость ислама в развитии просвещения и науки.

Наряду с острой критикой ислама М. Казембек в отличие от других исследователей сумел показать, что эта религия обладает способностью активно воздействовать на ход общественной жизни, что ислам не только обрядность в чисто религиозном смысле, но и живая сила. Речь у М. Казембека идет о решающей роли исламского сознания в поступательном развитии общества. Ученый не представлял широкое движение мусульманских народных масс без исламской составляющей. На конкретных фактах М. Казембек стремился доказать прогрессивность ислама.

Исходя из сказанного можно вывести, что мыслитель, ставил прежде всего историко-философские проблемы, проблемы типологии культур и наций. Пытаясь решить вопрос о месте мусульманской цивилизации в мировом историческом процесс, он просто не мог не затронуть многих критичных исламских сюжетов.

Ценность трактатов М. Казембека заключается в том, что они появились именно в период, когда в России повысилась общественная роль политических теорий в рамках общего политико-идеологического мировоззренческого кризиса религии, когда явно заметным стал глубокий конфликт религии с политическими линиями и программами ряда правительств в различных странах, когда налицо было явное воздействие социальной действительности на религиозную идеологию.

Вектор исследований, обозначенный М. Казембеком прослеживается и в трудах русских религиозных философов П.Я. Чаадаева, Н.Я. Данилевского, Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьева, а также миссионеров – исследователей ислама Н.И. Ильминского, В.Д. Смирнова, Е.О. Малова, М.А. Машанова. В своих трудах они рассматривали состояние перспектив развития мусульманского общества, возможности его адаптации к вызовам эпохи модернизма, а также особенности конфессиональной политики, проводившейся в стране. Они обращали внимание на гендерные вопросы, проблемы образования, печати и многое другое. Эти ученые взаимодействовали с передовыми людьми мусульманского общества. Мусульманские модернисты под влиянием критики этих мыслителей корректировали свои концепции

развития общества. Деятельность этих ученых, оказала существенное влияние на формирование взглядов мусульманских интеллектуалов конца XIX в.

Темы обозначенные М. Казембеком нашли развитие также и в трудах русскоязычных мусульманских модернистов в последней четверти XIX в. «Произведения И. Гаспринского, А.Б. Девлет-Кильдеева, Мурзы-Алима, Г. Баязитова и других авторов, обращённые к российской общественности, были призваны защитить традиционные духовные ценности мусульман и одновременно сформировать новый образ ислама, открытого к позитивному этноконфессиональному диалогу» [3, с. 120]. Труды И. Гаспринского «Русское мусульманство», А.Б. Девлет-Кильдеева «Магомет как пророк», Г. Баязитова «Возражение на речь Э. Ренана», «Ислам и наука», «Ислам и прогресс»; статьи «Магометанство и рационализм» (критика Э. Ренана)», «Русские школы для мусульман в Туркестане» и т.д. существенно повлияли на эволюцию мировоззрения российских мусульман [4, с. 543]. Начав с задачи защитить ислам и исламскую культуру от нападков и развеять сложившиеся стереотипы об ущербности религиозного сознания вообще, они вместе с тем обратились к мусульманам с призывом преодолеть собственные предрассудки и учиться применять достижения европейской цивилизации. Их интересовало гармоничное поступательное развитие российского общества, сохранение его устойчивости и целостности, где воплотились бы самобытность и интересы как последователей ислама, так и приверженцев других религий. Главным критерием в этом процессе для них было служение и польза российскому народу, стране, население которой хоть и исповедовало различные религии, однако могло бы достичь согласия в решении многих вопросов путем уважения взаимных интересов.

Подлинную суть Корана мусульманские модернисты видели в концепции человека – заместника Бога на земле, способного под Его руководством, но с помощью собственного разума и чувств постичь истину. Г. Баязитов выводит главную концепцию модернистов: «Служение наукам есть видоизмененное служение ее Источнику» [5, с. 100] т.е. Всевышнему. Эта концепция противопоставлялась фатализму, аскетизму, пассивности и позволяла им интерпретировать исламские установки в соответствии с требованиями современности.

Таким образом, в результате развития модернистского течения, фокус богословской мысли смещается в сторону социально-культурных проблем, обозначенных еще М. Казембеком. При этом выявление основополагающих принципов функционирования мусульманского модернизма во многом зависело от понимания фундаментальных основ самого ислама. Культура народов исповедовавших ислам в середине XIX в. была религиозной по своему характеру, следовательно, идеология модернизма могла появиться только в религиозной среде и потребовала вначале пересмотра основных принципов взаимоотношений общества и религии.

В настоящее время современная цивилизация вступила в эпоху перманентных технических преобразований, что ведет к росту противоречий между культурными традициями этноса и глобальными инновациями и требует внимательного изучения опыта всех интеллектуальных проектов прошлого и их творческого применения на практике.

Нами также предлагается использовать культурно-интеллектуальное наследие М. Казембека, наряду и с наследием татарских модернистов в качестве теоретико-методической основы для противодействия современным формам экстремизма и деструктивных течений.

### **Список литературы**

1. Казембек М. Баб и бабиды: религиозно-политические смуты в Персии в 1844-1852 годах / М. Казембек. – СПб.: тип. В.Н. Майкова, 1865. – 212 с.
2. Казембек М. Начало просвещения в нынешней Индии / М. Казембек // Журнал Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1857. – Апрель. – С. 244 – 264.
3. Набиев Р.А., Гафаров А.А. Проблемы религиозной толерантности в трудах мусульманских модернистов во второй половине XIX – начале XX в. / Р.А. Набиев, А.А. Гафаров // Ученые записки Казанского университета. – Казань, 2011. – Т.153, кн. 3. – С. 120.
4. Батунский М.А. Россия и ислам. В 3 т. Т. 2. / М.А. Батунский. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. - 600 с.
5. Баязитов А. Отношения ислама к науке и к иноверцам / А. Баязитов. – С.-Петербург: тип. А.С. Суворина, 1887. – 102 с.

### **Информация об авторе**

**Шангараев Роберт Рашитович**, кандидат исторических наук, декан теологического факультета Российского исламского института, г. Казань, Российская Федерация

### **З. А. Саидбобоев**

*Национальный университет Узбекистана,  
г. Ташкент, Республика Узбекистан*

## **CENTRAL ASIA ON THE RUSSIAN CARTOGRAPHIC AND GEOGRAPHICAL SOURCES (XVII – XVIII CENTURIES)**

Relations between Russia and Central Asia have deep historical roots. In the X century, in order to establish trade relations through Ustyurt held a special trade route along which were built caravanserais and sardobas (water storages). On peculiarities active trade between Russia and Central Asia also show and numismatic materials, in particular, coins belonging to Central Asian states, found by archaeologists throughout Russia, to the shores of the Baltic Sea. As a result of these communications in Russia gradually accumulated geographical information about Central Asia.

Information Russian ambassadors and merchants who visited Central Asia, occurs in the form of historical and geographical materials in various Russian sources, reports, as well as drawings and maps.

Presented us a report devoted to the problem of formation of geographical and cartographic traditions of Central Asia in Russia, especially in the XVII – XVIII centuries.

### ***Geographical information***

The very first geographical source containing detailed and comprehensive information about Central Asia prior to the XVI century is the “The Book of the Big Drawing”. It consisted of the atlas “Large drawing”, compiled at the end of the XVII century text and application handbook concerning the southern Russian regions in 1627.

“The Book of the Big Drawing” was recommended as an official document of the various government agencies and officials and used for this purpose throughout the XVII century.

“The Book of the Big Drawing” was created in 1627. It contains a special chapter on Central Asia of the period, which contains information on the plains, topography, water resources and some settlements in the region.

The book contains about 50 geographic names in Central Asia [1]. It contains information about the Aral Sea, the Syr Darya, Amu Darya, as well as cities such as Bukhara and Tashkent.

In the book marked the location of the Central Asian towns and major cities, as in the beginning of XVIII century in Russian cartography focused on human settlements near major rivers, main roads, as well as having a military strategic importance. This can be seen in the data on Central Asia. For example, in the “The Book of the Big Drawing” provides the following information about Bukhara and its surroundings: “Opposite the city of Bukhara, a distance of 170 miles, the river flowing from the lake Ogus, and empties into the sea Khvalim (length 1000 miles). On the coast of Lake Ogus located the town of Kagan, where the younger brother of the king of the city (region) Jurgen (Urgench) [2]”.

The book has valuable information on the cities Sairam and Tashkent, which is particularly important for its accuracy in terms of the location of these points: “At a distance of 160 miles from the Syr is city Isairyam (Sairam), and the city Toshkun (Tashkent ) is located at a distance of 30 miles from the river Syr [3]”.

In the source provides information about the towns and villages along the banks of the Syr Darya and Amu Darya, as well as the distances between settlements. However, it should be noted, and the fact that many details “The Book of the Big Drawing” brief, disjointed and sometimes erroneous. For example, for information about the city of Bukhara are the following lines: “The city of Bukhara and all Bukhara draws water for their fertile lands from the Syr ... [4]”. This means that, in Russia, even before XVII century there was no exact information about the river Zarafshan (which is actually supplied water Bukharan land).

Also appropriate to emphasize that the information from the Book suggests that Russian companies have greater interest to the southern edges and the local population of these regions had a number of geographic sources, the compilers of which possessed a wide geographic worldview.

So “The Book of the Big Drawing”, created in the first quarter of the XVII century was the successful outcome of Russian geographical thought. It describes the 1500 geographic names, 50 of which relate to the Central

Asian region. This suggests that information about this region particularly interested Russian political and scientific circles, although Russians until now has not made visits or trips to Central Asia.

The next written source of particular importance in the study of geography of Central Asia, is P.I. Rychkov's "Topography of Orenburg Province" (1726), containing a rich and varied material classifying the nature of Central Asia.

P. Rychkov was personally acquainted with many travelers and merchants who visited Central Asian information and analyze them. region, especially the rugged area. Scientist called "Orenburg's Lomonosov", he collected geographical information about Central Asia, has compiled all known at the time mapping and geographical data [5].

In the first part of the book he gives information on the city of Orenburg, and the second part – about the land and people of the surrounding area the Orenburg province. Generally half of the book is, in content, "Brief geographical information about the lands of Central Asia", bordering the newly formed province of Orenburg [6].

In total, seven chapters of "Topography of Orenburg Province" is devoted the information about Central Asian region. They are: 1. About Turkmens. 2. Khiva and Khivans. 3. About Aralts. 4. About Karakalpaghaks. 5. Large hordes of Kazakhs. 6. Estates of Turkestan. 7. Possession of Tashkent [7].

"Topography of Orenburg province" was published in various languages at that period and in particular in the German, a copy of which use foreign experts, but these translations do not occur the maps of Orenburg and adjacent regions.

### *Cartographic materials*

Russian government commissioned Semyon Remezov to create new atlas of Siberia in 1695. In order to gather material for the atlas S. Remezov made several trips to Central Asia in October 1696. He used sources and drawings known at that time.

In cartographic atlas of Siberia S. Remezov prepared at the end of the XVII century – Drawing the whole of Siberia – a large part of Central Asia and Kazakhstan, as displayed in a special map, located at 113 and 114 pages of this source [8]. It is completed in 1697.

This map is valuable source that is based on compass research and within a certain scale, gathered details about Central Asia, available until the end of the XVII century.

It should be noted that the map displayed incorrectly form the Aral Sea, but its location and the confluence of the river Syr Darya to the Aral Sea are correct. Areas, where the population of neighborhoods of the Aral Sea, as well as modern Karakalpakstan and Khorezm, marked as “Araltsy” and “Yurgentsy”. Hills, located on the western and northern coasts of the Aral Sea, are depicted low mountains form in the map. On the territory of modern Khorezm given names such areas as “Azaris”, “Kaschy”, “Yurgenchi”, “Khiva”, “Enbar”, “Hail Taprasy” and three names “Kraul”. Also Karakul, Bukhara, Samarkand, Hazorasp and connecting routes them. On the banks of the Syr Darya shows the city of Tashkent.

S. Remezov’s map for perfection was no worse than Western European maps of this kind created by contemporaries. The main distinguishing features of it were as follows: 1) The map had a direction to the south; 2) its main geographic features are routes, as well as towns along it; 3) the name of the Central Asian cities were the majority; 4) are not given information about the river Zarafshan.

Due to the growing interest to Central Asia in Russia at the end of the XVII century increased the number of Russian geographic and cartographic information about this region.

Since the era of the reign of Peter I, opened a new chapter not only in Russia's relations with the Far East, but also its relationship with the Muslim world.

Already at the end of the XVII century, period of existence Moscow state, was presenting the interests of Russia to the countries located in the Caspian Sea, and currently Russian had definite ideas about the region [9].

The next stage of accumulation of Russian geographic and cartographic information about Central Asia is related to the activities of Russian ambassadors, travelers, geographers and cartographers during the reign of Peter I and then in XVIII century.

Also at the beginning of the XVIII century Russia has sought to consolidate their position in Central Asia. The territory of the Central Asian khanates was supposed to play the role of bailiff points on the way Russians to India. During this period, the problem of finding the shortest path from Russia to India through Central Asia was the main problem of research Russian

geographers and cartographers. Activity of Peter I played a pivotal role in solving this problem. Solution such global problems required primarily ambassadorial expeditions to Central Asia and through their collecting detailed information about the region.

Proposal to send expeditions to Central Asia was Peter I well-known figure F.S. Saltykov, sent a letter to the Emperor on April 27, 1713, which offers: obtaining "... steppes between China and Bukhara, the lands between India and Tangut, and thereby – Yorkent and Turfan".

In 1714, Peter I sends Lieutenant, prince A. Bekovich-Cherkassky the Caspian Sea, and instructs him to go out in the Khanate of Khiva.

In April, 1715 Bekovich went from Astrakhan eastern shores of the Caspian Sea [10]. His expedition is credited with drawing up the scientific maps of the Caspian Sea and Central Asia.

To implement the guidance of Peter I on the construction of military fortifications here and this by setting on the east coast of the Caspian Sea influence Russian state, he is sent by sea on 69 ships. From Tikkaragan place he reached Mangishlak and erects military fortress here under the name of St. Peter. The second fort was built in Krasnovodsk [11].

As a result of this expedition were collected earlier materials on downstream and created a map of the eastern shores of the Caspian Sea.

Map of the Caspian Sea, mainly depicted its eastern coast, the Dead Gulf, Buzachi peninsula and Mangishlak, Alexander Bay and unnamed bay.

Especially clearly shows the location Korabogaz Bay and Krasnovodsk, Balkhan bays.

Renowned scientist L.S. Berg on the article devoted to Caspian Sea, announces that this map was not found [12]. However, in the 60<sup>th</sup> years of XIX century E.A. Knyazhetskaya writes that this map with the map of Central Asia, compiled by Bekovich-Cherkassky Peter I takes to Paris [13]. Original map was found and researched by E.A. Knyazhetskaya.

In 1720 in Russia was published the first printed map of the Caspian Sea. But it was incorrectly listed bays east coast of the Caspian Sea. Although this map was compiled on materials F.I. Soymonov, photographed in 1719 the western and southern part of the sea, but the bays were not displayed previously indicated Bekovich-Cherkassky. And this, in turn, reduced the value of new scientific value and showed wrong information, in comparison with maps of the Caspian Sea, printed in Western Europe at the time.

Most scientifically effective for the first half of the XVIII century was traveling Dmitry Gladishev and Ivan Muravin to Khiva in 1740 – 1741. Records of this journey takes in its time (1760) P.I. Rychkov, but the full text of the report and map published only in 1850, by famous orientalist Ya. Khanykov [14]. Advantage Ivan Muravin's map of previous maps was that many places (for example, the east coast of the Aral Sea) on it were first drawn on the basis of submissions received as a result of instrumental image [15]. For that, the map has become the basis for creating the next map of the Aral Sea. Map images mostly areas of Karakalpakstan and Khorezm are under the names of Khiva and the Aral possessions.

There are also maps I. Krasilnikov that were found promoting Russian Geographical society only after 125 years after their creation.

I. Krasilnikov was charged on the basis of the available materials to create the main map of the Orenburg province, as well as 10 special maps in 1752. Maps were prepared and sent to the Geographical Department of the Academy of Sciences in 1753. Composed of two I.Krasilnikov maps provide information on the territory of Central Asia. The map shows rivers, lakes, prairies, mountains, forests, hills and fortifications [16].

Along with the existing old materials, I. Krasilnikov when drawing up their maps, and took advantage of the new information. For example, land on the right bank of the Syr Darya are called "Barsukova Sands". Sarasu river before reaching the Syr Darya flows into Lake Telegul. On the banks of the Syr Darya marked cities such as Saran, Tashkent, Otrar. More precisely mapped sources of the Amu Darya.

After maps of I. Krasilnikov the Russian cartography was not found other new information in XVIII century. There are some opinions that after map of I. Krasilnikov in the XVIII century the Russian cartographic work about Central Asia found their completion [17]. However, several Russian maps relating of Central Asia the end of the XVIII century were found in the Central State Military History Archive (Moscow) and studied by geographer R.L.Yugay in the 60<sup>th</sup> years last century. Author was Russian soldier, Maj. - Gen. Yacob Bower. In describing the Aral and Caspian Seas were used I. Krasilnikov map attached to P. Rychkov to his work "Topography of Orenburg Province", and a map I. Muravin.

Zarafshan river n flows as shown in the Amu Darya, but it named Kuhak on the map. Showing the towns and villages along the banks of the

Amu Darya. On the delta between the two main tributaries of the Amu Darya specified region, referred to as the “Housing Karakalpaks” [18].

Although inaccurate showed the first source of Zarafshan, its environment and lower reaches are depicted mostly correct. Quite clearly indicated the location of settlements in the Zarafshan valley, such as Samarkand, Kattakurgan, Pandzhiken, Hatirchi, Bukhara, Karmana, Yangikurgan, Gijduvan, Romitan, Karakul and others.

Map distorted, incorrect and very schematically shows Syr Darya valley and the Syrdarya river basin. Even densely populated Ferghana valley land Yacob Bower on the map shows in white spot. This suggests that the beginning of XIX century land of the valley have not been sufficiently known Russian cartographers. Of particular significance of Yacob Bower’s map is the territory of Turkmenistan shown on it. East area of the Caspian Sea on the map is shown as “part of the Chinese state”.

On the map, which shows the south-western regions of present Turkmenistan, painted symbols, meaning mountain, and given the geographic elements and inscriptions indicating Sarykamysh, Merv valley banks of the Amudarya from Kelif to Khorezm [19].

Next, on the right bank of the river from the mountains “Kugitan” to southern Khiva Khanate showed following settlements by topographical signs: Zaidali, Choshbobo, Zanghibobo, Zuibadali, Burdalak, Kushk, Chugna, Komi, Olot, Yaichi, Chugurdum, Khalata. On the left bank are: Kerky, Halach, Hodzhazhanbas, Ikzak, Polvort, Kochanol, Chukcha, Narazim, Chardjuy, Khoja Kala, Kubak Kala and Sukuer. It is known that the city Chardjuy in written sources (also in the cartographical) is found in the form of “Charchau” starting from the XVI century. Maps of the XVIII century prove the fact that the name is widespread and it was at this time.

The map shows the direction of the river Mary flowing through the Murgob valley and across the Karakum Desert which flows into Sarykamysh. This image does not correspond to reality.

Map of Colonel Ivan Lyutov related to the end of the XVIII century. The territory of modern Uzbekistan shows “nomadic steppe – Kirgyz-kaysakov” land between the Caspian and Aral seas are named as “Trukhmen ownership”. Eastern coast of the Caspian Sea, in comparison with a Yacob Bower’s map far right shows the total length of the sea from north to south is 11 latitude (47-36 north latitude) [20].

More correctly displayed upper Amu Darya region, in particular, shows the Vakhsh and its tributaries Surkhon. Fully depicted possession of Khiva (Khorezm Valley) and closely spaced irrigation canals around Khiva. Opposite Khiva, two coasts of the Amu Darya town located Azaris (Khazorasp) Ugrani (Urgench), Khecht (Cat) Vizirat (Wazir) and Navat.

As the all maps of the XVIII century, the upper reaches of the Syr Darya River displayed incorrectly.

I. Lyutov's map is considered one of the best cartographic sources XVIII century depicting territory coming into modern Kazakhstan, Central Asia and nearby regions.

Timofy Burnashev with Alexei Beznosikov visited Bukhara and collected rich material about this region in 1774 – 1775. Alexei Beznosikov made four maps about the territory of Central Asia [21].

But in these maps relief depicts a very schematic way, and the mountains are depicted the way ordinary figure. However, hydrography and irrigation sources are sufficiently accurate and complete. On the territory of modern Uzbekistan shows the area of the Republic of Karakalpakstan, Khorezm, Bukhara, Samarkand region, as the area on one point refers to the Khanate of Kokand.

Interesting is the fact that for the first time on this map of Russian cartographic sources occurs in the form of the Kyzyl Kum placename “Kyzyl Kum Sands”. On the Burnashev's report Kyzylkum given the following description: “The lands between Cheese and Jani a lot of saxauls, but there are also the area with water and crops, the road starting from Jani, and passes through waterless of groves Kyzyl Kum (Red Sand)” [22].

Summarizing the data of Russian geographic and cartographic materials XVII – XVIII centuries about Central Asia, we can draw the following conclusions:

– information about Central Asia, collected before the XVII century were created in the “drawings”;

– in the 30<sup>th</sup> years of XVIII centuries “The Book of the Big Drawing” was considered a successful outcome of Russian geographical knowledge era. It describes the 1500 geographic names, 50 of which relate to the Central Asian region, which is a testament to what a great interest is the Central Asia for political and scientific circles of Russia, though on their part is not yet on his visit to the region;

– the availability of information from the Russian did not belong to the domain of Russian Central Asian lands confirms that what the government has paid special attention to the southern regions of Russia that Russia has established its international relations not only with the West, but also with the countries of Central Asia. In this regard, the Russian cartography developed, enriching the information available on Central Asia with new materials;

– although not created most faithful and accurate mapping images of the southern (current Surkhandarya and Kashkadarya) and eastern (present Fergana valley) regions of the edge, but in this field has already made the first steps;

– the period up to the XVIII century Russia is considered to time with reference Central Asian territory and collect materials about them, but at that time were still represented the first attempt to create a cartographic materials about the region;

– from the XVIII century replace created before this time, “drawing” it began to come relatively accurately and thoroughly designed maps;

– in general , XVIII century is considered new, more advanced stage in the creation of geographic and cartographic research, in terms of growth in their number, quality improvement and expansion of the field of study;

– XVIII century was a period of development of Russian geography and cartography on a scientific basis about Central Asia. Russian scientists and travelers directly performed topographic and cartographic study in the western and central regions Central Asia and began to collect valuable materials about these regions.

### ***Bibliography***

1. Гвоздецкий Н.А., Федчина В.Н., Азатьян А.А., Донцова З.Н. Русские географические исследования Кавказа и Средней Азии в XIX – начале XX в. – М.: Наука, 1964. – С. 62.

2. Книга Большому Чертежу. Под ред. К.Н. Сербиной. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 50.

3. Книга Большому Чертежу... – С. 95.

4. Книга Большому Чертежу... – С. 95.

5. Гальков Ч.В., Раҳимбеков Р.У., Югай Р.Л. Ўзбекистон карталари. – Т.: Ўқитувчи, 1975. – Б. 40.

6. Мильков Ф.Н. П.И. Рычков. Жизнь и географические труды. – М.: Гос. Изд-во геогр. лит, 1953. – С. 39.
7. Топография Оренбургской губернии. Сочинение П.И. Рычкова 1762 года. – Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1887. – С. 9-13.
8. Чертежная Книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. – СПб., 1882. – С. 8.
9. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. – Ленинград, 1925. – С. 203-204.
10. Лебедев Д.М. География в России Петровского времени. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 107.
11. Ўзбекистоннинг янги тарихи. Туркистон чор Россияси мустамлакачилиги даврида. I жилд. – Т.: Шарк, 2000. – Б. 31.
12. См.: Берг Л.С. Первые русские карты Каспийского моря // Изв. АН СССР. Сер. Геогр. и геофиз. 1940. – С. 165.
13. Княжецкая Е.А. Судьба одной карты. – М.: Мысль, 1964. – С.100.
14. Ханыков Я.В. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740 – 41 годах поручиком Гладншевым и геодезистом Муравиным // Геогр. Изв. Вып. IV. 1850.
15. Берг Л.С. Очерк истории исследований в связи с историей картографии Аральского моря. Избранные труды. Т. III. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 209.
16. Мильков Ф.Н. П.И. Рычков. Жизнь и географические труды... – С. 35.
17. Багров Л.С. Карты Азиатской России. Исторические заметки. – Петроград: 1914. – С. 27.
18. Югай Р.Л. О неизвестной карте Средней Азии и Казахстана // Изв. Узб. фил. Геогр. Общ-ва. Т. III. – Т.: Изд-во АН Уз ССР, 1957. – С.187.
19. Массон М.Е. Новые картографические данные о прошлом Туркменистана XVIII в. // Изв. АН Туркменской ССР. 1958, №1. – С. 45.
20. Югай Р.Л. Карты Средней Азии, Казахстана и сопредельных с ними стран, составленная Иваном Лютовым // Изв. Узб. Фил. Геогр. Общ-ва. Т. IV. – Т.: Изд-во АН УзССР, 1960. – С. 113.
21. Парфенов Г.В., Югай Р.Л. Неизвестные русские рукописные карты конца XVIII века как новый источник по географии, истории и

археология Узбекистана // Общественные науки в Узбекистане. 1964, №2. – С. 58-61.

22. Югай Р.Л. О географическом изучении пустыни Къзилкума в связи с её топонимикой // Изв. Узб. фил. Геогр. Общ-ва СССР. Т. V. – Т.: Изд-во АН УзССР, 1961. – С. 104.

### **Информация об авторе**

**Саидбобоев Зокиржон Абдукаримович**, кандидат исторических наук доцент, Национальный университет Узбекистана; said-boboev@rambler.ru.

**СЕКЦИЯ №3.  
«АРАБО-МУСУЛЬМАНСКИЙ ВОСТОК И ТЮРКСКИЙ МИР  
В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИКОВ, ФИЛОЛОГОВ,  
ФИЛОСОФОВ, КУЛЬТУРОЛОГОВ, ИСТОЧНИКОВЕДОВ:  
ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ»**

---

**М. КАЗЕМБЕК О ПЕРСИДСКИХ СПИСКАХ  
«ДЕРБЕНД-НАМЕ»**

**П.М. Алибекова**

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН,  
г. Махачкала, Республика Дагестан, Российская Федерация*

**Аннотация.** В статье рассмотрены некоторые аспекты изучения исторического сочинения «Дербенд-наме» известным востоковедом, патриархом российской ориенталистики М. Казембеком. Уделяется внимание персидским источникам, привлеченным им для подготовки к изданию тюркоязычного текста «Дербенд-наме».

**Ключевые слова:** М. Казембек, биографические сведения, научные труды, «Дербенд-наме».

**MIRZA MUHAMMAD ALI KAZEMBEK ABOUT  
THE PERSIAN MANUSCRIPTS "DERBEND-NAME"**

**Abstract.** the article deals with some aspects of the study of the historical work "Derbend-name" by the famous orientalist, Patriarch of Russian Orientalism M. Kazembek. Attention is paid to Persian sources attracted by him to prepare for the publication of the Turkic text "Derbend-name".

**Key words:** M. Kazembek, biographical information, scientific works, "Derbend-name".

Мирза Мухаммад Али Казембек (Александр Касимович Казембек, 1802–1870) – выдающийся ученый-востоковед, член-корреспон-

дент Императорской Академии наук, организатор российского востоковедения, первый декан факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета.

Мирза Казембек, по меткому определению ученого-историка, директора Санкт-Петербургского филиала Архива РАН И.В. Тункиной «уроженец Персии, дагестанский князь» [1, с. 12] происходил из племени курчи, его дед поселился в Дербенте во время вторжения Надиршаха в Дагестан [2, с. 22]. «Как позже писал М. Казембек, «беки этого племени, род его, до самого покорения Дербента русскими, занимали постоянно значительное место при дворах дербентских ханов» [2, с. 22]. Отец М. Казембека Хаджи Касембек известен как мусульманский правовед, шейх ал-ислам Дербента. Мать Казембека Шараф Ниса была дочерью гиянского купца. М. Казембек родился в Реште, детство и юность провел в Дербенте. Начальное образование получил у отца, далее продолжил обучение у дербентских ученых. Он изучал восточные языки, философию, фикх, поэзию, аруз, ораторское искусство, логику. Дербент, считавшийся по праву крупнейшим центром распространения ислама, духовной культуры, научной мысли, а также восточных языков и литературы на Северном Кавказе, оказал сильное влияние на становление личности М. Казембека. Решающую роль в судьбе М. Казембека сыграла среда, в которой он рос и формировался. В Дербенте он получил стартовые знания, позволившие ему стать впоследствии большим ученым-востоковедом и организатором востоковедной науки в России.

Мирза Казембек внес большой вклад в изучение исторического памятника «Дербенд-наме». «Дербенд-наме» – широко известный письменный источник, содержащий ценные сведения для изучения истории Дербента и Северо-Восточного Кавказа V–XI вв. О востребованности «Дербенд-наме» говорят многочисленные списки этого сочинения на разных языках: персидском, тюркском, арабском и языках народов Дагестана.

О своем первом знакомстве с «Дербенд-наме» М. Казембек пишет: «Когда я был мальчиком 14 лет, я хорошо помню публичное чтение «Дербенд-наме», сопровождавшееся комментариями и пояснениями, которое занимало на несколько дней внимание небольшого круга любознательных и полуцивилизованных молодых людей Дербента.

Надо отметить к их чести, они утомительные зимние вечера проводили, собираясь вместе и занимая себя чтением популярных историй, героических сказаний с описанием их героев и прославленных приключений» [3, с. 5].

Мирза Казем-бек потратил много времени на поиски списков сочинения «Дербенд-наме». Он ездил в Дербент, расспрашивал старожилы города, знакомых, но поиски его не увенчались результатом. Казем-бек отмечает в предисловии<sup>1</sup> к книге: «Многие слышали о существовании «Истории Дербенда», но немногие имели удовольствие видеть ее. Это обстоятельство больше, чем предполагаемые достоинства работы вызвало у некоторых любителей книг страстное желание приобрести ее. Через некоторое время ожидания я получил рукопись благодаря дружеским усилиям Мирзы Керима, секретаря Ибрагим-бека Карчагского<sup>2</sup>» [3, с. 6]. Текст «Дербенд-наме», избранный М. Казем-беком для издания, был получен им из Дербента в 1839 г.

Мирза Казембек провел большую работу по подготовке к публикации этого ценного исторического источника. Им издан тюркский (азербайджанский) текст «Дербенд-наме» с комментированным переводом на английский язык в 1851 г. в Санкт-Петербурге. Титульный лист имеет следующий текст: «Derbend-nameh. The history of Derbend; translated from a select Turkish version and published with the texts and with notes, illustrative of the history, geography, antiquities occurring throughout the work, by Mirza A. Kazem-Beg. St. Petersburg printed for the Imperial Academy of sciences. 1851.

В своем обращении к императору Николаю I, опубликованном в книге, Мирза Казем-бек пишет: «Желая ознакомить с этим драгоценным памятником восточной литературы, вдвойне дорогим мне тем обстоятельством, что в нем описан мой родной город, я решил, изучив источники, опубликовать избранный список «Дербенд-наме» на азербайджанском языке с переводом на английский язык, сопроводив иллюстративными ремарками, историческими и географическими примечаниями для того, чтобы эта публикация в тоже самое время могла бы послужить материалом для /изучения/ истории и географии Дагестана». В предисловии к изданию М. Казембек говорит о тюркских и

---

<sup>1</sup> Перевод с английского языка на русский язык предисловия М. Казембека к изданию «Дербенд-наме» см.: М. Казем-бек. Избранные произведения. Баку: «Элм». 1985. С. 225–243.

<sup>2</sup> Ибрагим-бек Карчагский – представитель табасаранских майсумов, правитель Табасарана в 1830–40 гг.

персидских списках «Дербенд-наме». Им названы две рукописи этого сочинения на персидском языке, которые хранились в Азиатском музее Академии наук (ныне Институт восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге) и Императорской публичной библиотеки Санкт-Петербурга (ныне Российская национальная библиотека). Речь идет о списках «Дербенд-наме», которые представляют собой перевод Алийара ибн Казима с языка тюрки (азербайджанского) на персидский язык. Алийар ибн Казим в предисловии к своему переводу говорит о мотивах, побудивших его обратиться к данному труду: по просьбе братьев по вере и искренних друзей, сетовавших на тяжелый, высокопарный слог тюркоязычного сочинения «Дербенд-наме», он перевел его на персидский язык и посвятил Шейхали-хану Кубинскому и Дербентскому (правил в 1791–1810). Таким образом, определяется промежуток времени, в котором был написан данный труд.

М. Казем-бек в предисловии изданного им тюркоязычного «Дербенд-наме» отмечает, что его список наиболее близок к списку Алийара ибн Казима и является переводом с указанного персидского текста. Одной из причин выбора тюркоязычного текста «Дербенд-наме» для издания Казембек называет «большое сходство... с петербургскими персидскими версиями в отношении преемственности идей и т.д.» [3, с. 18]. Им приведены персидские слова и выражения, калькированные в тюркском тексте. М. Казембек в своей работе проводит сравнительный анализ персидского и азербайджанского списков «Дербенд-наме». О качестве переводных текстов он говорит следующее: «Мы знаем один персидский перевод этой работы ... с оригинального турецкого языка, сделанный приблизительно 45 лет назад неким Алийаром. Даже принимая как очевидное, что переводчик был верен тексту, не делая собственные дополнения или пропуск любой части оригинала (оба случая очень сомнительны), переперевод этой работы снова на турецкий язык, должно быть, конечно, произвело отдельную версию, совершенно отличающуюся, по крайней мере, в стиле языка, от оригинальных тюркских версий. Но, если мы добавим к этому то, что Алийар и переводчик с персидской версии назад на турецкий, каждый в свою очередь, введет некоторые изменения в свои работы, мы сразу почувствуем какие значительные отличия должны, следовательно, существовать между двумя турецкими версиями!» [3, с.11–12].

Речь в приведенном пассаже идет о сочинении «Дербенд-наме» на персидском языке, которое Алийар ибн Казим перевел с тюркоязычного списка.

Археографическое описание данного сочинения приведено Николаем Дмитриевичем Миклухо-Маклаем в «Описании персидских и таджикских рукописей Института востоковедения» [4, с. 396–399]. Фотокопии персидского текста «Дербенд-наме» Алийара ибн Казима по заказу А.Р. Шихсаидова были получены в 1971 г. из Ленинградского отделения Института востоковедения (ныне Санкт-Петербургский Институт восточных рукописей РАН) и хранятся в Фонде восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН<sup>1</sup>. Сочинение «Дербенд-наме» Алийара ибн Казима в нашем переводе на русский язык издано Международным фондом иранистики в 2017 г.<sup>2</sup>

Вопросы атрибуции «Дербенд-наме», происхождения прототекста являются сложными, противоречивыми и до конца неопределенными. В.В. Бартольд отмечает, что сочинение Мухаммада Аваби Акташи было сокращенным тюркским переводом с другого текста «Дербенд-наме», написанного на персидском языке. В.В. Бартольд пишет: «На Кавказе персидский подлинник, существовавший в 1724 г., был скоро утрачен, что доказывается фактом обратного перевода с турецкого на персидский язык» [5, с. 475]. Автором обратного перевода он называет Алийара ибн Казима: «Этот перевод, сделанный неким Али-Яром, имеется в Ленинграде, по крайней мере, в двух рукописях – Публичной библиотеки (Dorn 308) и Азиатского музея (№ 577)» [5, с. 476]. Биографическими данными об Алийаре ибн Казиме, авторе перевода «Дербенд-наме», мы не располагаем, помимо сведений, данных им в предисловии к своему сочинению, а также имеющихся в сочинении «Derbend-nameh» М. Казембека [3, с. 11] и «Тарихи Дербенд-наме» Максуда Алиханова [6, с. 26, 27]. Как указывает Максуд Алиханов-Аварский, ссылаясь на А. Казембека, кубинец<sup>3</sup> Алийар в конце XVIII в. перевел «Дербенд-наме», написанное на джагатайском наречии

---

<sup>1</sup> ФВР ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 161. Инв. № 4634.

<sup>2</sup> «Дербенд-наме» [Мухаммада Аваби Акташи] в переводе Алийара б. Казима с языка тюрки на персидский язык (перевод на русский язык, комментарии и факсимиле текста). Перевод текста с персидского языка на русский язык, предисловие П.М.Алибековой; комментарии и библиография Г. М.-Р. Оразаева и П.М.Алибековой. – М., 2016. – 98 с.

<sup>3</sup> Житель Кубинского ханства (1680–1810), которое располагалось на северо-востоке Азербайджана и юге Дагестана.

тюркского языка, мало понятном азербайджанцам, на широко востребованный персидский язык [5, с. 26]. Автором этой тюркоязычной версии «Дербенд-наме» им назван ученый из сел. Эндирей Мухаммад Аваби Акташи (жил во 2-й пол. XVI – нач. XVII в.) [7, с. 17–19, 28].

«Дербенд-наме» Алийара ибн Казима переписано в 1247/1831–32 г., имя переписчика не указано. Сочинение содержит 34 листа, исписанных насталиком (на л. 34а – оттиск гербовой печати Императорской Академии наук). Большая часть текста написана рифмованной прозой.

Сочинение является полным, в нем имеется предисловие Алийара ибн Казима, 7 разделов текста и дата переписки. Хронологические рамки описываемых в сочинении событий охватывают VI–XI вв. Конечная дата, относящаяся к описываемым событиям в сочинении, 456 г.х./1063–64 г.

Сличение обоих текстов показало, что при наличии множества общих мест и совпадений, они не идентичны и имеются расхождения.

«Дербенд-наме» Алийара ибн Казима представляет научный интерес тем, что содержит информацию, которая дополняет и уточняет материал, содержащийся в известных списках этого труда.

Сочинение «Дербенд-наме» известно сегодня на многих языках: восточных (персидском, тюркских, арабском), европейских (английском, французском, немецком), русском и дагестанских (аварском, кумыкском, лакском, даргинском) языках.

Как отмечают российские ученые [8, с. 7; 7, с. 11], именно с М. Казембека, с его полного и обстоятельного издания «Дербенд-наме» началась история изучения этого ценного дагестанского сочинения.

### Список литературы

1. Тункина И.В. Санкт-Петербургский академический архив – сокровищница рукописного наследия востоковедов // Письма А.К. Казембека академику Х.Д. Френу (1831–1846). Казань, 2015. С. 11–14.
2. Рзаев А.К. Мухаммад-Али М. Казембек. М.: «Наука», 1989. 199 с.
3. Derbend-nameh. The history of Derbend; translated from a select Turkish version and published with the texts and with notes... by Mirza A. Kazem-Beg. St. Petersburg, 1851. 244 с.

4. Миклухо-Маклай Н.Д. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. Выпуск 3. Исторические сочинения. М.: Издательство «Наука», 1975. 453 с.

5. Бартольд В.В. К вопросу о происхождении «Дербенд-наме» // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1973. Т. VIII. 725 с.

6. Тарихи Дербенд-наме / Редакция и предисловие М. Алиханова-Аварского. Махачкала: Эпоха, 2007. 192 с.

7. Мухаммад Аваби Акташи. «Дербенд-наме» (переводы с тюркского и арабского списков, предисловие и библиография Г.М.-Р. Оразаева и А.Р. Шихсаидова, комментарии Г.М.-Р. Оразаева) Махачкала, 1992. 160 с.

8. Саидов М.-С., Шихсаидов А.Р. «Дербенд-наме» (к вопросу об изучении) // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 5 – 64.

### Информация об авторе

**Алибекова Патимат Магомедовна**, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН, г. Махачкала, Российская Федерация; *e-mail: patimat-alibekova@yandex.ru*

## КОРНИ ТЮРКСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

### Ш. Д. Аскарлов

*Ташкентский архитектурно-строительный институт,  
г. Ташкент, Республика Узбекистан*

**Аннотация.** Характерный для архитектуры древнего Египта монументальный план обогащался представительным пространственным сценарием Греции, распространялся в Иран и Среднюю Азию и, испытав влияние Дальнего Востока, был унесён снова на запад, в Малую Азию, чтобы возродиться во дворце Топкапи. В генезисе архитектур крупнейших цивилизаций мира этот план являлся всецарским канонем. Мобильные тюрки отбирали лучшее для своей архитектуры, и она уподобилась восхитительному древу с корнями по всему миру.

**Ключевые слова:** архитектура, Средняя Азия, тюрки, храмы

## ROOTS OF TURKIC ARCHITECTURE

**Annotation.** The monumental plan, characteristic of the architecture of ancient Egypt, was enriched by a representative spatial scenario of Greece, spread to Iran and Central Asia and, having experienced the influence of the Far East, was carried away again to the west, to Asia Minor, in order to revive in Topkapi Palace. In the genesis of the architecture of the largest civilizations of the world, this plan was the all-canonian canon. Mobile Turks selected the best for their architecture, and it became like a delightful tree with roots all over the world.

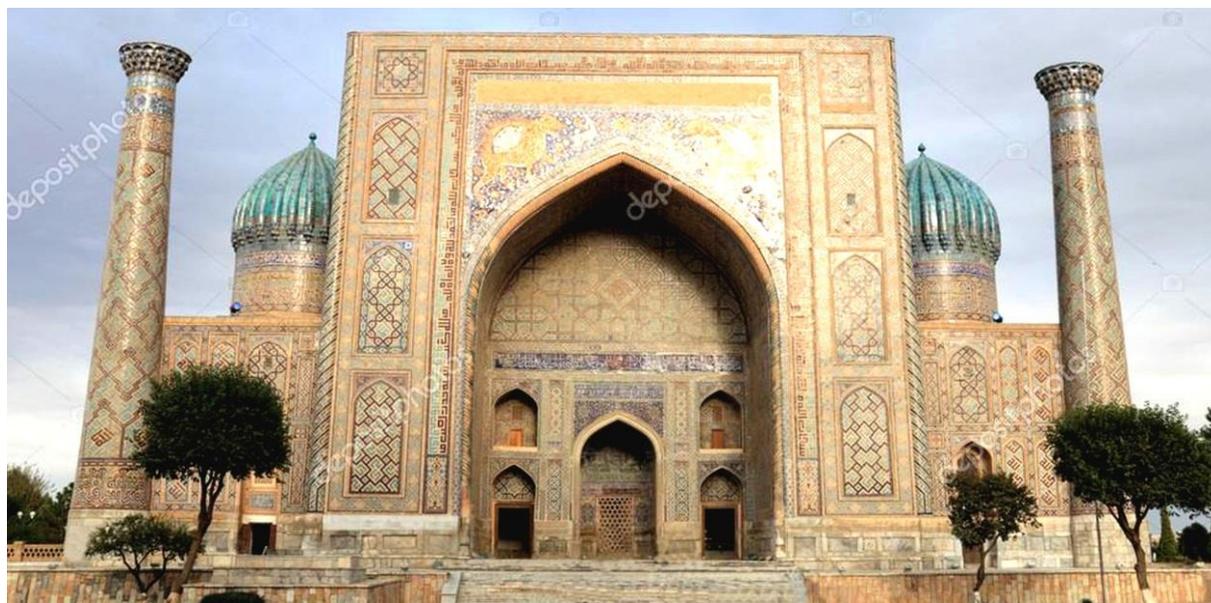
**Keywords:** architecture, Central Asia, Turks, temples

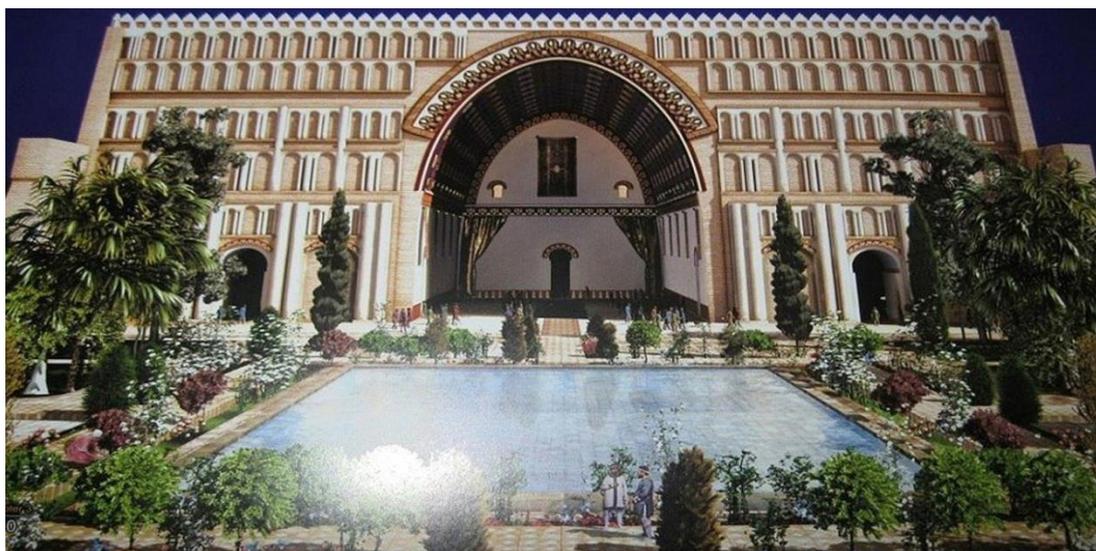
Академик архитектуры А.В.Щусев, создавая театр имени Алишера Навои в Ташкенте, наставлял: «Архитектура восточных стран и западно-европейская классика сходны общими корнями в Египте и Месопотамии. Это на их развалинах классическую архитектуру продолжили Византия и мусульманский Восток» [1]. Поэтому, мастер призывал, наряду с освоением европейской античности, изучать и классику своей архитектуры, ибо в этом - вернейшее средство против провинциализма, то есть копирования другой культуры. Архитектура Средней Азии 13-17 вв., уточнял он, «может по праву быть названа классикой Востока. Изучающие богатое наследие мусульманской культуры, если подойдут строго к принципам её создания, найдут богатый источник вдохновения» [2]. За прошедший век мир неузнаваемо изменился, и в контактах древнейших цивилизаций вскрылись узловая роль Средней Азии и классические корни её тюркской архитектуры.

Уже в предыстории и ранней истории степняки Азии вторгались в цивилизацию древней Греции, свидетельствует Германский Институт истории Макса Планка [3]. «Одержимые к доминированию орды из Туркестана степными техниками боя утверждали своё превосходство в Малой Азии, Италии, Германии» [4]. Египет той поры строил храмы из пространств, сокращавшихся в направлении к святилищу с тамошним фараоном или скульптурным идолом. Греция же из композиции жилого дома-*мегарон* создала дворец в Пилосе 17-12 вв. до н.э. и завершила его святилищем с четырьмя колоннами. Египет заимствовал колонное святилище для дворца Нефертити 15 в. до н.э. и храма Мединет Абу 13-12 вв. до н.э. Сюда же, для маски Тутанхамона, из нашей далёкой прародины Бактрии

доставлялся синий минерал ляпис-лазури. С эллинизацией Средней Азии 4-1 вв. до н.э. колонный *пронаос* дома-*мегарон* стали звать айваном, он вёл в *наос* - мехмонхону, и затем в то самое колонное святилище-*ади-гон*. Коридор же по периметру вёл в последнюю вдоль этой оси кладовую *опистодомус*. Сначала этот порядок приняли зороастрийские храмы 6-3 вв. до н.э., и затем жилые дома и дворцы 2 в. до н.э. - 2 в.

На этом рубеже эр на запад ринулись кочевые орды Хорезма и Бактрии и, образовав царство Парфия 3 в. до н.э. - 3 в., продолжили освоение наследия греко-римской античности. Утвердились присущие кочевникам планировки, а камерная архитектура античности по-степному расплывалась настезь посредством айванов. Ограждаясь на ночь кругом из повозок, кочевники и города свои обносили круглыми стенами, как Емши Тепе 1-3 вв. Округлым стал и Ктесифон - столица Парфии и последовавшей династии Сасанидов. Греко-египетские обводные коридоры парфяне раскрыли четырьмя айванами во двор дворца в Ашшуре 1 в. Небывалый сводчатый айван пролётом 22,1 м. возвели для них византийцы на фасаде дворца в Ктесифоне 3-5 вв., - он будоражил Амира Темура, превзошедшего-таки его пролётом 22,3 м. в хонаках Дор-ус-Саодат в Кеше

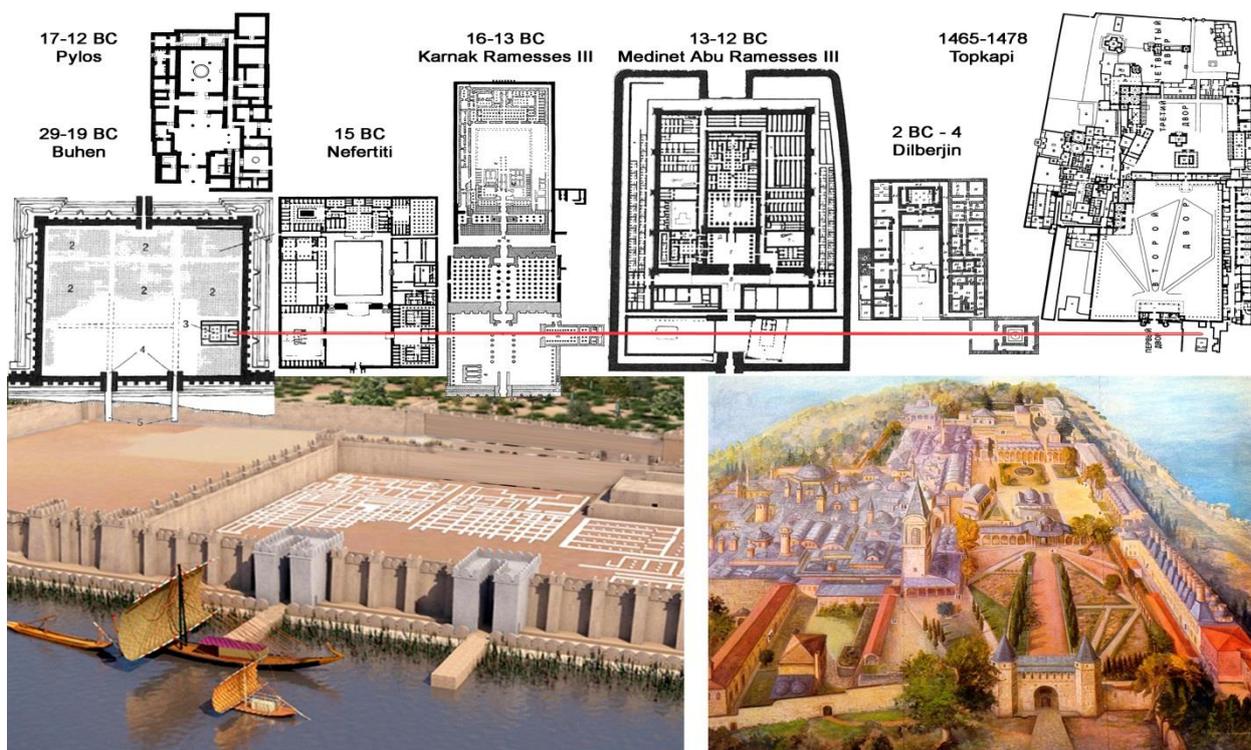




Кочевнический гений парфян передался их наследникам Сасанидам, изобретшим парус. Стационарная и кочевническая архитектуры - это два типа мышления по организации пространства. Стационарность механистична, кочевничество гибче. Римляне не умели строить купол на квадрате, возводя для него круг стен. Сасаниды же, унаследовавшие от парфян навыки кроя полотнищ, изобрели гибкое средство перехода от квадрата к кругу - криволинейные паруса под куполом дворца в Сарвистане 5 в. И свой трон в нём они водрузили не под центральным куполом, а на открытом воздухе, во дворе - под сводом айвана. Парфяне и Сасаниды сплавили кочевническое со стационарным и обратили архитектуру к большей просторности и к гибкому формированию пространств не

только в жёстких ортогональных проекциях, но и в проекциях гибких, криволинейных.

В самой Бактрии, на окраине античного города Дилбержин (Афганистан) археологи в 1970-е гг. вскрыли объект 2 в. до н.э. - 4 в. и назвали его Большим домом. Г.А.Пугаченкова заметила его «похожесть» на «планировки классического Египта», но предпочла видеть в нём «древнебактрийские традиции», поскольку он пополнил её типологию местных храмов, дворцов и жилых домов [5]. Вход во двор Большого дома расположен, однако, не с юга, как в бактрийских домах, а с севера - как в египетских храмах Карнак (14-12 вв. до н.э.) и Хатхор (1 в. до н.э. - 1 в.). План П-образен, 84х57м, и его обводной коридор завершён четырёхколонным *адигоном*. Но самое египетское - это здание справа от входа во двор. Оно - на протяжении 17 веков Египта - являлось каноническим храмом солнечных мистерий: от крепости Бухен до погребального комплекса Мединет Абу



И теперь канон такого храма отозвался в далёкой Бактрии. Как в Египте и Греции, храм и здесь посвящён культу солнца: все три его проёма распахнуты вдоль одной оси к восходящему солнцу.

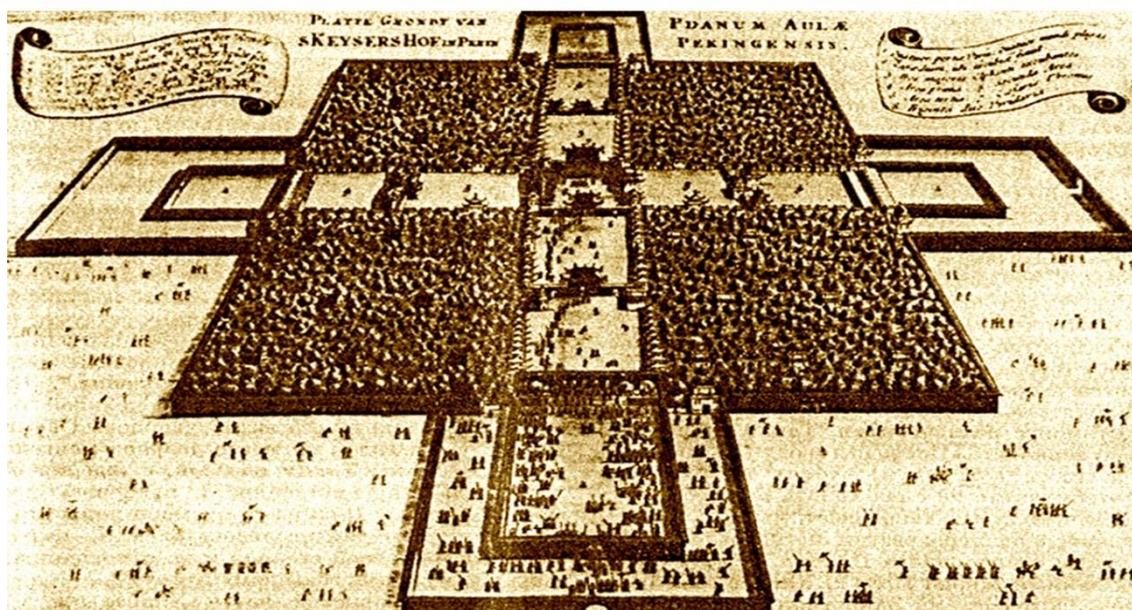
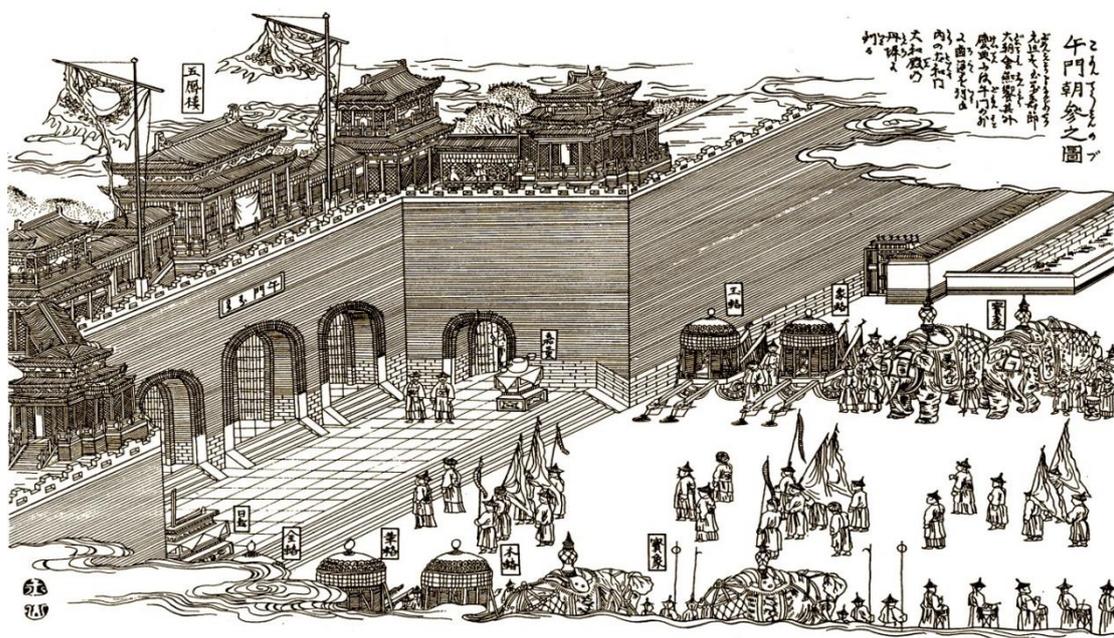
Тогдашняя Средняя Азия была домом всевозможных верований, нередко обитавших под одной кровлей. Её кочевники спокон веков хоронили на дне колодцев и вокруг совершали ритуал шаманизма. Со строительством же храмов, колодцы стали для них осью между подземным и небесным. И вдоль таких осей храмы надстраивались один над другим: от храма огня 30-20 вв. до н.э. в Гонурдепе (Туркменистан) до хонакох Баба Ата 8-12 вв. в Каратау (Казахстан). В Дилбержине же, в ритуальном помещении его храма, колодец шаманистов обратили в хранилище воды *сардобу*. Этот выбор воды, основы зороастрийского мироздания, был вызван и необходимостью снабжения ею расположенных вблизи кварталов. Египетские мистерии солнца сохранились: за ним следили сквозь проёмы в южной и западной стенах Дилбержина и Баба-Ата. Вокруг *сардобы* Дилбержина и колодца Баба-Ата совершали ритуал и с другой зороастрийской стихией - огнём: полы ритуальных помещений усыпаны пеплом и стены окалены. В этом многовековом странствии египетского храма в Среднюю Азию сохранилась жизнь по солнцу, но кочевнический смертный колодец уступил место зороастрийской животворной воде. Обитая под одной кровлей, верования выковывали практическое отношение к жизни, приспособляя к ней символы своих ритуалов.

В распространившиеся в Средней Азии формы эллинизма облачился и проникший сюда в 1-12 вв. буддизм Индии. Эти обе культуры вдохновили планы: храма Джандаял (2 в. до н.э.) в Таксиле (Пакистан), буддийского монастыря-*вихара* Ак Бешим (7-8 вв.) в Чуйской долине (Кыргызстан), исламского мавзолея-*хонакох* Султан Воиз Бобо (Хорезм). В последнем, *пештак-пронаос* ведёт в мавзолей-*наос* и святилище-*адигон*. А кладовая-*опистодомус* размножилась вдоль обводного коридора крохотными художрами для затворников. Худжр девять: это священное число в буддизме. «Греческие цари явно покровительствовали буддизму», - усмехнулся по этому поводу П. Левек [6].

Вот в такую Среднюю Азию вторгаются следующие мощные творцы истории. Ранние монголы и тюрки возникли к северу от Китая, в 6 в. до Европы простёрлось государство Тюркский каганат, а в 13-14 вв. - крупнейшая в истории Монгольская империя. Китайцы, монголы и тюрки планировали прямоугольно вдоль центральных крестообразных осей к сторонам света. На перекрестии четырёх дворовых анфилад задуман Императорский дворец в Пекине, но в 1406-1420 гг. построена только южная

Международная научно-образовательная конференция  
«КАЗЕМБЕКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»  
26-27 февраля 2019 г.

ось, предпочитавшаяся и китайцами, и монголами, и тюрками. В тюркской орде послы шли к шатру правителя тоже сквозь анфиладу дворов, сначала меж рядов войск, затем - повозок с драгоценностями, и т.д. [7]. Перед воротами Орды Амира Темура испанским послом Де Клавихо были замечены шесть боевых слонов с деревянными башенками [8]. Изображавшиеся китайскими миниатюрами 18 в. слоны с башенками перед воротами Южного двора Императорского дворца Пекина - примечательное для этого времени заимствование от Орды Амира Темура



Ведь в ту эпоху взлёта кочевых государств внук Чингизхана Хубилай (1215-1294 гг.) правил Китаем, вербуя солдат из Средней Азии, назначив ташкентца Ахмада министром финансов 1268-1282 гг. [9], и приветствуя «большое влияние узбеков при дворе» [10]. Анфиладный план тюркской орды и встретился в Средней Азии с распространившимся П-образным планом греко-египетского святилища. Эти планы западного и восточного происхождения, веками создававшиеся для усиления престижа власти, синтезировались. И - вслед за тюркской экспансией 11-12 вв. из Средней Азии в Азию Малую, - результат этого синтеза воплотился в 15 в. в Топкапи, стамбульском дворце султанов Османской империи.

Планировка дворца Топкапи ввергает в смятение исследователей как на Западе, так и в самой Турции, и остаётся загадкой. «Топкапи строился веками без определённого композиционного порядка, но согласно неписаному порядку церемоний» [11], - пишет светоч науки США об исламе О.Грабарь. Ему вторит его друг, крупнейший знаток архитектуры Турции Д.Кубан: «Для Топкапи не характерен осевой ортогональный генеральный план, свойственный культурам от Китая до Европы. Османы не придавали значения физическому окружению. Их культуре свойственен непоследовательный план. Вот почему их дворец может показаться Западу экзотичным деревенским домиком» [12]. Ученица и коллега О.Грабаря Г.Неджиоглу приходит к выводу, что всё же «генеральный план дворца не является бессистемным, и что его честолюбивый ансамбль организован согласно кодексу «Канун Намэ» Мехмеда Второго» [13]. Проблема в том, что в «Канун Намэ» предписана иерархия официальных лиц и придворных, а также правила протокола во дворце, - но не его планировка.

Топкапи значит «Ворота пушек» и, первоначально, перед дворцом располагался обширный военный двор с арсеналом, бараками, госпиталями. Здешние Ворота Орды (Ордакапи) ведут во Второй распределительный двор. В конце его расположены Ворота счастья, ведущие в Третий церемониальный двор с Тронной комнатой в начале и Сокровищницей в конце. То есть, в конце каждого двора находится его кульминация, за которой следует новый двор и новая кульминация. Этот приглашающий сценарий пространств сформировался в египто-греко-бактрийском синтезе, происходившем в древней и средневековой Средней Азии - «земле отцов» современных турок. Переведём язык пространств Топкапи на язык этого синтеза. Уже в Первом дворе «Ворота пушек» нас

встречает приглашающий *пронаос-айван*. Второй двор распределяет вошедших - это *наос-мехмонхона*. А Третий двор с Тронной комнатой и Сокровищницей - это явный *адигон*. Но самое неопровержимое доказательство египто-греко-бактрийского, через Среднюю Азию, происхождения Топкапи - это постройка справа от входа в него. Она происходит от храмов, расположенных справа от входа в святилища Египта. В Бактрии эти храмы прагматично посвящали животворной воде, и в Стамбуле тоже в этой постройке находятся службы водоснабжения дворца Топкапи, с насосами, резервуарами, трубами. Этой неприметной водной постройкой при входе в Топкапи турецкие исследователи пренебрегли: Д.Кубан в своей книге отрезал её от плана дворца, а Г.Неджипоглу и вовсе обошла вниманием эту постройку, хотя писала статью именно о системе водоснабжения дворца.

С самой зари человечества, характерный для архитектуры Египта монументальный план обогащался представительным пространственным сценарием Греции, распространялся в Иран и Среднюю Азию и, испытав влияние Дальнего Востока, был унесён кочевыми тюрками снова на запад, теперь уже в Малую Азию, чтобы возродиться во дворце Топкапи. План последнего воплощает последовательный и чёткий порядок, но кочевнически свободный, просторный, и неортогональный. В генезисе архитектур крупнейших цивилизаций мира этот план являлся всецарским канонem. Мобильные тюрки отбирали лучшее для своей архитектуры, уподобившейся восхитительному древу с корнями по всему миру.

### Список литературы

1. Мастера советской архитектуры об архитектуре // М.: Искусство, 1975, Т.1., с.183.
2. Джахангиров В.А., Хазанов Д.Б. Архитектура Узбекской ССР // Архитектура республик Средней Азии. М.: Государственное издательство архитектуры и градостроительства, 1951, с.55. Со ссылкой на «Архитектура СССР», 1934, 8.
3. <https://news.mail.ru/society/30571170/>
4. Kinder H., Hilgemann W. The Penguin Atlas of World History // Volume 1. London: Penguin Books, 1964-2003, p.21.

5. Пугаченкова Г.А. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана. В сб.: Древняя Бактрия. Материалы Советско-афганской экспедиции 1969-1973 гг. // М.: Наука, 1976, стр.125-162.
6. Левек П. Эллинистический мир // М.: Наука, 1989, с.213.
7. Гундогдыев О.А., Мурадов Р.Г., и др. Историко-культурное наследие Туркменистана // Istanbul: UNDP, 2000, с.127-128.
8. Клавихо, Руи Гонсалес де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Темура (1403-06) // М.: Наука, 1990, с.108.
9. Rossabi, M. Khubilai Khan. His Life and Time // London: The Folio Society, 2005, p.X, 2, 175-176.
10. Бунин А.В., Саваренская Т.Ф. История градостроительного искусства. Т.1 // М.: Стройиздат, 1979, с.185.
11. Grabar, O. Palaces, Citadels and Fortifications. In: Grube E.J., Dickie J., Grabar O., et al. Architecture of the Islamic World // London: Thames and Hudson, 1974, p.73 (65-79).
12. Kuban, D. Ottoman Architecture // Woolbridge, Suffolk (England): Antique Collectors' Club Ltd, 2010, p. 407, 410, 411.
13. Necipoglu, G. "Virtual Archaeology" in Light of a New Document on the Topkapi Palace's Waterworks and Earlier Buildings, circa 1509 // Muqarnas. An Annual on Visual Cultures of the Islamic World, V.30. - Leiden-Boston: Brill, 2013, p.315-350 (337).

## ПОДПИСИ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. Порталы: Карнак - Ктесифон - Шердор.
2. Планы от Бухена до Топкапи. Красной линией соединены храмы справа от входов. Внизу - панорамы Бухена (слева) и Топкапи (справа).
3. Императорский дворец Пекина: общий вид и слоны перед Южными воротами.

## Информация об авторе

**Аскарлов Шукур Джураевич**, доктор архитектуры, профессор кафедры истории и теории архитектуры, Ташкентский архитектурно-строительный институт, г.Ташкент, Республика Узбекистан

**«В ИМЕНИ ШАМИЛЯ СКРЫВАЕТСЯ МНОГО МЫСЛЕЙ  
ИСТОРИЧЕСКИХ И ПАТРИОТИЧЕСКИХ..., ОН ГЕРОЙ  
И СОЗДАТЕЛЬ ГЕРОЕВ» (М.КАЗЕМ-БЕК)**

**А.М. Буттаева**

*Дагестанский гуманитарный институт,  
г. Махачкала, Республика Дагестан, Российская Федерация*

**С.О. Борисова**

*Дагестанский гуманитарный институт,  
г. Махачкала, Республика Дагестан, Российская Федерация*

**Аннотация.** Больше полусотни лет историческая наука в республиках СССР развивалась в угоду партийно-государственному аппарату. Приоритеты научного поиска, где главное значение имели истинность исторических фактов и их объективная интерпретация, были сведены к разработке теорий подтверждающих правильность политического курса коммунистической партии. В силу этих требований многие отечественные историки были вынуждены становиться простыми комментаторами и иллюстраторами официальных трактовок событий прошлого. Мы еще далеко не ушли от тех времен, когда имели место и грубое административное вмешательство в развитие исторической науки, и давление на историков вплоть до применения репрессий.

Подобной участи в историографии России не избежала история народно-освободительной борьбы горцев северо-восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX столетия - невиданный вулкан человеческой активности на землях Прикаспия.

Отметим, что и сегодня этот вулкан человеческой активности не потерял своей энергии, но история совершает удивительный поворот, в действие вступают многочисленные, сложные по своему определению силы: демографические, политические, экономические, культурные, социальные, обусловленные глобализацией всех сфер общественной жизни. Напористая настойчивость Запада в пропаганде своих ценностей вызывает обратную реакцию в незападном мире. К тому же многочисленные исторические факты подтверждают неприемлемость

многих западных ценностей для традиционных культур, для автохтонов коренного населения, которые и сегодня противодействуют не критичному переносу в свою культурную среду шаблонов других культур.

**Ключевые слова:** Народно-освободительная война, Кавказ, востоковедение, мюридизм, мусульманская религия, религия, политика.

**«MANY HISTORICAL AND PATRIOTIC THOUGHTS  
ARE HIDDEN IN THE NAME OF SHAMIL ... HE IS A HERO  
AND CREATOR OF HEROES» (M. KAZEM-BEK)**

**Annotation.** For more than fifty years, historical science in the republics of the USSR developed in favor of the party-state apparatus. Priorities of scientific research, where the truth of historical facts and their objective interpretation had a principal value, were reduced to the development of theories confirming the correctness of the political course of the Communist Party. Due to these requirements, many domestic historians were forced to become ordinary commentators and illustrators of official interpretations of events of the past. We are still not far from the times when there was a rough administrative intervention in the development of historical science, and pressure on historians including repressions.

In Russian historiography the same fate befell the history of the national liberation struggle of the highlanders of the northeastern Caucasus in the 20-50s of the XIX century - an unprecedented volcano of human activity on the Caspian lands.

It should be noted that even today this volcano of human activity has not lost its energy, but history makes an amazing turn, numerous, complex in their definition forces come into play: demographic, political, economic, cultural, social, caused by globalization of all spheres of public life. The energetic persistence of the West in promotion of its values causes a backlash in the non-Western world. Besides, numerous historical facts confirm the unacceptability of many Western values for traditional cultures, for indigenous populations, which even today counteract the non-critical transfer of patterns of other cultures to their cultural environment.

**Key words:** People's Liberation War, Caucasus, Oriental studies, Muridism, Muslim religion, religion, politics.

Дагестанская земля хранит множество тайн из жизни своих много-страдальных народов и народных героев. Многое о прошлом своей малой родины мы знаем достоверно, многое знаем искаженно, но еще больше предстоит узнать впервые. Сегодня, как никогда возникла духовная потребность в познании исторической правды о своем крае, о своих народных героях, о нравственном предназначении изучения прошлого.

С нашей точки зрения первейшей задачей исторического исследования и критерием его объективности является – соответствие нормам морали и нравственности. Много столетий назад, Тацит<sup>1</sup> писал по этому поводу: «Я считаю главнейшей обязанностью анналов, сохранить память о проявлении добродетели и противопоставить бесчестным словам и делам устрашение позором в потомстве» [24,с.32]. Важно отметить: реализацию историком своей социальной роли Тацит связывал со стремлением к истине. По его мнению, только правда о прошлом может научить добру в настоящем. Мы тоже думаем, что это и есть тот самый ключ к пониманию ушедшей действительности с позиций и на основе представлений эпохи, современником которой мы являемся.

Само собой разумеется, что для обнаружения исторической правды в источниках, исследователь должен виртуозно владеть общенаучными методами понимания и объяснения исторических текстов, уметь делать логический анализ содержания источника, с выяснением имеющихся в нем противоречий. Несомненно, для историка одним из значимых методов установления исторической правды является сравнительно-исторический метод, т.е. метод сопоставления и сравнения источников как одного вида (газеты или журналы), так и разных видов. Любой фрагмент исторической правды как результат познавательных поисков, озарений, напряженной работы мысли и чувств ученых-исследователей представляет ценность для общества.

О народно-освободительной борьбе горцев северо-восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX столетия, много написано в сводных монографических исследованиях русских и зарубежных исследователей, в письмах, мемуарах лиц действовавших на Кавказе в эпоху Имамата. Это

---

<sup>1</sup> Публий (или Гай) Корнелий Тацит[коммент. 1] (лат. Publius Cornelius Tacitus, или Gaius Cornelius Tacitus; середина 50-х — ок. 120 года) — древнеримский историк, один из самых известных писателей античности.

записи, мемуары и воспоминания Д.А. Милютин[3], П.Х. Граббе[6], К.К. Бенкердорфа[2], И.Д. Орбелиане[17], А. Руновского[22] и многих других. Также очень много интересных фактов из жизни Имамата приведены в работах местных авторов: Гаджи-Али Чохского[23], Мухаммед Тахира аль Карахи[10], «Воспоминания» Абдурахмана, сына Джамал ад-Дина Казикумухского, «Асари Дагестан» Г.-Э. Алкадари и др.

Среди этих работ мы особо отметим дневник А. Руновского, ценность которого заключается, прежде всего, в том, что он составлен из воспоминаний, рассказов самого имама. В ней приводится заключительная мысль имама, который после 30 летней войны, пришел к выводу, что войны на Кавказе нужно избежать, с Россией необходимо дружить и кавказским народам лучше находиться под ее покровительством.

Следует подчеркнуть, что до сих пор, несмотря на обилие монографий, воспоминаний, статей, посвященных Кавказской войне, нет фундаментальной работы, в которой дается развернутый анализ системы управления, существовавшей в государстве Имамат. Более того, в исторической литературе, нет полного списка главных сподвижников Шамиля, его наибов, мюридов.

Таким образом, можно считать 30 летний исторический период жизни Кавказа, связанный с именем Шамиля, является загадочным периодом в истории народов Кавказа, по которой еще не создано цельной, правдивой, подлинно научной концепции событий, сыгравших прогрессивную роль не только в судьбах народов Дагестана и Чечни, но и в истории России. Также требует объективной оценки социально-психологический портрет имама Шамиля и его действий в указанный период. К примеру, определенного социально-политического анализа требует высказывание К. Маркса в письме к Ф.Энгельсу в августе 1854 г., который назвал предводителя горцев «Страшным демократом Шамиль-беем» [11].

Не удивительно, что эпоха трех имамов Гази-Магомеда, Гамзатбека и Шамиля, социально-политическое устройство имамата, образование которого историки считают одним из наивысших достижений горцев того периода, до сих пор привлекает пристальное внимание отечественных и зарубежных историков, общественных и политических деятелей. Справедливости ради, следует подчеркнуть, что Имамат

– это ... «первое многонациональное государство на Кавказе, в котором национальные, этнические проблемы были учтены и решены» [7 с. 95].

*Александр Касимович Казем-Бек, как личность и как ученый*

Итак, возвращаясь к теме нашей статьи, мы начнем с постановки проблемы, тем более, что всякое начало трудно, какой бы сферы деятельности человека это ни касалось. Так, приступая к написанию книги, долго размышляешь над тем: что есть книга, какова ее цель и каковы ее задачи? С чего начинать? По сути, начинаешь с вопрошания, то есть постановки вопросов, на которые предстоит ответить.

Наши вопросы таковы; Кто такой Александр Касимович Казем-Бек? Какова творческая биография Мирзы Казем-Бека? Каков вклад М. Бека в исследовании народно-освободительной борьбы горцев Кавказа в 20-50-х гг. XIX в, в частности, деятельности имама Шамиля?

Хотя в объеме данной статьи невозможен подробный анализ ответов на эти вопросы, но все же попытаемся быть максимально объективными и правдивыми.

По закону Вселенной, чем сложнее жизнь, чем больше трудностей, тем значительнее достижения и выше успехи. Неординарная личность Казем-Бека<sup>1</sup>, жизнь которого была достаточно сложной и полной испытаний, притягивает к себе внимание современников. По нашему мнению, быть неординарным человеком, значит обладать такими навыками, которыми обладают единицы, всегда иметь свое мнение, в то же время с пониманием относиться и к чужому. Казем-Бек – это крупный ученый, человек который отважился жить по собственному установленным, из опыта, познанного и пережитого, правилам, не минуя, разумеется, законы мироздания.

Сын известного шиитского духовного главы Дербента, шейх-уль-ислама хаджи Мухаммеда Касима Казем-бека, он в 1823 году совершил крайне смелый, именно для него, как сына известного мусульманского

---

<sup>1</sup> Александр Касимович Казем-Бек (Мирза Казым-Бек; 22 июля 1802 года, Решт, Персия — 27 ноября 1870 года, Санкт-Петербург) — азербайджанский и русский учёный-востоковед, первый декан Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета (ныне Восточный факультет СПбГУ).

представителя, поступок, принял христианство пресвитерианского вероисповедания от шотландских миссионеров<sup>1</sup>, получив имя Александр. Этот решительный поступок, определивший в конечном итоге сценарий его жизни, повлек разрыв с родителями.

Ясно чтобы совершить такой отважный поступок, человек должен обладать повышенной волей и чувством ответственности перед собой и людьми, иметь твердо устоявшиеся мировоззренческие принципы, убеждения и быть готовым их отстаивать. Именно в волевом поступке проявляется духовная мощь и красота личности человека.

Будучи еще очень юным, Казем-Бек проявляет незаурядные способности к усвоению нового, к напряженной интеллектуальной деятельности.

В возрасте 26 лет, не имея официального документа, подтверждающего определенный уровень его знаний, Казем-Бек, (конечно, не без влияния известного профессора Казанского университета Карла Федоровича Фукса, впечатленного способностями молодого человека) был избран действительным членом Королевского Азиатского общества в Лондоне, а через 2 года, написав на персидском языке работу по арабской филологии, получил степень магистра восточной словесности. К концу жизни учёный имел звания члена-корреспондента Российской академии наук и почетного доктора восточной словесности<sup>2</sup>.

Как ученый Казем-Бек являясь плодотворным исследователем, оригинальным мыслителем, свободно ориентировался в истории, языкознании, ориенталистике и других областях гуманитарных наук. Творческая мысль Казем-Бека, развиваясь неудержимо, увлекала его далеко за пределы избранной темы. Будучи горячим проповедником науки и культуры, Казем-Бек, часто выступал перед аудиторией, преподавал, писал статьи.

Неопрровержимым фактом является то, что активное развитие российской школы исламоведения связано с открытием в 1807 году в Казанском университете кафедры восточных языков, в которую научно-педагогическая деятельность Казем-Бека, в области ориенталистики, внесла много ценного.

---

<sup>1</sup> Мирза-Мамед-Али-бек, быв сослан туда вместе с отцом его, в прошлом 1823 году обращен находящимися в Астрахани Шотландскими миссионерами в христианскую веру. Из отношения генерала Ермолова к графу Нессельроде от 28 октября 1824 года № 255 — Акты Кавказской Археографической Комиссии. т. VI, ч. I, с. 476, док. 644

<sup>2</sup> Казембек, Александр Касимович [ru.wikipedia.org](http://ru.wikipedia.org) (Обращение 10.02.2019г.)

Человек поистине энциклопедических знаний, Казем-Бек оставил неизгладимый след в истории российского востоковедения. Его труды по истории, философии, юриспруденции, литературе, языкознанию народов Ближнего и Среднего Востока являют собой существенный вклад в эту науку, ставят его имя в ряд с корифеями мировой ориенталистики [13]. Без сомнения дружба и сотрудничество с выдающимися учеными и передовыми мыслителями своего времени – Н.И.Лобачевским, Н.Г.Чернышевским, Л.Н.Толстым, М.Ф.Ахундовым, А.Гумбольдтом и мн. др. не могло не сказаться на мировоззрении Мирзы А.К.Казем-Бека, который почерпнул от них немало ценных знаний, но в области научного востоковедения, которое при нем приобретает имперский, фундаментальный и научно-просветительский характер, с ним не мог сравниться никто.

Казем-Бек один из первых ориенталистов, который создал собственную научную школу, где пропагандировал прогрессивные идеи о необходимости и полезности, для укрепления государства Российского, развития востоковедения. Параллельно с созданием своей школы ориенталистики он начал работать по направлению подготовки специалистов - востоковедов именно из соотечественников. С этой целью он научно и теоретически обосновал профиль, основные качества и черты специалиста – востоковеда, где на первом месте стояло знание языков. Придавая большое значение знанию языков в деле дальнейшего развития российского востоковедения, он писал: «Давно уже доказано, что нет лучшего руководителя к достижению истины в исследовании народных древностей, как изучение языков; это единственный путь к сокровищницам знаний, сокрытых в лабиринте невежества» [16, с. 245-246].

Обращаясь к истокам формирования многонационального состава Российского государства и философски осмысливая роль и значение развития востоковедения в деле освоения отечественного духовного наследия, М. Казем-Бек писал: «... никакое европейское государство так тесно не соединено с Азией в географическом, торговом и даже этнографическом отношении, как Россия. В недрах России ее жителями употребляется более 20-ти азиатских языков и отдельных наречий, не говоря о многоразличных чужеземных языках, употребляемых, с одной стороны, в Кавказских горах и ущельях, с другой - в Сибирских

лесах и равнинах и, с третьей - в значительной полосе государства, усеянной финскими и финно-монгольскими и финно-тюркскими племенами. Сверх того, с Манджурией, с Китаем, с Средне Азиатскими независимыми племенами, с Персией, и с Турцией мы находимся в ближайшем соседстве.

Следовательно, какое государство имеет более возможности, удобства и даже права извлекать выгоды из знания азиатских языков, чем Россия?» [19, с. 16].

Известный российский востоковед, доктор исторических наук Борис Моисеевич Данциг, высоко оценивая деятельность М. Казем-Бека казанского периода отмечает: «создателем казанской школы ориенталистов по праву должен считаться А. К. Мирза Казем-Бек» [8, с. 110].

Его ученик профессор И. Н. Березин так пишет про своего учителя: «Как ученый, - Мирза Казем-Бек представляет редкое явление, заслуживающее особенного внимания и наблюдения: благодаря особым обстоятельствам азиатского воспитания и позднейшего европейского развития он соединял в себе обширное восточное знание с европейской наукой... [3]. Именно благодаря его усилиям «Восточный факультет пополнила блестящая коллекция восточных рукописей, среди которых особое место занимают списки по различным аспектам ислама (суфизму, кораническим наукам, хадисоведению, гадательным практикам истихара и т.д.).

Среди его работ по исламу следует отметить следующие: «Мухтасар ал-вакайат» («Краткое изложение событий». Курс мусульманского законоведения по школе Ханефидов (на араб., с предисл. на рус. языке). Казань, 1845; 2-е изд., 1876; 3-е изд., 1885); «О значении имама, его власть и достоинство» (Русское слово. СПб., 1860. № 3); «История ислама» (Русское слово. №№ 2, 5, 8 и 10); «Шераи уль-Ислам» (Кн.1: О торговле и залоге. На рус. языке с араб. текстом. Законы мусульманские по учению гаитов. СПб., 1862; Кн.2: О наследстве. СПб., 1867) и др.» [1].

В этом было своеобразие и уникальность российского востоковеда, воспитавшего в Казани множество учеников, таких как Н. И. Березин, историк мусульманского Востока, иранист и тюрколог, и Н. И. Ильминский (1822—1891), арабист и тюрколог, известный путешественник по Востоку, издатель памятников тюркской письменности («Бабур-наме» и др.) и языковед и мн.др.

Исторические перемены позволили нам сегодня по - новому взглянуть не только на имя, но и на научное наследие Казем-Бека. Изучение и популяризация этого наследия востребовано временем, обществом. До сих пор на факультетах востоковедения разных российских вузов используются его сочинения: «Взгляд на историю языка и словесности арабской» написанная в 1831 году на персидском языке, методическое пособие и программу для преподавателей арабского, персидского и турецко-татарского языков гимназии, получившие высокую оценку Академии наук и одобренные министром народного просвещения (1836г.). Пользуются научным авторитетом труды по истории: «Ассеб ас-сейяр, или семь планет, содержащий историю крымских ханов» (1835), «О взятии Астрахани в 1660 г. крымскими татарами», «Мюридизм и Шамиль», «Дербенд-наме», «Баб и бабиды», филологии и языкознанию «Мифология персов по Фирдоуси» и мн. др.

После 23-летней службы в Казани, снискавшей ему там всеобщую любовь и уважение, Казем-Бек перешел в ноябре 1849 года на кафедру Персидской Словесности Санкт-Петербургского университета, где продолжил активную научную деятельность; публиковал работы, как по тюркологии, так и по истории Востока и его религий. В течение своей жизни он опубликовал более 110 научных работ: монографий, статей, рецензий на различных языках. Почти все труды М. Казем-Бека по вопросам востоковедения переведены на английский, французский и немецкий языки. Большинство научных трудов М. Казем-Бека удостоено поощрений и премий[5].

М. Казем-Бек был одним из тех, кто поставил изучение Востока в России на научные, академические рельсы, вывел российскую науку о Востоке на уровень, не уступающий европейскому, а подчас и превосходящий достигнутое востоковедами Западной Европы.

Он тот, кто существенно повлиял на ход научной востоковедческой мысли, поднимая ее на более высокий уровень и открывая для нее новые направления исследований. Ниже представлен список наиболее значимых государственных наград.

### **Награды и достижения**

1839 г. – Демидовская премия Академии наук Российской империи за публикацию книги «Грамматика турецкотатарского языка».

1850 г. – Демидовская премия Академии наук Российской империи за книгу на английском языке «Дербент-наме».

1855 г. – Демидовская премия Академии наук Российской империи за книгу «Учебные пособия для временного курса турецкого языка в Императорской Военной Академии».

Избран членом Великобританского Королевского Азиатского общества, членом научных сообществ Франции, Германии, Голландии и США.

*«Мюридизм и Шамиль» - историко-политический трактат о движении горцев Дагестана под предводительством Шамиля*

Особое место в научной деятельности М.Казем-Бека занимает исследование, посвященное народно-освободительному движению народов Кавказа, возглавленному имамом Шамилем. Будучи современником Кавказской войны первой половины XIX в., Казем-Бек внимательно следил за событиями, происходившими на Северном Кавказе. В 1859–1860 гг. он стал интересоваться национально-освободительной борьбой горцев Северного Кавказа. Разработкой истории движения горцев, истории распространения мюридизма на Востоке, в частности на Кавказе, в середине XIX в. М. Казем-Бек внес значительный и весомый вклад в историческую науку.

Впервые в 1860 г. в петербургском ежемесячном журнале «Русском слове», издававшемся весьма недолго, с 1859 по 1866 год графом Григорием Александровичем Кушелевым-Безбородко, была помещена работа М. Казем-Бека «Мюридизм и Шамиль», состоящий из трех частей: 1) «Очерк истории мюридизма на мусульманском Востоке», 2) «Развитие мюридизма на Кавказе» и 3) «Шамиль».

Работа «Мюридизм и Шамиль» в отличие от других подобных трудов содержала не только изложение фактического материала в хронологической последовательности, но и ценные данные о политическом характере мюридизма, в частности о движении горцев за свободу. Она быстро распространилась по всей России, и автор, отвечая на многочисленные вопросы и просьбы читателей, вторично, уже в 1860 г., выступил на страницах «Русского слова» со статьей «О значении имама, его власти и достоинстве» и тем самым продолжил исследование о «Мюридизме и Шамиле» [15].

По мнению многих историков-востоковедов, книга «Мюридизм и Шамиль», явилась весомым вкладом не только в изучение стран Ближнего и Среднего Востока, но и также в изучение перспектив исторического развития этих стран [1, с. 234]. Его ценность заключается в том, что она была написана именно в тот период, когда в России повысилась общественная роль политических теорий, когда резко возрос интерес русской общественности к Востоку, особенно к Кавказу. Книга «Мюридизм и Шамиль» представила свои страницы широкой общественности не только разных регионов России, но и зарубежных стран.

Первым делом, в этой книге привлекает читательское внимание умение мыслителя определить и тонко подметить соотношение религии и политики в освободительном движении горцев Кавказа. Казем-Бек внимательно изучал политическую сущность мюридизма на конкретном, дагестанском примере и в отличие от других исследователей этого движения сумел дать не только изложение фактического материала в хронологической последовательности, но и сделал ценные выводы о политическом характере мюридизма как движения горцев за освобождение. По меткому высказыванию А. Романовского «мюридизм был искрою, брошенное в порох» [20, с. 320].

Для нецелевого читателя мы даем некоторые разъяснения о сущности понятия мюрид. Определений понятия «мюрид» множество, наиболее понятным и содержательным мы считаем такое - мюрид (араб., - желающий, стремящийся, послушник, обязанный беспрекословно подчиняться шейху) – это мусульманин, посвятивший себя духовному совершенствованию. Во время сближения с богом он беспрекословно выполняет все нормы шариата, проводит все время в посте и молитвах, чтобы подняться до внутреннего и духовного поклонения богу. Следовательно, мюридизм – мистическое направление суфизма, требующее согласно нормам тариката, полного отрешения и беспрекословного подчинения своему наставнику.

Идеи мюридизма стали широко распространяться и принимать политическое звучание лишь с того времени, когда произошло соединение этих идей с национально-освободительной борьбой горцев Северного Кавказа. Сам Казем-Бек, по этому поводу, писал: «Шамиль и мюридизм тесно связаны между собою в русской военной литературе, но ни тот, ни другой не вошли ещё в словари, ни в лексическом, ни в историческом смысле. Поэтому, исполняя мое желание, я излагаю свое

повествование так, чтобы оно и в том и другом отношении могло представить верный материал для русской литературы и науки» [9, с. 22].

Щепетильность и сложность стоящей перед М. Казем-Бекком задачи заключалась в том, что он впервые в своей научной деятельности сделал серьезную попытку исследовать основные политические причины возникновения национально-освободительной борьбы народов Кавказа вошедшей в историю как политическая борьба под религиозным знаменем. Нужно иметь в виду, что именно характер и сущность присоединения к России, российское завоевание и колонизация, влияние и политика России в конкретном мусульманском регионе обуславливали, да и сегодня обуславливают процессы национального и религиозного взаимоотношений. В случае описываемых событий фактор российского колониализма является объединяющим фактором среди народов Кавказа. На тот момент Россия рассматривала Кавказ как расширение метрополии, как составная часть политики поселения и переселения русских. Политика постепенного расширения фронта России на Восток как не только политической, но и ментальной культурной границы, в целом обусловила начало военных действий на Кавказе. Понимание этих моментов в политике России и некоторая осторожность которой надо было придерживаться в характеристике описываемых событий, создавали определённые трудности в работе над книгой.

Значительное место в его исследовании занимает анализ роли имама Шамиля в этой борьбе, реформаторская заслуга которого заключается «в том, что он вместе с сподвижниками разработал теоретические основы антиадатских реформ и практически осуществил правовую революцию в Дагестане и Чечне» [7, с. 95].

Подчеркивая специфичность исследуемого события А.К. Рзаев<sup>1</sup> пишет: «В отличие от других современных исследователей мюридизма своего времени М. Казем-Бек расценивал это явление не просто как результат мусульманского фанатизма. Он сумел рассмотреть в нем политические мотивы. Мыслитель аргументированно раскрыл смысл и политическое значение движения и даже дал некоторый анализ военно-теократического государства, опиравшегося на религиозную идеологию мюридизма. По определению мыслителя, исламские религиозные

---

<sup>1</sup> Рзаев Агабаба Косум оглы – д. ю. н., проф., специалист в области истории политических учений. Основные его работы: «Правовые взгляды М.Ф. Ахундова» (Баку, 1962), «Мирза Казем-бек» (Баку, 1965), «Передовая политическая мысль России и Азербайджана XIX в. и их взаимосвязи» (Баку, 1967), «Очерки об ученых и мыслителях Азербайджана XIX века» (Баку, 1968), «Политические взгляды М.Ф. Ахундова» (Баку, 1969).

лозунги в какой-то момент сыграли положительную роль в деле мобилизации народных масс на борьбу, целью которой были политические преобразования» [21].

Г. Гусейнов в книге «Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века» высоко оценивая значение этого труда М.Казем-Бека, писал: «Исследованиям М.Казем-Бека по вопросам мюридизма востоковеды уделяли большое внимание ещё в прошлом столетии. Так, например, Петр Позднеев в своей книге «Дарвиши в мусульманском мире» об этом высказывается следующим образом: «Труд известного русского ориенталиста, профессора Мирзы Казем-Бека, относительно мюридизма помещен в «Русском слове» за 1859 год в декабрьской книжке под заглавием «Шамиль и мюридизм». Здесь автор обнаруживает основательное знакомство с дервишством, с его историей и учением» [5, с. 238].

Отдавая дань объективной оценке Г.Н.Гусейнов рассматривая, анализируя труд «Мюридизм и Шамиль» М.Казем-Бека, занял объективную, прогрессивную позицию в исследовании проблем теории и истории мюридизма, освободительного движения народов Кавказа под руководством Шамиля и оставил неизгладимый след в истории философской, исторической мысли.

Значительно обогатили представления М. Казем-Бека о движении горцев, о Шамиле - открыв новые стороны бытия и неизвестные ранее глубинные основания психологической природы Шамиля, две его встречи с пленным Шамилем в Петербурге. Сам Казем-Бек об этих встречах пишет следующее: «Первое свидание наше было 3 октября в полдень у меня на квартире, в которую приехал Шамиль со своим сыном Казы-Мохаммедом (названного в честь первого имама – Газимухаммада) и свитой. Меня более всего поразила в нем любовь к разговору о науке, конечно, таких, которые доступны дагестанским ученым. Шамиль со своим сыном, почти столько же, как он, сведущим в восточной мудрости, попеременно спрашивали меня о различных мусульманских ученых, об их сочинениях, о том, какими книгами я руководствуюсь в моем преподавании; учу ли толкованиям Корана, известны ли студентам мохаммеданские законы, по изданному ли мною курсу юриспруденции я читаю свои лекции и т.п. ».

Вторая встреча была уже у Шамиля. «...Они, по-видимому, меня ждали, ибо только что я вошел и сел возле имама, по его приглашению, как он после приветствия сказал мне: «Я приготовил для тебя вопрос».

Вопрос этот был о затмении солнца и луны, о чем он только что прочитал в упомянутой книге. Там сказано было, что во время управления одного из халифов фатимийских в одном и том же году было затмение Солнца и Луны, что предвещало несчастье. Здесь не могу не заметить о склонности Шамиля читать более о тех исторических лицах, которые составили себе имя путем тариката. Так, в настоящем случае он был заинтересован судьбою счастливого искателя приключений и честолюбца Убейдуллы аль-Мегди, основателя фатимийской династии, начавшего свое поприще проповедью тариката» [14].

В свое время обе встречи подробно освещались в петербургской печати, в том числе и самим М. Казем-Бекком. Как явствует из книги полковника Аполлона Ивановича Руновского<sup>1</sup>, который имел возможность лично беседовать и общаться с плененным Шамилем в течение четырех лет в Калуге, Шамиль рассказал М. Казем-Беку много интересного о Кавказской войне: «... Казем-Бек записывал сообщаемые им сведения. Какую бесподобную группу составляли из себя эти две фигуры: воин и ученый! Как различны цели их жизни и как разнородна известность! А между тем, сколько гармонии заключалось в теперешнем их сближении, о возможности которого, наверное, не приходило на мысль ни тому, ни другому, да едва ли и кому-нибудь в целом мире...» [22, с. 27].

Что характерно, многие очевидцы, кому посчастливилось встречаться лично с имамом, отмечали интерес имама к книгам, к знаниям, в особенности, к исламским источникам. Это зафиксировано и в воспоминаниях Казем-Бека, «...Из книг моей восточной библиотеки его наиболее занимало сочинение на арабском языке под заглавием Мизануш-ша`рани. Автор этого сочинения принадлежит к ученым мистикам Востока и считается одним из знатоков мусульманской юриспруденции» [14].

Внимательно наблюдая за душевным состоянием Шамиля при первой встрече, Казем-Бек отметит: «...Шамиль фанатик, и делает и делал все по убеждению. Между тем у него много доброго и готовности к добру. Притворства в нем я не заметил. Главную черту его характера я понял так: исполнение всего того, что внушало ему убеждение, он подчинял правилам, диктованным холодным умом с малым участием сердца, если не вовсе без этого участия. Содержание всех его

---

<sup>1</sup> Аполлон Иванович Руновский, пристав при военнопленном Шамиле - автор трудов о Шамиле: «Записки о Шамиле», «Мюридизм и газават по объяснению Шамиля», «Дневник полковника Руновского...» и др.

писем, приказов, надписей на знаках отличия и песен, им сочиненных, - все это вместе доказывает твердость его характера, его фанатизм. Хотя он вовсе не из сентиментальных, но часто он вздыхал при воспоминании о прошедшем» [14, с. 227]. Далее Казем-Бек с некоторым волнением пишет: «... Два раза меня поразило его глубокий вздох. Первый раз у меня, когда при обзоре моей восточной библиотеки он вспомнил, что и у него также была большая библиотека, которую совершенно разграбили его мюриды. Второй раз – у него, когда он описывал смерть своего старшего сына, Джемалуд-Дина, который умер «от боли в груди и кашля» (чахотки) по арабски «силл»\*)» [14, с. 227].

М.Казем-Бек, в связи с исследованием движения, возглавлявшегося Шамилем, обратил также внимание на изучение социальных основ мюридизма. Как социальное движение, мюридизм был направлен против колониального гнета царизма.

### **Заключение**

В заключение хочется отметить, что народы Кавказа были до недавнего времени лишены возможности изложить собственное понимание своей истории, в особенности, народно-освободительной борьбы северо-восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX столетия. На протяжении более чем ста лет ее писали представители - исследователи сначала царской, а впоследствии Советской России, которые по большей части имели смутное представление об истинных мотивах народно-освободительных движений на Кавказе. Вплоть до недавнего времени местные документальные источники были практически недоступны исследователям, широкой публике. Да и немногие имевшиеся местные источники были зачастую сугубо описательными и совершенно не раскрывали побудительных мотивов участников освободительной борьбы.

Мы полагаем, что изучение такой фундаментальной работы, посвященной сложной и противоречивой эпохе времен имама Шамиля, где дается взвешенный и глубокий анализ исторических событий тех времен, может способствовать преодолению того мифологического, вымышленного, которое на протяжении многих лет довлеет в массовом сознании, в отношении истории жизни народов и народных героев Дагестана.

И как нам кажется, в работе «Мюридизм и Шамиль» автор бросает некий вызов, с одной стороны, тем, кто, искажая историю, преподносит нам ее чисто в одностороннем плане, абсолютизируя и возвеличивая

роль какой-то одной стороны, пренебрегая точными историческими фактами, используя все собранные полевые материалы в угоду меркантильным интересам какой-то группы людей, с другой — старается быть максимально объективными, для чего использует солидный историографический, культурно-антропологический и социологический материал.

В углубленном анализе основных исторических событий той эпохи, оказавших огромное влияние на дальнейшее развитие дагестанского общества, автор не ограничивается только констатацией фактов, но и высказывает довольно прозорливые догадки, которые помогают даже непросвещенному читателю ориентироваться в исторической ситуации происходящих процессов.

«Мюридизм и Шамиль» - это философская книга, в которой отразились философские размышления ученого-востоковеда, полные глубокого уважения, к непростой жизни кавказских народов и их героев. Она будит историческую мысль и помогает желающим окунуться в атмосферу государства Имамат и в жизнь ее создателей.

### **Список литературы**

1. Алексеев А.К. Материалы рукописи М.о.386 из собрания Научной библиотеки им. М.Горького СПбГУ для изучения мусульманского мистицизма и традиционных верований народов Центральной Азии.
2. Бенкердорф К.К. Воспоминания Константина Константиновича Бенкендорфа о Кавказской летней экспедиции 1846 года. // Воспоминания участников кавказской войны XIX века. Даргинские трагедии. 1845 год. СПб, 2001.
3. Березин И. Н. Александр Касимович Казем-Бек. - Протоколы заседаний' Петербургского университета. СПб., 1872, № 4.
4. Гасымов, Дилавар Азимли Труд «Мюридизм и Шамиль» М.Казем-Бека как источник по истории народов Кавказа [http://bao.az/categories\\_Tarix/subcategories\\_turk-xalqlari-tarix/product\\_0933173449](http://bao.az/categories_Tarix/subcategories_turk-xalqlari-tarix/product_0933173449) (Обращение 15.02.2019г.)
5. Гусейнов Г. Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века. Баку: Изд-во Ан Азерб. ССР, 1949, 734 с.
6. Граббе П.Х. Записная книжка. М., 1888.
7. Дадаев Ю.У. Наибы и мудире Шамиля. Махачкала: ООО «ДИНЭМ», 2009. – 624с.
8. Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973.

9. Казем –Бек М. Избранные произведения. Баку: Элм, 1985, 420 с.
10. Мухаммед-Тахир аль –Карахи «Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах»
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.28.
12. Милютин Д.А. Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. СПб.,1850.
13. «Мухаммед Али М. Казем – бек Москва «Наука» Главная редакция восточной литературы ББК 63.3 (5)+81.2 г (2) Р48 Рецензент А. П. Базианц Рзаев А. К. Р48 Мухаммед Али Мирза Казем-Бек. - М.: Наука. ...» <http://pdf.knigi-x.ru/21istoriya/240878-1-muhammed-ali-kazem-bek-moskva-nauka-glavnaya-redaksiya-vostochnoy-literaturi-bbk-633-5-812-2-r48-recenzent-baziyanc.php> (Обращение 15.02.2019г.)
14. «Мюридизм и Шамиль» (отрывок).Опубликовано в книге: Мирза Казем-Бек. Избранные произведения. Баку, "Элм", 1985, с. 59-65. <http://zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de/t410.html> (Обращение 11.02.2019г.)
15. О значении имама, его власти и достоинстве. - Русское слово. 1860, № 3.
16. О появлении и успехах восточной словесности в Европе и упадке ее в Азии. - Журнал Министерства народного просвещения. 1836, ч. XI.
17. Орбелиане И.Д. Отрывок из рассказа покойного генерал-майора князя И.Орбелиани о своем плене у Шамиля. 2-е изд., испр., 1857.
18. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.,2000.
19. Речь по случаю открытия в С.-Петербургском университете факультета восточных языков. Журнал Министерства народного просвещения. 1853, ч. 88, № 10 - 12.
20. Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860.
21. Рзаев А. К. Мухаммед али М. Казем – Бек. – М.: Наука. 1989. - 199с.
22. Руновский А. Записки о Шамиле. СПб, 1860.
23. ССК г. Тифлис, 1873. Вып.VII. С.2. (Переиздано в Махачкале в 1995г.: Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала.1995).
24. Тас. Ann. IV, 32) Тацит. Анналы. IV, 32.

### Информация об авторах

**Буттаева Асият Магомедовна**, доктор философских наук, доцент, Дагестанский гуманитарный институт, г. Махачкала, Республика Дагестан

**Борисова Светлана Олеговна**, магистрант 2 курса Дагестанского гуманитарного института, г. Махачкала, Республика Дагестан

## ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПЕРИФРАЗЫ В ТЮРКСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

**Э.Н. Гаджиев**

*Дагестанский государственный педагогический университет,  
г. Махачкала, Республика Дагестан, Российская Федерация*

**Р.К. Бекеева**

*Дагестанский государственный педагогический университет,  
г. Махачкала, Республика Дагестан, Российская Федерация*

**Аннотация.** Статья посвящена системно-комплексному изучению употребления перифразы, которая имеет особую природу и специфическую сущность в тюркском языкознании.

**Ключевые слова:** перифраза, стилистические явления, лингвистика, тюркское языкознание, тюркские языки, стилистический прием, образное восприятие, описательный оборот.

## PECULIARITIES OF PERIFFRASE USE IN TURKIC LANGUAGE

**Annotation.** The article is devoted to the system-integrated study of the use of paraphrase, which has a special nature and specific essence in the Turkic linguistics.

**Keywords:** paraphrases, stylistic phenomena, linguistics, Turkic linguistics, Turkic languages, stylistic device, figurative perception, descriptive turn.

В современном языкознании явление перифразы уходит своими корнями в далекую древность и имеет давнюю предысторию. Природа

и сущность этого лингвистического явления до сих пор не раскрыты до конца, а имеющиеся определения перифразы не могут дать ясной и четкой дифференциации от иных стилистических явлений в языкознании. Сложившаяся дифференциация в понимании понятия «перифраза», «парафраза», разнообразие подходов к исследованию явления перифразы послужило причиной разных ее определений.

Понятием «перифраза» оперируют в стилистике языка, понимая под данным явлением стилистический прием, главное свойство которого заключается в выделении и подчеркивании характерных черт явления и предмета, образному его восприятию.

Перифраза (от лат. *periphrasis* – пересказ) представляет собой описательный оборот, который употребляется взамен какого-либо слова или же сочетания слов. Перифраза в языкознании использовалась как средство образования возвышенности слога, приукрашивания человеческой речи или же употреблялась в качестве замены морально недозволенных фраз и предложений. Так, в античной теории стиля явление перифразы передается описательностью, характеризуется способностью замещать запрещенные слова и словосочетания, вместе с тем нацелена на возвышенность слога. Все это только лишь видимые, внешние формы перифразы, тогда как проникнуть вглубь явления перифразы теоретикам античности не удалось в полной мере.

По мнению некоторых лингвистов, термин перифраза является результатом заимствования из европейских языков. О чем свидетельствуют два варианта данного термина: первый вариант перифразы выражает способность в сохранении грамматического рода заимствованного термина, тогда как второй вариант воссоздает звуковой облик определенного слова.

Приведенные выше терминологические совпадения на наш взгляд являются неоднозначными и не совсем четкими, принадлежащим к различным номинационным объектам. Целесообразным представляется мнение современных лингвистов, которые опираются на французский термин, а именно на первый вариант [6. С. 145]. В целом перифраза представляет собой стилистический прием в форме словосочетания или отдельного предложения, который заменяет название аналогичного предмета или же явления. Перифраза, как правило выявляет одну из форм явлений, представляющуюся в определенном случае су-

щественной и характерной. Детальный анализ определений перифразы, имеющих в различных научных литературных источниках, выявил большой разброс в понимании и определении перифразы.

Объем и содержание понятия перифраза заметно различаются в имеющихся определениях. В плане реальной предметной отнесенности, которую обозначает явление перифразы, в лингвистике существуют группы определений перифразы: а) описательное выражение, являющееся описательной передачей смысла другого выражения или слова [7. С. 98]; выражение, являющееся описательной, распространенной передачей смысла другого или слова [10. С. 521]; стилистический прием, который заключается в непрямом обозначении явлений и предметов [4. С. 231]. В случае такого определения объем термина перифраза становится наиболее широким – это словосочетание и предложение, описывающие что-либо.

Понятие «выражение» разграничивает перифразу от слова; б) стилистический прием, который заключается в замене определенного слова или словосочетания на описательный оборот речи [7. С. 57]; в непрямом обозначении явлений и предметов [4. С. 342]. В данную группу понятий входят определения, которые описывают перифразу как фигуру в речи. При этом объем термина «перифраза» сужается до использования выразительности; в) художественный троп, представляющий собой переносное значение, используемое для выразительности речи. Размер термина «перифраза» в этом случае еще уже, чем в трактовках перифразы как приема стилистики. В данной ситуации перифразой признаются не все описательные выражения для создания выразительности, лишь те из них, имеющие и обладающие переносным значением; г) словосочетание, семантически неделимое [5. С. 23]; описательное сочетание, основное назначение которого подчеркнуть характерные черты предмета или явления [8. С.38]. Термины словосочетание и сочетание ограничивают понятие «перифраза» по сравнению с термином «выражение», так как выражение это и словосочетание, и предложение; д) описательная номинация, чаще всего метонимическая [9. С. 119]. Отмеченное определение выводит перифразу в разряд номинативных единиц языка.

Понятие «номинация» получает конкретику за счет признака описательности, вторичности, то есть перифраза предстает в качестве вторичной номинативной единицы: первая леди – (жена президента), красная планета – (Марс) и т.д.

В числе определений перифразы имеются такие, в которых предметная отнесенность термина обозначена не совсем четко или неоднозначно. Определение перифразы как одного из средств языка, которое заменяет собой название соответствующего предмета или явления [3. С. 14].

В лингвистическом словаре имеется следующее определение перифрастической формы – описательное выражение, состоящее из двух и более элементов: составной описательный и сложный; троп, состоящий в замене обычного слова описательным выражением: “хозяин тайги” (медведь), “лазурный свод” (небо) [1. С. 312, 321].

В перифразе на первое место выходит какое-либо качество, сторона описываемого понятия, существенные в данном контексте ситуации. Основное значение перифразы заключается в усилении выразительности текста, действенности высказывания. Перифраза функционирует в основном в языке художественной литературы, в устной разговорной речи, в публицистике. В функциональном плане выделяют два вида перифразы: воспроизводимые единицы – общепринятые обороты (фразеологизмы, крылатые слова) и ситуативные, индивидуально-авторские, смысл которых обусловлен конкретным контекстом.

Большинство перифраз в основном являются именными сочетаниями, которые построены на базе тропов, таких как метафора, метонимия, синекдоха, мейзос и др. Различают художественные, образные и логические перифразы [4. С. 371].

Проведенный анализ показывает, что у понятия «перифраза» отсутствует единая предметная отнесенность. Этим термином обозначаются разные реалии, взаимосвязанные между собой. Перифраза как стилистический прием, речевая фигура реально тоже описательное выражение, но только такое, которое используется в стилистической функции, как средство выразительности. Определение перифразы как тропа, в свою очередь, уже, чем определение перифразы как стилистического приема. Понимание перифразы как яркой описательной номинации напрямую связано с ее определением как словесного выражения. Так как словосочетание и предложение являются основными неоднословными номинативными единицами любого языка.

Таким образом, описательная номинация представляет собой, прежде всего, языковое выражение в номинативной функции. Следует отметить, что по своей грамматической структуре перифразы разнообразны. Применительно к славянским языкам наиболее характерными

являются именные сочетания (*сущ. + прил.*; *сущ. + сущ.*), а также предложно-именные сочетания. В современных тюркских языках особое распространение получили особые сложновербальные сочетания, образуемые на базе богатства и разнообразия тюркских глагольных форм [2. С. 251].

Таким образом, определения перифразы как описательного выражения, словосочетания, стилистического приема и тропа с точки зрения предметной отнесенности оказываются по отношению друг к другу родо-видовыми [11. С. 258].

В этой связи можно отметить сложность понятийной базы термина перифраза. В источниках лингвистического плана, как мы уже отмечали, имеются различия в установлении понятийной природы перифразы. Однако необходимо отметить, что каждое из проанализированных определений вносит свой вклад в проблему перифразы.

### **Информация об авторах**

**Гаджиев Эльдар Набиевич**, доктор филологических наук, профессор Дагестанского государственного педагогического университета, г. Махачкала, Российская Федерация

**Бекеева Рабият Камильевна**, аспирант Дагестанского государственного педагогического университета, г. Махачкала, Российская Федерация

### **Список литературы**

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М., 1966.
2. Гаджиев Э.Н., Асадулаева У.И. К проблеме согласования в куийкском и турецком языках // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. №4. Махачкала, 2014. С.80-82.
3. Ильина И.З. Перифраз и его стилистические функции в английской художественной литературе. - М., 1954.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990.
5. Моложай Г.Н. Перифразы в белорусском литературном языке. - Минск, 1971.
6. Разинкина Н.М. Функциональная стилистика английского языка. - М.: Высшая школа, 1989.
7. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. - М., 1974.

8. Синельникова Л.Н. К вопросу о сущности перифразы как функционально-семантической единицы. - М., 1972.
9. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. - Горький, 1975.
10. Словарь русского языка. - М., 1987.
11. Теоретические проблемы языкознания. Под ред. Л.А. Вербицкой. - СПб., 2004.

**АКАДЕМИК Г.Г. ГАМЗАТОВ И ДАГЕСТАНСКОЕ  
ВОСТОКОВЕДЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО  
(ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

**М.И. Магомедов, Ш.М. Гаджилова**

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН,  
г. Махачкала, Республика Дагестан, Российская Федерация*

**Аннотация.** В настоящей статье рассматривается научная деятельность академика Г.Г. Гамзатова в сфере развития востоковедческой мысли в литературоведческой среде. Впервые делается попытка изучить наследие ученого как важный фактор, повлиявший на расширение горизонтов дагестанского востоковедческого пространства.

**Ключевые слова:** научная школа, организатор науки, художественное наследие, поэтика, стихосложение, общественный деятель, творческие достижения, национальная литература.

**ACADEMIC GG GAMZATOV AND DAGESTAN EASTERN  
LEGAL SPACE (LITERATURE ASPECT)**

**Annotation.** This article discusses the scientific activities of Academician G.G. Gamzatov in the development of Oriental thought in the literary environment. For the first time, an attempt is made to study the heritage of a scientist as an important factor influencing the expansion of the horizons of the Dagestan Oriental space.

**Keywords:** scientific school, organizer of science, artistic heritage, poetics, versification, social activist, creative achievements, national literature.

У каждого народа имеются личности, своим творчеством и личным примером изменившие историю и судьбу нации. Такой личностью является академик Гаджи Гамзатович Гамзатов – ученый, общественный деятель, просветитель, писатель, журналист, организатор науки, который внес особо важный вклад в развитие востоковедческой мысли в научной, в частности, в литературоведческой среде.

В истории изучения дагестанской арабоязычной литературы ведущее место занимают труды дагестанских востоковедов-арабистов М.-С. Саидова, А. Каяева, М. Гайдарбекова, А.Р. Шихсаидова, М.Н. Нурмагомедова, Г.Г. Гамзатова и других. Отличительной чертой трудов Г.Г. Гамзатова является то, что их автор сумел расширить горизонты востоковедческого пространства, закладывая основу гуманитарной науки новыми идеями в области литературоведения, языкознания, фольклористики, искусствознания и востоковедения.

С глубоким почтением и благодарностью вспоминая выдающегося отечественного ученого и организатора науки, перебирая в памяти страницы его жизни и творчества, мы каждый раз пытаемся осознать масштабы его творчества, величие духа и таланта. В сердцах дагестанцев он занял особое место, став первым академиком на Северном Кавказе. Вдохновленный идеями гуманизма, он выражал думы и надежды родного Дагестана, его стремление к возрождению и развитию, его поиски на перекрестке культур Востока и Запада определили его как исследователя судеб и творческих достижений национальных литератур, которые поэтапно вошли в историю развития арабской и восточных литератур. Учитывая характерные гамзатовские методы научного осмысления арабоязычного художественного наследия дагестанских народов важно иметь в виду, что в первую очередь ученый обращает внимание на логику формирования художественного мышления дагестанцев, на типологические общности многонациональной эстетической системы. Как известно, литература народов Дагестана выросла на основе фольклорных традиций каждого дагестанского народа, которые на протяжении нескольких веков соприкасались с иноэтническими, а именно с арабоязычными художественно-интеллектуальными потоками. С проникновением арабо-мусульманской культуры в регион, по мнению Г.Г. Гамзатова, и началом проникновения художественного иноэтнического мышления, началось упорное противостояние устнопоэтиче-

ского сознания дагестанских народов. Отсюда и формирование национальной действительности в литературных традициях дагестанцев, что в последующем и заставило ученых признать арабоязычную литературу Дагестана, как боковую ветвь арабской литературы, связанную своими корнями с дагестанской почвой. «М.С. Саидов расценивает произведения дагестанских авторов как «провинциальную», «боковую ветвь арабской литературы» [1, с. 410], а И.Ю. Крачковский относит их к своеобразному их «отростку», заключая при этом слово «арабская» в кавычки, – пишет Г.Г. Гамзатов.- В этих суждениях противоречие лишь кажущееся. Первый из них справедливо обращает внимание на факт участия деятелей науки и литературы Дагестана в создании и обогащении культуры так называемого «арабского региона». И.Ю. Крачковский же подчеркивает мысль не менее справедливую о том, что так называемая арабская литература Дагестана, отражая историческую и общественно-идеологическую действительность данной зоны, выросла на ее национальной основе и целиком относится к явлениям дагестанской художественной культуры. Иными словами, формирование и бытование в оболочке чужого языка не лишили дагестанскую средневековую литературу своей национальной принадлежности и самостоятельности» [1, с. 410].

Как известно, творческие идеи и идеалы дагестанских поэтов, выражавших художественную мысль на арабском, персидском, турецком языках, были тесно связаны с арабо-мусульманской культурой и литературными традициями Востока. Мутаалимы, обучавшиеся в дагестанских школах конфессиональной системы – медресе, получали хорошее представление о восточной культуре уже в первые годы обучения. В медресе изучались не только Коран, хадисы и дисциплины, относящиеся к религии, но и светские науки. Так, немало внимания уделялось арабским трактатам по стихосложению и поэтике. Мутаалимы с большим интересом учили наизусть множество стихов на арабском языке, с удовольствием читали стихи-изречения Фирдоуси, Хаяма, Физули, Навои и других поэтов арабо-мусульманского Востока. Для каждого образованного человека были доступны диваны мастеров художественного слова – ал-Харири, Саади, ал-Мутаннаби и мн.др.

Интересно отметить, что Г.Г. Гамзатов широко использовал в своем творчестве достижения русской, европейской и восточной куль-

тур. В своих трудах анализируя литературные связи и взаимопроникновение литератур, рассматривая явление дагестанской арабоязычной литературы как синтез философии, науки и искусства, ученый представляет целую когорту крупных ученых-арабистов, которые прославились не только у себя на родине, в Дагестане, но и далеко за его пределами, в странах мусульманского Востока. «Тайгиб, сын Омара из Харахи (16 в.), автор рукописей по математике и астрономии, многих толкований и комментариев арабским учебникам и трактатам по грамматике, логике и диалектике; Мухаммед из Кудатля (ум.в 1717 г.), автор глубоких научных трактатов по арабской филологии, риторике, логике, философии, юриспруденции, а также по математике и астрономии; Шаббан, сын Исмаила из селения Обода (17 в.), разносторонний ученый-арабист, основатель арабской школы в Аварии, воспитанник ближневосточного богословия Дамадан, сын Якуба из Мегеба (17 в.), ученый-энциклопедист, один из зачинателей естественных наук в Дагестане, автор трудов по математике, астрономии и медицине, специалист по арабскому, персидскому и тюркскому языкам; Магомед из селения Убра (18 в.), автор ряда значительных работ по праву и филологии; Дауд из селения Усиша (18 в.), создатель учебника по арабской грамматике; Дибир-Кади из Хунзаха (18 в.), признанный знаток многих восточных и местных языков, автор большого количества трудов по разным отраслям науки, в их числе – Толкового словаря персидско-турецко-арабского языков, учебника персидского языка, разговорника азербайджанского, грузинского и персидского языков... Список этот можно было бы продолжить: Абубакар из Аймаки (18 в.), Хасан из Кудали (18 в.), Ибрагим из селения Урада (18 в.), Нурмагомед из Хунзаха, Заид из Куркли, Дауд из Карабудахкента... Махад из Чоха, Мирза-Али из Ахты... Исмаил из Шиназа (18-19 вв) и т.д.» [1, с.407-408].

Безусловно, жизнь и творчество каждого из вышеперечисленных ученых, мастеров художественного слова представляют собой колоссальное хранилище достижений науки, культуры и литературы. Начиная с постсоветского периода до настоящего времени проделана большая работа по выявлению и изучению творческого наследия ученых-арабистов, в основном дореволюционного Дагестана. Изучение художественного арабоязычного наследия стало актуальным и интересным предметом в научных кругах, неотъемлимой частью истории культуры

и литературы дагестанских народов, которая долгие годы была запретной и являлась отсутствующей как в науке, так и в жизни людей. В этой связи личность Г.Гамзатова представила себя как исследователя судеб и творческих достижений национальных литератур с их неоспоримой оригинальностью, самостоятельностью и масштабностью видения проблем и новизной методики исследования. С его новаторски полемичными воззрениями и обобщениями связана переоценка вклада национальных литератур в отечественную и мировую художественную сокровищницу, в том числе и в области востоковедческой ориенталистики.

Вместе с тем, многогранную научно-организационную деятельность Г.Г. Гамзатов умело сочетал с неустанной научно-исследовательской работой. Более 500 научных публикаций, в их числе 16 монографий, и около 100 докладов и сообщений, сделанных на региональных, всесоюзных и международных конференциях и симпозиумах, охватывают широкий круг проблем современного литературоведения, фольклористики, социолингвистики, востоковедения и культурологии. Его первопроходческие исследования, в том числе и в области арабистики, его междисциплинарные труды продвинули вперед гуманитарную и востоковедческую науки, стали широко известными и получили высокую оценку российского и международного сообществ ученых. В 2000 году он был избран действительным членом Российской академии наук и стал первым и единственным в Дагестане и на Кавказе академиком РАН в области литературоведения.

К числу наиболее значимых научных трудов Г.Г. Гамзатова относятся монографические исследования, в которых важное место занимают проблемы и вопросы востоковедения и арабо-мусульманской культуры: «Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. Истоки, традиции и своеобразие художественной системы» (1978), «Литература народов Дагестана дооктябрьского периода. Типология и своеобразие художественного опыта» (1982), «Художественное наследие и современность. Проблемы преемственности и взаимодействия дагестанских литератур» (1982), «Преодоление. Становление. Обновление. На путях формирования дагестанской советской литературы» (1986), «Дагестан: историко-литературный процесс. Вопросы истории, теории, методологии»

(1990), «Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти» (1996), «Дагестанский феномен Возрождения. XVIII–XIX вв.» (2000), «Дагестан: духовное и художественное наследие. Концептуальный, мировоззренческий и нравственный аспекты» (2004), «Лингвистическая планета Дагестан. Этноязыковой аспект освоения» (2005), «Фольклор: мера историзма» (2010). Дважды изданиями в Берлине вышла подготовленная Г.Г. Гамзатовым книга «Сказки народов Дагестана» на немецком языке (1983, 1986).

При этом важно отметить, что научная деятельность Г.Г. Гамзатова унаследовала в себе лучшие черты русской филологической и гуманитарной науки и культуры, характерные в основном научным трудам В.В. Виноградова, Д.С. Лихачева, П.Н. Федосеева, М.Б. Храпченко, Н.И. Конрада, Ю.М. Лотмана и многих других. Несомненно, важно также отметить, что исследования Г.Г. Гамзатова, в частности, связанные с арабо-мусульманской культурой впитали в себя и научные взгляды известных ученых-востоковедов, таких как И.Ю. Крачковского, Б.Я. Шидфар, А.Н. Генко, И.Ю. Фильштинского и других.

Среди работ Г.Г. Гамзатова в комплексно и системно-исторически ориентированном виде арабо-мусульманское художественное наследие представлено в работе «Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти». В этой работе ученым научно осмыслен и интерпретирован культурный и художественный опыт дагестанских народов на протяжении нескольких веков. Безусловно при этом Г.Г. Гамзатов придает большое значение влиянию арабской литературы на развитие литератур как Дагестана, так и других регионов. Как пишет ученый, «именно литература арабов являлась для многих народов данного ареала ведущей и втягивала в свой процесс в другие литературы, развивавшиеся рядом и входившие в тот же культурный круг: арабы представляли империю, которая выступала носительницей культуры в обширнейшем регионе от Атлантики до далеких азиатских границ» [1, с. 398-399]. Так сложилась дореволюционная литература народов Дагестана на восточных языках, как сложная идейно-эстетическая система, в которой вырисовываются разнообразные направления и методы, стилистические и жанровые разновидности, формы и способы художественно-изобразительного выражения. Определенную роль в процессе ее создания, несомненно, сыграла арабская литература, ко-

торая в свою очередь, «для народов Кавказа не была экзотикой или завозным украшением внешней учености: ею действительно жили» [2, с. 12].

Важно отметить, что в работе Г.Г. Гамзатова процесс генезиса арабоязычного художественного наследия и его дальнейшего развития, а также и расцвета, который по его мнению, совпадает с периодом Кавказской войны, рассматривается поэтапно, довольно подробным и с глубоким научным осмыслением. Вопрос о роли Востока в судьбах дагестанской культуры, а также и литературы, по мнению ученого, считается предметом специального исследования в том плане, что он является одним из актуальных, но все же неизученных вопросов дагестанского литературоведения постсоветского периода. Соображения ученого в историко-литературоведческом направлении освещают неотъемлемый пласт дагестанской духовной и художественной культуры, который за весь советский период в лучшем случае игнорировался, а в худшем считался отрицательно повлиявшим на жизнь и судьбы народов. «В области истории культуры народов Дагестана трудно найти аспект более запутанный, чем определение места восточных влияний в их культурном прошлом и генезисе дагестанских литератур,- пишет Г.Г. Гамзатов. – Решение проблемы нередко сводилось к подмене объективного научного поиска и исследования живого материала простейшим постулированием тезиса, игнорирующего всякую положительную роль арабской культуры в судьбах литературы Дагестана и Юго-Восточного Кавказа или объявляющего его исключительно реакционным» [1, с. 397].

Основные научные результаты Г.Г. Гамзатова вкратце могут быть сформулированы следующим образом: выявлены общие закономерности зарождения, становления и развития литератур народов Дагестана; выдвинута и обоснована концепция развития историко-культурного и литературного процесса многонационального Дагестана в границах трех столетий – XVIII–XX вв.; исследованы и охарактеризованы национальные и инонациональные истоки художественного развития в Дагестане и на Северном Кавказе; прослежены генезис и эволюция творческих направлений в национальном искусстве; дана периодизация литературного процесса; разработаны ключевые аспекты национального, зонального и регионального своеобразия духовного наследия малочис-

ленных народов; определены и осмыслены место и роль традиций Востока и Запада в духовной жизни народов Северного Кавказа, значение русской культуры для судеб национальных литератур. В результате преодолены архаизаторские и негативистские тенденции, нигилистические по существу концепции в оценке культурного и художественного наследия народов региона, раскрыто многовековое духовное единство народов Дагестана.

Г.Г. Гамзатов был учителем, наставником, руководителем многих молодых ученых Дагестана и Северного Кавказа, создателем научной школы «История и теория национальных литератур и устно-поэтического творчества народов Дагестана и Северного Кавказа», получившей в 2003 году статус ведущей научной школы и поддержанной грантом Президента Российской Федерации. Школе Гамзатова были присущи традиционные формы воспитания молодых кадров науки и повышения квалификации и их научного статуса, стимулирования к защите кандидатских и докторских диссертаций, среди которых особо важное место занимали работы, характеризующие развитие национальных литератур на арабском и на других восточных языках в свете современного интереса к Востоку и роли востоковедения. Предметом особой заботы при этом было повышение уровня научного руководства аспирантами и соискателями академических и вузовских филологических структур. Важным фактором жизнестойкости школы было создание и функционирование здесь постоянно действующего семинара молодых ученых, в который были вовлечены десятки начинающих специалистов, реализующих свои научные поиски в контексте дагестанских и восточных литератур.

В Г.Г. Гамзатове сочетались лучшие черты культуры Запада и Востока, и этот интеллектуальный сплав оказывал облагораживающее воздействие на окружающих. С научными докладами и сообщениями, а также с публикациями по различным вопросам гуманитарных исследований Г.Г. Гамзатов выступал во многих странах мира, таких как Германия, Франция, Англия, Австрия, Испания, Венгрия, Турция, Сирия, Япония, Китай, Соединенные Штаты Америки, Канада, Швеция, Индия, Болгария. Ему принадлежала заслуга в организации и реализации проекта совместной дагестанско-американской археологической экспедиции в Дагестане, дагестанско-шведской программы по пере-

воду Библии на дагестанские языки, в организации выставок памятников археологии и этнографии, прикладного искусства и письменности Дагестана в Японии, Англии, Венгрии и т. д.

Важно отметить, Г.Г. Гамзатова отличала активная общественная деятельность. Он был членом Союзов писателей, журналистов и театральных деятелей России. Многие годы состоял членом Государственного экспертного совета при Президенте Российской Федерации по особо ценным объектам культурного наследия народов России, членом Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, членом научного совета Отделения историко-филологических наук «Отечественная и мировая литература и фольклор», членом научного совета РАН по изучению и сохранению природного и культурного наследия, членом президиума Общества востоковедов при РАН, членом Европейского общества кавказоведов, членом редколлегии журналов «Известия РАН. Серия литературы и языка», «Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы», целого ряда других авторитетных периодических изданий. Ему принадлежит заслуга создания «Вестника ДНЦ РАН».

Г.Г. Гамзатов был избран иностранным членом Национальной академии наук Грузии, являлся также действительным членом целого ряда престижных академий наук, функционирующих на общественных началах, в их числе и академиком Российской академии естественных наук (РАЕН).

Имя Г.Г. Гамзатова золотыми буквами будет вписано в историю родного Дагестана. Все, что делал Г.Г. Гамзатов, он делал с большим удовольствием, открыто, щедро, но и – принципиально. Последнее – качество особенное у Гаджи Гамзатова – о самых острых, конфликтных вещах он говорил спокойно, тихо, но все знали, что за этим есть весьма принципиальное и важное, которым он не может поступиться.

В своих трудах Восток и Запад Гаджи Гамзатович рассматривает как два ствола одного мощного дерева. Он прекрасно знал историю Востока и Запада. В его художественной культуре всегда присутствовал синтез культурно-цивилизационных комплексов Востока и Запада как органическое единство человеческого рода и индивида, находящегося в духовном пространстве мудрости. Страницы научного наследия академика Г.Г. Гамзатова, посвященные арабоязычному художествен-

ному наследию дагестанских ученых, актуальным вопросам востоковедения, а также классического исламоведения еще много раз будут расшифровываться, интерпретироваться в научных кругах еще долгие годы будут служить на благо дагестанской науки.

### Список литературы

1. Гамзатов Г.Г. Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти. Махачкала, 1996. 653 с.
2. Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе/ Крачковский И. Ю. Избр.соч.: в 6 т. М., Л., 1960. Т. 6. 745 с.

### Информация об авторах

**Магомедов Магомед Ибрагимович**, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела грамматических исследований дагестанских языков ИЯЛИ им. Г. Цадасы ДНЦ РАН, г. Махачкала, Российская Федерация

**Гаджилова Шанисат Магомедовна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературы ИЯЛИ им. Г. Цадасы ДНЦ РАН, г. Махачкала, Российская Федерация

## СОЗДАНИЕ САДУМ (ДУХОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МУСУЛЬМАН СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА)

**М. Зияуддинова**

*Ташкентский государственный институт востоковедения,  
г.Ташкент, Республика Узбекистан*

**Аннотация.** На основе архивных документов в статье рассматривается вопрос создания Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана. Интересные факты приведены о первых руководителях этих управлений, которыми за основу были взяты Священный Коран и Суна и руководствовались ими. Впервые публикуются некоторые интересные архивные сведения: о разрешении на открытие знаменитого медресе Мир Араб; о сборе мусульманами Средней Азии денежных средств для фронта; о восстановлении возможности совершения хаджа идр.

**Ключевые слова:** Средняя Азия, Казахстан, Курултай, Мир Араб, Бабахана, Сталин, хадж.

## CREATING SADUM (SPIRITUAL ADMINISTRATION OF MUSLIMAN MEDIUM ASIA AND KAZAKHSTAN)

**Annotation.** On the basis of archival documents, the article considers the issue of creating a Spiritual Administration of Muslims of Central Asia and Kazakhstan. Interesting facts are presented about the first leaders of these departments, which were taken as a basis for the Holy Quran and Suna and were guided by them. For the first time, some interesting archival information is published: about the permission to open the famous Mir Arab Arab Madrasa; about the collection of funds by Muslims of Central Asia for the front; about the restoration of the possibility of Hajj idr.

**Keywords:** Central Asia, Kazakhstan, Kurultay, World Arab, Babakhan, Stalin, Hajj.

Созданию САДУМ предшествовало заявление представителей духовенства средней Азии и Казахстана во главе Эшон Бабаханом ибн Абдулмаджидханом от 12 июля 1943 года председателю верховного совета СССР М. И. Калинину, где в частности говориться: ... Мусульманское духовенство твердо заняло патриотическую позицию, призывая верующих мусульман стать на защиту Родины и оказывать помощь фронту.... Однако отсутствие единого духовного центра мусульман в Средней Азии не дает возможности оказывать более организованную помощь правительству в его усилиях как на фронте, так и в тылу. Мы обращаемся к вам с просьбой разрешить организацию Среднеазиатского Духовного управления мусульман в городе Ташкенте...

Просьба была удовлетворена. Первый Курултай (съезд) мусульман Средней Азии и Казахстана был созван 15-20 октября 1943 года. На этом съезде избрали председателем САДУМ и муфтием пяти республик Эшон Бабахана ибн Абдулмаджидхана, которому тогда было 85 лет. Заместителем председателя САДУМ был избран шейх Муратхаджи Салех, ответственным секретарем – Зияуддинхан ибн Эшон Бабахан. В каждой республике были созданы представительства

САДУМ во главе с казиями. Ими стали Зияуддинхан ибн Эшон Бабахан- по Узбекистану, Абдул Гаффар Шамсиддин- по Казахстану, Салех Бабакалан- по Таджикистану, Олимхан Тура Шакир – по Киргизстану и Анна Ишан- по Туркменистану.

За основу руководства в деятельности САДУМ были провозглашены Священный Коран и Сунна пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует!

Здание духовного управления мусульман было размещено в махалле Хазрати Имам, в доме Эшон Бабахана, который был конфискован 1928 году. Здесь же была основана библиотека САДУМ, в которую Эшон Бабахан безвозмездно передал более 1000 рукописей.

В 1945 году после долгих и сложных переговоров муфтия Эшон Бабахана с правительственными органами было разрешено открыть медресе «Мир Араб» в Бухаре, с условием приема чисел слушателей не более 20 человек. В этой медресе учились мусульмане не только из всех республик Средней Азии, но и с Поволжья, Кавказа и Закавказья. Медресе «Мир Араб» после долгих запретов вновь начала играть просветительскую роль в распространении исламских знаний.

В странице журнала САДУМ, вышедшего в 1945 году имеется письмо Эшон Бабахана И.В. Сталину, где пишется: - Мусульмане Средней Азии и Казахстана собрали для фронта 1280000 рублей и 117000 рублей облигации займа, десятки тонн продовольствия и большое количество поголовья крупного и мелкого скота. В этой же странице имеется благодарственный ответ И.В. Сталина Эшон Бабахану и всем мусульманам.

С 1945 года был восстановлен ежегодный обряд хаджа – паломничество в священные города Мекку и Медину. В этом же году, группа мусульман во главе с муфтием Эшон Бабаханом ибн Абдулмаджидханом в сопровождении сына Зияуддинхана ибн Эшон Бабахана, отправились в хадж. Все это было начало деятельности САДУМ во главе с первым муфтием Эшон Бабаханом. В трудное советское время с 1943 по 1989 годы возглавили САДУМ дед Эшон Бабахан ибн Абдулмаджидхан (1943-1957 гг.), сын Зияуддинхан ибн Эшон Бабахан (1957-1982 гг.) и внук Шамсуддинхан Бабаханов (1982-1989 гг.). Это они мои родные и любимые дед, отец и брат - да помилует их Аллах.

### Информация об авторе

**Зияуддинова Мухлисахан**, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы стран зарубежного Востока, Ташкентский государственный институт востоковедения, г.Ташкент, Республика Узбекистан; dildora\_tilla@mail.ru

## ИЗУЧЕНИЕ АРАБСКОГО ВОСТОКА В КАЗАНСКИЙ ПЕРИОД НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.К. КАЗЕМ-БЕКА

**Т.И. Зяппаров**

*Альметьевский государственный нефтяной институт,  
г. Альметьевск, Республика Татарстан, Российская Федерация*

**Аннотация.** В отечественном востоковедении Мирза А.К. Казем-Бек традиционно ассоциируется с иранистикой и тюркологией, однако арабистика также играла немаловажную роль в его научных и педагогических интересах, что проявилось еще в казанский период его жизни.

**Ключевые слова:** Казем-Бек, арабистика, Казанский университет, Восточный разряд

## ARABIC STUDIES BY A.K. KAZEM-BEK DURING THE KAZAN PERIOD OF HIS TEACHING AND SCHOLARLY WORK

**Abstract.** In Russian oriental studies, Mirza A.K. Kazem-Bek is traditionally associated with Iranian studies and Turkology, but Arabic also played an important role in his scientific and pedagogical interests, which was manifested even in the Kazan period of his life.

**Key words:** Kazem-Bek, Arab studies, Kazan University, Oriental faculty

Арабистическая деятельность А.К. Казем-Бека в Казани делилась на три основные направления: 1) учебно-методическое и педагогическое (преподавание арабского языка в университете, гимназии и духовной академии, составление программ обучения); 2) научное (магистер-

ская диссертация «Тюхфе, рассуждение на персидском языке о литературе арабов», публикация «Мухтасар аль-викайет» с комментариями, статьи о причинах успеха Мухаммеда, работа над составлением глоссария-конкорданса к Корану, биографий ближневосточных ученых и иных трудов, связанных с арабо-мусульманским миром); 3) систематическое коллекционирование арабских рукописей, позже составивших основу фондов Казанского и Санкт-Петербургского университетов. Каждое из этих направлений в равной степени способствовало углублению знаний российских ученых об арабском Востоке.

В отечественном востоковедении Мирза А.К. Казем-Бек традиционно ассоциируется с иранистикой и тюркологией, однако следует отметить, что и арабистика играла немаловажную роль в его научных и педагогических интересах, что проявилось еще в казанский период его деятельности.

Несмотря на то, что в 1826 г. А.К. Казем-Бек был приглашен на должность лектора персидского языка в Казанском университете, с самого начала своей службы там он преподавал не только персидский, но и арабский язык [1, л.7]. А.К. Казем-Бек разработал свою систему преподавания арабского языка, которую с годами оттачивал и совершенствовал. Так, в 1826–1827 гг. А.К. Казем-Бек «занимался переводами из Алкорана, объясняя сирские слова, значения производных и грамматические правила, сообщал мнения лучших толкователей на некоторые трудные места, в особенности Джалалуддин Алкальзоль-Бензавия» [2, с.18]. В отчете, представленном в университетский совет 12 мая 1828 г., он докладывал, что «занимался переводом Аль-Корана, объяснял коренные слова, значение производных и грамматических правил, с применением толкования на некоторые трудные места оного, сделанного самими лучшими писателями... читал и переводил из «Вофиятполь-биян» – сочинения Ибн Халдуна на арабском языке» [3, с.147].

Кроме того, А.К. Казем-Бек преподавал арабский язык и в других учебных заведениях Казани. Так, в 1836 г. по заданию руководства университета, А.К. Казем-Бек и Ф.И. Эрдман, независимо друг от друга, составляют «Распределение преподавания арабского, персидского и турецко-татарского языков в первой Казанской гимназии». О.Сенковский в своем отзыве об этих планах писал, что у них общие основания, однако план А.К. Казем-Бека составлен более подробно и о

нем «нельзя... сказать ничего другого, кроме полной похвалы». Единственным пожеланием О.Сенковского было преподавание арабского языка «по системе аравитян», а не по латинским или другим западным грамматикам, дающим ложное понятие о языке [4, лл.131–132].

По мнению Н.А.Мазитовой, «Распределение...» стало итогом большой научно-методической работы А.К. Казем-Бека [5, с.211]. Согласно его плану, преподавание восточных языков в гимназии было рассчитано на семь лет, причем на арабский, как основной из так называемых «мусульманских языков», приходилось по девять уроков в неделю, в то время как на остальные по четыре. Анализ программы позволяет предположить, что учащимся давалась весьма солидная подготовка по арабскому языку. Ученик должен был достигать определенного результата по окончании каждых четырех месяцев обучения. За первые два года ученики должны были познакомиться с основными формами морфологии, в течение третьего года – изучать синтаксис и разбирать легкие тексты из хрестоматии Болдырева, а на четвертом году обучения – проходить более трудные места из хрестоматий Болдырева и Сильвестра де Саси и писать два раза в году диктант. В последние три года ученики должны были читать рукописи и переводы, сами делать переводы с русского на арабский и наоборот, знакомиться с различными видами почерков. К концу семилетнего обучения в гимназии по программе А.К. Казем-Бека ученики должны были писать сочинения дипломатического характера и разного рода письма [6, 19 с.].

В дополнение к этому, в 1845–1846 гг. А.К. Казем-Бек также преподавал арабский язык в духовной академии. У него обучалось 9 студентов, лучшим из которых был Николай Ильминский. А.К. Казем-Бек приезжал в академию два раза в неделю и занимался со студентами по полтора часа. Он «читал: басни Люкмана Мудрого, историю Гарунар-ряшида, сочинение Фягхри с подробным филологическим разбором и замечаниями» [7, лл. 66-68]. Важно отметить, что даже непродолжительное преподавание А.К. Казем-Бека и других университетских профессоров оказалось очень важным для дальнейшей судьбы востоковедения в Казанской духовной академии. Открытие в академии сначала восточных разрядов, а затем специальных миссионерских отделений было бы невозможно без преподавателей, прошедших серьезную лингвистическую подготовку.

А.К. Казем-Бек навсегда вписал свое имя в историю арабистики в том числе и своими научными трудами. Еще будучи семнадцатилетним юношей, он в 1819 г. составил свой первый труд на арабском языке – «Опыт грамматики арабского языка», она так и осталась неопубликованной, хотя даже во второй половине XIX в. служила «руководительной книжкой в школах в Дагестане, под названием «бина» (основные правила) [8, с. 294]. По мнению В. Гулиева, данная грамматика говорила об определенных навыках аналитического мышления и вкусе к исследовательской работе [3, с.136].

Астраханские трактаты А.К. Казем-Бека «Рисалэ» об истине христианской религии на арабском и других языках все же были опубликованы в 1823 г. и стали его первыми печатными трудами [8, с. 294].

Первое казанское сочинение А.К. Казем-Бека, посвященное непосредственно арабистике, появилось в 1831 г. в виде диссертации на соискание ученой степени магистра – «Тюхфе, рассуждение на персидском языке о литературе арабов» (по другим источникам, оно называлось «Взгляд на историю языка и словесности арабской» [9, л.9]). Академики Х.Д.Френ и Я.И.Шмидт признали, что автор вполне заслуживает звания адъюнкта, которое и было присвоено А.К. Казем-Беку 10 апреля 1831 г. [9, л.9]. Это сочинение было издано спустя два года под названием «Подарок ничтожный относительно изящных наук у арабов» [10, с.1] в количестве 100 экземпляров. Как следует из названия, работа была написана на персидском языке [11, л.1]. Мы полагаем, что одной из целей молодого А.К. Казем-Бека было как можно убедительнее доказать, что он превосходно владеет и арабским, и персидским языком. Как признавался сам автор, работа была написана «в восточном вкусе», поскольку, сочиняя на языках Ближнего Востока, он не мог «не соблюдать правила восточных писателей, почитаемые за закон» [5, с. 173]. По его же словам, диссертация была доставлена для рассмотрения министру народного просвещения князю К.А. Ливену, а от него академиком Я.И. Шмидту и Х.Д. Френу [12, с. 17].

Отзыв академиков был в целом благожелательным. С одной стороны, они отметили, что в сочинении А.К. Казем-Бека было не так много нового, с автором не всегда можно согласиться в его выводах и тему он раскрыл не до конца. Тем не менее, они учли, что начинающий свою научную карьеру А.К. Казем-Бек не мог воспользоваться послед-

ней востоковедческой литературой, иначе бы он написал свой труд совсем иным образом. Кроме того, они отметили «необыкновенное для восточного ученого знакомство с европейскою литературою и справедливое о ней суждение, а сверх того редкое, особенно в его народе, рвение к ученым изысканиям», отметили большое тщание, усердие, здравый смысл и основательность А.К. Казем-Бека, заслуживающие звания адъюнкта [13, л.18].

В 1836 г. А.К. Казем-Бек произнес торжественную речь о появлении и успехах восточной словесности в Европе и упадке ее в Азии [14, с. 41]. В ней он дал следующую характеристику арабского языка: «Арабские поэты писали изящно, умели отличать высокое от надутого...но не могли дать в том никакого отчета... Теперь арабский язык совершенно мертв, и ничего не может подражать свободно писателям прошедших столетий, разве что в легких прозаических сочинениях о вере и толковании Алкорана, или о грамматике». Также любопытно сравнение А.К. Казем-Бека арабских слов в турецком и персидском с заимствованиями в русском языке: «Отнимите отечественное просвещение у русских, и пусть будут преподавать все науки на французском, то не пройдет и двадцати лет, как французские слова также овладеют их языком, как и арабский персидским» [14, с. 42].

На протяжении всей жизни А.К. Казем-Бек интересовался вопросами ислама, имеющими непосредственное отношение к арабистике. Он стал одним из основоположников европейского исследования мусульманского права. Так, 1845 г. в Казани им был опубликован труд «Мухтасерюль вигкает, или сокращенный вигкает, курс мусульманского законоведения по школе Ханифидов» [15, с.330], ставший первой капитальной работой русского ученого по мусульманскому праву. А.К. Казем-Бек проделал колоссальную работу по подготовке этого издания: сверил труд автора Садр аш-Шариа со множеством подобных трактатов, изданных в Турции, Иране и Индии, а также с текстами пяти комментариев, изучил литературу, которая легла в основу «Мухтасара», консультировался с муллами и улемами, знатоками мусульманского права.

Книга А.К. Казем-Бека состоит из двух частей. Первая – вступление на русском языке, где на 90 страницах А.К. Казем-Бек дает краткий, но подробный обзор истории первых веков ислама, зарождения шести мазхабов, правовой системе одного из которых (ханафитскому,

наиболее распространенному в мире, и, в частности, среди казанских татар) и посвящена сама работа. Далее он рассказывает об авторе «Мухтасар аль-Викает»<sup>1</sup>, Убейдулле Садр аш-Шариа, который для своего трактата сократил сочинение «аль-Викает» Махмуда Бурган аш-Шариа, в свою очередь сократившего в десять раз основное сочинение по ханафитскому праву «аль-Хидает»; о трудах и попытках еще самого Садр аш-Шариа по унификации различных версий его труда, варианты которого появились еще при его жизни.

Далее А.К. Казем-Бек рассказывает о своей работе над текстом – эталоне систематического труда ученого. Все разночтения и варианты, встреченные в различных версиях «Мухтасара», были им проанализированы с точки зрения уместности и времени появления, были сравнены с первоисточниками («аль-Викает» и «аль-Хидает») и отмечены специальными знаками. Поскольку А.К. Казем-Бек принял христианство и не имел, таким образом, авторитета в мусульманской юриспруденции, он решил не составлять собственных комментариев и ограничился тем, что параллельно тексту «Мухтасара» дал лучшие, на его взгляд, комментарии мусульманских ученых. Здесь он также проделал колоссальный труд, поскольку руководствовался девятнадцатью трудами мусульманских ученых – пояснениями, словарями и т.п.

Вторая часть труда и есть собственно арабоязычный текст «Мухтасара», дополненный комментариями и многократно выверенный А.К. Казем-Бекем, в чем заключалось основное отличие этого издания от простой перепечатки сочинения по фикху в практических целях российскими мусульманами.

Сознавая значение своего труда, А.К. Казем-Бек писал: «...тут нужно было совершенно изучение законоведения. Не в похвалу себе, но чтобы и со своей стороны признать достоинства столь важного сочинения, говорю я так». Труд А.К. Казем-Бека стал эпохой в российском исламоведении и впоследствии неоднократно цитировался в трудах отечественных и зарубежных специалистов.

Кроме того, в «Журнале Министерства народного просвещения» он поместил две статьи, в которых делится своими взглядами на причины успеха проповеди Мухаммеда и распространения ислама. В одной из статей он приводит следующие причины: «а) политические перевороты

---

<sup>1</sup> مختصر الوقاية (muhtaşar al-wiqāyah, араб. «Сокращение «Предотвращения»).

в Мекке...; б) бунт в Константинополе и успехи Фоки; в) междоусобие в Персии и восстание Баграма или Варана» [16, с. 45].

В Центральном архиве Республики Татарстан сохранились две рукописи черновых набросков труда А.К. Казем-Бека об арабских и вообще мусульманских ученых под названием «10.000 биографий знаменитых мужей мусульманского Востока». В одной из них содержится тринадцать статей [17], вторая (на 61 странице) содержит более ста имен ученых [18]. В письме академику Б.А. Дорну А.К. Казем-Бек так писал об этой своей работе 18 января 1840 г.: «Я продолжаю свой труд над Ибн Халликаном – не помню, писал ли я Вам об этом. Несколько лет тому назад я начал с ним работать, но ... это вскоре наскучило мне... Моей целью при сокращении этой работы было находить с большей легкостью необходимых авторов, оставляя только годы их рождения и смерти, их основные работы, имена, фамилии в удобном порядке; после окончания Ибн Халликана я сделаю то же самое с *شقائق النعمانية*<sup>1</sup> и *طبقات حنفية*<sup>2</sup> в том же порядке» [19, л. 1об]. К сожалению, этот труд так и не был закончен и опубликован [20, с. 206].

В том же фонде А.К. Казем-Бека хранятся и его наброски перевода Корана – «Свод слов и выражений Алкорана», очевидно, появившиеся в процессе работы над «Полным конкордансом Корана» (вышел в свет уже в петербургский период, в 1859 г.). Вот, например, как звучит сура «аль-Фатиха» в переводе А.К. Казем-Бека:

«Во имя Бога благого и милостивого!  
Хвала Богу, Господу вселенной,  
благому, милосердному,  
Царю Дня судного.  
Тебе поклоняемся, у тебя просим помощи.  
Руководи нас на пути истинном,  
На пути тех, на кого (излиты) Твои благодеяния,  
а не тех, на ком (лежит) гнев Твой, и не тех, кто заблуждается» [21, л.1].

---

<sup>1</sup> Имеется в виду труд *شقائق النعمانية في علماء الدولة العثمانية* («Анемоны среди ученых Османского государства») турецкого историка Абу-л-Хайра Ахмеда ибн Муслих ад-дина Мустафы Ташкубри-заде (1495–1561).

<sup>2</sup> Скорее всего, имеется в виду труд *الجواهر المضية في طبقات الحنفية* («Горящие жемчужины в классификации аль-Ханафи») историка Абд аль-Кадира ибн Мухаммеда аль-Курши Мухи ад-Дина аль-Ханафи (ум. в 1373 г.).

В 1836 г. библиотека Казанского университета приобрела рукописи А.К. Казем-Бека, среди которых, в частности, были первая часть полного арабского словаря ас-Саггани «Маджмау-аль-Бахрейн», а также первая и третья части тафсира Замахшари [22, с. IV]. А.К. Казем-Бек первоначально планировал продать их Академии наук и неоднократно писал об этом Х.Д. Френу [12, с. 81]. В 1838 г. отец А.К. Казем-Бека, хаджи Казем-Бек, прислал университету «Изречения красноречивых», извлечение из биографического словаря ибн Халликана [22, с. VI].

Пополнение рукописных фондов не всегда происходило спонтанно. Со временем оно стало носить строго систематический характер, как в случае с научным путешествием В.Ф. Диттеля и И.Н. Березина в 1842–1845 гг. [23, лл. 49-54]. Руководством к сбору рукописей служили ранее разработанный «Хронологический список ста сочинений, преимущественно исторического и географического содержания» Х.Д. Френа [24], а также основанные на нем списки рукописей, составленные Ф.И. Эрдманом и А.К. Казем-Бекком [25].

Список А.К. Казем-Бека включал 32 наименования произведений арабо-мусульманских авторов: «История правителей...» ат-Табари, «Завоевания стран» аль-Балазури, «Записка Ахмеда ибн Фадлана», «История ат-Табари» Мухамаммада ибн Джарира, «Вести времени (эпохи)» аль-Масуди, «История Хорезма» Кадый Ахмада, «История Самарканда» Джафара Мустагфари, «История Багдада» аль-Хатыба аль-Багдади, «История Булгара» Ягкуба ибн Нугмана аль-Булгари, «История Табаристана» Мухамамада ибн Хасана, «Мировая история» ал-Джувейни, «История ибн Халдуна», «История ибн Халликана», «История Челеби-Зада», «История Субхи» и другие.

Кроме того, в 1848 г. по случаю отъезда А.К. Казем-Бека в Санкт-Петербург, собрание пополнилось его большой коллекцией восточных рукописей (всего 203 единицы [2, с. 58]), рукописный каталог к которой составил его ученик И.Н. Березин [26, лл. 1-34]. Среди них особенно выделялись такие ценные арабоязычные рукописи, как великолепный «ширазский» Коран; «Мишкат аль-Масабих», сборник преданий Мухаммеда ибн Абдалла Табризи; «Аль-Масабих», сборник преданий Аль-Фарры аль-Багави; «Описание Египта» ас-Суюти; «Аль-Камус аль-Мухит», или знаменитый «Океан» – толковый словарь арабского языка и др. [2, с. 60]. Кроме того, там также были труды по мусульманскому законоведению, теологии, грамматике, лексикографии,

истории и географии. А.К. Казем-Бек писал, что «он 20 лет занимался собиранием мусульманских рукописей по всем отраслям наук, известных на Востоке, через своих корреспондентов в Туркестане, Персии, Турции, а также через меккских богомольцев» [26, л. 5]. Именно коллекция А.К. Казем-Бека легла в основу собрания арабских рукописей Казанского университета, описанного И.Ф. Готвальдом.

Таким образом, подводя итог арабистической деятельности А.К. Казем-Бека в Казани, мы можем утверждать, что она делилась на три основные направления: 1) учебно-методическое и педагогическое (преподавание арабского языка в университете, гимназии и духовной академии, составление программ обучения); 2) научно-публицистическое (публикация «Мухтасар аль-викайет» с комментариями, работа над составлением глоссария-конкорданса к Корану и иных трудов, связанных с арабо-мусульманским миром); 3) систематическое коллекционирование арабских рукописей. Каждое из этих направлений в равной степени способствовало углублению знаний российских ученых об арабском Востоке.

### Список литературы

1. Центральный архив Республики Татарстан (ЦА РТ), ф. 977 Казанский университет, оп. Совет, д. 1089.
2. *Фойгт К.К.* Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете за десятилетие с 1842 по 1852 год. – Казань: Типография Каз. ун-та, 1852. – 74 с.
3. *Гулиев В.* Азербайджанская школа в российской ориенталистике / В. Гулиев. – Баку: Азернешр, 2002. – 344 с.
4. ЦА РТ, ф.92, оп.1, д.3833.
5. *Мазитова Н.А.* Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете. (Первая половина XIX в.) / Н.А. Мазитова. – Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1972. – 225 с.
6. *Казем-Бек А.* Распределение преподавания арабского, персидского и турецко-татарского языков в Первой Казанской гимназии. – Казань 1836. – 19 с.
7. ЦА РТ, ф. 10, оп. 1, д. 454.
8. *Боратынская О.А.* А.К. Казем-Бек, к его биографии // Русский архив. – 1894. – Кн. 2.
9. ЦА РТ. Ф. 977, оп. Совет, д. 1537.

10. *Казем-Бек А.К.* التحفة الحقيرة في علم الادب عند اهل العرب. (Al-tuḥfat al-ḥaqīrah fī ‘ilm al-’adab ‘ind ‘ahl al-‘arab). – Казань, 1833. Следует отметить, что сама книга датирована 1249 г.х.

11. ЦА РТ, ф. 977, оп. Совет, д. 1443.

12. Эпистолярное наследие российских востоковедов: Письма Мирзы А.К. Казем-Бека академику Х.Д. Френу (1831–1846) / отв. ред. Р.М.Валеев, пер. с англ. Т.И.Зяппарова, М.В.Поникаровской. – Казань: Артефакт, 2015. – 214 с.

13. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф.733, оп.40, д. 409.

14. *Казем-Бек А.К.* О появлении и успехах восточной словесности в Европе и упадке ее в Азии // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1836. – С.41–45.

15. *Казем-Бек А.К.* Мюхтасерюль вигкает или сокращенный вигкает. Курс мусульманского законовещения по шкале Ханефидов. – Казань, 1845. – 330 с.

16. *Казем-Бек А.К.* О некоторых политических переворотах, приготовивших поприще Мохаммеду в Аравии и вне ее // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1845. – С. 45.

17. ЦА РТ, ф. 1186, оп. 1, д. 11.

18. ЦА РТ, ф. 1186, оп. 1, д. 10.

19. Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (ПФА РАН), ф. 776, оп. 2, д. 104.

20. *Рзаев А.К.* Мухаммед Али М.Казем-Бек / А.К. Рзаев. – М.: Наука, Главная редакция науч. литературы, 1989. – 199 с.

21. ЦА РТ, ф.1186, оп. 1, д. 23.

22. *Готвальд И.Ф.* Описание арабских рукописей, принадлежащих библиотеке Казанского императорского университета. – Казань: Типография Каз. ун-та, 1852. – 302 с.

23. ЦА РТ, ф. 977, оп. Совет, д. 2450.

24. *Френ Х.Д.* Хронологический список ста сочинений, преимущественно исторического и географического содержания, на арабском, персидском и турецком языках, недостающих большей частью в европейских библиотеках, коих отысканием в оригиналах или в верных копиях следовало бы заняться для пользы наук особам, имеющим свое пребывание на Востоке. – СПб., 1834. – 28 с.

25. ЦА РТ, ф. 977, оп. Совет, д. 2450.

26. ЦА РТ, ф. 977, оп. Правление, д. 579.

### Информация об авторе

**Зяппаров Тимур Ильдусович**, кандидат исторических наук, руководитель отдела международных проектов, Альметьевский государственный нефтяной институт, г. Альметьевск, Российская Федерация; tzi@mail.ru

## ОПИСАНИЕ ЧЕЛОВЕКА В РАССКАЗАХ РАХНАВАРДА ЗАРЯБА

**Н. К. Кабирова**

*Ташкентский государственный институт востоковедения,  
г. Ташкент, Республика Узбекистан*

**Аннотация.** В рассказы «Проклятый город» и «Крик души» Рахнаварда Зарьяба анализируется линия сюжета. Данный рассказ был изложен словами простого ребёнка, который, ещё не понимает житейские трудности. Однако в его простом изложении нашли отражение проблемы тяжелой жизни афганского общества. «Наемная», «Без цветка и без листьев» и «Кинжал».

**Ключевые слова:** пейзаж, сюжет, симпатия, несправедливость, конфликт, ужасная судьба.

## DESCRIPTION OF HUMAN IN THE STORIES OF RAHNAVARD ZARYAB

**Annotation.** In the stories "Cursed City" and "Cry of the Soul" by Rakhnavard Zaryab the plot line is analyzed. This story was set forth in the words of a simple child who does not yet understand everyday difficulties. However, his simple presentation reflected the problems of the hard life of Afghan society. "Mercenary", "Without a flower and without leaves" and "Dagger".

**Key words:** a landscape, a plot, sympathy, injustice, the conflict, awful destiny.

Современная дарийская проза на сегодняшний день имеет множество разнообразных жанровых направлений. Среди них наиболее развит жанр рассказа. В рассказе наиболее емко и коротко можно показать определенные стороны жизни, социальные взаимоотношения людей современного Афганистана. В последние годы в афганской литературе, в частности, в новеллистике наряду с произведениями, в которых творчески продолжались реалистические традиции, стали появляться новые исследования.

В афганской новеллистике стали создаваться произведения нового направления с особыми формами, способами выражения, принципами изображения, сущностью и содержанием, новыми героями. В частности, и в рассказах афганского прозаик Рахнаварда Зарьяба нашли свое отражение эволюционные процессы в психологии человека в разных ракурсах. Рахнавард Зарьяб родился 25 августа 1944 года (1323 год по хиджри) в Кабуле, на старинной улице под названием «Рикахана», в семье со средним достатком. Его отец был выходцем из города Газни, а мать из северных районов Афганистана. Рахнавард учился в школе Хабибия. Он уже в это время пытался писать маленькие рассказы и сумел опубликовать некоторые из них в газетах и журналах страны. Он постоянно и много работал над собой. В результате поступил на факультет журналистики Кабульского Университета. Рахнавард защитил диплом по специальности литературоведение, через некоторое время он по государственной стипендии уехал в Великобританию и поступил в Уэльский университет. Окончив его, Рахнавард получил диплом языковеда и стал заниматься наукой, много путешествовал, собирая материал, не оставляя, конечно, творческий процесс.

Писатель своеобразно изображает жизнь сегодняшнего человека с его проблемами в жизни. Творческий стиль писателя, который формировался на протяжении многих лет, основывается на жизненную реальность. А также, он в своих произведениях тщательно, в мельчайших деталях интерпретирует психологию человека. Он пытается отразить особенности характера человека в логической последовательности. Для писателя не интересны события жизни, главное в его произведениях – это человек и его душа. Он выражает боль, радость человеческой души посредством внутренних переживаний. Писатель считает, что в литературе важно выразить картину души человека, её чудесные, загадочные стороны. В 1983 году в издательстве «Москва» на русском

языке был издан его сборник рассказов «آوازی از میان قرن ها» [1] (Эхо веков). Позже рассказы и другие произведения Рахнаварда Зарьяба были опубликованы в Иране, Прибалтийских республиках и других странах. На сегодняшний день его произведения публикуются в таких странах как США, Канада, Франция, Германия, Судан. В число рассказов, заслуживающих внимания входят: «نقد و آرمان» (Мечта и сожаление), «کاروان» (Караван), «زرنگار» (Зарнигор), «وحدت ملی» (Национальное освобождение), «فردا» (На завтра), «رنگین» (Красочность), «وفا» (Преданность), «افغانستان آزاد» (Свободный Афганистан) и др. Также известны его рассказы посвященные жизни афганских мусульманских женщин, такие как «بی گل بی برگ» [2] (Без цветка и без листьев), «مزدور» [3] «Наемная». В рассказе «Без цветка и без листьев» показан образ молодой девушки Зармины. Ее сердце полно чувств – она влюблена. Но об этом она не говорит даже матери. А родителям безразлично любит ли она будущего суженого, за которого они собираются выдать ее замуж. События в рассказе начинаются ранней весной, когда пробуждается природа и зарождается любовь в сердцах, и кончаются осенью, когда увядают все растения. Естественно, также умирает любовь двух сердец. Автор, описывая пробуждение удивительной природы, как бы одновременно показывает красоту и чистоту души Зармины, у которой зарождается высокое чувство. Описание летнего зноя, ассоциируется с накалом чувств героини. А падающие листья деревьев во время осени – это символ увядающей любви в сердце девушки. Параллельность описаний событий в природе и душевных переживаний Зармины, усиливает выразительность рассказа.

Большинство героев Рахнаварда Зарьяба – это те, кто живет в духовных эмоциях. Особенно, в его рассказах, как «شهر طلسم شده» [4] (Проклятый город), «فریاد» [5] (Крик души), «خنجر» [6] (Кинжал), «رقاسه» [7] (Танцовщица) говорится о судьбах именно таких людей. В этих рассказах преобладают не события, а внутренние человека. Пейзаж, состояние героев, их настроение и воображение, которые является характером особенностью стиля Р. Зарьяба. Он в своем рассказе «Проклятый город» эффективно использует пейзаж. Для раскрытия внутреннего мира героя он начинает рассказы с описания пейзажа. Писатель использует эти средства изображения с целью олицетворения окружающей среды, где действуют герои. При таком изображении писатель выбирает ритмику, определяющую душу произведения, идейно-художественный вымысел, пронизанный в суть рассказа:

«گردبادهای تند، خودشان را به در و دیوار شهر می زدند، می خریدند و به هر سو حمله می بردند – چون جان و رانی درنده که در قفس افتاده باشند. توده های خاک و خاشاک، مثل مارها، روی جاده ها و کناره های کوچه های تنگ، می خزیدند، از دیوارها بالا می رفتند، روی بام ها می رقصیدند و از پشت شیشه ها، مردمرا تهدید می کردند. هوای شهر، تیره بود و شهر در میان بادهای گردآلود، خاموش افتاده بود – انگار بی هوش شده باشد.»

*«Сильный ветер дует в стену города, воет, как животное в клетке бросается в разные стороны. Преодолевая стены, танцует на крышах и угрожает людям, ударяясь в окно. Город покрыт туманом, от пыльного ветра весь город в темноте»[8]*

В рассказе Р.Заряба «Проклятый город» психология героя изображается на фоне семейных проблем. Герой рассказа «Проклятый город» - бездомный, обедневший отец, находится в окружении внешних и внутренних воздействий. В таких условиях герой становится вспыльчивым, агрессивным и грубым. В этом рассказе герой, который переносит отрицательные влияния внешних сил и не может доказать свою невиновность изображен в полне естественно. Он всегда мечтает, чтобы у него был своем маленький домик, но бедность, нищета не позволяет ево мечты сбывться. Герой рассказа по своей природе не борец за свое счастье. Он не смотрит прямо на жизненные трудности, не стремится преодолеть сложности, в место этого он предпочитает смириться с судьбой, равнодушно смотрит вокруг себя. Он склонен к тому, чтобы философствовать, чем действовать. Постоянное беспокойство охватывает героя. Потрясения, происходящие в душе героя, которые нарушают равновесие в нем и постоянно не дает ему покоя невозможно заметит со стороны. Регулярное продолжение данного процесса, который трудно понять разумом и объяснить языком заставляет человека выбрать одно из двух: жизни или смерть. Герой рассказа становится жертвой своего страха и впоследствии рассказ заканчивается тем, что герой становится психически неуравновешенным.

Герой рассказа «خنجر» (Кинжал) в течении 12 лет живет в состоянии психического расстройтва. И только в присмертном состоянии решается избавиться от такого безвыходного состояния и будет вынужден рассказать «секреты» своему сыну. Здесь писатель до определенного момента держит в секрете сущность характера своего героя.

В рассказе «فریاد» (Крик души), писатель кроме внутреннего и внешнего монолога, обращается и к эпистолярной форме речи. Данный способ проявляется в письме, которое герой рассказа направляет кому-то, который тайком обращается к своему собеседнику. Обычно, если в

монологе раскрываются черты характера говорящего персонажа. В рассказе это осуществляется посредством письма.

В последующих произведениях Р.Зарьяба чувствуется стремление писателя всесторонне осветить тайны души современного человека, которые очень трудно понять. Герои рассказов изображаются на фоне различных событий, в логической последовательности, неповторимо и в разнообразии, одновременно отражают признаки времени.

В рассказе «مزبور» (Наемная) тоже центральной фигурой является женщина. Здесь, два образа – Ховар и Аббас определители фабулы рассказа. Аббас – молодой муж, а Ховар – невестка, и она измучена от деспотизма и самодурства свекрови. Писатель напрямую не очерняет мать Аббаса, а пишет, что она стала такой от жизненных трудностей и от недостатка доброго отношения окружающих ее людей. «Наемная» – это Ховар. Ее положение в семье на самом низком уровне. Все к ней относятся высокомерно. Несмотря на то, что вся работа о семье выполняется ею. Она как будто наемная работница, а не полноправный член семьи. Деспотизм свекрови, в конце концов, ударяет по сыну – Аббас умирает. Сама мать этого не понимает, считает виноватой невестку и продолжает унижать ее. Это также приводит к новой гибели – смерти Ховар. Рахнавард Зарьяб этим рассказом обращается к народу, взывая обратить внимание на положение женщин в семье. Ведь женщина – стержень семьи, ее надо беречь и ей постоянно необходимо оказывать помощь. Из анализа вышеперечисленных рассказов понятно, что писатель обращает свое внимание на социальные проблемы афганского общества. Женщины-образы Рахнаварда Зарьяба отличаются от подобных персонажей других писателей, тем, что они простодушны и не надуманны. Главным персонажем многих его рассказов являются страдающие женщины. Такое положение он сам комментирует следующими словами: *«Когда я их описываю, перед моими глазами стоят моя мать, жена и сестра. Понимание обездоленности афганских женщин, конечно, очень повлияло на моё творчество и на мою жизнь»* [9]. Уважение женщины – есть оберегание человечества. Данное выражение – лозунг творчества Рахнаварда Зарьяба и мы чувствуем это в каждом его произведении.

#### Список литературы

1. رهنورد زریاب. «آوازی از میان قرن ها» - کابل ۱۳۴۶
2. رهنورد زریاب. داستانها. (سگ و تفنگ) «بی گل بی برگ» کابل ۱۳۴۲

3. رهنورد زریاب. (آوازی از میان قرن ها) «مزدور» کابل ۱۳۴۶
4. 1- رهنورد زریاب. داستانها. "شهر طلسم شده" (شهر طلسم شده). کابل ۱۳۴۶  
، ۱۴۶، ۱۵۴ .
5. 1 رهنورد زریاب. داستانها. (دزد اسپ) «فریاد» کابل ۱۳۴۷، - ۴۲۵ ۴۲۹
6. 1 رهنورد زریاب. داستانها. (سگ و تفنگ) «خنجر» کابل ۱۳۵۲، - ۳۸۹ - ۳۹۴
7. 1 رهنورد زریاب. داستانها. (سگ و تفنگ) «رقاصه» کابل ۱۳۵۰، -  
۲۶۲ - ۲۵۳
8. 1- کابل ۱۳۴۶، ۱۴۶ "شهر طلسم شده" (شهر طلسم شده). رهنورد زریاب.  
داستانها..
9. Полякова Г. Азам Рахнавард Зарьяб "Портрет" и другие рассказы. – Москва, 1983. С – 253.

### Информация об авторе

**Кабирова Наргиза Кахрамановна**, соискатель докторантуры Ташкентского государственного института востоковедения, г. Ташкент, Республика Узбекистан; e-mail: sulaumonova-17@mail.ru

## ТЮРКОЯЗЫЧНЫЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ГАЗЕЛЯХ ХАФИЗА

### А. Куранбеков

*Ташкентский государственный институт востоковедения,  
г. Ташкент, Республика Узбекистан*

**Аннотация.** Исследования проведено на основе переводов газелей Хафиза. Делается попытка установления связи о происхождении поэта Хафиза и его окружение с тюркскими народами. Благодаря переводам удалось установить, что названия городов, племен тюркского происхождения были хорошо известны в окружении Хафиза. Подтверждением тому служат и тюркские слова, вошедшие в лексикон поэта, тем самым показывая тесное взаимоотношение персоязычных народов во времена Хафиза.

**Ключевые слова:** Хафиз, газели, бейт, тюрки, персидский язык, Хорезм, Самарканд, Рудаки, Кайхусров, Хакан.

## TURKEY-LANGUAGE INTERFERENCE IN GASELS OF HAFIZ

**Annotation.** Research conducted on the basis of translations of gazelles Hafiz. An attempt is being made to establish a connection about the origin of the poet Hafiz and his entourage with the Turkic peoples. Thanks to the translations, it was possible to establish that the names of cities and tribes of Turkic origin were well known in the vicinity of Hafiz. This is confirmed by the Turkic words included in the poet's lexicon, thereby showing the close relationship between Persian-speaking peoples in the time of Hafiz.

**Key words:** Hafiz, gazelles, Beit, Turks, Persian, Khorezm, Samarkand, Rudaki, Kayhusr, Khakan.

В конкордансе газелей Хафиза [1] зарегистрированы несколько тюркоязычных лексических единиц и выражений. Их можно разделить по таким лексико-семантическим группам: а) города в Туркестане: Чин, Бухара, Самарканд, Ходжент, Хотан, Харезм; тюркские правители: Афрасияб, Тураншах, Хакан; тюркские племена: *çigil*, *tatar*, *turk*, *xallox* (карлук), *уагма*; и некоторые этнические реалии тюркского происхождения: *ауāğ* (чаша), *kasme* (локон), *kakul* (чуб); *kereřma* (чары); *sorma* (сюрьма), *gazlik* (нож); и одно название птицы: *qumri* (горлица).

Названия городов Самарканд и Бухара он упоминает в широкоизвестной газели в первоначальном бейте

3/1 اگر آن ترک شیرازی به دست آرد دل ما را  
بخال هندویش بخشم سمرقند و بخارا را

Подстрочный перевод:

Если тот турок Ширазский оболщает мое сердце

За индийскую родинку подарю Самарканд и Бухару.

Здесь явно прослеживается подтекст о том, что Самарканд и Бухара принадлежать тюркам. Впрочем он в других бейтах упоминает Самарканд не иначе, как тюркский:

431/8 به خو بان دل مده حافظ ببين آن بی و فا بی ها  
که با خوارزمیان کردند ترکان سمرقندی.

431/9 به شعر حافظ شیراز می رقصند و می نازند  
سیه چشمان کشمیری و ترکان سمرقندی.

461/3 خیز تا خاطر بدان ترک سمرقندی دهیم  
کز نسیمش بوی جوی مولیان آید همی.

Перевод:

Хафез неувлекайся красивыми, посмотри на эти неверности,  
То, что делали с Хорезмийцами Самаркандские тюрки.  
На стихи Хафиза Ширазского и танцуют и гордятся  
Черноглазые Кашмира и тюрки Самарканда.  
Встань, чтобы почитать того тюрка Самарканда  
От зефира того пахнет духом Мулийа.

В этих стихах поэт подчеркивает со всей ясностью, что город Самарканд принадлежит тюркскому населению.

Примечательно то, что он считает тюрка Самарканда, т.е. Рудаки тюркским поэтом. Об этом свидетельствует и примечание Рахима Зуннура, где отмечает.

ترک سمرقندی (ایهام) ۱- رودکی (به قرینه مصراعی از قصیده معروف او که در غزل حافظ تضمین شده)

«Тюрк Самарканда (аллегория). 1. Рудаки (Исходя из строки из известной касыды его, которые привёл Хафиз в своей газели) [2]»

Из этого напрашивается вывод, хотя во времена Хафиза не было определенной границы между государствами, да и государств с четкими обозначенными границами не существовало, но в представлениях Хафиза и в т.ч. всего иранского населения города Самарканд, Бухара, Ходжент и Харезм и Хотан и Чин были известны под общим названием Туркестан. Этот необъятный край, в настоящее время известен под разными образованиями, как Узбекистан, Таджикистан, Казахстан, Киргизия, Туркменистан, Уйгурская автономная область, Монголия и северные территории Китая.

Хафиз испытывал глубокую симпатию, народностям и племенам, населяющим эти территории.

Хафиз в своих газелях упоминает представителей тюркских племен в виде «tork», «torkān», «torkāne», «yağmā», «čegel», «xallox».

Он оказывает особое расположение выходцам из тюркских народностей и слово «tork» упоминает 24 раза в следующих строках:

۳/۱ اگر آن ترک شیرازی بدست آرد دل ما را  
بخال هندویش بخشم سمرقند و بخارا را

В этом бейте поэт точно указывает на происхождение этого слова, «tork-e širāzi», что переводится как «тюрк из Шираза». Толкователи лексики и выражений Хафиза это выражение комментируют по-разному. Но в этом ясно одно, если толковать это слово в буквальном

смысле как представитель народности, или иносказательно как «красавица», ясно одно, этот образ принадлежал родному городу поэта, т.е. Ширазу.

Слово «tork» встречается еще в таком бейте:

۴۸/۶ دلم ز نرگس ساقی امان نخو است بجان  
چرا که شیوه آن ترک دل سیه دانست.

Перевод:

Душа не пожелала пощады на свою жизнь от нарцисса виночерпия,

Ибо знала замашки того тюрка черносердечного.

В этом бейте поэт относит слово «tork» «виночерпию». Поэтому, теперь неизвестно, действительно виночерпий был тюрком или же поэт употребил метафорически как «бессердечная красавица».

В следующей газели слово «tork» упоминается в таком бейте:

۸۲/۱ آن ترک پری چهره که دوش از بر ما رفت  
آیا چه خطا دید که از راه خطا رفت.

Перевод:

Тот периликий тюрк, который ушел из моего объятия

Какую ошибку он заметил, что направился в сторону Китая

В переводе слов «tork» дается в мужском роде, ибо в газелях Хафиза нигде, ни разу не указывается на женские атрибуты этого слова. Здесь поэт использовал фигуру оксюморон «xatā» (ошибка) и «xatā» (Китай), но при этом под словом «Китай» подразумевалось государство тюркских племен, расположенное на севере сегодняшнего Китая. В данном случае слово тюрк метафорически обозначает «возлюбленная», а упоминание Китая указывает на её тюркского происхождения. Слово «тюрк» ещё упоминается во многих бейтах, но разбор всех бейтов привело бы к удлинению этой статьи. Поэтому ограничимся бейтами с другими названиями племен.

۱/۳ بمشک چین و چگل نیست بوی گل محتاج  
که نافه هاش ز بند قبای خویشتن است.

Перевод:

Запах цветка не нуждается в мускусе Чина и Чегела

Ибо мускусный пупок от повязки своей верхней одежды.

Название «Чегел» имеет следующее разъяснение:

چگل – نام قبیله ای از ترکان خلخ در ترکستان که در حدود کاشغر می زیسته اند و شهری هم به نام چگل در نزدیک طراز داشته اند.

«Чегел: название из тюркских племен карлуков в Туркестане, которые проживали в районе Кашгара и имели город под названием Чегел вблизи Тараза»!

۳۲۲/۲ صفای خلوت خاطر از آن شمع چگل جویم  
فروغ چشم و نور دل از آن ماه ختن دارم.

Перевод:

Я от той светочи Чегел ищу покоя уединенной души  
Имею сияния очей и лучи сердца от той луны Хотана.

В этом бейте нам представляет интерес названия города «Хотан». В комментариях слово «Хотан» имеет разъяснение следующего порядка:

“ختن – ولایت مشک خیز از تاتارستان”

«Хотан: регион изобилующий мускусом Татарстана» [3].

Это интерпретация на основе каких источников не известно, но ныне Хотан находится в Уйгурской автономной области.

۱۷۳/۷ حافظ چو ترک غمزه ترکان نمی کنی  
دانی کجا ست جای تو خوارزم یا خجند.

Перевод:

Хафез, поскольку не можешь покинуть кокетство тюрков  
Знаешь где твое место, Хорезм или Ходжанд

В этом бейте нам представляет интерес «Ходжанд», ибо оно связано с выражением «кокетство тюрков». Слово «Ходжанд» комментируется следующим образом:

“خدجند: قصبه ای از اقلیم پنجم به فرغانه در کنار سیحون که آن را عروس دنیا خوانند  
مردمانش بسیار زیبا و مردانه اند”.

«Ходжанд, селение из пятого пояса в Фергане, на берегу реки Сайхун, который называют «невеста мира». Люди которого очень красивы и мужественны» [4]!

۴۲۳/۳ گوی خوبی بردی از خوبان خلخ شاد باش  
جام کیخسرو طلب کافر آسیاب انداختی.

Перевод:

Ты выиграл шар красоты от красавцев Халлуха [карлуков] веселись

Поскольку одолел Афрасияба, попроси чашу Кайхусрава

В этом бейте «Афрасияб» повелитель Турана, который воевал с иранским царём Кайхусравом. Но примечательно слово «Халлох». Это слово трактуется таким образом:

"خلخ: شهری در ترکستان که مردم آن به زیبایی مشهور بوده اند".

«Халлух [карлук]: город в Туркестане, люди которого были известны своей красотой» [5].

Таким образом, хотя Хафиз ни разу не выезжал из родного города Шираз он был сведущ с тюркскими городами и тюркскими племенами, населяющими в Туркестане.

Кроме вышеуказанных фактов Хафиз владел некоторыми терминами тюркского происхождения и употреблял их в своих газелях:

۱۱۳/۷ به چمن خرام و بنگر بر تخت گل که لاله  
بنديم شاه ماند که بکف ایاغ دارد.

Перевод:

Проходи в цветочник и погляди на трон розы, ибо  
Тюльпан походит на приближенного шаха, с чашей на ладони.  
В этом стихи «ауаğ» является тюркским словом «бокал, чаша  
вина».

۴۶۳/۶ بر شکن کاکل ترکانه که در طالع تست  
بخشش و کوشش خاقانی و چنگیزخانی.

Перевод:

Закрути тюркский локон, ибо твое счастье  
Дар и битва Хакана и Чингизхана  
В этом бейте слово «kākol» означает «чуб посередине головы  
(женщины)».

۴۱۳/۴ عروس بخت در آن حمله با هزاران ناز  
شکسته کسمه و بر برگ گل گلاب زده.

Перевод:

Невеста счастья на том брачном покое с тысячами чар,  
Опустив завитушки и прыснув розовый напиток на листья розы.  
В этом бейте поэт употребил слово «kasmе». Это тюркское слово  
имеет следующее толкование:

"کسمه: مقداری از زلف را که زنان پیچ و خم داده بر ر خسار رها کنند"

«Женщины делают завивку некоторое количество локона и опускают на лицо» [6]

۴/۲ شد که یاد خوشش باد روزگار وصال  
خود آن کرشمه کجا رفت و آن عتاب کجا.

Перевод:

Прошло время свидания не поминай лихом

Куда пропало то кокетство и те упреки.

Слово «kereşme» имеет такое толкование:

"كرشمه: اشاره به چشم و ابرو' غمزه"

Перевод: «Кокетство, подмигивание и намек глазами и бровью»

[7]

۲۵۳/۴ چه فتنه بود که مشاطه قضا انگيخت  
که کرد نرگس مستش سیه سرمه ناز.

Перевод:

Какую смуту развел косметик судьбы,

Что насурмленный пьяный нарцис начал кокетничать.

Здесь представляет интерес тюркское слово «surme» (сюрьма), которое используется в косметике.

۳۵۸/۳ سر خدا که در تتق غيب منزويست  
مستانه اش نقاب ز رخسار بر کشيم.

Перевод:

Тайна бога скрыта за занавесом,

В пьяном виде сорвем маску с лица.

В этот бейте употреблено тюркское слово «totoq», что означает «занавес, вуал».

۱۰۴/۲ زلف خاتون ظفر شيفته پرچم تست  
ديده فتح ابد عاشق جولان تو باد.

Перевод:

Локон дамы триумфа зачарован твоим флагом,

Очи вечной победы пусть будет влюблен твоему гарцеванию.

Есть еще слово گزلك [gazlek], يرغو [yarγu], قمرى [γomri], которые похожи на тюркское происхождение, но поскольку их этимология спорны, не стали включать в этот список.

В результате исследования газелей Хафиза можно делать смелые выводы, что Хафиз и его окружения жили в соседстве с тюркскими народами и, естественно, некоторые названия городов, племен тюркского происхождения были хорошо известны в их кругах. И тюркские слова вошли в лексикон поэта. Это свидетельствует о тесном взаимоотношении этих народов во времена Хафиза.

### Список литературы

1. Correale D.M. The ghazals of Hafez. Concordans and vocabulary. Roma 1988
2. ذوالنور، ر. در جستجوی حافظ. تهران. چاپ سوم. ۱۳۷۲
3. Там же: С.741,

4. Там же: С.457
5. Там же: С.984
6. Там же: С. 956.
7. معین' م. فرهنگ فارسی. تهران. سال ۱۳۷۱

### Информация об авторе

**Куранбеков Ахмадкул**, доктор филологических наук, профессор кафедры Ирано-афганской филологии, Ташкентский государственный институт востоковедения, г. Ташкент, Республика Узбекистан; ahmadjonkuranbekov@gmail.com

## АРАБСКИЙ АЛФАВИТ - ТЕНДЕНЦИЯ К УДОБСТВУ

**А.А. Магомедов**

*Дагестанский государственный университет,  
г. Махачкала, Республика Дагестан, Российская Федерация*

**Аннотация.** В статье дается разграничения между разделительной хамзой и соединительной хамзой, алиф-мамдудой и алиф-максурой, та-мамдудой и та-марбутой, даются их определения и функции, что, мнению автора, упрощает важный этап в изучении трудного арабского языка.

**Ключевые слова:** Арабский язык, разделительная хамза, соединительная хамза, алиф-мамдуда, алиф-максура, та-мамдуда, та-марбута, алфавит, буква.

## ARABIC ALPHABET - TREND TO CONVENIENCE

**Annotation.** The article provides a distinction between the separative Hamza and the connecting Hamza, alif-Madmuda and Alif-Maksura, ta-Madmuda and ta-marbuta, their definitions and functions are given, which, according to the author, simplifies an important step in learning difficult Arabic.

**Keywords:** Arabic, dividing hamza, connecting hamza, alif-mamaddu, alif-maxura, ta-mamduda, ta-marbuta, alphabet, letter.

Как известно, арабский язык считается очень трудным языком не только в плане изучения разговорной речи, но и в плане письма и чтения. Эти сложности начинаются со знакомства обучающегося с первой буквой арабского алфавита – *алифа*. В учебнике арабского языка А.А. Коволева, Г.Ш. Шарбатова также, как и в других учебниках, утверждается, что «арабский алфавит состоит из 28 букв» [4, с. 11]. В большинстве из них даётся правописание *алифа* и *хамзы*, но не даётся объяснения того, откуда появилась буква *хамза* и какая связь между ней и *алифом*. Нет также чёткого разграничения между обоими видами *хамзы* равно, как и разграничений между обоими видами *алифа*. Таким образом, в алфавит вошёл *алиф-мамдуда*, которая не является корневой буквой, но не вошли ни *алиф-максур*, ни *разделительная хамза*, ни *соединительная хамза*, не говоря уже о *та-марбуте*. И это при том, что, по мнению Ю.С. Маслова, «Алфавит – это та часть инвентаря графем фонемографического письма, которая упорядочена в стандартной последовательности, в определённом «алфавитном порядке». Так, в современный русский алфавит входят все буквы, используемые в русском письме, включая *ь* и *ъ*» [8, с. 258].

Итак, до недавнего времени в арабском письме *хамзу* отождествляли с *алифом*. К примеру, в словах *كان* - *быть*, *قرأ* - *читать* и *أكل* - *кушать* не представлялось возможным для не араба различить *хамзу* от *алифа* и наоборот, из-за того, что обе буквы писались одинаково, хотя в первом слове присутствует буква *алиф-мамдуда*, а во втором и третьем – *разделительная хамза*. Вследствие такого подхода, обучающийся вначале знакомится с *алиф-мамдудой*, которая в дальнейшем каким-то странным образом переходит в разные формы на письме и в звучании, например, *أ, إ, ؤ, ئ, ء, أ, ي, ا*.

В последнее время в арабских странах идёт переосмысление данного момента: в мединском шрифте Коранического текста чётко прослеживается разница между всеми этими буквами, т. е. *алиф-мамдудой*, *алиф-максурой*, *разделительной хамзой* и *соединительной хамзой*. В данной статье даётся разница между этими буквами и рекомендации, которые должны помочь обучающемуся разобраться в запутанном алфавите арабского языка, что на наш взгляд весьма актуально.

Итак, *хамза* делится на два вида: *разделительная хамза* [هَمْزَةُ الْفَطْع] и *соединительная хамза* [هَمْزَةُ الْوَصْلِ].

**Разделительная хамза** - ء имеет разные формы написания: над *алифом* – أ, под *алифом* – إ, над буквой «و» – ؤ, над буквой «ى» – ئ, не редко встречается и просто висячий знак «ء». Буквы «و», «ى» и «ا» в

функции подставки для *хамзы* не обозначает звуков, являясь лишь графическим приёмом оформления *хамзы*.

**Соединительная хамза** - **أ**. В отличие от русского языка, где в начале слова могут встретиться два и более согласных звуков без гласного, например, «встретил», что недопустимо такого явления в арабском языке. Поэтому арабы стали использовать в начале слова *соединительную хамзу*, которая читается только в том случае, если она стоит в начале предложения, например, **أَجْلِسْ**. А в середине предложения она не произносится, но на письме присутствует, например, **وَأَجْلِسْ**. Подобное явление встречается и в дагестанских языках, в которых отсутствует двугласное начало слова, как правило в заимствованных словах, например, андийское слово *ушкул* вместо заимствованного из русского языка слова *школа*, андийское слово *истакан* вместо заимствованного из русского языка слова *стакан*.

Огласовка *соединительной хамзы* зависит от огласовки последующей огласованной буквы после *хамзы*, если она огласована *даммой*, то и *хамза* также читается с *дамма*, а если она огласована *касрой* или *фатхой*, то *хамза* читается с *касра*. Однако, кроме *знака васла*, огласовки над *соединительной хамзой* не ставится. Например, **أَسْتَرْشِدْ، أَبْذُلْ، أَجْلِسْ**.

Что касается буквы **алиф**, то она никогда не используется для выражения звука. Арабские языковеды выделяют два вида алифа: *алиф-мамдуда* и *алиф-максура*. Оба вида *алифа* не являются корневыми, а добавочные буквы.

а) *Алиф-максура* [أَلِفٌ مَّقْصُورَةٌ] встречается только в конце слова и имеет форму буквы «**ي**» без точек, например, **مَفْهَى**. Она добавляется:

1. при образовании женской формы превосходной степени, например, **كَبْرَى**;

2. в недостаточных глаголах корневая буква **ي** превращается в *алиф-максуру*, а **و** – в *алиф-мамдуду*, например, **غَزَا** и **رَمَى**.

б) *Алиф-мамдуда* [أَلِفٌ مَمْدُودَةٌ] добавляется в любой позиции в слове и имеет форму «**ا**». В языке она выполняет следующие функции:

1. обозначения долготы, с помощью которого образуются новые слова, например, **حَامِلٌ، كِتَابٌ**;

2. показателя винительного падежа, например, **كُتِبْنَا، دَرَسْنَا**;

3. подставки для «хамзы», например, **أَكَلٌ، سَأَلَ، قَرَأَ**;

4. различения имени от других имён и частиц, например, **أَنَا**;

5. различения форм глаголов множественного числа от единственного числа глагола и от имён, например, **كُتِبُوا، لَمْ يَكْتُبُوا**;

6. редко добавляется для рифмы в конце стиха, например, **سَلَسِلَا** (вместо **سَلَسِيلَا**).

Следующая буква, которая не вошла в алфавит арабского языка, – «ة» *та-марбута*, образована от буквы «و», путём добавления точек. Произносится также, как и «ت» *та-мамдуда*. Но в отличие от неё, *та-марбута* встречается только в конце слова, и в разговорной речи превращается в букву «و» или вовсе выпадает.

*Та-марбута* так же, как и *алиф*, является добавочной буквой, и не входит в корень слова. Она выполняет следующие функции:

1. присоединяется к концу слова при образовании женского рода, например, *جَمِيلَةٌ*;

2. присоединяется к концу слова при образовании имени единичности, например, *حَبَّة*;

3. присоединяется к концу слова при образовании новых слов, например, *وَطَنِيَّة*; и др.

Таким образом, в алфавите арабского языка присутствуют 32 буквы, из которых 28 корневые и 4 добавочные.

**Таблица алфавита арабского языка**

Корневые буквы							
خ	ح	ج	ث	ت	ب	ء	
ص	ش	س	ز	ر	ذ	د	
ق	ف	غ	ع	ظ	ط	ض	
ي	ه	و	ن	م	ل	ك	
Добавочные буквы							
<i>та</i>	ة	Хамз а аль-васл	أ	<i>алиф</i> -максура	ى	<i>алиф</i> -мамдуда	ا
-мар- бута							

По нашему видению, при обучении арабскому языку представляется необходимым следующее:

- ✓ включить в алфавит арабского языка оба вида *алифа*: *алиф-максуру* и *алиф-мамдуду*;
- ✓ включить в алфавит арабского языка оба вида *хамзы*: *соединительную хамзу*, *разделительную хамзу*;
- ✓ включить в алфавит арабского языка *та-марбуту*;
- ✓ дать в учебниках арабского языка правила для разграничения между *алиф-мамдудой* и *алиф-максурой*;
- ✓ объяснить в учебниках арабского языка правила, разграничивающие употребление *разделительной* и *соединительной хамзы*.

### Список литературы

1. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. – М., 1976.
2. Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно историческом освещении. – М., 1998.
3. Ибрагимов И.Д. Учебник арабского языка 1 и 2- ой уровень. – Пятигорск, 2014.
4. Ковалев А.А., Шарбатов Г.Ш. Учебник арабского языка. – М., 2002.
5. Лебедев В.Г., Тюрева Л.С. Практический курс арабского литературного языка. – М., 2005.
6. Магомедов А. А., Омаров А.А. Практическая грамматика арабского языка. – Махачкала, 2018.
7. Магомедов А. А. Арабский литературный язык. – Махачкала, 2018.
8. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. – М. 1987.
9. Сегаль В. С. Начальный курс арабского языка. – Л., 1991.

### Информация об авторе

**Магомедов Азарцун Ахмедович**, старший преподаватель кафедры арабского языка и Центра истории и Культуры Востока, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация.

### ИЗ ОПЫТА ИЗУЧЕНИЯ ХРОНИКИ «ДЕРБЕНД-НАМЭ» НА ЯЗЫКАХ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА: ПРОБЛЕМЫ РАЗНОЧТЕНИЙ, АТРИБУЦИЯ

**Д.М. Маламагомедов**

*Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН,  
г. Махачкала, Республика Дагестан, Российская Федерация*

**Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы, связанные с изучением и введением в научный оборот пока еще единственного арабографического текста хроники «Дербенд-намэ» на аварском языке. Дается полная археографическая характеристика, установлено авторство текста. Далее автор более подробно останавливается на проблемах разночтений встречающиеся в разных арабоязычных и арабографических текстах хроники на языках народов Дагестана. Для сравнительного со-

поставления данных аварского варианта хроники, автором использованы все доступные на сегодняшний день списки хроники на языках народов Дагестана (арабский, азербайджанский, даргинский, лакский). В результате проведенной исследовательской работы автор приходит к выводу, что информация, содержащаяся в арабоязычном варианте хроники и в списках на языках народов Дагестана в основном не отличаются. Исключение составляет количество арабских войск и манера передачи местных топонимов.

**Ключевые слова:** Дербенд-намэ, арабский язык, аджам, аварский язык, народы Дагестана, Казем-бек.

### FROM THE EXPERIENCE OF STUDYING CHRONICLES "DERBEND-NAMEH" ON THE LANGUAGES OF THE PEOPLES OF DAGESTAN: PROBLEMS OF AMBIGUITY, ATTRIBUTION

**Abstract.** The article deals with the issues related to the study and introduction into scientific circulation of the only Arabic text of the chronicle "Derbend-name" in the Avar language. The full archaeological characteristic is given, the authorship of the text is established. Further, the author dwells in more detail on the problems of discrepancies encountered in different Arabic-language and Arabic-language tests Chronicles in the languages of the peoples of Dagestan. For comparative comparison of the Avar version of the chronicle, the author used all available to date chronicle lists in the languages of the peoples of Dagestan (Arabic, Azerbaijani, Dargin, Lak). As a result of the research work, the author comes to the conclusion that the information contained in the Arabic version of the chronicle and in the lists in the languages of the peoples of Dagestan are basically the same. The exception is the number of Arab troops and the manner of transmission of local place names.

**Keyword:** Derbend-name, arash language, Ajam, Avar language, peoples of Dagestan, Kazem-Bek.

В хронике «Дербенд-наме» коротко освещены различные вопросы жизни Восточного Кавказа V- X вв. Многочисленность сохранившихся до наших дней рукописных списков этой хроники свидетельствует о том, что это сочинение в XVIII— XIX вв. получило широкое распро-

странение среди народов Дагестана и была востребована. Списки хроники «Дербенд-наме» с начала XVIII в. стали поступать в различные библиотечные фонды России и мира, в частности Петербурга, Парижа, Берлина и других городов [1, с.114-18; 2, с. 469-480;3, с.5-24]. В выявлении, описании и переводе на русский и другие языки и публикации списков этого памятника, а также в деле изучения истории его создания ценную работу провели Г. З. Байер, Г.Ю. Клапрот, Б. А. Дорн, М. А. Казем-Бек, В. В. Бартольд, М.-С. Саидов, А. Р. Шихсаидов, Т.М. Айтберов, Г.М-Р. Оразаев, А.А. Исаев и другие востоковеды.

До недавнего времени научной общественности не были известны списки «Дербенд-наме» на дагестанских языках и в литературе бытовало мнение о том, что это сочинение существует только на арабском, персидском и тюркских языках, и по этому поводу И. Х. Абдуллаев в 1960 г. отмечал что «на дагестанских горских языках это сочинение до сего времени не было известно» [4, с.20].

В последние годы дагестановедами в различных хранилищах и в частных коллекциях древних рукописей обнаружены ряд списков «Дербенд-наме» не только на арабском, азербайджанском, персидском, но и на аварском, даргинском, кумыкском и лакском языках[5]. Эти находки помогают переосмыслить мнения о процессе бытования и распространения «Дербенд-наме» и конкретизировать некоторые вопросы духовной жизни горцев.

На сегодняшний день известны два списка «Дербенд-наме» на кумыкском языке. Один из них, объемом 40 страниц при формате 22,5x18 см, переписан в 1895 г. [6]; имена переводчика и переписчика не указаны. Второй - на смешанном кумыкско-джагатайском языке - переписан в 1930 г. сотрудником Дагестанского музея М. Инквачилавом с текста 1868 г. [6]; переводчик не указан; объем рукописи - 19 страниц ученической тетради.

В Матенадаране (Ереван, Республика Армения) хранится рукопись «Дербенд-наме» на лакском и азербайджанском языках[7, с. 896]. На ее титульном листе по-русски значится, что переписал ее в июне 1853 г. с лакского подлинника штабс-капитан Якуб-Бек Лазарев, а с лакского на азербайджанский язык перевел «подпоручик Молла-Ага-Керим Ихрекский, мирза командующего войсками в Прикаспийском крае» [5, с.9]. «На лакском же языке это сочинение (в переводе с арабского),- отмечает И. Х. Абдуллаев,- появилось не позже XVIII века» [4,

с. 20]. Текст лакского списка хроники издан Г. Б. Муркелинским в 1971 г. [8].

Также известны два списка хроники «Дербенд-наме» на даргинском языке. Один из них, объемом 38 страниц по 11 строк на каждой странице при формате 18x11 см, написан на кубачинском диалекте даргинского языка [5, с.43]. Рукопись без переплета, верхняя половина первого листа порвана. В конце текста хроники по-арабски написано: «Закончил 17 рамазана 1326 г.» (13 октября 1908 г.), но не указаны дата перевода, имена переводчика и переписчика. В этой же сборной рукописи имеются написанные на кубачинском диалекте тем же лицом краткая хроника по истории средневекового Кайтага, а также родословная кайтагских, газикумухских и теркемейских талханов (князей). Второй список «Дербенд-наме» содержится в небольшом (116 с, формат - 18 X 11 см) рукописном сборнике, найденном Исаевым А.А. в 1977 г. в даргинском селении Чирах Агульского р-на Дагестана. Его первые 68 страниц занимают хроника «Дербенд-наме» (45 с.) и хроника по истории средневекового Кайтага (23 с), а остальная часть сборника - различные арабоязычные тексты. Последние листы рукописи не сохранились; в рукописи не указано время перевода и переписки, нет сведений о переводчике и переписчике. Судя по почерку, бумаге, языку и другим признакам, эта сборная рукопись переписана, очевидно, во второй половине XIX в.

Тексты хроник переписаны одним лицом, каламом, черными чернилами, четким дагестанским насхом. Хроники написаны на двух языках: на арабском и фактически близком к дословному переводу сиргинском (сюргинском) диалекте даргинского языка. Текст «Дербенд-наме» на сиргинском диалекте даргинского языка с комментариями и с исторической справкой был издан Исаевым А.А. в 1978 г. [9, с.99-116].

Пока еще единственный список «Дербенд-наме» на аварском языке хранится в библиотеке жителя Махачкалы М. Г. Нурмагомедова. Он находится в составе рукописного сборника на арабском и аварском языках под названием «Книга летописей завоевания Дагестана». В состав сборника входит; а) «Родословная хунзахского наиба Аликлыча» Чупанова (л.16); б) «Рассказ о потомках наиба Аликлыча» (л. 16-2а); в) опись надгробий XVI-XVIII вв., имевших в прошлом на Самирдаль-

ском (Шамхальском) кладбище в сел. Кумух (л. 2б-3а); г) памятные записи по истории Дагестана XVII-XVIII вв. (л.3б); д) «Перечень родичей Умма-хана Аварского и его потомков» (л.4а-4б); е) «Дербент наме» в аварской редакции текста (л. 5а-23а); «История потомков Мухаммад-хана Казикумухского» (л. 23б-25а); з) памятные записи по истории Дагестана XVII-XIX вв. (л. 25а); и) «Тарих Дагестан» (л. 25б-35б) [10, с.180].

Сборник написан черными чернилами, каламом, красивым почерком насх на белой фабричной бумаге российского производства. На титульном листе хроники «Дербент наме» имеется колофон где зафиксированы следующие данные: «Это рукопись является подарком Аликлычу Чупанову, чьи корни восходят от курайшитов – от дяди нашего Пророка». С арабского на аварский язык перевод осуществил Абдурахман-Хаджи сын Думалава из селения Заната[11]. Большая часть вышеуказанного сборника это арабографический текст. Текст самой хроники «Дербент наме» написан на арабском языке и там же дается практически дословный ее перевод на аварский язык. Дата перевода и переписки не упомянута. Судя по другим палеографическим данным очевидно, вторая половина XIX в. [12]. Первые страницы рукописи (л. 5а-23а) - это дословный перевод с арабского на аварский язык хроники «Дербенд-наме», а на последующих страницах приведены родословная газикумухских шамхалов, «Тарих Мухаммеда Рафи» об исламизации Дагестана и другие сочинения.

С целью разделения арабских слов и выражений от аварских первые подчеркнуты сверху красными чернилами. По свидетельству сохранившихся старописьменных памятников, подобный метод перевода арабоязычных сочинений на дагестанские языки широко практиковался в Дагестане в XIX в. Переведенные таким образом на дагестанские языки арабоязычные источники обогащали литературу народов Дагестана на местных языках новыми произведениями, образами и жанрами, служили важными источниками пополнения лексики дагестанских языков. В специфических условиях дореволюционного Дагестана эти арабоязычные произведения еще и представляли собой своеобразные двуязычные словари [13, с. 31]. Арабо и авароязычные тексты хроник, так же как и другие произведения, написанные на дагестанских языках, полностью огласованы, что облегчает правильное

чтение, особенно местных топонимов и микротопонимов, антропонимов и специфических аварских терминов, особенно диалектных форм.

Таким образом, на сегодняшний день обнаружено довольно значительное количество списков «Дербенд-наме» на аварском, даргинском, кумыкском и лакском языках. При этом следует отметить, что ни один из дошедших до нас списков хроники, кроме аварского варианта, не имеют названия. В самом начале хроники «Дербент наме» на аварском языке имеется следующее название: كتاب تواريخ فتح الداغستان, что переводится как «Книга истории завоевания Дагестана». Другие хроники «Дербент наме» на дагестанских языках начинаются следующим образом: «В этой книге повествуется об основании Дербенда, о жителях Дагестана и о его правителях».[14, с. 413-418.]

Сравнительный анализ всех существующих списков «Дербенд-наме» убеждает в том, что все они по своему содержанию, композиции и стилю изложения аналогичны. При общем их сходстве и близости текстах, однако, имеются обусловленные особенностями арабской графики, а также работой переводчиков и переписчиков разночтения антропонимов и топонимов, несовпадения цифровых данных и других сведений. В приводимых ниже примерах списки имеют условные обозначения[15].

Так, название мечети и квартала Дербенда в списке А (с. 37) передано как Хумс[16], в СК (с. 17) - Хамус, в списке СД (с. 38) —Хамсин. Города и села в списке А (с. 25, 35) названы Анджи, Андери, Уллу-Маджар, Джумлу, Х.м.лу, а в СД (с. 5, 32) - соответственно Гланжикъала, Индирай, Уллу-Мачай, Гичи-Мачай, Жимилав, Жамаду.

Особенно много разночтений встречается в написании недагестанских топонимов. Например, название Кипчакской степи - Дешт-Кипчак[3, с.25,53] в АВ (с. 12) написано так: Къибчах, в КД (с 3) и СК (с. 2): Къибчакъ, при этом в обоих списках слово «дешт» пропущено; в списке на азербайджанском языке[17], переписанном в 1938 г. жителем селения Мекеги Шихкеримом Алиевым, читаем «Дашти-Къибчакъ». Переводчик списка СД (с. 5) ошибочно прочитал и поэтому неправильно написал этот топоним: первую часть — слово «дешт» (перс. «пустыня», «степь») — он прочитал как арабское «рашдах» (от араб, «рашадун» — «сознание», «благоразумие») и в сочетании его с рядом написанным арабским словом «кана» («быть», «происходить») перевел

на даргинский язык как «рашдагь бихуб» («стали сознательными, благородными»), притом арабское слово «рашдах» в даргинском языке не употребляется; вторая часть — Къибчакъ — написана так Къабжакъ.

Читаем название родника, возле которого в 100/718 г. остановились арабские войска под руководством Убейда б. Джарраха: в списке А (с. 34) — Чабан-къубу, в К (с. 23) — Чаба-къабун, в СК (с. 13) — Чубин-къабу, в КД (с. 24) — Чибан-къуйу, в списке СД (с. 29) - Чубан-къуйу, что в переводе на русский язык означает «родник Чубана». Говоря об этом же, ат-Табари в своей книге «История пророков и царей» писал: «Войска Джарраха стали лагерем близ родника Баб ал-джихад в полуфарсахе от Баб ал-абваб» [18].

В списках «Дербенд-наме» также встречаются разные названия одних и тех же населенных пунктов. Так, в прошлом город Дербенд даргинцы называли Чулли. В списке КД название Дербенда дано согласно даргинской традиции: Чулли, и ни разу в этом списке не встречается топоним Дербенд, в то время как в других списках на языках народов Дагестана, в том числе и в списке на сиргинском диалекте даргинского языка (СД), этот древний город назван Дербенд, в арабских и персидских списках - Баб ал-абваб, Дарбанд.

О географическом расположении феодальных владений Дагестана в КД (с. 8), СД (с. 11—12) и К (с. 6) написано, что после «Кумуха идет (находится) страна (вилаят) йавукъ и его хакима называют Фулан-шах. Затем идет страна Мускъин, и его хакима называют Батун-шах»; в списке А (с. 29—30): после «области Кумух идет климат Йук, а хакима называют Филан-шах. После этого идет махалла Рича С.к.т, а их хаким — Б.тун-шах».

Не совпадают и данные о количестве арабских войск и о численности погибших во время сражений воинов. Так, в списке СД (с. 13, 14) сказано, что Салман и Раби в 40/661 г. совершили поход в Дагестан с 40 тыс. арабских воинов, а в списках А, (с. 31) АВ (с.21) и К (с. 8) - с 4 тыс. В списке И (с. 77) читаем, что Абу Муслим б. Абд ал-Малик в 115/733 г. прибыл в Дербенд с 20 тыс. арабских воинов; в Р (с. 40), А (с. 36) и К (с. 31) - с 24 тыс.; в СД (с. 36) - 26 тыс., а в списках КД (с. 16) и СК (с. 10) - с 40 тыс. воинов.

Важным фактом арабских завоевательных походов был захват добычи и пленных. По сложившейся у арабов традиции награбленное имущество распределялось следующим образом: 1/5 часть (хумс) — в

казну, а остальные 4/5 делились между воинами (СД, с. 25, 67). В «Дербенд-наме» довольно значительное внимание уделено описанию захваченного арабскими войсками в Дагестане имущества. Однако в дошедших до нас списках нет единства в цифровых данных ни о количестве захваченного арабами имущества, ни о плененных ими людях; не совпадают и даты отдельных походов арабских войск в Дагестан. Так, например, в списках СД (с. 28, 31), КД (с. 24, 25) и К (с. 23, 25), АВ (с. 20) сказано, что арабские войска под руководством Убеида б. Джарраха в 100/718 г. совершили поход в Дагестан и пленили в Кайтаге 12 тыс. человек, в Табасаране — 40 тыс.; в списке И (с. 75, 76) об этом же походе читаем: арабские войска под руководством Джарраха в 103/722 г. совершили поход в Дагестан, и их четырехтысячная конница возвратилась из Кайтага с добычей в 12 тыс. голов рогатого скота и овец, в 2 тыс. туманов серебра и золота и с 700 пленными кайтагцами. В Табасаране захватили примерно 2 тыс. пленных, около 40 тыс. голов лошадей, рогатого скота и овец, массу оружия и разного имущества. В списке Р (с. 37) сообщается, что 12-тысячное войско Убеида б. Джарраха вернулось из Кайтага и привело с собой 12 тыс. голов скота и 30 тыс. пленных мужчин и женщин; вслед за ними прибыли посланные в Табасаран войска Джарраха, «они привели сорок тысяч голов скота и двенадцать тысяч пленных». А по списку А (с. 34), войско Убеида б. Джарраха вернулось из Кайтага с 12 тыс. пленных, о добыче же в Табасаране вовсе ничего не сказано.

Прикрываемые религиозными лозунгами массовые грабежи, неслыханные издевательства и жестокий гнет арабов-завоевателей породили освободительную борьбу народов, насильственно включенных в состав Арабского халифата, в том числе и народов Дагестана. Несмотря на свою большую этноязыковую пестроту и отсутствие объединяющего центра, раздробленные на множество феодальных владений народы Дагестана перед лицом внешней опасности не раз объединялись и выступали против общего врага, в том числе и арабских захватчиков, и героически боролись, защищая свободу и независимость всего Дагестана. Однако в хронике «Дербенд-наме» борьба дагестанских народов за свою свободу и независимость против арабов показана преимущественно как борьба между хазарами и арабами за прикаспийское побережье. Такой подход к освещению данного вопроса объясня-

ется, как справедливо отмечает А. Р. Шихсаидов, «двумя обстоятельствами: во-первых, восточные авторы под хазарами подразумевали иногда и население Дагестана; во-вторых, тенденциозная мусульманская историография проповедовала добровольное принятие ислама в Дагестане и поэтому борьбу с завоевателями считала не имевшей места» [19, с. 83].

Однако в хронике «Дербенд-наме», которая, кстати, составлена на основе сведений мусульманской историографии, мы находим немало ярких примеров, свидетельствующих о героической борьбе народов Дагестана против арабских завоевателей. Так, в 60/661 г. 40-тысячное арабское войско под руководством Салмана и Рабиа совершило поход на Дагестан. Против арабских захватчиков выступило 300-тысячное объединенное войско хазар и народов Дагестана. Шесть дней продолжались ожесточенные бои, арабские войска потерпели поражение, погибли оба полководца, а оставшиеся в живых захватчики были изгнаны из Дагестана (АВ, с.20-21; СД, с. 13—19).

В 684 г. 40-тысячное арабское войско в течение трех месяцев безуспешно осаждало Дербенд, в котором было 3 тыс. жителей. Несмотря на численное превосходство, арабы поняли свое бессилие и уже готовились к снятию осады и возвращению домой. Однако благодаря изменнику 6-тысячному арабскому отряду удалось по тайному ходу проникнуть в город. Здесь загорелся жестокий и неравный бой, в котором героически погибло все население Дербенда (АВ, с.20-21).

Решительное сопротивление арабским захватчикам оказывали жители Тарху, Анжикала, Кумуха, Кайтага, Табасарана и т. д. (СД, с. 26—42).

Эти и многие другие сообщения «Дербенд-наме» и других источников опровергают предвзятые и далекие от истины утверждения тенденциозной мусульманской историографии о том, что народы Дагестана якобы мирно присоединились к Арабскому халифату и добровольно приняли ислам.

В то же время при описании освободительной борьбы народов Дагестана против арабских завоеваний в известных нам списках «Дербенд-наме» содержатся не согласующиеся между собой утверждения. Так, относительно завоевания войсками Джарраха города Тарху в списках И (с. 76), А (с. 35), СД (с. 33), СК (с. 15), АВ (с.5) сказано, что Джаррах «прибыл в Семендер, его название Тарху, и его он взял мирно,

по договоренности (маслихат)»; в списке К (с. 27) говорится, что войска Джарраха взяли Тарху, но не говорится, как взяли - мирно или насильственно; в списке Р (с. 39) читаем: «Когда войска Джарраха пошли в Семендер, то есть Тарху, они покорили Тарху силою оружия». О том, что жители Тарху оказали решительное сопротивление войскам Джарраха, написано и в других источниках. Например, Табари в «Истории пророков и царей» об этом походе Джарраха сообщает: «Джаррах направился к городу Таргу (Тарху), был там (осаждал город) шесть дней» [18, с. 46]. После взятия «силою оружия» Тарху войска Джарраха напали на Анжикала, жители которого тоже оказали им упорное сопротивление (СД, с. 33—34).

В дошедших до нас списках «Дербенд-наме» имеются и другие противоречия. О деяниях Абу Муслима, например, в списке А (с. 37) сказано, что он «отправился в вилайат Кумук, сражался с его жителями, нанес им поражение, убил их правителя. Тем, кто принял ислам, он назначил добычу», а в списках АВ (с. 31), КД (с. 33), СД (с. 40), К (с. 34—35) и СК (с. 17) об этом походе читаем: «Абу Муслим прибыл в Кумук, сражался с его жителями, убил их старшего и разрушил селение. Тех, кто принял ислам, он обратил в мусульман, а тех, кто не согласился принять ислам, он убил и разделил их имущество между борцами за веру».

В целом списки «Дербенд-наме» на арабском и на языках народов Дагестана освещают события, происходившие в V — первой половине VIII в., т. е. они обрываются на походах Мервана. В списках на азербайджанском языке (в частности, в И и Р) события освещены более подробно и описание отдельных событий доведено до начала XI в.

В эпоху средневековья наука и искусство не были дифференцированы в самостоятельные отрасли идеологии. В лице одного и того же деятеля культуры той эпохи «одновременно обнаруживается и богослов, и ученый, и поэт, а отдельно взятое их произведение предстает как сложный комплекс исторических сведений и философско-теологических воззрений, сочетание трезвой оценки и художественного вымысла, продукта разума и чувства» [20, с.128]. К таким синкретическим произведениям относится составленная, по определению В. В. Бартольда, в 1687—1688 гг. Мухаммедом Аваби из Акташа [2, с. 475] хроника «Дербенд-наме». В этом своего рода полухудожественном

произведении исторические события освещены в форме повествования, художественно описаны боевые сражения. Для более яркого показа исторических событий в хронике порой используются эпитеты, метафоры, сравнения и другие изобразительно-выразительные средства: приводятся высказывания, речи, послания, обращения многих исторических личностей АВ (с.2), легенды и предания о строительстве Зулькарнайном (Александром Македонским) дербендской крепости (СД, с. 3), а также говорится о том, что якобы пророк сказал: «Дербенд — благословенное место, кто будет участвовать в походе туда, тому бог простит грехи» АВ (с.3, 14), (СД, с. 14, 20).

Автор хроники не бесстрастен, он явно выражает свое отношение к описываемым событиям, свои симпатии (к арабам-мусульманам) и антипатии (к кафирам); чрезвычайно гиперболизировано описывает успехи арабских завоевателей, восхищается их «мужеством», но очень скуп и немногословен при описании героической освободительной борьбы народов Дагестана. Более того, он называет изменником того лезгина-смельчака, который оповестил хакана о приближении к Дербенду войск арабских завоевателей (СД, с. 30). Тенденциозность автора ярко проявляется и в его стремлении связать генеалогию феодальной верхушки Дагестана (талхъаны, шамхалы, майсумы) с родом пророка, показать происхождение народов Дагестана от персов и арабов. Он приписывает деяния одних исторических личностей другим, более популярным среди народов Востока. Так, начало строительства Дербентской крепости у него связано с именем Зулькарнайна, хотя Александр Македонский ни разу не был в Дагестане АВ (с.2), (СД, с. 3). Первые попытки исламизации Дагестана, в частности Дербенда, связаны с именем Масламы, однако в хронике «Дербенд-наме» все мероприятия Масламы приписаны другому историческому лицу — Абу Муслиму АВ (с.30), (СД, с. 36—45).

Арабско-аварский двуязычный список «Дербенд-наме» интересен не только в историческом и литературном аспектах, но и в лексикографическом.

Слова арабоязычного текста имеют в аварском тексте хроники соответствующие эквиваленты аварского или эквиваленты, заимствованные им из других языков: валад — вас «сын», балдат - шагъар «город», джайш — г1аскар «войско», вилайат — район; климат и др.

Значительное количество арабских слов передано не аварскими, а другими арабскими словами, более прочно вошедшими в словарный фонд аварского языка: раджулун – г1адан «человек», х1ила-макру – «хитрость, харж – мухь «плата за работу» и др.

Многие имеющиеся в аварском тексте хроники арабизмы или ориентализмы вообще вошли в активный словарный фонд аварского языка. Одни из них повторены в аварском тексте без изменений: хан - хан, шагъ - шагъ, ват1ан — ват1ан и др. В написании других имеются обусловленные фонетическими особенностями аварского языка и другими факторами некоторые несовпадения: а) термины: муслим - бусурман, кафир - капур, харадж - харж, малг1ун – малг1ун; б) топонимы: Дарбаг – Дарбакъ - Дирбакъ. Третьи заимствования оформлены аварскими аффиксами: таман + гъабун = закончив, хараб + гъабуна = разрушив, амру + гъабуна = приказав, т1алаб + гъабуна = потребовал и др.

Отдельные употребляемые в аварском тексте хроники арабизмы в наше время приобрели иное значение. Так, в аварском тексте несколько раз использовано слово «гъалаг гъаруна» в значении «погибли», «уничтожили». В настоящее время этот аффиксированный арабизм (гъалаг + гъабуна) в аварском языке употребляется в таком же значении «погибли», «уничтожили», «захватили». Так же некоторые арабизмы аварского текста хроники не ужились в аварском языке, и вышли из активного употребления.

Встречаются случаи, когда два и более арабских слова, близких по смыслу, переведены одним аварским словом: например, вилайат, мах1алат, нах1ийа и къалима (икълим) - улка «родина, страна»; малик и эмир — «князь», «феодалный правитель».

В арабском и аварском тексте хроники мы находим двойные названия некоторых населенных пунктов, из которых первое название, очевидно, более древнее: Семендер — это название Таргъу», «Зирихгаран — его название Кубачи» (АВ, с. 3).

Все списки «Дербенд-наме» на дагестанских языках являются переводами со списков, написанных на арабском, а не на персидском или на тюркских языках. Это, видимо, объясняется ролью арабского языка в духовной жизни горцев, который, по существу, стал средневековой латынью, а специфических условиях «дореволюционного Дагестана на арабском языке велось обучение учащихся в конфессиональных школах, проводилось богослужение, оформлялось делопроизводство в ад-

министративных учреждениях, осуществлялась официальная и нередко частная переписка, возникла различного содержания и жанра рукописная и печатная литературы» [19, с. 89-90]. Кроме того, усвоение арабского языка открывало представителям народов Дагестана доступ к духовным ценностям народов средневекового Востока и античного мира. «В стремлении овладеть арабским языком, который по праву считался одним из мировых, международных языков,- отмечает Г. Г. Гамзатов, — проявлялась духовная потребность горцев в знаниях, и овладение этим языком возводилось в признак образованности» [21, с. 173-180; 20, с. 94-134].

Однако арабский язык в Дагестане оставался достоянием ограниченного круга людей. Одна из причин перевода «Дербенд-наме» и других арабоязычных произведений на дагестанские языки обусловлена именно тем, что арабским языком владело незначительное число представителей народов Дагестана.

Списки «Дербенд-наме» на языках дагестанских народов — это источники не только по истории средневекового Дагестана, но и письменной культуры его народов. Перевод на языки народов Дагестана «Дербенд-наме» и других арабоязычных произведений, а также распространение их во многих списках среди горцев тесно связаны с проблемой культурного наследия народов Дагестана в целом и с историческим процессом зарождения и развития письменности на дагестанских языках [22] в частности.

### **Список литературы**

1. Рзаев А. Казем-Бек Мирза. Баку, 1965.
2. Бартольд В. В. К вопросу о происхождении Дербенд-наме / Сочинения. Т. 8. М., 1973.
3. Саидов М.-С., Шихсаидов А.Р. Дербенд-наме (к вопросу об изучении) / Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980.
4. Абдуллаев И. Х. Лакский вариант рукописи «Дербент-наме» / Тезисы докладов VI научной сессии, посвященной 90-летию со дня рождения В. И. Ленина. Тбилиси, 1960.
5. Абдуллаев И.Х., Исаев А.А., Маламагомедов Д.М., Оразаев Г.М-Р. «Дербент наме» на языках народов Дагестана. Махачкала 2012 г.

6. Фонд восточных рукописей (далее ФВР) ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1, оп. 1, д. 425.
7. Папазян А. Д. Историографическая ценность персидских рукописей Государственного Матенадарана / Материалы I Всесоюзной конференции востоковедов в Ташкенте 4-11 июня 1957 г. Ташкент, 1958.
8. Муркелинский Г. Б. Лакку мазрайсса «Дербент-наме». «Душшиву» (альманах) на лакском языке Махачкала, 1971, № 1.
9. Исаев А. А. Халаси мяг1нала белк1. Дербент-наме. Журнал «Гьалмагъдеш» (альманах) на даргин. яз.. Махачкала, 1978, № 1.
10. Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., Наука, 1993.
11. Селение Заната расположено на территории нынешнего Шамильского района Республики Дагестан.
12. Учитывая то, что рукопись была написана в подарок Аликлычу Чупанову, возможно, датой составления хроники являются примерно 1860-90 гг. Именно в это время Аликлыч Чупанов служил наибом в Хунзахе.
13. Маламагомедов Д.М. Арабо-мусульманские культурные, литературные контакты и их роль в формировании дореволюционной аварской литературы / Электронный журнал: Знание. Понимание. Умение. М., 2008 г. №5.
14. Маламагомедов Д.М. Исторические сочинения на аварском языке в арабографической письменной традиции народов Дагестана / Традиции и инновации в истории и культуре. М., 2015г.
15. Условные обозначения списков «Дербенд-наме»: **А** - пер. с араб, на рус. яз. М.-С. Саидова и А. Р. Шихсаидова; **АВ** - на аварском языке; **И** - азерб. список, изд. под ред. М. Алиханова-Аварского (Тифлис, 1898); **К** - на кумыкск. яз. 1895 г.; **КД** - на кубачинск. диалекте даргинск. яз. 1908 г.; **Р** - пер. с азерб. на рус. яз. Г.-М. Р. Оразаева так называемого Румянцевского списка (перевод хранится в РФ, ф. 3, оп. 1, д. 322); **СД** - на сиргинск. диалекте даргинск. яз.; **СК** - на смешанном кумыкско-джагатайск. яз. 1930 г.
16. Здесь и далее имеющиеся в аварском тексте арабизмы, и слова аварского языка транслитерированы с «аджамской» системы письма на современный алфавит даргинского языка.
17. Список хранится в частной коллекции Ш.-К. Алиева.

18. Шихсаидов А. Р. Книга ат-Табари «История пророков и царей» как источник по истории Дагестана. Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. С. 44 (Рукопись).

19. Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969.

20. Гамзатов Г. Г. Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1978. С. 128.

21. Саидов М.-С.Д. Дагестанская литература XVIII—XIX вв. на арабском языке. Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960; Исаев А. А. О формировании и развитии письменности народов Дагестана. / Социологический сборник. Вып. 1. Махачкала, 1970.

22. Краткая библиография работ, посвященных изучению проблемы письменности в дореволюционном Дагестане; Исаев А. А. К вопросу о письменности народов Дагестана / Сборник статей по вопросам дагестанского и вейнахского языкознания. Махачкала, 1972. С. 68-93; Гамзатов Г. Г. Формирование... С. 130-131, 216.

#### **Информация об авторе**

**Маламагомедов Джамалудин Муртазалиевич**, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала, Российская федерация; E-mail: mmd77777@mail.ru

### **МИР ВОСТОЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ДАГЕСТАНЕ В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА А. Р. ШИХСАИДОВА**

**М.М. Мусаев**

*Дагестанский гуманитарный институт,  
г. Махачкала, Республика Дагестан, Российская Федерация*

**Аннотация.** В статье рассматриваются работы известного российского востоковеда Амри Рзаевича Шихсаидова — основоположника научных школ по истории ислама, источниковедению, арабской археологии и эпиграфике Дагестана. Его труды включает в себя историю, религию и культуру Дагестана, связывающие эту «Горную страну» с мусульманским Востоком.

**Ключевые слова:** народы Дагестана, культура, мусульманский Восток, арабоязычные памятники.

## THE WORLD OF EASTERN CIVILIZATION IN DAGESTAN IN THE WORKS OF PROFESSOR AR R. SHIKHSIDOV

**Annotation.** The article discusses the work of the famous Russian orientalist Amri Rzaevich Shikhsaidov - the founder of scientific schools on the history of Islam, source studies, Arabic archeography and epigraphy of Dagestan. His works include the history, religion and culture of Dagestan, connecting this “Mountainous country” with the Muslim East.

**Key words:** peoples of Dagestan, culture, Muslim East, Arabic monuments.

Амри Рзаевич Шихсаидов родился 20 марта 1928 г. в г. Дербент, в интеллигентной семье. Влияние деда, Хасан-эфенди Алкадари, известного дагестанского арабиста, сказалось на возникший интерес к арабскому языку у молодого Амри Рзаевича. Следуя его примеру, после окончания Касумкентской средней школы в 1945 г. он поступает на Восточный факультет Ленинградского государственного университета и в 1951 г. окончил его. Уместно вспомнить, что первым деканом этого факультета, открытого в 1855 году, был другой знаменитый дагестанец Мирза Казем-бек, который вел на данном факультете курсы по истории Персии. В период своей учебы Амри Рзаевичу посчастливилось учиться у таких великих академиков российского востоковедения, как И.Ю. Крачковский, М.В. Жирмунский и другие.

Можно смело утверждать, что А.Р. Шихсаидов организовал школу востоковедных исследований в Дагестане. Под его руководством подготовлены и изданы каталоги арабских рукописей Института ИАЭ ДНЦ РАН (грамматика, мусульманское право) и Каталог восточных рукописей Дагестанского государственного университета. Ему принадлежит заслуга издания комментированных переводов арабских источников по истории средневекового Дагестана, в их числе сообщения арабских авторов ат-Табари, Закария ал-Казвини, «Дербент-наме», сочинение Махмуда из Хиналуга «События в Дагестане и Ширване в XIV-XV вв.» и мн. др.. Амри Рзаевич издал свыше 350 научных работ, включая 20 монографий, в том числе. Тем самым можно утверждать, что он реконструировал историю Дагестана на основании письменных источников и эпиграфических памятников, изучил социально-экономические проблемы истории Страны гор. Под его руководством издана

книга «Ислам и исламская культура в Дагестане», посвященная различным актуальным вопросам ислама и в прошлом, и в наши дни.

Проводимая А. Р. Шихсаидовым работа по выявлению, изучению и учету памятников письменного культурного наследия народов Дагестана, характеристика арабоязычных памятников, его борьба за сохранение письменного культурного наследия народов Дагестана имеет большое непреходящее значение. Его разработки позволяют определить место дагестанских народов и их культуры в арабо-мусульманском культурном мире. Благодаря подобным исследованиям мы узнали, что в Дагестане никогда не было межэтнических войн. Тридцать народностей сражались, совершали походы, заключали альянсы, но чтобы были межэтнические столкновения – наша история таких случаев не знает. Это феномен Дагестана. И еще один удивительный факт – экономическое единство Дагестана. Также исследования А. Р. Шихсаидова позволили поставить и решить вопрос о формировании дагестанской литературы к X-XI вв., а не в XIX - начале XX века, как утверждали ранее. Эти исследования играют значительную роль в восстановлении облика богатейшего наследия в области письменной книжной культуры Дагестана на основе арабской графики, активно отрицавшейся до недавнего времени.

Ислам сыграл огромную роль в формировании письменного литературного наследия, культуры народов Дагестана. Процесс исламизации Дагестана, длившийся несколько столетий (VII-XVI вв.), сопровождался распространением арабского языка и арабской культуры. Распространение и укрепление ислама стимулировало строительство учебных заведений (мактабов, медресе), изучение языка Священного Писания мусульман, распространение коранической литературы.

Наиболее значимый из этапов в развитии и распространении арабского языка на территории Дагестана связан с рядом факторов и прежде всего с возникновением местной, оригинальной литературы на арабском языке, в основном исторических сочинений, первые образцы которых относят к X в. В дальнейшем социальные позиции арабского языка, арабоязычной литературы и арабской культуры на территории республики все более укрепляются, а в XVIII – начале XX в. отмечены расцветом научной и литературной деятельности на арабском языке. Труды дагестанских ученых по мусульманскому праву, догматике, этике, логике, медицине, метрике, исторические труды, поэтические

тексты – все писалось в основном на арабском языке, который в значительной степени опередил в этой области другие языки. Арабский язык, не заменив местных языков в быту, стал вместе с тем основным «орудием» литературы, науки, образования, делопроизводства, частной и официальной переписки, актовых материалов, мемориальных и строительных текстов. Более того, арабский алфавит лег в основу письменности дагестанских народов (аджам). Все это в значительной степени определило роль арабского языка и литературного творчества народов Ближнего и Среднего Востока в судьбах дагестанской культуры и традиций.

Состав и структура литературных памятников, получивших распространение в Дагестане, свидетельствуют о знакомстве местных авторов со многими традиционными для средневекового Востока произведениями – это Коран, тафсиры, хадисы, грамматические трактаты, сочинения по лексикографии, мусульманскому праву, теологии, этике, философии, истории.

Все перечисленные факты не только говорят о контактах Дагестана в сфере культуры с такими крупными центрами средневековой общественной мысли, как Багдад и Бухара, но и свидетельствуют о довольно широком знакомстве его жителей с основами мусульманского права, с видными суфийскими произведениями.

К числу первых из дошедших до нас исторических сочинений относятся «Дербенд-наме», «История Ширвана и Дербенда», «Ахтынаме», «История Абу Муслима», «Тарих Дагестан».

«Дербенд-наме» – это ценное историческое сочинение, известное ныне в многочисленных списках как на арабском, персидском, тюркских, так и на языках народов Дагестана. Для нее характерны четыре основные темы: политика Ирана в Дагестане; арабо-хазарское противостояние в Дагестане; исламизация региона; взаимоотношения арабских полководцев с местными правителями. Если охарактеризовать общую линию «Дербенд-наме», то это основанный на отдельных исторических записях и исторических преданиях рассказ о «триумфальном шествии» ислама по Дагестану. Хотя сочинение и названо «Дербенд-наме», в сущности, речь идет о Дагестане в целом, о коренном изменении конфессионального облика края благодаря усилиям арабских полководцев.

«История Ширвана и Дербенда» (второе название – «История ал-Баба») – это уже сложное, многоплановое произведение, ценный источник по истории Восточного Кавказа VIII-XI вв. В соответствии с династическим принципом периодизации «История Ширвана и Дербенда» делится на две части. Первая часть – о династии ширваншахов — Йазидидах, основоположником которой был Йазид ибн Мазйад аш-Шайбани (ум. в 799 г.), и дербентских Хашимидах (869-1077). Основное ее содержание – сложные взаимоотношения правителей Ширвана и Дербента, в которые нередко втянуты правители Аррана, Серира, Хайдака, а также тюрок-сельджуков на Восточном Кавказе. Вторая часть выдержана в том же ключе, что и первая, с акцентом на деятельность Хашимидов, на их взаимоотношения с соседними владениями. Сочинение было составлено в 1106 г. и рассказывает о событиях в Дербенте и Ширване между последней четвертью VIII в. и 1075 г. По своей структуре это погодное, последовательное изложение на манер хронографов или же династийных хроник. Оба жанра (история городов и история династий) получили на территории бывшего Халифата широкое распространение.

Разумеется, исторические сочинения не были единственной жанровой категорией литературной и научной деятельности в Дагестане X-XV вв., к началу XII в. в Дербенте уже существовали устойчивые традиции в хадисоведении и составлении суфийских трактатов. До нас дошел также этико-догматический трактат «Вафк аль-мурад» («Соответствие предмету желаний») Ахмада аль-Йамани (ум. в 1450 г.), написанный в Кумухе. Однако жанр исторических сочинений был наиболее значимым и представлен наибольшим числом разносторонних сочинений в процессе формирования дагестанской национальной литературной традиции.

Интересным для исследования исламских традиций в Дагестане является сочинение Абдурахмана из Газикумуха «Китаб тазкират саййид Абдурахман» (Книга воспоминаний саййида Абдурахмана). Книга «Китаб тазкират саййид Абдурахман» состоит из двух взаимосвязанных, но отличающихся по содержанию частей. Первая – это краткое изложение сведений о трех имамах – Газимухаммеде, Гамзате и Шамиле. Вторая часть отражает внутреннюю жизнь дагестанского общества 20-50 гг. XIX в. Автор показывает нам внутреннюю структуру имамата, систему государственного управления, институты власти,

освещает вопросы образования и обучения в медресе, налоговую систему, различные обычаи.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что культура арабо-мусульманского Востока сыграла огромную роль в судьбах национальных культур и творчестве народов Дагестана. В настоящее время у нас есть все основания полагать, что если вначале местная культура, носившая общедагестанский характер, обогащалась за счёт арабо-мусульманской, то теперь она приобрела самостоятельность и вносит свой небольшой, но весьма ощутимый по содержанию вклад в общую культуру и литературу Востока.

В рукописном фонде Центра востоковедения Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН сосредоточено более трех тысяч рукописей, содержащих огромное количество сочинений, и около двух тысяч старопечатных изданий. Здесь хранятся книги, изданные не только в Турции, Египте, Пакистане, немало также изданий, выпущенных в Петровске, Хасавюрте, Бахчисарае и особенно много в Темир-Хан-Шуре и Казани.

Феномен Дагестана – наличие у частных лиц огромного количества рукописей, большинство из которых по-прежнему не выявлены и не исследованы. Дагестан может служить ярким примером того, что «рукописи не горят», несмотря на «воинствующий атеизм» известных в истории СССР десятилетий. По утверждению профессора А.Р. Шихсаидова, ни одна страна в мире не знает такой плотности сосредоточения древних рукописей, как Дагестан. Несмотря на успехи дагестанских арабистов, сотни рукописных коллекций остаются не описанными, несмотря на то, что они заслуживают нашего самого пристального внимания.

По мнению А. Р. Шихсаидова в Дагестане должен быть Институт рукописей. Уже сегодня при определенных обстоятельствах есть чем его наполнить. И в институте работа будет поставлена по-другому, более широко, при соответствующих финансах, штате, технических условиях. Стоит отметить, что у соседей в Азербайджане такой институт есть, в Грузии и Армении тоже, во многих научных центрах он существует. И у нас обязательно должен быть такой институт. Рукописное наследие в Дагестане огромное, оно практически неисчерпаемо.

### Информация об авторе

Мусаев Магомед Магомедович, старший преподаватель, Дагестанский гуманитарный институт, г. Махачкала, Российская Федерация

## ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ ИМЕНИ БИРУНИ ХРАНИТ РУКОПИСЕЙ ВЕЛИКИХ УЧЕНЫХ ИЗ ТЕРМЕЗА

К.Р. Рахимов

Институт востоковедение имени Абу Райхана Бируни при Академии наук, Республика Узбекистан

### معهد البيروني للدراسات الشرقية يحتفظ بمخطوطات العلماء المنحدرين من مدينة ترمذ

كما معروف لعب أبناء بلاد ما وراء النهر دورا هاما في تطوير الحضارة العالمية بشكل عام والحضارة الإسلامية بشكل خاص. وبعد الفتوحات الإسلامية شهدت علوم وثقافة شعوب آسيا الوسطى مراحل النمو والتطور بين القرون التاسع والحادي عشر الميلادية حيث لعب علماء بلاد ما وراء النهر دورا هاما في التقدم الثقافي العام للحضارة الإسلامية أمثال محمد الخوارزمي (783 – 850م) وأحمد الفرغاني (798 – 865م تقريبا) ومحمد بن إسماعيل البخاري (810 – 870م) وأبو عيسى محمد الترمذي (824 – 892م) وأبو نصر الفارابي (873 – 950م) وأبو ریحان البيروني (973 – 1048م) وأبو علي بن سينا (980 – 1037م) ومحمود الزمخشري (1075 – 1114م). ولعبت أعمال وأفكار هؤلاء العلماء العظام دورا هاما في نشر مجد بلادنا في العالم بأسره وكتبت أسمائهم بالأحرف الذهبية على صفحات التاريخ.

ويعرف العالم الإسلامي محمد بن إسماعيل البخاري كأمر المؤمنين في علم الحديث والمحدثين الآخرين المنحدرين من بلادنا أمثال أبو عيسى محمد الترمذي والنسائي (القرن التاسع الميلادي) وعبد الله الداريمي السمرقندي (798 – 869م)، وأما أبو منصور الماترودي (سنة وفاته 945م) فاشتهر كمؤسس علم الكلام السني. كما يمكن أن نذكر علماء الكلام الآخرين أمثال أبو سلامة السمرقندي (القرن الحادي عشر الميلادي) وأبو الليث السمرقندي (حوالي 920 – 1000م).

ونفتخر بجدنا الجليل برهان الدين المرغيناني (1123 – 1197م) عالم الفقه الشهير الذي كان صاحب الموهبة الأصيلة في الفقه الإسلامي. وكان محمود الزمخشري (1075 – 1114م) من خوارزم من علماء اللغة لا مثيل له في عهده. وما زال المختصون معجبون بتحليله العميقة في مؤلفاته الخاصة باللغة العربية وأدبها.

ويعتبر أبو عيسى محمد الترمذي أو الإمام الترمذي من أشهر المحدثين في العالم الإسلامي حيث صنف كتاب الجامع المعروف بسنن الترمذي والذي يعد أحد الكتب الستة التي يرجع إليها العلم ويحتل المركز الرابع بينها. وكان تلميذا للإمام البخاري وتأثر به أشد التأثر ولاسيما في فقه الحديث وناظره وناقشه.

نجد في المصادر العائدة إلى القرون الوسطى الميلادية معلومات عن قرابة 60 عالما منحدرين من مدينة ترمذ حيث ولدوا وعملوا فيها واستمروا أعمالهم العلمية في الأقاليم البعيدة. ومع ذلك لا توجد المعلومات الدقيقة عن وجود أو عدم وجود الأعمال لأغلبية أولئك العلماء المنحدرين من ترمذ. ويعتبر وأبو عيسى الترمذي (سنة وفاته 279هـ / 892م) و أبو عبد الله محمد بن علي الحكيم الترمذي (820 – 932م) أشهر العلماء المنحدرين من ترمذ على المستوى العالمي حيث انتشرت مؤلفاتهم على نطاق واسع وتحفظ بها المؤسسات العلمية والمكتبات في مختلف دول العالم. ومن الممكن أن نرى من خلال اطلاعنا عن كتب على كاتالوجات مكتبات المخطوطات الشرقية الأجنبية أن عدد مؤلفات العالمين يتزايد أو ينخفض وفقا لعهود وظروف مختلف الدول.

وانتشرت مؤلفات هذين العالمين على نطاق واسع في آسيا الوسطى أيضا. ونتطرق في كلمتنا إلى مخطوطات أبو عيسى الترمذي والحكيم الترمذي التي يحتفظ بها معهد البيروني للدراسات الشرقية التابع لأكاديمية علوم جمهورية أوزبكستان وخصائصها وأهميتها.

والجدير بالذكر أن عددا كبيرا من مخطوطات "شمائل النبي" لأبو عيسى الترمذي توجد في مكتبات العالم للمخطوطات<sup>1</sup> حيث يحتفظ معهد البيروني للدراسات الشرقية التابع لأكاديمية علوم جمهورية أوزبكستان بـ40 مخطوطة لهذا الكتاب. ولكن يعتبر هذا الرقم غير دقيق لأن نسخ "شمائل النبي" تم نسخها في آسيا الوسطى نقلت إلى روسيا في أوائل القرن التاسع عشر الميلادي. واتضح أثناء دراسة الكاتالوجات أن 5 مخطوطات لـ"شمائل النبي" توجد في "مجموعة بخارى" التابعة لمعهد الدراسات الشرقية لدي أكاديمية العلوم بسانكت بطرسبورغ.

ويحتفظ معهدنا بأقدم وأندر نسخ "شمائل النبي" تحت رقم 1943 حيث تم نسخه في عهد التيموريين بعام 880 هـ / 1475م.

وأما المخطوطات الأخرى تحت رقم 3068 نسخت بعام 920 هـ / 1510م وتحت رقم 3200 بعام 939 هـ / 1533م في مدينة هيرات وتحت رقم 2797 بعام 996 هـ / 1588م (الصورة). وتوجد في معهدنا نسخة "شمائل النبي" التي أعدت بمهارة فنية عالية وهي مخطوطة رقم 5787. وكتبت على أطراف النص ترجمتها بالفارسية وكتبت الشروح باللغة العربية من خلال مختلف النفوش. وتوجد الإيضاحات تحت النص الذي كتب بالأحرف المذهبية ووضع داخل الإطار. ووردت كلمة "عطاء الله" في نهاية النص ويمكن أن تمثل اسم النقاش والناسخ. ولا توجد المعلومات عن وقت ومكان نسخها.

ويحتفظ المعهد بمخطوطات "شمائل النبي" التي عثرت عليها ليس فقط في مكتبات العلماء المحليين فحسب بل في مكتبات الملوك أيضا من بينها المخطوطة رقم 7562 ويوجد في ورق 1ب لهذه المخطوط ختم مسطح وكتب عليه "أمير المسلمين سيد محمد عمر بن ناربوتة خان" وهذا يدل على أن المخطوطة احتفظت بها مكتبة سيد محمد عمر بن ناربوتة خان ملك خوقند.

واتضح لنا من خلال دراسة مخطوطات "شمائل النبي" أنها نسخت في بلادنا أي في بلاد ما وراء النهر خلال الفترة من القرن الخامس عشر الميلادي إلى أواسط القرن العشرين الميلادي. ونسخت المخطوطة الأخيرة لـ"شمائل النبي" من قبل حاجي عبد المنان بن عبد الوهاب بعام 1350 هـ / 1953م. ويبلغ عدد أوراق المخطوطة 62 ورقة وتحفظ بها مكتبة إدارة مسلمي أوزبكستان. وهذا يدل على وجود مدرسة علم الحديث التقليدي في بلاد ما وراء النهر وكانت تعمل وفقا للتقليد من الأستاذ إلى التلميذ.

<sup>1</sup> جاء في كاتالوج (2015م) أن مكتبتنا يحتفظ بعدد محدود من مخطوطات "شمائل النبي"، واتضح أثناء البحث عن احتفاظ المكتبة بقرابة 40 نسخة للترمذي.

وانحدر من مدينة ترمذ العالم الجليل الآخر وهو أبو عبد الله محمد بن علي الحكيم الترمذي (820 – 932م) حيث انتشرت أعماله خارج بلاد ما وراء النهر أيضا وذلك بأسباب شخصية وموضوعية معينة.

وأشارت المصادر إلى أن الحكيم الترمذي ألف أكثر من 100 كتاب. واتضح من خلال المعلومات الواردة في الكاتالوجات أن أعمال الحكيم الترمذي انتشرت على نطاق واسع غالبا في مناطق الشرق الأوسط وآسيا الصغرى وجنوب آسيا وأفريقيا. واشتهر في بلادنا كتاباه "نوروزنامه" و"سالنامه". وتوجد في مكتبتنا قرابة 100 مخطوطة لهذين الكتابين. ويعتبر الكتابان صغيرا الحجم حيث يضمنان بالكثير 3 أوراق. وكتب الكتابان بالفارسية ومن ثم ترجما إلى اللغات التركية. وانتشر هذان الكتابان في منطقة آسيا الوسطى فقط.

ويعطي كتاب "نوروزنامه" للحكيم الترمذي معلومات للفلاحين عن كمية المحاصيل التي يمكن أن يحصلوا عليها وذلك انطلاقا من مصادفة يوم النوروز أي يوم من الأسبوع ولمسئولي الدوائر الحكومية عن نمو الإنتاج الزراعي أو انخفاضه وتوصياته الخاصة لمربي المواشي والتجار. ويصف العام انطلاقا من مصادفة يوم النوروز أي يوم من الأسبوع. ويفيد الكتاب أن الحكيم الترمذي عاش 125 عاما بفضل الله تعالى. وأجرى الحكيم الترمذي عددا كبيرا من التجارب العلمية والعملية وخاصة تابع مصادفة يوم النوروز أي يوم من الأسبوع وأحداث ذلك العام.

ويعود كتاب "سالنامه" للحكيم الترمذي إلى علم التنجيم حيث قام بوصف كل عام يوافق إلى اسم حيوان معين. ويوضح فضائل كل عام حيث يبدأ من وصف عام الفار. ومع وصف العام كتب عن الأمطار ووضع المحاصيل الزراعية ومصير الشعب خلال العام. وكتب عن نجوم سيئة وأعطى المعلومات عن كيفية السفر حسب حالة النجوم وسير الحروب. كما كتب عن كل شهر ويومين أسودين وساعة السفر و7 نجوم والخ.

وفي الختام أود أن أعرض لكم بعض الاقتراحات الخاصة بالتعاون معكم في دراسة تراث الإمام الترمذي وغيره من أجدادنا الأجلاء:

– الحفاظ على التراث التاريخي ودراسته ونقله إلى الأجيال القادمة وذلك على ضوء التهديدات المعاصرة مثل "الثقافة العامة" وخطر تدمير مبادئ الآداب والأخلاق والقيم مؤكدا على أهمية ودور الإسلام في الحفاظ على القيم الأزلية والأفضال الإنسانية،

– تعليم ودراسة مؤلفات أجدادنا الأجلاء ومساهماتهم في تطوير الحضارة العالمية وترويجها وذلك لنقل مبادئ حقيقية لدين الإسلام الحنيف لجميع شعوب العالم وتوفير الظروف للحوارات بين الأديان والقوميات والثقافات وتحقيق السلام والوفاق،

– دراسة علمية شاملة للإسلام والقرآن الكريم وعلم الحديث والأسس العلمية والمعنوية لمدرسة الحديث وتراث الإمام الترمذي والعلماء العظماء الآخرين المنحدرين من بلادنا،

– دراسة المصادر التي تعكس الأفكار الإنسانية والقيم النبيلة والاستفادة منها في التعليم الديني ومسائل التربية وإعداد الكتب المدرسية والتوصيات العلمية والتطبيقية،

– دراسة تراث أجدادنا المعنوي الروحي وتعريف أفراد الشعب بأفكاره وتعاليمه وتربية الشباب في روح الوفاء بالقيم الأبدية وذلك نظرا لتكثيف مختلف أنواع الهجمات الأيديولوجية،

– جمع نسخ المخطوطات والمطبوعات القديمة للعلماء الأجلاء المنحدرين من ترمذ والموجودة في مكتبات وصناديق المخطوطات ببلادنا والبلدان الأجنبية والكتب عن العلماء الأوزبك العظماء ودراساتها العلمية،

– وضع التعليمات والتوصيات الخاصة بالاستفادة من تكنولوجيا المعلومات والاتصالات الحديثة والإنجازات العلمية في دراسة تراثنا المعنوي الروحي.

### Информация об авторе

**Рахимов Комилжон Рахматович**, старший научный сотрудник Института востоковедения имени Абу Райхана Бируни при Академии наук Республики Узбекистан, доктор философии; kom\_rah@mail.ru

## ДОКУМЕНТЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА УЗБЕКИСТАНА О ВОЗВРАЩЕНИИ ПЕРСИДСКИХ ЗАЛОЖНИКОВ ИЗ ХИВЫ ЧЕРЕЗ РОССИЮ НА РОДИНУ (70-Е ГОДЫ XIX ВЕКА)

**Г.Н. Саидбобоева**

*Национальный университет Узбекистана,  
г. Ташкент, Республика Узбекистан*

**Аннотация.** В данной статье рассказывается о документах их архива Узбекистана, где имеются сведения о пленных и их возвращении домой (персов).

**Ключевые слова:** персы, Хив, пленные, Российский император

## DOCUMENTS OF THE CENTRAL STATE ARCHIVE OF UZBEKISTAN ON THE RETURN OF THE PERSIAN HOSTAGES FROM KHIVA THROUGH RUSSIA TO THE HOMELAND (70th years of the XIX century)

**Annotation.** This article describes the documents of their archive in Uzbekistan, where there is information about prisoners and their return home (Persians).

**Keywords:** Persians, Khiv, prisoners, Russian emperor

На протяжении многих лет на территории Хивы жили персы, которые были захвачены в плен по разным причинам. Они тут проводили от 3 до 5-6 лет плена. Американский дипломат Южин Скайлер постепившие Туркестан в 1873 г. В своей книге “Turkistan: Notes of a Journey in Russian Turkistan, Kokand, Bukhara and Kuldja (Vol. I. London, 1876. P. 50) упоминая пленных в Хиве, пишет “персидские пленные здесь очень много, они основной пережили фруктами, рис и иногда кусок баранины и масло”.

Центральный государственный архив Узбекистана в Ташкенте имеет многие документы о плененных и их возвращение домой. Основные документы хранятся в фонде И-1– Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора. Фонд имеется копии переписки, рапорты русской администрации Шахскому министру иностранных дел, о доставке на родину персиян, бывших невольниками в Хиве в период 1873 – 1875 гг.

А также фонды И-17 – Управления Сырдарьинской области (23.04.1874 – 17.06.1874), И-36 – города Ташкента наличествуют (март 1873 – август 1874) многочисленными данными о пленных персиянах, их списках, старшинах, рассказы пленных, их судьбы во время плена и суммы ассигнований, выделенных для нужд во время возвращения в родину. Эти архивные данные называются «Об отправлении на родину Иранцев».

9 августа 1873 г. Азиатский департамент Министерства иностранных дел России в письме, отправленном на имя Туркестанского генерал-губернатора, распорядился немедленно в Хиве по его требованию Хана прекратить торговлю рабами в своих владениях, а также, освобождение всех невольников-персиян. Большая часть пленных персиян возвратилось на свою родину, но так как избранная ими Мешедская дорога не представляла достаточного обеспечения по отношению к продовольствию и воде, множество выезжающих было решено направлять эшелонами на Красноводск, а оттуда морем на Астрабаду.

### **Список литературы**

1. ЦГА РУз, фонд -И-1, оп-29, д-83. Ноты чрезвычайного русского посланника при персидском дворце Шахскому министру иностранных дел, отношения Российской миссии в Персии и переписка с окруженным штабом и другими о доставлении на родину персиян бывших невольниками в Хиве.
2. Schuyler E. Turkistan: Notes of a Journey in Russian Turkistan, Kokand, Bukhara and Kuldja. – London, 1876. Vol. I.

### **Информация об авторе**

**Саидбобоева Гульзора Нематжоновна**, преподаватель, Национальный университет Узбекистана, г. Ташкент, Республика Узбекистан; [gsaidboboeva@mail.ru](mailto:gsaidboboeva@mail.ru)

## ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТАЗКИРЕ “КАНЗ АЛЬ-КУТТАБ” АС-СААЛИБИ

**Х.М. Сулаймонова**

*Ташкентский государственный институт востоковедения,  
г. Ташкент, Республика Узбекистан*

**Аннотация.** Известный ученый, поэт и писатель Абу Мансур ас-Саалиби (961-1038) является автором более 100 произведений. Они посвящены лингвистике, литературе, риторике и другим отраслям филологической науки, а также истории и исламскому праву (фикху).

В этой статье дана информация о структуре и особенностях произведения «Канз аль-куттаб» Абу Мансура ас-Саалиби. Рукопись данного произведения, которая хранится в Ташкенте, изучено с точки зрения литературного источниковедения.

**Ключевые слова:** Абу Мансур ас-Саалиби, «Канз аль-куттаб» («Сокровищница секретарей»), рукопись, тазкира (антология), катиб (корреспондент) расаил.

## SOURCE ANALYSIS OF TAZKIRE “KANZ AL-KUTTAB” AS-SAALIBI

**Annotation.** The famous scientist, poet and writer Abu Mansur al-Tha‘ālibī (961-1038) is the author of more than 100 works. They are devoted to linguistics, literature, rhetoric and other branches of philological science, as well as history and Islamic law (fiqh).

This article provides information on the structure of the structure, features of the work “Kanz al-Kuttab” by Abu Mansur al-Saalibi. The manuscript of this work, which is kept in Tashkent, has been studied from the point of view of literary source study.

**Keywords:** Abū Maṣṣūr al-Tha‘ālibī, “Kanz al-kuttab” (“Treasury of Secretaries”), manuscript, tazkirah, anthology, katib (official correspondent), rasail.

Абу Мансур ас-Саалиби (350/961-429/1038) - знаменитый ученый средневековья, оставивший более 100 произведений по филологии, истории, этике. Наиболее известная из его книг – «Йатимат ад-дахр» - четырехтомная антология, где приводятся подробные сведения о

жизни и творчестве практически всех современников автора, занимавшихся литературой. Четвертый том этого сборника, рассказывающий о поэтах Средней Азии и Хорасана, переведен на узбекский язык с подробными комментариями проф. И. Абдуллаевым.

В Собрании рукописей Института востоковедения АН РУз есть несколько произведений ас-Саалиби: «Мунтахаб аль-ижаз ва-л-и'жаз» («Избранное из редких слов и кратких изречений» инв.номер 1848/I, «Канз ал-куттаб» («Сокровищница секретарей») инв.номер 1848/II, «Китаб ал-мухадарат ва-т-тамсил» («Книга лекций с приведением примеров» - инв.номер 1848/III), а также «Ажнас ат-тажнис» («Виды тажниса») инв.номер 2956, «Фикх ал-луга» («Законы языка»). Книги эти доносят до нас

с большим усердием собранные сведения о сотнях поэтов и ученых – современниках автора, высказываниях знаменитых людей той эпохи, принятые в обществе намеки, сравнения, восхваления, народные пословицы и поговорки.

Рукопись «Канз аль-куттаб», переписанная в 1727 г. неизвестным переписчиком, хранится в рукописном фонде Института востоковедения им.Абу Райхана Беруни АН Узбекистана. Она переписана мелким почерком «наسخ» на качественной белой бумаге. Каждая страница содержит 27 строк. Названия глав и имена поэтов написаны красными чернилами, основной текст - чёрными. Рукопись «Канз аль-куттаб» наряду с рукописями «Мунтахаб аль-ижаз ва-л-и'жаз» и «Китаб аль-мухадарат ва-т-тамсил» помещено в один переплет из плотной кожи темно красного цвета. Дате переписки по мусульманскому исчислению - 1140 год хиджры указана в колофоне сборника. Сборник насчитывает 193 страниц, из которых 93 страницы с 26<sup>a</sup> по 118<sup>a</sup> отводятся рукописи «Канз аль-куттаб». Объем книги 14X20,5 см. Сборник находится в хорошем состоянии.

Рукопись «Канз аль-куттаб» традиционно начинается с басмала и прославление Аллахе и его Пророка, затем в предисловии идет объяснение причины составления тазкиры.

Ещё одна копия рукописи «Канз аль-куттаб» хранится в Народной библиотеке г.Вены, на что указывает известный востоковед Густав Фльюгель в своей книге «Арабские, персидские, тюркские рукописи, содержащиеся в Венской народной библиотеке» [4].

В 1901 г. египетский ученый Ахмед Абу Али опубликовал в издательстве «Ал-матбаа ат-тижарийа» копию рукописи «Канз аль-куттаб», переписанную в 1624 г. и хранимую в библиотеке г. Александрия. Он издал её под названием «Аль-Мунтахал» («Извлеченное») и снабдил издание своим предисловием и биографией ас-Саалиби, написав их саджем – рифмованной прозой (стр. 2-4). Затем следуют предисловие самого ас-Саалиби к тазкиры (стр. 5-6) и текст рукописи (стр. 8-288), в конце которой отличается, что копия была переписана в 1034 г. хиджры (1624 н.э.). Издатель прилагает к изданию рукописи свои комментарии, предварительно снабдив их своим предисловием, затем приводят в алфавитном порядке имена поэтов, упомянутых в тазкире, и дает краткие сведения о них (стр. 291-363). Все издание «Аль-Мунтахала» состоит из 363 страниц. Однако издатель ограничивается общей информацией и не проводит исследовательский анализ содержания тазкиры.

То, что рукопись «Канз аль-куттаб» была опубликована под другим названием – «Аль-Мунтахал», вызвало сомнение у некоторых ученых, что это одно и то же произведение [1, 42].

Возникла необходимость в сравнительно-сопоставительном анализе текста рукописи «Канз аль-куттаб», например, хранящегося в Институте востоковедения АН Узбекистане в Ташкенте и её издания в Египте, что и было сделано автором настоящей статьи. В результате тщательного сопоставления двух текстов – рукописи и издание, было установлено что это одно и то же произведение, но ташкентская рукопись более полная.

Современный арабский ученый Билал Орфали, глубоко исследовавший жизнь и творчество ас-Саалиби и опубликовавший несколько его трудов, приводя список его произведений, указывая что «Канз аль-куттаб» имеет несколько названий: «аль-Мунтахал», а также «Мунтахаб ас-Саалиби» («Избранное ас-Саалиби») [3, 290].

Тазкира «Канз аль-куттаб» содержит более 2500 отрывков из произведений 250 поэтов разных времен, от джахилийских классиков до первой половины XI в. когда жил составитель. Предназначалась она в первую очередь для секретарей-катибов, которые занимались написанием писем при дворах правителей. Этот жанр требовал от автора широкой эрудиции и литературного таланта, было принято писать витие-

ватым слогом, рассыпая множество лестных эпитетов адресату, невероятных сравнений и описаний, вставляя небольшие поучительные рассказы, подтверждая сказанное цитатами из Корана и хадисов и украшая строками из произведений древних и современных автору поэтов.

В предисловии рукописи, написанном самим ас-Саалиби, приводится классификация поэтов по периодам их творчества:

1. الجاهليون Аль-жахиййуна – доисламские поэты: аль-Мухальхил, Антара, Имрулкайс и др. (Всего 30 имён).

2. المخضرمون Аль-мухдарамуна – поэты конца доисламской эпохи и начала исламской эпохи: Лабид ибн Рабиа, Хасан ибн Сабит, Абу Зуайб и др. (всего 10 имён).

3. المتقدمون من الاسلام Аль-мутакаддимуна мин ал-ислам – имеются ввиду видные поэты Омеядского периода, такие как аль-Фараздак. Джарир, аль-Ахталь и др. (всего 25 поэтов).

4. المحدثون Аль-мухаддисуна – поэты обновления: Башар ибн Бурд, Абу-ль-Атахия, Абу Нувас и др. (Всего 84 поэтов).

5. الوزراء و الكتاب Аль-вузара ва-ль-куттаб – поэты из визирей и секретарей: Ахмад ибн Юсуф, Иброхим ибн аль-Аббас, Абу Бакр ан-Нумайри и другие (всего 22 поэтов).

6. المولدون Аль-мувалладуна – поэты периода «возвращения к традиции»: Ибн аль-Муътаз, Ибн ар-Румий, ас-Сомий и др. (всего 26 поэтов)

7. العصريون Аль-асрийуна – современные поэты: аль-Мутанаббиди, Абу Фирас, Абу Бакр Хоразмий и другие (всего 62 поэта) [2,27<sup>a</sup>-27<sup>b</sup>].

Ас-Саалиби в данном сборнике ставит перед собой более узкую задачу: представляя свою оценку творчеству того или иного поэта, он выбирает только поэтические афоризмы, наиболее точно и красиво отражающие духовную жизнь своих современников. Вот как он сам пишет об этом: «В эту книгу я вложил отрывки из прекрасных и надежных стихотворений, их мудрые мысли, их шедевры и жемчужины, которые вставляют (для украшения) писем и ораторской речи. Они будут включены катибами в списки дружеских писем и писем, обращенных к повелителю, их можно использовать во всех видах переписки». [2,27<sup>a</sup>].

В антологии «Канз ал-куттаб» ас-Саалиби не даёт сведений о биографии поэтов, по приводит многочисленные образцы из их произведений, тематически раздел их по содержанию на 15 глав для удобства пользования:

1. *في الخطّ و الكتابة و البلاغة نظماً* - О красноречии в поэзии, красоте стиля и письма.
2. *في التهانيء و التهادي و ما يجري مجراها* - Стихи по случаю поздравлений, преподнесения подарков и всего, что связано с этими церемониями.
3. *في التعازي و المراثي و ما يتصل بها* - О выражении соболезнования в связи с кончиной, написании элегии по случаю смерти и т.д.
4. *في مكارم الاخلاق و المديح و نحوهما* - О достоинстве нравов, прославлении и хвале.
5. *في الاستماعة و الشفاعة و الهزّ و الاستعانة* - О просьбе содействия, заступничество, прощения и проявления сострадания.
6. *في الشكر و الثناء و ما يقاربهما* - О благодарности, похвальных поступках и др.
7. *في الاستعطاف و المعاتبات و الاعتذارات* - О доброте, душевной щедрости, сочувствии.
8. *في الهجاء و الذم و ذكر المقابح* - О критике, упреках, воспоминании причиненного зла.
9. *في شكوي الزمان و الحال* - О жалобе на время и своё положение.
10. *في الامثال و الحكم و الآداب* - О пословицах, мудрых изречениях о воспитанности.
11. *في الاخوانيات و الاشواق* - О дружеских посланиях, дружеских симпатиях, тоске по другу.
12. *في السلطانيات و ما يليق بها* - Официальные (султанские) послания и все, что связано с ними.
13. *في النكبة و الحبس و الاطلاق* - О бедах, аресте, освобождении.
14. *في العيادة ما ينضاف اليها* - О посещениях, визитах и т.д.
15. *في الادعية و ما يقترن بها* - О молитвах и всё, что связано с ними [2,27<sup>a</sup>].

Как показывает анализ тематического содержания, они охватывают многие о стороны жизни и, несомненно, могли оказать практическую помощь секретарям, в привлечении нужного материала по случаю.

В поэтических отрывках представлены почти все жанры традиционной поэзии, такие как васф, фахр, хижра, риса, хикма. Также приводятся образцы поэзии, специально предназначенные для султанские писем, пословицы, афоризмы.

Таким образом, «Канз аль-куттаб» дает нам возможность познакомиться с образцами творчества поэтов разной степени известности и разных убеждений, живших в разное время, а разных мусульманских странах, и что самое важное для нас, возвращает из забвения поэтов Мавераннахра, занимавших достойное место в средневековой арабоязычной литературе.

### Список литературы

1. Абдуллаев И. Абу Мансур ас-Саалиби. Т. «Узбекистан». 1992.
2. Ас-Саолибий Абу Мансур “كنز الكتاب” (“Сокровищница секретарей”) 1848 инв.(II)
3. Orfali B., The Works of Abū Manṣūr al-Tha‘ālibī, Journal of Arabic Literature 40 (2009) 273-318.
4. Flügel Gustav Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Kaiserlich-Königlichen Hofbibliothek zu Wien./ Wien, 1865. В. 1. 232, № 242.

### Информация об авторе

**Сулаймонова Хулкар Муминжоновна**, соискатель докторантуры Ташкентского государственного института востоковедения, г. Ташкент, Республика Узбекистан; E-mail: sulaymonova-17@mail.ru .

## ШАХМАТЫ В ИСТОРИИ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ НАРОДОВ ИНДИИ, ПЕРСИИ, ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СРЕДНИЕ ВЕКА

**С.-Х.Д. Сыртыпова**

*Институт востоковедения Российской академии наук,  
г. Москва, Российская Федерация*

1. У каждого из нас наступает момент, когда нужно отдать должное истокам своего образования, нашим учителям и великим

предшественникам. Видимо, такой момент наступил сейчас для меня, выпускницы Восточного факультета СПбГУ (ЛГУ). Петербургская востоковедная школа связана с плеядой многих блистательных ученых, и имя А.К. Казем-Бека занимает в этом ряду одно из самых почетных. Думаю, для профессионального становления студентов питерской школы важнейшим является то, что здесь всегда сохранялись принципы и методология изучения Востока, заложенные им как первым деканом, одним из основателей Факультета восточных языков в Петербургском университете. В частности, известна позиция Казем-Бека о необходимости для студентов непосредственного внедрения в среду, личного знакомства с языками, народом и обычаями. "Четырех- или пятилетние занятия молодых людей в университете восточными языками, даже и при существующих способах, не могут подвинуть так далеко их познаний, как кратковременное пребывание их на самом Востоке" – говорил Казем-Бек. Поэтому обучение на Восточном факультете занимало на год больше времени, чем на других факультетах, год отводился на языковую стажировку в стране изучаемого языка.

2. Еще один важнейший принцип, на котором изначально стоит питерская школа востоковедения – это опора на источники, тексты и исторические артефакты. В память о великом учителе Мирзе А.К. Казем-Беке представляю результаты работы над одним из артефактов истории культурного взаимодействия народов из стран Ближнего Востока, Кавказа, Центральной Азии и Индии. Этим замечательным предметом, объединяющим народы разной генетики, культуры, географических условий, экономических и социально-политических устройств, разных исторических времен, являются шахматы.

3. Около полторы тысячи лет назад игра, зародившаяся в буддийской Индии, шагнула в свое путешествие по миру через Персию. Об этом свидетельствуют письменные источники. Поначалу, это была, судя по письменам, элитарная игра царей, то есть кшатриев, воинов и правителей, которые оттачивали боевые искусства и маневры будущих реальных сражений. Постепенно шахматы завоевывают все больше поклонников и становятся интеллектуальной забавой и даже способом ненасильственного решения спорных вопросов. Одним из основных магистралей продвижения шахмат в Европу был Арабский мир, согласно исламским заповедям шахматы на Ближнем Востоке к концу средневековья приобрели абстрактные формы.

4. Недавно на Северном Кавказе были обнаружены пять металлических фигурок монгольских шахмат, которые хранились в течение более 700 лет в ингушском роде Цечой Ахке (шахаре / тукхуме). Удивительный факт сохранности столь древних предметов объясняется многими историческими и этнографическими причинами.

5. Феноменом является также то, что монгольские шахматы до настоящего времени сохраняют архаичные древне-индийские черты, в которых отчетливо прослеживается буддийская философия, свойственная раннему периоду развития игры *чатуранга*, ставшей в Персии *шатранжем*. Также у монгольских народов была сохранена древне-индийская традиция реалистичного изображения животных и людей в шахматных фигурках. Это говорит о том, что шахматная игра успела проникнуть на территорию Монголии до усиления позиций ислама и расширения территории его влияния. Вероятнее всего, игру привнесли буддийские проповедники до 9 века, пришедшие через территории с иранской культурой, то есть Согдиану, Бактрию, Хотан и Кучу.

6. Об этом же свидетельствуют археологический материал Монголии, где сохранились каменные изваяния древних шахмат (более 120 см высотой). Эти памятники датируются эпохой Тюркского и Уйгурского каганатов, т.е с VI по IX вв.

7. Древнейшие, известные на сегодня образцы шахмат, датируются II-VII вв. и обнаружены они при раскопках в Дальверзин-Тепе.

8. Таким образом, древние шахматные изделия являются свидетелями достаточно активных международных культурных, торговых и политических взаимосвязей народов Индии, Персии, Аравии, Туркестана, Монголии и Кавказа.

#### **Информация об авторе**

**Сыртыпова Сурун-Ханда Дашинимаевна**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация; syrtyr@mail.ru

## ИСТОРИЯ ДОМА ШАМИЛЯ В КАЗАНИ

**Г.Ф. Тухватова**

*Литературный музей Г. Тукая,  
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация*

**Аннотация.** Дом Шамиля - памятник истории и культуры республиканского значения – одно из красивейших в Старотатарской слободе города Казани. Здесь в 1882-1906 гг. жил со своей семьей Мухаммед-Шафи Шамиль – средний сын знаменитого имама Шамиля, руководителя народно-освободительного движения народов Кавказа.

**Ключевые слова:** имам Шамиль, Габдулла Тукай, Казань, музей

## HISTORY OF «HOUSE OF SHAMIL IN KAZAN»

**Annotation.** The House of Shamil is a monument of history and culture of republican significance - one of the most beautiful house in Starotatarskaya Sloboda in Kazan. Here in 1882-1906s Muhammad Shafi Shamil lived with his family - the middle son of the famous imam Shamil, leader of the people's liberation movement of Dagestan.

**Keywords:** Imam Shamil, Gabdulla Tukai, Kazan, museum

Немалое место в научной деятельности выдающегося ученого-востоковеда мирового значения, тюрколога, ираниста, арабиста, исламоведа Мирзы Мухаммед Али Казем-Бека (1802-1870) занимает исследование, посвященное народно-освободительному движению горцев, возглавленному имам Шамилем (1797-1871).

Будучи современником Кавказской войны первой половины XIX в., Казем-Бек внимательно следил за событиями, происходившими на Северном Кавказе. В 1859–1860 гг. он стал интересоваться национально-освободительной борьбой горцев Северного Кавказа [1, с. 27]. Когда в 1859 г. имам Шамиль был пленен и препровожден в Петербург, он бывал в гостях у своего знаменитого земляка Казем-Бека, пользовался его личной библиотекой.

В 1850–1860-х гг. были опубликованы статьи Казем-Бека «О значении имама, его власть и достоинство» и «Мухаммед Амин» и

др. В 1860 г. в «Русском слове» была помещена работа М.Казем-Бека «Мюридизм и Шамиль». Этот труд является ценным источником по истории народов Кавказа. «Мюридизм и Шамиль» явился весомым вкладом не только в изучение стран Ближнего и Среднего Востока, но и также в изучение перспектив исторического развития этих стран [2].

Интерес М.Казем-Бека к Шамилю нельзя считать случайным явлением. М.Казем-Бек, как прогрессивный ученый и мыслитель своего времени, исследуя движение Шамиля, писал тогда о вожде горцев: «В имени Шамиля скрывается много мыслей исторических и патриотических ... он герой и создатель героев» [3, с.28].

Мирза Казем-Бек неразрывно связан с Казанью - со столицей Республики Татарстан, Казанским университетом, служению которому он отдал более двадцати лет. Здесь он окончательно оформился как крупный ученый, смог внести весомый вклад в развитие европейской ориенталистики, создал собственную научную школу [4, с. 9].

В Казани есть и здание, связанное с семьей имама Шамиля – «Дом Шамиля».

«Дом Шамиля» – является архитектурным украшением города Казани, памятником культурного наследия регионального (республиканского) значения [5]. Это великолепное двухэтажное кирпичное здание с богато украшенным фасадом. Он сочетает в себе элементы эклектики и национально-романтического модерна.

Над парадным входом располагается прямоугольный эркер с большим окном. Справа от главного входа - полукруглый эркер, увенчанный башней с флюгером. На крыше слева от входа создан ступенчатый ризалит – часть здания, выходящая за основную линию фасада.

Фасад со стороны сквера украшен большой круглой башней и ризалитом со ступенчатым завершением и балконом. Фасад изобилует декоративными элементами: машикулями, аркатурными поясками, лепными вензелями, башенками с кованными завершениями. Куртуш с вензелью «А» со стороны Юнусовской площади указывает на фамилию первых домовладельцев – семьи Апаковых.

История Дома Шамиля уходит в середину XIX века. В это время земля в южном углу площади Старотатарской слободы Казани принадлежала почётному потомственному гражданину Казани, купцу первой гильдии Ибрагиму Исхаковичу Апакову (1823/1825-1880). В 1865 году

здесь по заказу татарского купца был построен каменно-деревянный двухэтажный дом[6,7].

В 1884 году дом был передан в качестве свадебного подарка единственной дочери купца Ибрагима Апакова 18-летней Бибимарьямбану (1865-1920), выданной замуж за 45-летнего генерала Мухаммед-Шафи Шамиля (1839-1906), сына имама Шамиля.

В Казань М-Ш. Шамиль приехал в чине генерал-майора после выхода в отставку. После свадьбы двухэтажный дом по улице Екатерининской стал называться Домом Шамиля.

В 1902 году здание пострадало от большого пожара в Старотатарской слободе и в 1903 году было перестроено по проекту казанских архитекторов Г. Б. Руша и Ф. Р. Амлонга как двухэтажный кирпичный особняк в стиле модерн (нынешний облик).

После того, как в 1906 году во время поездки в г. Кисловодск Мухаммед-Шафи Шамиль скончался, его вдова Бибимарьямбану Апакова и две ее дочери Фатимат-Зухра (1888-1913/14(?)) и Нафисат (1891/92(?)-1942) переехали в Санкт-Петербург. Дом продали молодому преуспевающему купцу, «конфетному королю» Валиулле Ибрагимову.

Бибимарьямбану и ее дочери были в центре общественной жизни мусульманской общины Петербурга.

Фатимат-Зухра Шамиль вышла замуж за Мухамамад-Али (Махач) Дахадаева, будущего общественно-политического деятеля Дагестана, большевика. После ее смерти М. Дахадаев женился на Нафисат. Нафисат умерла в блокадном Ленинграде.

После расстрела М. Дахадаева контрреволюционерами, Нафисат вышла замуж за полковника деникинской армии Сулеймана Кугушева. Их сын Энвер участвовал в Великой Отечественной войне, после войны жил в Баку, а в 1980-е уехал в г. Дамаск (Сирия), где и похоронен.

В настоящее время потомков Апаковых по линии Ибрагима (отец Бибимарьямбану) не сохранилось. Но сегодня родственники по линии его родного брата Измаила, чьими потомками являются Луиза, ее дочь Лилия, их сноха Саида Апаковы, активно занимаются изучением родословной семьи Апаковых.

Валиулла Ибрагимов в Доме Шамиля организовал кондитерское производство. В 1919 году особняк у купца экспроприировали и заселили жильцами, обосновавшимися в 32 коммунальных квартирах. В

доме жили люди разной профессии. Дом оставался жилым до 1981 года, когда было решено открыть здесь городской Шахматный клуб.

В 1984 году, когда шла подготовка к празднованию 100-летия татарского народного поэта Габдуллы Тукая, было принято Постановление Совета Министров ТАССР №375 от 4 июля 1984 года «О создании в г. Казани музея народного татарского поэта Г. Тукая» на правах отдела Государственного объединенного музея ТАССР (с 2001 года - Национальный музей РТ).

11 июня 1986 года в Доме Шамиля был открыт Литературный музей Г. Тукая, и с тех пор это прекрасное здание связано с именем Г. Тукая, за это время в нем побывало более одного миллиона человек из разных регионов России и мира.

Габдулла Тукай (1886-1913) – татарский народный поэт, переводчик, литературный критик, публицист, журналист, и общественный деятель. Габдулла Тукай – знаковая фигура в единении татарского народа. Поэт объединяет и сейчас татар всего мира стихотворением-гимном «Родной язык», другими своими произведениями, а главное - человеческой добротой и преданностью в служении своему народу.

К 130-летию Г. Тукая в 2016-2018 гг. в здании Литературного музея по распоряжениям Кабинета Министров Республики Татарстан были проведены ремонтно-реставрационные работы. Был укреплен грунт основания и кирпичная кладка стен, усилен фундамент, отреставрированы фасады и интерьеры. Окна сделаны по старинным образцам, воссозданы узор и цвет стекла витражей по аналогии с теми, что были в доме Шамиля. Во время ремонта были установлены кирпичные колонны в арке на втором этаже – две из них сохранились и были приведены в порядок, а две другие реконструированы.

В новой экспозиции Литературного музея Г. Тукая есть отдельный зал, где реконструирована обстановка Дома Шамиля, представлена мебель конца XIX - начала XX вв, а также подлинные предметы потомков Апаковых, бывших владельцев особняка. История «Дома Шамиля» показана и фотографиями семьи Апаковых-Шамиля, а также других владельцев дома - Ибрагимовых, предметами бытовой культуры из богатых казанских купеческих интерьеров XIX – начала XX века.

В зале можно просто отдохнуть, почитать книги и пообщаться со знатоками татарской культуры во время проведения здесь литературно-музыкальных встреч, научных собраний, дискуссионных площадок и других эксклюзивных мероприятий.

Таким образом, сегодня «Дом Шамиля» - Литературный музей Г. Тукая является центром притяжения многочисленных туристов, центром просвещения и литературы, символов дружбы разных народов.

### **Список литературы**

1. М.М.Агаев. М.Казем-Бек – «Мюридизм и Шамиль» // Наследие Мирзы Казем-Бека: История и современность: Доклады и сообщения Международной научной конференции (г. Казань, 20–21 ноября 2013 г.) / Гл. ред. Р.М.Валеев. – Казань: Фолиант, 2015 – 494 с.

2. Гасымов Х., Азимли Д. Труд «Мюридизм и Шамиль» М.Казем-Бека как источник по истории народов Кавказа // [http://bao.az/categories\\_Tarix/subcategories\\_turk-xalqlar%C4%B1-tarix/product\\_0933173449](http://bao.az/categories_Tarix/subcategories_turk-xalqlar%C4%B1-tarix/product_0933173449)

3. М.М.Агаев. М.Казем-Бек – «Мюридизм и Шамиль» // Наследие Мирзы Казем-Бека: История и современность: Доклады и сообщения Международной научной конференции (г. Казань, 20–21 ноября 2013 г.) / Гл. ред. Р.М.Валеев. – Казань: Фолиант, 2015 – 494 с.

4. Приветствие Чрезвычайного и Полномочного Посла Азербайджанской Республики в Российской Федерации Полада Бюльбюль оглы // Наследие Мирзы Казем-Бека: История и современность: Доклады и сообщения Международной научной конференции (г. Казань, 20–21 ноября 2013 г.) / Гл. ред. Р.М.Валеев. – Казань: Фолиант, 2015 – 494 с.

5. Постановление Совета Министров ТАССР от 23.09.1981 г. №601, ст. 64 Федерального закона №73-ФЗ от 25.06.2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»

6. План, фасад и разрезы каменных холодных служб и деревянного флигеля казанского купца 1-й гильдии Ибрагима Исхаковича Апакова на ул. Екатерининской. 1865 г. // Национальный архив Республики Татарстан, ф.2 оп.13 д.314 л.1

7. Документ. Протокол строительного отделения Казанского губернского правления об утверждении планов и фасадов на постройку

дома потомственного почетного гражданина казанского купца Ибрагима Апакова в 3 части г.Казани по ул. Екатерининской. 15 апреля 1865 г. // Национальный архив Республики Татарстан, ф.2. оп. 7 д.2420 лл.5,5 об.

### **Информация об авторе**

**Тухватова Гузель Фардиновна**, кандидат филологических наук, заведующий Литературным музеем Г. Тукая, г. Казань, Российская Федерация; Tuhvat\_g@bk.ru

## **БИОГРАФИЯ С. БАШЛАРОВА В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ**

**М.Х. Хайрулаев**

*Институт международных отношений, истории и востоковедения,  
Казанский (Приволжский) Федеральный Университет,  
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация*

**Аннотация.** Статья посвящена изучению отечественной историографии биографии Сайфуллы-кади Башларова. Выявляется степень изученности биографии шейха, определяются проблемы и перспективы дальнейших исследований.

**Ключевые слова:** Сайфулла-кади Башларов, ислам, историография, богословие, суфизм.

## **BIOGRAPHY OF S. BASHLAROV IN THE WORKS OF DOMESTIC HISTORIANS**

**Summary.** Article is devoted to studying of a domestic historiography of the biography of Sayfully-kadi Bashlarov. Degree of study of the biography of the sheikh comes to light and problems and prospects of further researches are defined.

**Keywords:** Sayfulla-kadi Bashlarov, Islam, historiography, divinity, Sufism.

Сайфулла-кади Башларов (1850–1919) был учеником и духовным преемником Зайнуллы Расулева (1833-1917) и представителем реформаторского движения мусульман России. Он и его учитель, играли важную роль в религиозной, общественно-политической и культурной жизни мусульманской уммы России. До последнего времени биография и наследие Сайфуллы-кади Башларова редко становилась объектом специального научно-биографического исследования.

В советский период историки не придавали большого значения изучению ислама и богословского наследия России. Это было обусловлено идеолого-политическими установками, ориентировавшими исследователей на изучение и популяризацию историко-материалистических представлений. Поэтому в рамках советской парадигмы все историки переключились на изучение вопросов социально-экономической и общественно-политической истории. Главной их целью становится реконструкция процесса классовой борьбы и развития экономического базиса, т.е. создание материалистической исторической панорамы.

В этих условиях история религии и наследие богословов как элементы надстройки остаются на обочине магистральных исследований. Поэтому в советский период биография Сайфуллы-кади Башларова практически не изучалась. Кое-какие упоминания о его деятельности попадали на страницы работ лишь в контексте описания восстания 1877 г. и событий Гражданской войны или в рамках более масштабных по тематике исследований, посвященных истории ислама на Кавказе. [18; 14; 15; 7; 4; 19].

Важный этап объективного осмысления истории ислама в России открылся уже в годы перестройки. Но первые значимые обобщающие труды по истории распространения ислама на Кавказе появились только в начале двухтысячных годов. Видимо, это было связано с трудностями методологической и конкретно-исторической переориентации и проблемами воссоздания современных историко-религиоведческих школ. Например, содержательные биографические заметки о Сайфулле-кади Башларове можно найти в монографиях советского и российского философа М.А. Абдуллаева [1; 2; 3].

Важный вклад в изучение жизни и творчества Сайфуллы-кади Башларова внес Ш.Ш. Шихалиев [20; 22; 23]. Выделим наиболее важные направления и итоги его работ. В своих работах он использовал

как ранее привлекавшиеся данные, так и малоизученные и неизученные сведения из рукописей на арабском языке, а также информацию, полученную от родственников шейха.

Ш.Ш. Шихалиев почерпнул информацию из арабоязычного биографического сочинения «Сирадж ас Са'адат» шейха Хасана Хилми ал Кахи (Кахибского), который был учеником и преемником Сайфуллы-кади Башларова. Причем для реконструкции событий им были привлечены сведения из списка «Сирадж ас Са'адат», обнаруженного в с. Ахалчи Хунзахского района Дагестана в результате археографической экспедиции 2006 г. (руководитель А.Р. Шихсаидова). Вторым по важности источником о Сайфулле-кади Башларове для Ш.Ш. Шихалиева стал сборник писем «Мактубат Халид Сайфулла или фукара' ахл Аллах».

Ученый широко задействовал и данные, полученные им от внука Сайфуллы-кади Башларова – Сайпуллаха Гусейновича Башларова. При этом информаторами С.Г. Башларова были его родители и родственники. По заключению Ш.Ш. Шихалиева, сведения, записанные им со слов С.Г. Башларова в декабре 2002 г., совпадают «с той информацией, которая приводится в работе М.А. Абдуллаева» [24, с. 86].

Введение в научный оборот новых источников и сравнительный анализ их сведений позволили Ш.Ш. Шихалиеву не только осветить различные аспекты деятельности шейха, но и показать некоторые биографические ошибки предшественников. К примеру, ученый указал на то, что «мнение М.А. Абдуллаева о том, что Сайфулла-кади был муфтием Дагестана, не соответствует действительности, так как известно, что первым муфтием Дагестана был избран Наджмуддин Гоцинский на общекавказском съезде во Владикавказе в мае 1917 г.» [24, с. 93]. Ш.Ш. Шихалиев, придерживаясь хронологического проблемного принципов изложения событий, последовательно представил основные вехи биографии Сайфуллы-кади Башларова: начиная от воспитания и образования шейха, заканчивая его трудовой, духовной и общественно-политической деятельностью.

В то же время в работах Ш.Ш. Шихалиева мы найдем характеристику основных трудов Сайфуллы-кади Башларова, таких как «Да'ират ал ма'ариф ат тиббийя» (Круг знаний о медицине), «Канз ал ма'ариф ва асрар ал лата'иф» («Сокровищница знаний»), «Мавакид ас садат» («Позиции святых»), «Мактубат Халид Сайфуллах ила фукара'

ахл Аллах» («Письма Халида Сайфуллы к бедным [рабам] Аллаха»). Ссылаясь на свидетельства внука шейха, С. Г. Башларова, ученый сообщает о том, что деникинцами была сожжена библиотека Сайфуллы-кади Башларова в городе Темир-Хан-Шуре в Дагестане. По мнению Ш.Ш. Шихалиева, одно из трех сочинений шейха по медицине «на русском языке вместе с большинством его книг пропало во время погрома деникинскими войсками его дома в Темир-Хан-Шуре» [24, с. 88]. В результате изучения творческого наследия шейха ученый заключил, что оно «не изучено, а многие его труды не стали достоянием широкого круга общественности и конечно, специалистов» [24, с. 97].

Проанализировав различные аспекты проблемы, Ш.Ш. Шихалиев пришел к выводу, что «Сайфуллакади сыграл исключительно важную роль в духовной жизни дагестанского мусульманского общества». При этом ученый сетует на то, что, «к сожалению, имя этого выдающегося духовного деятеля и миротворца мало известно широкой массе общественности». «Однако, – заключает историк, – в памяти народа он остается как святой человек, замечательный ученый, поборник братства всей мусульманской уммы и социальной справедливости» [24, с. 97].

Таким образом, в своих работах Ш.Ш. Шихалиев обозначил важнейшую задачу для дальнейших исследований – изучение творческого наследия Сайфуллы-кади Башларова. Впрочем, и его историко-биографические материалы нуждаются в уточнениях и доработке, требующих привлечения дополнительных архивных источников и широкого применения новых методик работы с ними. К примеру, из-за недостатка информации недатированным осталось важнейшее событие в жизни Сайфуллы-кади – его вступление под духовную опеку шейха Мухаммад-Закира ал-Чистави (1815-1893) [17, с.184]. Думается, для уточнения этого вопроса необходимо задействовать материалы биографии самого Мухаммад-Закира ал-Чистави, хранящиеся в архивах Республики Татарстан. Пока же можно лишь сказать, что рассматриваемое событие произошло до 1893 г., т.е. до момента ухода из жизни шейха из Чистополя. И, вероятнее всего, их встреча с Сайфуллой-кади произошла незадолго до этого момента, так как в источниках сообщается, что Сайфулла-кади не успел вернуться к своему наставнику для продолжения обучения, и впоследствии вынужден был искать другого муршида, которым впоследствии стал Зайнулла Расулев.

Впрочем, привлечение материалов, связанных с биографией других известных деятелей, судьбы которых переплелись с судьбой Сайфуллы-кади Башларова, позволит не только уточнить отдельные аспекты биографии шейха, но и на качественно новом уровне изучить его жизнь и духовное наследие.

Важным событием в Российской современной историографии изучаемого вопроса стала научно-практическая конференция «Жизнедеятельность и духовное наследие выдающегося исламского ученого, суфийского шейха, известного общественно-политического деятеля Сайфуллы-кади Башларова», которая состоялась 25-26 апреля 2008 г. в Махачкале.

Участникам конференции удалось не только представить новые сведения о жизни шейха, но и сделать серьезный вклад в изучение его творческого наследия. Г.М. Курбанова в статье «Сайфулла-кади Башларов – шейх трех тарикатов», опираясь на неопубликованные документы царской администрации, подробно описала участие шейха в «Антиписарском движении» 1913-1914 гг. Архивные данные, представленные Г.М. Курбановой, свидетельствуют о ключевой роли шейха в этом «движении». По ее заключению, «благодаря ему было предотвращено кровопролитие в Дагестане во время «антиписарского» выступления народов Дагестана и за это он был сослан из Кавказского края» [13, с. 47].

Немало новых сведений о научно-медицинской деятельности Сайфуллы-кади привел М. Гаджиев. Однако его статья осталась без ссылок и списка литературы, из-за чего не совсем ясна оригинальная источниковая база этого исследования [8, с. 68-72]. Аналогичная ситуация и с докладом о языковой подготовке Сайфуллы-кади. А.С. Башларова.-Гаджиева привела интересные и, порой, уникальные сведения из биографии шейха и сделала вывод, что к концу жизни он владел более чем двадцатью языками, но не привела ссылки на источники, лишь в некоторых случаях указав, что информантами были потомки шейха [6, с. 73-79]. Видимо, обе эти статьи подготовлены на основе свидетельств родственников Сайфуллы-кади Башларова.

Изучение материалов первой конференции, посвященной Сайфулле-кади Башларову, показывает и важнейшие проблемы исследования, которые еще предстоит решить. Просветительская и духовная деятельность шейха репрезентируется в основном по биографическим

трудам современников событий и воспоминаниям его родственников. При этом исследователи редко обращались к архивным материалам. Тогда как изучение неопубликованных документов архивохранилищ Астрахани, Казани, Уфы, Ростова-на-Дону, Саратова, Махачкалы, Санкт-Петербурга и других городов позволит существенно расширить представление об этапах деятельности Сайфуллы-кади Башларова.

Одним из важных результатов этой конференции стало издание книги «Сайфулла-кади Башларов: Жизнь и творческая деятельность», составленной М.А. Омаровым. Данный труд содержит сведения о шейхе из сочинений Хасана-афанди из Кахиба, Саида-афанди из Чиркея, внука Сайфуллы-кади, анонимную биографию Сайфуллы-кади, некоторые письма шейха и перевод его книги «Мавакид ас-садат фи маратиб ал-вилайат» («Очаги саййидов в степенях святости»). Таким образом, книга представляет собой первый сборник источников о Сайфулле-кади Башларове [17]. Причем эти источники до настоящего времени являются основными, и любой современный исследователь при изучении биографии шейха не может обойтись без привлечения этих источников.

В последние годы опубликованы новые статьи и диссертационные исследования, прямо или косвенно затрагивающие тему Сайфуллы-кади Башларова. Однако анализ этих трудов показывает, что в последнее время исследователи существенно не продвинулись в изучении биографии и наследия шейха. Практически не расширилась источниковая база работ последних лет по сравнению с материалами конференции 2008 г., в основном ученые дублируют ранее известный фактический материал и повторяют свои выводы [10; 11; 12; 9; 25; 5; 16].

Таким образом, осуществленный нами краткий обзор работ ряда авторов показал, что трудовая, общественная и богословская деятельность Сайфуллы-кади Башларова не нашла объективного и полного освещения в отечественной историографии. До настоящего времени нет работ, специально посвященных этому крупному мусульманскому деятелю Российской империи. Некоторые аспекты его жизни и творческого пути освещаются лишь в кратких энциклопедических статьях, а также в материалах ряда конференций. В то же время отметим, что все его основные рукописи изданы только на арабском языке, а потому остаются малоизвестными широкому кругу российских исследовате-

лей и общественности. Прежде всего, перспективы исследования видятся в расширении источниковой базы за счет широкого привлечения нового архивного материала и данных устной истории и специального изучения наследия Сайфуллы-кади Башларова.

### Список литературы

1. Абдуллаев М.А. Важный источник средневекового суфизма // Вопросы философии. 1986. № 7. С. 82-90.
2. Абдуллаев М.А. Из истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана в XIX в. М., 1968.
3. Абдуллаев М.А. Суфизм и его разновидности на Северо-Восточном Кавказе. Махачкала, 2000.
4. Авксентьев А.В. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1984.
5. Акаев В.Х., Мирзаев С.Б. Тарикат Шазалия в Дагестане: Факторы, появление, сущность и социокультурная роль // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. С. 5-9.
6. Башларова-Гаджиева А.С. Языковая база шейха Сайфуллы-кади Башларова // Жизнедеятельность и духовное наследие выдающегося исламского ученого, суфийского шейха, известного общественно-политического деятеля Сайфуллы-кади Башларова. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (25-26 апреля 2008 г., Махачкала). Ставрополь, 2009. С. 73-79.
7. Бертельс Е.Э. Избранные труды. Суфизм и суфийская литература. М., 1965.
8. Гаджиев М. Сайфулла-кади – шейх и целитель // Жизнедеятельность и духовное наследие выдающегося исламского ученого, суфийского шейха, известного общественно-политического деятеля Сайфуллы-кади Башларова. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (25-26 апреля 2008 г., Махачкала). Ставрополь, 2009. С. 68-72.
9. Курбанова Г.М. Взаимоотношение государственных институтов власти с мусульманским духовенством Дагестана: исторический опыт (1877-1921 гг.). Дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Владикавказ, 2014.

10. Курбанова Г.М. Естественнонаучные взгляды Сайфуллы Башларова // Юг России: экология, развитие. 2009. № 3. С. 7-10.

11. Курбанова Г.М. Религиозная и миротворческая деятельность шейха С.К. Башларова // Исламоведение. 2011. С. 29-32.

12. Курбанова Г.М. Сайфулла-кади Башларов – дагестанский общественно-политический и религиозный деятель // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2012. С. 18-25.

13. Курбанова Г.М. Сайфулла-кади Башларов – шейх трех тариқатов // Жизнедеятельность и духовное наследие выдающегося исламского ученого, суфийского шейха, известного общественно-политического деятеля Сайфуллы-кади Башларова. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (25-26 апреля 2008 г., Махачкала). Ставрополь, 2009. С. 31-47.

14. Лавров Л.И. Новое о Зирих-Гиране и газикумухских шамхалах // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976. С. 211-227.

15. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. I. М., 1966.

16. Омаров М. Сайфулла-кади (к.с.) (1850-1919) // Богословы Дагестана. Кн. I. Махачкала, 2014. С. 96-104.

17. Сайфуллах-кади Башларов: Жизнь и творческая деятельность. Махачкала: Изд. дом «Ихсан», 2009.

18. Смирнов Н.А. Муридизм на Кавказе. М., 1963.

19. Степанянц М.Т. Мусульманские концепции в философии и политике XIX - XX вв. М., 1982.

20. Шихалиев Ш.Ш. Из истории появления в Дагестане последователей накшбандийского и шазилийского тариқатов // Государство и религия в Дагестане. Информационно-аналитический бюллетень №1(4). Махачкала, 2003. С. 39-57.

21. Шихалиев Ш.Ш. Новые биографические сведения о жизни Сайфуллы-кади Башларова (по арабоязычным письменным источникам) // Жизнедеятельность и духовное наследие выдающегося исламского ученого, суфийского шейха, известного общественно-политического деятеля Сайфуллы-кади Башларова. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (25-26 апреля 2008 г., Махачкала). Ставрополь, 2009. С. 48-63.

22. Шихалиев Ш.Ш. Сайфулла-кади // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. М., 2003. С.72-73.

23. Шихалиев Ш.Ш. Суфийские вирды Накшбандийа и Шазилия в Дагестане // Вестник Евразии. М., 2007. №. 3 (37). С. 137-152.

24. Шихалиев Ш.Ш. Устаз трех тарикатов: Сайфулла-кади Башларов // Дагестанские святыни. Кн. 1. Махачкала: Эпоха, 2007. С. 86-98.

25. Эскарханов Г.Л. Суфизм на Северо-Восточном Кавказе: возникновение, идеология, практика. Дисс. на соискание ученой степени канд. филос. наук. Грозный, 2011.

### Информация об авторе

**Хайрулаев Магомед Халитович**, аспирант, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, г. Казань, Российская Федерация; Assalam-kazan@mail.ru.

## АБУ ХАФС НАСАФИ И ОПИСАНИЕ ЕГО ТРАКТАТА ПО ВОСТОЧНОМУ СТИХОСЛОЖЕНИЮ – АРУЗ

**Д.Ж. Худжанова**

*Ташкентский государственный институт востоковедения,  
г. Ташкент, Республика Узбекистан*

**Аннотация.** Статья посвящена изучению уникального и редкого в мировом масштабе труда ученого-энциклопедиста Абу Хафса ан-Насафи «*Матла‘ ан-нуджум ва маджма‘ ал-‘улум*» (*Место восхождения звезд и сбора наук*), хранящегося в рукописном фонде Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан под инвентарным номером №1462. Дана полная археографическая характеристика рукописи (дата, почерк, формат, чернила, бумага). Сочинение разделено на 57 тематических глав, куда вошел практически весь ряд средневековых мусульманских наук. Среди прочих глав автор особое внимание уделяет сочинению по теории арабского стихосложения (аруз), созданного в 1137г. (XIV в.).

**Ключевые слова:** ан-Насафи, восточное стихосложение, аруд, рукопись, кодикология, сфагристиа, археография, языкознание, дипломатика, эпистолография.

### NASAFI ABU HAFS and DESCRIPTION OF ITS TRACTY ON EASTERN ELEMENT - ARUS

**Annotation.** The article is devoted to the study of the unique and rare on the world scale labor of the scientist and encyclopaedist Abu Hafs an-Nasafi “Matla-an-nudjum wa majma‘ al-‘ulum ”(Place of ascension of stars and the collection of sciences), which is stored in the manuscript fund of the Institute of Oriental Studies. Abu Rayhan Beruni of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan under inventory number № 1462. A complete archaeographic characterization of the manuscript is given (date, handwriting, format, ink, paper). The work is divided into 57 thematic chapters, which include almost the entire range of medieval Muslim sciences. Among other chapters, the author pays special attention to an essay on the theory of Arabic versification (Arus) created in 1137. (XIIv.).

**Key words:** An-Nasafi, eastern versification, arud, manuscript, codicology, sphagristia, archeography, linguistics, diplomacy, epistolography.

До нас дошло огромное количество трудов выдающегося ученого, известного составителя хадисов, исламского правоведа, толкователя священных книг из Мовароуннахра Нажм ад-дина Абу Хафса Умару ибн Мухаммада ибн Ахмада ан-Насафи (1068/1142). В работе одного из его современников, Абу Саада ас-Самани «Ат-Тахбир фи-л-муджам аль-кабир» (التحبير في المعجم الكبير) об Абу Хафсе Умаре ан-Насафи говорится так:

إمام فقيه فاضل، عارف بالمذهب، و الأدب، صنف التصانيف في الفقه و الحديث و نظم  
[1, с. 369] "الجامع الصغير " و جعله شعر

Перевод: Он является имамом, знающим науку о религиозных толках и этике, который написал ряд книг по исламскому правоведению (фикх) и наукам по хадисам. Он также составил «Джомеъ-ас-сагир» в стихотворной форме.

Ибн Наджар в своем труде «*Зейл Тарих Багдад*» описывает описывает ан-Насафи так:

كان فقيها فاضلا مفسرا محدثا أدبيا متقننا، و قد صنف كتباً في التفسير و الحديث ، و "القدر  
في تاريخ سمرقند" و لعله صنف مائة مصنف

Перевод: *Он был ученым, правоведом, составителем хадисов и писателем. Он написал книги по толкованию священных книг и науке хадисов, одной из которых является книга «История Самарканда». Возможно, он написал около 100 работ.*

Кроме того, в некоторых источниках имеются сведения о том, что перу ан-Насафи принадлежат сотни научных трудов. К сожалению, только около 40 трудов ан-Насафи, посвященные исламскому праву (*фикх*), богословию (*калам*), толкованию священных книг (*тафсир*), *хадисам*, истории и литературе, дошли до нас и рукописи этих трудов хранятся в известных библиотеках и фондах мира.

Среди научных трудов ученого-энциклопедиста Абу Хафса ан-Насафи имеется сборник «*Матла' ан-нуджум ва маджма' ал-'улум*» (*Место восхождения звезд и сбора наук*) [2, 1462], который отличается своей уникальностью и редкостью в мировом масштабе, и в настоящее время хранится в рукописном фонде Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан под инвентарным номером №1462.

Причина того, что данный сборник мы называем единственным экземпляром в том, что о наличии данного экземпляра отсутствуют сведения в известной книге «*Кашиф аз-Зунун*» Хаджи Халифы, в «*Каталоге арабской литературы*» К.Брокельмана, в Каталоге восточных рукописей (СВР) и других известных каталогов [3, с.1133]. Первые сведения о данном сборнике были объявлены в журнале «*Общественные науки в Узбекистане*» в статье академиком П.Г. Булгаковым, опубликованном в 1976 году [4, с.57-61]. Произведение Абу Хафса ан-Насафи впервые был комплексно изучен в 2012 году исследователем С.А.Мухаммадаминовым [5].

Книга, представляющая собой большое энциклопедическое произведение, включает в себя 57 тем, связанных с различными областями науки, как богословие, суфизм, дидактика, Коран, теоретическое исламское право, практическое исламское право, раздел наследства, речи, изречения, хадисы, проповеди, образцы делопроизводства, дипломатика, сочинения, языкознания, поэзия, наука о поэтическом

искусстве, пословицы, сборник благословений, астрономию, математику, медицину, зоологию, таинственные знанияи т.п.

В главе «*Наука о поэтическом искусстве*» данного сборника включен научный трактат ученого, который называется «*Мухтасар аль-‘аруз ‘ала усул ал-ма’руз*» (*Краткая книга о стихотворном размере аруз*). Данное сочинение является одним из источников по теории арабского аруза созданных в XII веке в Маварауннахре. Трактат занимает страницы 304а-309б рукописи. Работа написана на арабском языке и текст рукописи переписан почерком *та’лик*.

На каждой странице трактата проставлена печать амира Бухары Амира Хайдара (1214-1240/1800-1825). Фраза в печати написана на персидском языке и имеет следующее содержание:

«*В 1242/1826 году Йар бий посвятил данный экземпляр памяти своего отца Его величество Султан Амир Хайдар Каган, покровитель религии*».

Размер бумаги составляет 27,5х33 см, а размер текстов - 20,5х22,5 см. Строки на страницах состоят из 29-31 строк. Название работы и ее разделы написаны черными чернилами. Главы работы написаны черными чернилами, а затем обведены красными чернилами. На некоторых страницах ошибки в предложениях исправлены красными чернилами.

*Круги аруза* сделаны черными и красными чернилами. В конце каждого предложения проставлены точки красными чернилами.

В рукописи на страницах имеются поля, которые выделены, в основном, дополнительно по правилам *зихаф*.

В трактате не указаны время переписывания и имя переписчика. Часть *колофона* дана в следующем виде:

تم كتاب العروض و الحمد لله رب العالمين و الصلوة على رسوله محمد و اله الطيبين  
الطاهرين

Перевод: *Книга аруза завершена. Хвала Аллаху, Господу миров, и да благословит Мухаммеда (мир ему) и его семью.*

Однако, с целью определения переписчика данного сочинения, мы обратились к части *колофон* книги «*Ас-сона’ат ва аль-абдаа’т*» (*Книга искусств и художества (поэтики)*), которая дана перед трактата «*Мухтасар аль-аруз*». В этой части мы предположили, что данное произведение переписано в 532 / 1137-38 году Мухаммедом б.

Мухаммед б. Хусейн б. Ахмед аль-Усманди, так как в конце заключительной части отмечено «يتلوه كتاب العروض» (далее идет книга о науке *аруз*).

Произведение начинается с видов *джуз'* (виды элементов *аруза*), которые составляют главную единицу измерения для *аруза*. *Джуз'*ы делятся на *сабаб*, *ватад* и *фосилы*. Затем речь идет о компонентах – *афоийл* (стопы), которые создают строки в результате соединения *джуз'*ов. Насафи в своем труде дает 8 стоп и останавливается на их видах. Начиная с *бахри* (размер) *тавиль* 15 *бахров* дается последовательно. К каждому *бахру* приведены образцы из стихотворений арабских поэтов раннего средневековья. Эти стихотворения приводятся и в других произведениях о теории *аруз*. *Такти'* (розложение) каждого стихотворного байта дается отдельно. Несмотря на краткость произведения, в нём тщательно описаны 5 кругов, к каждому из которых даны примеры. Примеры, взятые в круг на персидском языке. В конце произведения ещё раз даны другие примеры к каждому кругу, однако эти примеры уже на персидском языке.

В заключении следует отметить, что в трактате «*Мухтасар аль-аруз*» ученого-энциклопедиста Абу Хафса Насафи, посвященная изучению науки *аруз*, хотя небольшое по объему, полностью охватила правила теории *аруза*. Анализ *бейтов* (двустий) и совершенство передачи кругов *аруза* повышает научную ценность трактата.

### Список литературы

1. الدكتور فرمان إسماعيل ابراهيم الدليمي: زلة . مجلة العلوم الإسلامية. ص. 1369. القارىء للشيخ أبي
2. أبو حفص محمد النسفي. مطلع النجوم و مجمع العلوم. مكتب معهد البيروني الشرقية، طشقند، أوزبكستان، رقم الحفظ 1462
3. حاجى خليفه. كشف الظنون. ج.2. ص 1133
4. Булгаков П.Г. Неизвестный энциклопедический труд XII века // Общественные науки в Узбекистане. – Ташкент, 1976. - № 11. – С.57-61.
5. Мухаммаджанов С.А. Абу Хафс ан-Насафийнинг “Матла‘ ан-нужум ва мажма‘ ал-у‘лум” асари ва унинг Марказий Осиё ислом илмлари ривожига тутган ўрни (XI аср охири - XII аср ўрталари). Т.ф.н. ... дис. – Тошкент: ТИУ, 2012. – 162 б.

6. Нажм ад- дин Абу Ҳафс У‘мар б. Муҳаммад б. Аҳмад ан-Насафий. Матла‘ ан-нужум ва мажма‘ ал-у‘лум. Нашрга тайёрлаш, кириш ва кўрсаткичлар С.Муҳаммадаминовники. Таҳрир ҳайъати: А.М.Маннонов, Б.А.Абдуҳалимов, Н.А.Муҳамедов, С.У.Каримова. – “Тошкент ислом университети” нашриёт-матбаа бирлашмаси, 2015. – 896 б.

### **Информация об авторе**

**Худжанова Дилдора Журъат кизи**, докторант Ташкентского государственного института востоковедения, г. Ташкент, Республика Узбекистан; dildora\_tilla@mail.ru

## **ОТ ПОЛЕВОЙ АРХЕОГРАФИИ К ЦИФРОВОМУ АРХИВУ: КАТАЛОГИЗАЦИЯ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

### **Ш.Ш. Шихалиев**

*Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского  
научного центра Российской академии наук,  
г. Махачкала, Республика Дагестан, Российская Федерация*

**Аннотация.** Статья посвящена истории образования и становления Фонда восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Создание фонда — это заслуга многих известных дагестанских ученых-востоковедов, которые стояли у истоков создания хранилища, где на сегодняшний день хранятся более 3-х тысяча рукописей. В настоящее время Институт ИАЭ проводит работу по полной оцифровке всех рукописей, сосредоточенных в фонде Института. Оцифровка сопровождается параллельным составлением электронного каталога рукописей Фонда ИИАЭ, который впоследствии будет доступен любому читателю в онлайн режиме.

**Ключевые слова:** арабский язык, рукописи, Фонд восточных рукописей, археография, каталогизация, оцифровка.

## FROM FIELD ARCHEOGRAPHY TO DIGITAL ARCHIVE: CATALOGING EASTERN MANUSCRIPTS IN THE EPOCH OF DIGITAL TECHNOLOGIES

**Annotation.** The article is devoted to the history of education and the formation of the Eastern Manuscripts Foundation of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. The creation of the fund is the merit of many well-known Dagestani Orientalists, who were at the very beginning of the creation of the repository, where today there are more than 3 thousand manuscripts. At present, the IAE Institute is working on the complete digitization of all manuscripts concentrated in the Institute's fund. Digitization is accompanied by parallel compilation of an electronic catalog of manuscripts of the IAE Foundation, which will subsequently be available to any reader online.

**Key words:** Arabic language, manuscripts, Foundation of Oriental manuscripts, archeography, cataloging, digitization.

Фонд восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (ИИАЭ) был создан на базе рукописных материалов Института национальной культуры и Дагестанского краеведческого музея в 1945 г. Однако более интенсивное пополнение материалов фонда происходило за счет приобретений ежегодных археографических экспедиций в 50 – 70 гг. XX в. В 1963 году распоряжением Президиума АН СССР был создан отдел восточных рукописей (переименованный позже в отдел востоковедения), основными задачами которого были определены выявление, фиксация и публикация памятников письменной культуры Дагестана на восточных языках.

Создание этого богатого хранилища – это, прежде всего, заслуга дагестанских востоковедов, развернувших в разное время энергичную деятельность по выявлению и приобретению рукописей – М. Инквачилава, Абдурахмана Казиева, Али Каяева, М.-С. Саидова, М.-К. Ахмедова, М.Г. Нурмагомедова, А. Гайдаросманова, К. Баркуева, М.-Р. Мугумаева А.Р. Шихсаидова и др.

На сегодняшний день в Рукописном фонде ИИАЭ ДНЦ РАН накоплено более трех тысяч рукописей, переписанных в разное время

в странах мусульманского Востока: Сирии, Египте, Иране, Турции, областях Средней Азии и Закавказья; более полутора тысяч печатных книг на восточных языках и языках народов Дагестана, изданных в Стамбуле, Каире, Казани, Темир-хан Шуре, Порт-Петровске, Тегеране, около шести тысяч писем и более трехсот микрофильмов, ксерокопий и фотоснимков редких книг из собраний библиотек России и зарубежья.

По своему происхождению состав коллекции имеет три источника – рукописи, созданные в странах Ближнего Востока и в областях Средней Азии и попавшие различными путями в Дагестан (в основном – в XI-XV вв.); тексты – плод работы дагестанских переписчиков (катибов), тиражировавшие тексты в научных, учебных и иных целях (в наличии – экземпляры, датированные XIV-XX вв.); сочинения, созданные на арабском языке в Дагестане и составившие оригинальную, местную литературную традицию (XI-XX вв.).

Рукописные материалы, сосредоточенные в фонде, хронологически охватывают период около тысячи лет (от 1009 г. до 1930-х гг.) и богатым жанровым разнообразием, включающем в себя практически все отрасли мусульманской науки.

В процессе сбора рукописей они были частично инвентаризированы, было издано ряд каталогов. Параллельно с изучением и каталогизацией рукописей Института, сотрудники Отдела востоковедения участвуют в ежегодных археографических экспедициях, в составе которых они изучают рукописи и старопечатные книги, сосредоточенные в частных и примечетских коллекциях. Это направление также является приоритетным в дагестанском востоковедении.

В настоящее время Институт ИАЭ проводит работу по полной оцифровке всех рукописей, сосредоточенных в фонде Института. Оцифровка сопровождается параллельным составлением электронного каталога рукописей Фонда ИИАЭ.

Методика работы по составлению электронного каталога направлена на то, чтобы копии рукописей, вместе с их характеристикой были доступны он-лайн не только для российских, но и для зарубежных исследователей. Поэтому археографические описания рукописей ведутся на двух языках: английском и арабском.

Схема описания включает в себя десять основных пунктов, отражающих основные параметры рукописи: Shelfmark (Шифр), Form

(формат, количество листов), Language (язык), Title (название сочинения), Author (автор), Subject (тематика), Date of copy (дата переписки), Copyist (переписчик), Place of copy (место переписки), Notes (примечания).

Итогом данной работы будет цифровой архив восточных рукописей Дагестана, где будут представлены в сети интернет все оцифрованные рукописи Фонда ИИАЭ вместе с их описанием. После завершения оцифровки восточных рукописей Института предполагается провести планомерно аналогичную работу по оцифровке и созданию электронного каталога рукописей частных и примечетских коллекций Дагестана

### **Информация об авторе**

**Шихалиев Шамиль Шихалиевич**, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала, Российская Федерация

## **МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КАЗЕМБЕКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

*г. Махачкала, Россия, 25-27 февраля 2019 г.*

### **РЕЗОЛЮЦИЯ**

25–27 февраля 2019 г. в г. Махачкала (Российская Федерация, Республика Дагестан) состоялась Международная научно-образовательная конференция «Казембековские чтения», посвященная наследию Мирзы Мухаммед Али Казем-Бека – выдающегося отечественного ученого-востоковеда мирового значения, тюрколога, ираниста, арабиста, исламоведа.

Организаторами Конференции были Санкт-Петербургский государственный университет, Дагестанский гуманитарный институт, Институт востоковедения Российской академии наук при поддержке Федерального агентства по делам национальностей, Муфтията Республики Дагестан.

**Международная научно-образовательная конференция**  
**«КАЗЕМБЕКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**  
*26-27 февраля 2019 г.*

---

Партнеры Конференции – Министерство образования и науки Республики Дагестан, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Дагестанский государственный университет, ИИАЭ Дагестанского научного центра.

Проведение конференции осуществлялось в рамках реализации Плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углублённым знанием истории и культуры ислама в 2017–2020 годах.

В рамках конференции состоялось пленарное заседание и работали 3 секции:

1. «Наследие Мирзы Казем-Бека в системе науки и высшего образования»
2. «Идеи М. Казем-Бека и современный взгляд на взаимодействие различных народов, культур и религий, объединенных государственным единством».
3. «Арабо-мусульманский Восток и тюркский мир в трудах современных историков, филологов, философов, культурологов, источниковедов: традиции и инновации».

На конференции приняли участие известные и молодые ученые и практики академических, университетских и исламских центров РФ, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Турции, Великобритании, Йемена и других государств.

Всего заявили более 50 докладчиков и приняли участие около 40 участников.

На конференции обсуждались актуальные проблемы развития отечественного востоковедения и исламоведения; сохранения, изучения и пропаганды научного наследия Мирзы А.К. Казем-Бека; становления и развития мусульманского теологического образования, религиозной, общественно-политической, философской мысли народов Северного Кавказа и других регионов Евразии, сохранения их культурного наследия в историческом и современном контекстах, духовно-нравственного воспитания современной молодежи.

Было подчеркнуто, что традиции комплексного гуманитарного образования перекликаются с традициями народного образования, отличающегося локальным своеобразием, и интересны молодому человеку именно благодаря своим местным этнокультурным особенностям.

**Международная научно-образовательная конференция**  
**«КАЗЕМБЕКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**  
*26-27 февраля 2019 г.*

---

Заслушав и обсудив содержательные доклады, выступления, предложения, участники Международной конференции, приходят к следующим выводам, имеющим теоретическое и прикладное значение:

1. Научное наследие Мирзы Казем-Бека имеет важное значение для развития современного гуманитарного образования в академических и университетских центрах РФ и зарубежных стран;

2. Дальнейшее изучение и систематизация - важное направление в исследовании рукописных памятников и архивных первоисточников в системе совершенствования современного востоковедного и исламоведческого образования.

3. Идеи М. Казем-Бека об обновлении общества XIX в. и современный евразийский взгляд на взаимодействие различных народов, культур и религий, объединенных государственным единством.

4. Научные доклады и выступления, состоявшиеся в рамках пленарного и рабочих заседаний Международной конференции показали целесообразность проведения подобных представительных мероприятий на регулярной основе.

5. В числе прозвучавших предложений большого внимания заслуживает высказанное мнение о необходимости создания на базе ДГИ специализированного научно-учебного центра по развитию гуманитарного образования в области историографии, истории и культуры мира ислама.

***Настоящая резолюция принята на заключительном пленарном заседании конференции 26 февраля 2019 г.***

**Международная научно-образовательная конференция**  
**«КАЗЕМБЕКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**  
*26-27 февраля 2019 г.*

---

**Международная научно-образовательная конференция  
«КАЗЕМБЕКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»  
26-27 февраля 2019 г.**

---

*Научное издание*

**Казембековские чтения**

**Материалы Международной  
научно-образовательной конференции  
г. Махачкала, 26–27 февраля 2019 г.**

Подготовка оригинал-макета *Магомедова Л.Р.*

Дизайн обложки *Эскаева Г.А.*

---

Подписано в печать 28.03.2019 г. Формат 60x84<sup>1</sup>/<sub>16</sub>.  
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печать ризографная.  
Усл. п. л. 10. Уч.- изд. л. 10. Тираж 300 экз. Заказ №19-02-77.



Отпечатано в типографии АЛЕФ  
367002, РД, г. Махачкала, ул. С.Стальского 50, 3 этаж  
Тел.: +7 (8722) 935-690, 599-690, +7 (988) 2000-164  
[www.alefgraf.ru](http://www.alefgraf.ru), e-mail: [alefgraf@mail.ru](mailto:alefgraf@mail.ru)